

МАИН РИД

ПЕРСТ СУДЬБЫ

МАИН
РИД

ПЕРСТ СУДЬБЫ

МАЙН РИД

ПЕРСТ СУДЬБЫ РОМАНЫ

ТАШКЕНТ
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО
КОНЦЕРНА «ШАРК»
1993

Составление *Л. Б. Малаевой*

Рид Майн.

Перст судьбы: Романы//Сост. Л. Б. Малаевой/.— Т.: Шарк, 1993.—400 с.

Содерж.: Перст судьбы. Охотничьи досуги. Охота на медведей.

И (Англ)

В сборник Майн Рида вошли его произведения, не публиковавшиеся с 1930 г. В романах «Перст судьбы», «Охотничьи досуги» и «Охота на медведей» знаменитый американский мастер интриги с присущей ему виртуозностью обрушивает на читателей целый каскад приключений, полных риска и опасности.

© Оформление.
Главная редакция
издательско-полиграфического
концерна «Шарк»; 1993.

ПЕРСТ СУДЬБЫ

І. СВОДНЫЕ БРАТЬЯ

В десяти милях от Виндзора молча шли двое юношей с ружьями наперевес.

Впереди них бежали две красивые лягавые собаки, позади следовал егеря в богатой ливрее, расшитой золотом. Присутствие собак и егеря исключало всякую возможность предположения о браконьерстве, не говоря уже о внешности охотников.

Лес этот или, попросту говоря, фазаний садок, принадлежал их отцу, генералу Гардингу. Бывший офицер индийской армии в продолжение своей двадцатилетней службы на востоке собрал около двухсот тысяч фунтов стерлингов (около двух миллионов рублей на наши деньги), необходимых для приобретения имения в графстве Букс, в мягком климате которого генерал думал излечиться от болезни печени, полученной им в жарких долинах Индостана.

Изящный замок из красного кирпича, времен Елизаветы, просвечивавший сквозь лесные прогалины, свидетельствовал об утонченном вкусе генерала, а пятьсот акров прекрасного тенистого парка, земли, прилегающие к замку, и с полдюжины выгодно сданных в аренду ферм доказывали, что бывший офицер не даром собрал в Индии такое огромное количество рупий (рупия — индийская монета, около 90 коп. на наши деньги).

Два молодых охотника были единственные сыновья генерала.

Всматриваясь в молодых людей по мере того, как они двигались к лесу, можно было заметить, что они были почти одинакового роста, но различались возрастом и характером физиономий. У обоих были загорелые бронзовые лица, но различного оттенка. У старше-

го, носившего имя Нигель, кожа была почти оливкового цвета и черные совершенно прямые волосы, отличавшие на солнце пурпуром.

Генри, младший, имел кожу более тонкую и розоватую, золотисто-каштановые волосы шелковистыми кудрями вились на шее.

Братья так резко отличались друг от друга, что, не зная, их никак нельзя было принять за близких родственников.

Впрочем, у них был только общий отец, матери же разные. Мать Нигеля давно уже покоилась в мавзолее в окрестностях древнего города Гайдерабад; мать Генри была похоронена на деревенском кладбище в Англии.

Генерал Гардинг, подобно многим, два раза надевал брачное ярмо себе на шею, но мало у кого были такие различные жены. Физически, нравственно и умственно индуска столько же отличалась от саксонки, насколько Индия отличается от Англии.

Это различие характеров перешло от матерей и к сыновьям. Достаточно было взглянуть на Нигеля и Генри.

Следующий случай дает нам об этом ясное понятие.

Дело происходило в середине зимы. Еще неделю тому назад оба брата в ученических куртках и кепи бегали по коридорам Ориельского колледжа в Оксфорде. Приехав в отпуск на несколько дней к отцу, они не могли найти себе более приятного занятия, как рыскание по лесам отцовского имения.

Земля, скованная морозами, не давала возможности позабавиться большой охотой, но юношам было известно, что бекасы и тетерева недавно опустились в их лесу по соседству с ручейком.

Наши молодые люди шли по направлению не замерзшего ручья. Присутствие испанских лягавых указывало ясно, что охота предполагалась на тетеревов.

Собаки эти были совершенно разных характеров. Черная, делая стойку, как бы каменела на месте, белая же носилась, как безумная; два раза она уже напрасно спугивала дичь.

Белая собака принадлежала Нигелю, черная — его сводному брату Генри.

Третий раз уже белая собака подняла тетерева раньше, чем мог выстрелить ее хозяин.

Несмотря на мороз, гайдерабадская кровь закипела в жилах Нигеля.

— Эта бездельница заслуживает урока!— вскричал он, прислонив к дереву ружье и вытащив нож.— В сущности, ты уже давно должен был это сделать, Догги Дик, если бы ты, как следует, относился к своим обязанностям.

— Боже мой, мистер Нигель,— отвечал егерь, к которому относился этот упрек,— я бил ее хлыстом, пока не вывихнул руку! Но ничто не помогает. У нее нет инстинкта стойки.

— Так я ей его дам!— воскликнул молодой англо-индеец, приближаясь с ножом в руке к собаке.

— Остановись, Нигель!— вступился Генри.— Не хочешь же ты в самом деле изуродовать ее?

— А тебе какое дело? Она не твоя.

— Мое дело не допустить тебя до жестокости. Бедное животное не виновато, что Дик так плохо ее дрессирует.

— Благодарю вас, мистер Генри! Разумеется, всегда я виноват! Как ни старайся, все напрасно! Очень вам благодарен, мистер Генри!

Догги Дик, хотя молодой, но некрасивый и несимпатичный, сопровождал свои слова взглядом, свидетельствовавшим, что душа его была еще безобразнее лица.

— Замолчите вы оба,— крикнул Нигель,— я хочу наказать собаку, как она этого заслуживает, а не так, как тебе хочется, мистер Генри! Мне нужна трость.

И он отрезал себе настоящую толстую палку и стал ею бить животное, жалобные вопли которого разносились по всему лесу.

Генри тщетно умолял своего брата остановиться: Нигель колотил все сильнее.

— Очень хорошо!— вскричал злобно егерь.— Это сй же на пользу.

— А на тебя, Дик, я пожалуйсь отцу.

Нигель между тем колотил все сильнее.

— Стыдно, Нигель, ты уже довольно бил ее, оставь!

— Но раньше я ей оставляю что-нибудь на память.

— Что ты хочешь делать?— спросил с тревогой

Генри, видя, что брат, отбросив палку, выхватил нож. Ты же не станешь...

— Резать ухо?.. Именно это я и хочу.

— Ты раньше проколешь мою руку!— вскричал молодой человек, бросаясь на колени и закрывая обеими руками голову животного.

— Прочь руки, Генри, собака моя, что хочу, то и делаю с ней!.. Прочь руки!..

— Нет!

— Тем хуже для тебя!

Левой рукой Нигель схватил ухо животного, а другой изо всей силы ударил.

Кровь брызнула в лица братьев и окрасила красной волной белую шерсть собаки, но это была кровь не собаки, а Генри, мизинец которого был совершенно разрезан от сустава до ногтя.

— Это научит тебя не вмешиваться в мои дела!— вскричал Нигель, не выказывая ни малейшего раскаяния,— в другой раз ты будешь умнее!

Это грубое замечание вывело из себя младшего брата, между тем, как боль от удара он вынес спокойно.

— Подлец!— крикнул он,— брось нож и выходи! Хотя ты и старше меня на три года, но я тебя не боюсь и проучу тебя в свою очередь!

Нигель, обезумев от ярости при виде неожиданного сопротивления ребенка, которого он привык водить на помочах, выронил нож, и братья так свирепо приняли друг друга на кулачки, что трудно было бы сказать, что в их жилах течет одна кровь.

Нигель был выше, Генри шире и сильнее; в этой борьбе мускулы саксонца заметно преобладали над мускулами англо-индийца. Через десять минут последний был так обработан, что егерь должен был вмешаться и разнять их, чего бы он не сделал, если бы одолел Нигель.

Об охоте и думать было нечего. Обернув раненый палец платком, Генри позвал свою собаку и пошел по дороге к замку.

Нигель, смущенный своим поражением, следовал издали вместе с Догги Диком и окровавленной собакой.

Столь быстрое возвращение охотников удивило генерала Гардинга. Не замерзла ли река? Не снялись ли тетерева? Окровавленный платок на руке Генри, взду-

тое и покрытое синяками лицо Нигеля требовали разъяснения.

Каждый из братьев представил свое. Разумеется, егерь поддерживал сторону старшего, но старый солдат быстро сумел отличить ложь от истины и на долю Нигеля пришлось вдвое больше упреков, чем его брату.

День вообще кончился дурно для всех, исключая черной лягавой. Догги Дику было приказано немедленно снять ливрею и оставить замок навсегда, с предупреждением, что если он покажется на земле генерала Гардинга, то с ним будет поступлено, как с браконьером.

II. ДОГГИ ДИК

Уволенный егерь нашел себе место у помещика, леса которого почти непосредственно прилегали к владениям Гардинга. Помещик этот носил имя Вебли; это был богатый горожанин, сделавший себе состояние счастливой игрой на бирже и купивший себе имение, чтобы играть роль богатого землевладельца.

Отношения между старым офицером и новым помещиком, нельзя сказать, чтобы были дружественны, напротив, между ними существовала некоторая натянутость. Генерал чувствовал инстинктивное презрение к выскочкам, приезжающим в церковь в колясках, хотя бы их дом находился только в трехстах шагах расстояния от сельского храма.

Мистер Вебли принадлежал именно к такому сорту людей. Впрочем, это различие вкусов и привычек было не единственной причиной враждебности между отставным офицером и бывшим биржевым маклером. Между ними возникла распря относительно права на охоту на большом куске земли, врезавшемся треугольником в их владения.

Само по себе дело это было не важное, тем не менее, оно способствовало увеличению взаимной холодности соседей. Может быть, именно в силу этого Догги Дик и получил место у мистера Вебли. «Выскочка» и не мог действовать иначе.

В этом же году, когда наступил охотничий сезон, молодые Гардинги заметили в лесах своего отца необычайно малое количество дичи. Генерал, небольшой лю-

битель охоты с ружьем, не заметил этого, не заметил бы, может быть, и Нигель. Но Генри, страстный охотник, сейчас же увидел, что фазанов было вдвое меньше, чем в предыдущие годы; факт тем более странный, что год этот был необычайно благоприятный для дичи и особенно для фазанов. Леса Вебли изобиловали ими, как и у других соседей.

Сперва стали следить, хорошо ли исполняет свои обязанности новый егерь генерала Гардинга. Ни одного случая браконьерства замечено не было. Известно было, что несколько ребятишек крали яйца во время носки, но отдельные и случайные факты не могли повлиять на уменьшение дичи в лесах.

Егерь оказался знающим и опытным человеком, и ему еще предоставили необходимое количество помощников.

После долгих размышлений, Генри Гардинг пришел к тому заключению, что фазаны его отца были привлечены в леса Вебли, вероятно, лучшим кормом. Он знал, какие чувства питали Догги Дик и его господин к его отцу, и не сомневался, что бывший маклер пойдет и не на такие еще штуки. Поэтому надо было принять меры для того, чтобы вернуть дичь.

По лесу рассыпано было в изобилии пшено и другой корм, излюбленный фазанами. Но все было тщетно. Даже куропатки исчезли, между тем как владения Вебли кишели всевозможной дичью.

Генеральский егерь дознался и сообщил, что во время носки яиц он находил много разоренных фазаньих гнезд. Он не мог понять этого, так как в лесу по временам показывались только соседские егеря, которые не станут же красть яйца.

«Вот в этом-то я и не уверен,— подумал про себя Генри.— Наоборот, мне кажется, что только этим-то и можно объяснить исчезновение дичи».

Он сообщил свои подозрения отцу, который запретил егерям Вебли бродить по опушке его леса. Это распоряжение, конечно, вызвало еще большее охлаждение между двумя соседскими владельцами.

В следующий сезон молодые люди приехали к отцу в отпуск на Пасху. В это время года можно больше всего нанести вреда в тех местах, где водится дичь.

Никакое браконьерство не принесет столько вреда, как разорение гнезд. Один ребенок может больше на-

нести вреда в один день, чем целая шайка браконьеров в один месяц со всеми своими сетями, западнями, ружьями и другими разрушительными орудиями.

Леса генерала охранялись этот год лучше, чем когда-либо. Гнезд было множество, и все заставляло рассчитывать на хорошую охоту.

Но Генри, веря в будущее, не мог забыть неудачи двух прошлых лет и решил доискаться причины. Вот что он придумал.

Всем егерям и сторожам генерала в один прекрасный день был дан отпуск, чтобы они могли присутствовать на скачках, происходивших в десяти милях от замка. Отпуск этот был объявлен за неделю, для того, чтоб узнали об этом и егеря соседнего имения.

Наступил день скачек, сторожа отправились, охрана леса предоставлена была самим владельцем. Великолепный случай для браконьеров!

За несколько минут до отъезда егерей Генри отправился в лес с палкой в руке и пошел по опушке, граничащей с владениями биржевого маклера. Он шел тихо и так осторожно, что сделал бы честь хорошему браконьеру.

Как раз на границе владений находилось спорное поле. Тут же недалеко рос старый большой вяз, весь обвитый плющем. Генри забрался в чащу ветвей и закурил сигару.

Он не мог выбрать лучшего положения для задуманной им цели. С одной стороны, глаз обнимал все спорное поле, так что никто не мог бы пройти незамеченным от Вебли к Гардингу. С другой стороны, открывался вид на леса его отца и именно — на излюбленные фазанами места.

Долго наблюдатель оставался на своем посту, не замечая ничего подозрительного. Он уже выкурил две сигары, и третья подходила к концу.

Терпение его истощилось, не говоря уже об усталости и неудобстве сидения на ветвях. Он уже начал думать, что подозрения его на Догги Дика были неосновательны. Он даже стал винить себя. Может быть, Догги вовсе не был таким скверным, каким он себе его представлял.

«Когда заговорят о черте, сейчас же увидят его хвост», говорит английская пословица. То же самое случилось и с Догги Диком. В тот момент, когда потухла

третья сигара, появился старший егерь м-ра Вебли. Сперва он осторожно высунул голову сквозь ветви кустарника. Осмотрев внимательно окрестности, он вышел из лесу и, крадучись, как кошка, направился в соседние владения.

Генри следил за ним, как рысь или полицейский агент, забыв усталость и скуку.

Как он и ожидал, Догги Дик направился к просеке, по которой было больше всего фазаньих гнезд. Бросая по сторонам подозрительные взгляды, он крался, как хищник.

Несмотря на все предосторожности, он спугнул птиц. Один петух убежал, другой упал на траву со сломанными крыльями. Самку Догги убил палкой.

Но он не воспользовался, однако, своей добычей, а, наклонившись над гнездом, вынул яйца и спрятал их в свою охотничью сумку. Затем что-то рассыпал кругом гнезда.

Потом направился к следующему гнезду.

«Пора,— подумал Генри,— пора действовать. Довольно и одного гнезда».

Бросив сигару, он спустился с вяза и кинулся по следам вора.

Догги заметил его и попробовал было проскользнуть в лес Вебли. Но раньше, чем он успел добежать до ограды, молодой человек схватил его за шиворот. Сильный толчок заставил его упасть на землю, и в своем падении он разбил все яйца в сумке.

В эту эпоху Генри Гардинг был хорошо развитым молодым человеком, унаследовавшим отцовскую силу и энергию. К этому нужно еще прибавить сознание своего права. Егерь, маленький и слабосильный, с сознанием дурного поступка на совести, понял бесполезность всякого сопротивления.

Согнув покорно спину, он получил такую порцию ударов тростью, какую только может дать страстный охотник браконьеру.

— А теперь, вор,— воскликнул Генри, утолив немного свой гнев, или вернее, устав наносить удары,— ты можешь вернуться к своему мошеннику-хозяину и устраивать с ним заговоры, сколько твоей душе угодно, но только не против моих фазанов!

Догги молчал, боясь палки. Он перелез через огра-

ду, перешел поле, шатаясь, как пьяный, и исчез в лесу Вебли.

Вернувшись к разоренному гнезду, Генри тщательно осмотрел кругом землю и нашел много пшена, смоченного какой-то сахаристой жидкостью. Это и было пшено, рассыпанное Догги. Генри набрал этой крупы и отнес домой. Анализ показал, что пшено было отравлено.

Хотя процесса не было возбуждено по этому поводу, но история эта стала известна во всех подробностях. Догги Док был слишком хитер, чтобы жаловаться на побои, а Гардинги удовлетворялись тем, что прочили его.

Что касается бывшего биржевого маклера, то он понял, что должен отказаться от услуг своего егеря, который с этого времени приобрел репутацию самого отчаянного браконьера в округе.

По-видимому, он глубоко раскаялся, что принял с таким унижением побои Генри, ибо в последующих схватках со сторожами он всегда теперь являлся отчаянным и опасным противником, настолько опасным, что смертельно ранил одного из егерей генерала Гардинга.

Он спасся от виселицы только тем, что бежал из Англии. Потом его видели в Булони, в Марселе, в обществе английских жокеев, препровождавших краденых лошадей в Италию. В конце концов следы его окончательно затерялись.

III. ПРАЗДНИК СТРЕЛКОВ

Прошло три года. Оба брата кончили колледж и жили в отцовском замке. Юноши наши стали молодыми людьми.

Нигель отличался благоразумием, хорошим поведением, бережливостью и прилежанием.

Характер Генри был совершенно иной. Если его и нельзя было назвать отъявленным шалопаем, но во всяком случае привычки его были не из похвальных. Книги он ненавидел, удовольствия обожал и презирал бережливость, считая ее самым ужасным людским убожеством.

Нигель по натуре хитрый, угрюмый эгоист, между

тем, как Генри, одаренный от природы великодушными наклонностями, предавался увлечениям своего возраста с пылом, который время должно было, конечно, смягчить.

Генерал, довольный поведением старшего сына, был страшно недоволен наклонностями младшего, тем более, что, как Иаков, он больше любил младшего.

Борясь всеми силами против пристрастия, в котором генерал упрекал себя, он не мог не сознаться, что он был бы гораздо счастливее, если бы Генри вздумал подражать своему брату, даже, если бы роли их совершенно переменились! Но, по-видимому, этому желанию не суждено было осуществиться. Во время пребывания обоих братьев в колледже награды, получаемые Нигелем, не могли вознаградить генерала за огорчения, причиняемые шалостями младшего сына.

Надо сказать еще, что Нигель ревностно превозносил свои заслуги и неутомимо доносил о всяком безрассудстве своего брата. Генри редко писал отцу; впрочем, письма его только подтверждали сообщения старшего брата, ибо в них заключались исключительно просьбы о деньгах.

Бывший солдат, великодушный до расточительности, не отказывал ни в чем; его заботила не высланная сумма денег, а то, как она будет истрачена.

Окончив учение, молодые люди наслаждались периодом праздности, во время которого школьная личинка превращается в бабочку и пробует свои силы.

Если между братьями и существовала старая вражда, то с виду это заметить было трудно. Скорее казалось, что они питали друг к другу искреннюю братскую дружбу.

Генри был прямой и откровенный; Нигель сдержанный и молчаливый. Слепо повинуясь малейшим желаниям своего отца, Нигель в то же время оказывал ему глубокое уважение.

Генри же, несколько не заботясь о выражении знаков внешнего почтения, не думал, что оказывает непочтительность отцу, возвращаясь не вовремя домой и бросая деньги на ветер. Подобное поведение оскорбляло генерала и подвергало тяжкому испытанию его любовь к младшему сыну.

Наконец, наступил момент, когда должна была всплыть наружу взаимная антипатия между братьями.

Поводом к этому послужило новое чувство, под влиянием которого самая горячая братская любовь часто переходит в ненависть. Чувство это было любовь к одной и той же женщине.

Мисс Бэла Мейноринг была молодая девушка, красота и обаяние которой могли вскружить голову и не таким молокососам, как Нигелю и Генри. Она была на несколько лет старше сыновей генерала Гардинга, и красота ее была в полном расцвете. Имя ее как нельзя больше соответствовало ее наружности. Это была красавица из красавиц в целом графстве Букс.

Отец ее, полковник индийских войск, умер в Пенджабе. Менее счастливый, чем генерал Гардинг, он оставил своей вдове ровно столько, что она могла купить себе только скромный домик недалеко от парка Бичвуд: весьма опасное соседство для молодых людей, едва вышедших из пеленок отрочества, достаточно богатых, чтобы не заботиться о будущем, и мечтающих об уходе.

Имение генерала оценивалось, по меньшей мере, в сто тысяч фунтов. Человек, который не может жить на половину этой суммы, не способен, конечно, ее и увеличить. Не было никакой причины предполагать, чтобы это состояние в один прекрасный день было разделено не поровну. Генерал Гардинг был не такой человек, чтобы одного сына обогатить за счет другого.

Старый генерал был несколько эксцентричен, что выражалось в наклонности к неограниченному самовластию и недопущению противоречий,— результат долгой привычки повелевать в военной службе, но не имевшей никакого отношения к отцовским чувствам. И нужны были обстоятельства исключительные, очень серьезные поводы к недовольству, чтобы честножитое им состояние не было разделено поровну между детьми.

Так рассуждали в том обществе, где вращались Гардинги. И с такими надеждами на блестящее будущее могли ли молодые люди думать о чем-либо другом, кроме любви? И на ком ином могли остановить они свой выбор, как не на Бэле Мейноринг?

Так и случилось. И так как молодая кокетка отвечала на их пылкие взгляды с одинаково трогательной нежностью, оба брата влюбились в нее по уши.

Они почувствовали силу ее очарования в один и тот же день, в один и тот же час и, может быть, в один и тот же момент. Случилось это на празднике стрелков из лука, устроенном самим генералом, и на который были приглашены мисс Мейноринг с матерью. Бог любви присутствовал на этом празднике и пронзил своей стрелой сердца сыновей генерала Гардинга.

Ощущение раны в сердце разное выразилось у братьев. Генри был весь внимание и услужливость по отношению к мисс Мейноринг; он подбирал ее стрелы, подавал ей лук, защищал ее от солнца, когда она натягивала лук, и готов был каждую минуту броситься к ее ногам.

Нигель, наоборот, держался в отдалении, выказывая полнейшее равнодушие. Он старался возбудить ревность молодой девушки, ухаживая за другими дамами, одним словом, он пустил в ход все средства, которые ему мог подсказать его коварный и расчетливый ум. Таким образом, ему удалось скрыть от всех присутствующих свою только что зародившуюся страсть.

Генри не был так счастлив; уже к концу праздника все гости его отца были убеждены, что одна стрела во всяком случае попала в цель: в сердце Генри Гардинга.

IV. КОКЕТКА

Я часто задавал себе вопрос: что было бы с миром, если бы не было женщин? Приятна ли была бы тогда жизнь мужчин? Я тщетно ломал голову над решением этой задачи, но ни к чему путному не пришел. Может быть, на свете нет и более интересной и в то же время более важной философской задачи, и тем не менее до сих пор ни один философ ее не решил.

Существуют две противоположные теории по этому вопросу.

По одной, женщина—единственная цель нашего существования; улыбка ее—единственное благо, которого мы должны добиваться. Для нее одной наши труды и бессонные ночи, наша борьба и наши творения, наше красноречие и все наши усилия. Без нее мы бы ничего не сделали, лишенные, так сказать, вдохновительницы.

Что касается меня, я мог бы ответить на это слова-

ми одного флегматического испанца:—«Quien sabe?»¹, иными словами, ничего бы не ответил!

По другой теории, женщина есть зло и проклятие нашей жизни. Приверженцы этой теории, разумеется, судят только по личному опыту.

Единственная возможность примерить эти противоположные мнения — это выбрать середину между ними. Видеть в женщине одновременно и благо и несчастье или, еще лучше, предположить, что есть два рода женщин, одни, созданные для счастья человечества, другие — для несчастья.

Мне тяжело отнести Бэлу Мейноринг к последней категории, так как она была очаровательна и могла бы занять место в первой. Может быть, я тоже подпал бы под власть ее чар, если бы случай не раскрыл бы мне ее коварство. Это меня спасло.

Я прозрел совершенно случайно на балу. Бэла обожала танцы, как все холодные особы, принадлежащие к разряду очаровательниц, и почти ни один бал в округе не обходился без мисс Мейноринг.

Я увидел ее впервые на балу в ратуше. Я был ей представлен одним из устроителей праздника, отличавшимся неясным произношением, происходившим от того, что у него была так называемая «заячья губа». Вследствие этого английское «captain» прозвучало как «counte», что значит граф. Результатом было то, что мисс Мейноринг стала величать меня титулом, мне не принадлежащим, а я никак не мог найти подходящего момента, чтобы вывести ее из заблуждения.

Но я положительно возгордился, заметив, что в ее записной книжке танцев мое имя мелькало чаще, чем мне позволяла надеяться моя скромность. Она обещала мне несколько туров вальса и кадрили. Я был счастлив, польщен, очарован и восхищен, да и кто не был бы восхищен на моем месте, видя себя отличенным красавицей в полном смысле этого слова?

Я уже вообразил себе, что моя судьба решена отныне и что я нашел себе приятную спутницу не только на танцы, но и на всю мою жизнь.

Я распустил хвост, как павлин, видя вокруг себя гримасы разочарованных танцоров и слыша их недовольный ропот и досаду на меня.

¹ Кто знает?

Никогда еще я столько не веселился.

Это продолжалось довольно долго. Дойдя до вершины блаженства, я должен был тотчас же и свалиться. Я проводил мою даму к великолепной матроне, которую мне представила мисс Бэла как свою мать. Прием, сверх ожидания, был очень холодный. Важная леди почти не разжимала губ, отвечая на мои вопросы. Сконфуженный этим приемом, я затерялся в толпе, успев однако получить у мисс Мейноринг обещание новой кадрили.

Неспособный веселиться вдали от моей дамы, я тотчас же вернулся и сел на стул позади диванчика, на котором сидели мать и дочь.

Обе очень горячо о чем-то беседовали, так что не заметили меня, и я не решился прервать их разговор, который хотя велся пониженным тоном, но упоминание моего имени заставило меня прислушаться внимательнее.

— Какой граф!— говорила мать,— ты сама не знаешь, что говоришь, дитя мое.

— Но мне его так представил мистер Саусвик. Да у него вся осанка такая.

Это замечание мне очень понравилось.

— Саусвик — глупец и осел сверх того. Это просто ничтожный капитан, на маленьком жаловании, без состояния, без связей. Леди С. мне рассказала о нем.

— Неужели?

Мне послышался маленький вздох. Я был в восторге. К несчастью, следующие слова разрушили все мои иллюзии.

— И ты обещала ему новую кадрили, когда молодой лорд ПотOVER пригласил тебя два раза и чуть не на коленях умолял меня вступить за него.

— Но что же делать?

— Очень просто. Скажи ему, что ты уже раньше обещала лорду ПотOVERу.

— Хорошо, мама. Я послушаюсь твоего совета, мне так это неприятно.

Если бы в эту минуту я услышал второй вздох, я бы удалился, не сказав ни слова. Но мое присутствие уже было открыто, и я решился с честью выйти из моего положения.

— Я был в отчаянии, мисс Мейноринг,— сказал я,

непосредственно обращаясь к молодой девушке и как бы не замечая смущения ее и матери,— что вы из-за меня нарушили ваше прежнее обещание, и чтобы не заставлять лорда Потовера третий раз вставать перед вами на колени, я предпочитаю вернуть вам обещание, данное ничтожному капитану.

Откланявшись с большим достоинством,— так по крайней мере, я думал,— я оставил обеих Мейноринг и постарался забыться в танцах с другими молодыми девушками, удостоившими принять приглашение бедного капитана.

К концу вечера я встретил ту, которая заставила меня забыть мое неприятное приключение.

V. ОХОТА

Было бы очень желательно для молодого Генри Гардинга, а может быть и для его брата Нигеля, чтобы с ними обошлись так же, как со мной, в период первого увлечения и чтобы они так же философски перенесли свое первое поражение.

Но оба брата были состоятельны, и поэтому им разрешено было наслаждаться улыбками очаровательной Бэлы.

Манера ухаживания у обоих братьев была совершенно различна. Генри старался взять приступом сердце красавицы Мейноринг, а Нигель по своему характеру предпочитал медленную осаду. Первый любил с пылом льва, второй — со спокойным коварством тигра. Когда Генри был уверен в успехе, он не скрывал своей радости. Когда счастье повертывалось к нему спиной, он также искренне и открыто горевал.

Нигель же одинаково сохранял свою невозмутимость при удаче и неудаче. Его чувство к мисс Мейноринг было так хорошо замаскировано, что мало кто об этом догадывался.

Но Бэла не обманывалась. Она с помощью матери играла в совершенстве свою роль. Она скоро заметила, что ей предстоит выбор между молодыми людьми, но еще не решилась. Она так ровно обращалась с обоими братьями, так ровно расточала им свои улыбки, что самые близкие ее друзья поверили, что она не интересовалась ни тем, ни другим.

Мисс Бэла дарила улыбками не только братьев Гардинг, другим молодым людям оказывалась тоже эта милость, но сердца своего, по-видимому, мисс Мейноринг не отдала еще никому.

Наступил однако момент, когда все решили, что из-бранник найден. Случай, происшедший на охоте, по-видимому, дал Гарри Гардингу все права на руку Бэлы Мейноринг. Основательно полагали, что самая красивая должна принадлежать самому храброму.

Этот случай был, впрочем, такой странный, что о нем следует рассказать, не говоря уже о его влиянии на судьбу героев нашей драмы.

Назначена была охота с борзыми возле большого пруда.

Вспугнутый олень, выскочив из чащи леса, инстинктивно направился к пруду.

Он примчался в тот самый момент, когда подъезжали экипажи к пункту сбора. Среди карет находился и фаэтон, запряженный одним пони. В фаэтоне сидела миссис Мейноринг с дочерью. В это холодное зимнее утро щечки мисс Бэлы так же были ярки, как красные курточки охотников, теснившихся возле нее.

Кучер фаэтона остановил лошадь на берегу пруда.

В эту самую минуту олень проскочил под носом у пони и прыгнул в воду. Испуганная лошадь встала на дыбы и бросилась в пруд, увлекая за собой фаэтон.

Она остановилась только тогда, когда вода уже заливала экипаж. В эту самую минуту олень тоже остановился и вдруг, сделав неожиданный поворот, с яростью бросился на фаэтон.

Пони был опрокинут, кучер, поднятый на рога рас-свирепевшим животным, описал в воздухе дугу и погрузился головой в воду.

Положение обеих дам было самое критическое. Нигель один из первых очутился на берегу пруда и в нерешительности остановился. Бэла Мейноринг могла бы быть убита насмерть у него на глазах, если бы не подоспел на помощь его брат. Вонзив шпоры в живот лошади, Генри бросился в воду, выскочил из седла и схватил оленя за рога.

Борьба эта могла бы кончиться очень фатально для молодого человека, если бы один из егерей не вошел решительно в воду и не вонзил своего охотничьего ножа в горло животного.

Легко раненный пони был поставлен на ноги, полузадохшийся кучер посажен на свое место, и фаэтон вытаскен на плотину к великому облегчению испуганных дам.

После этого происшествия все были убеждены, что мисс Бэла Мейноринг отдаст свою руку и сердце Генри Гардингу.

VI. НЕБЕСА ХМУРЯТСЯ

Бичвудский замок был комфортабельным жилищем во всех отношениях, но в нем не было спокойствия и мира душевного, на который рассчитывал его владелец, намеревавшийся окончить здесь свои дни.

В материальном отношении все шло как нельзя лучше. Имение удвоилось в цене.

Причины огорчения генерала были другого рода и заботили его больше, чем замок и его земли. Источником его горести было взаимное отношение обоих братьев. В его присутствии они относились друг к другу по виду дружески, но отец их понимал и боялся, чтобы эти отношения не перешли в глухую вражду.

Младший, впрочем, и не притворялся, зато особенно глубоко затаилась вражда в сердце старшего.

За время пребывания в училище Генри, благодаря своему природному великодушию, готов был все забыть, если только его брат согласился бы сделать хоть один шаг к примирению. Но именно на это Нигель никогда не хотел согласиться. В настоящее же время, более, чем когда-нибудь, их разделяло чувство, которое оба питали к мисс Мейноринг. В силу соперничества взаимная антипатия должна была превратиться в открытую вражду.

Прошло некоторое время, пока генерал заметил тучу, угрожавшую его домашнему спокойствию. Он думал, что его сыновья, как большинство молодых людей, хотели немножко посмотреть свет, раньше, чем вступить на тернистый путь брака. Ему не пришло в голову, что в глазах пылкого молодого человека очаровательная мисс Мейноринг олицетворяла все человечество и что вне ее вся вселенная казалась грустной и прозаической.

Но не это смущало главным образом душу ветера-

на. Он был относительно доволен Нигелем, огорчаясь, конечно, его антипатией к младшему брату, которой он даже не всегда мог скрыть.

Но его приводили положительно в отчаяние поступки Генри, его расточительность и в особенности непослушание. Этот проступок, самый важный в глазах ветерана, впрочем, случался очень редко и проходил бы незамеченным без стараний Нигеля представить все в самых мрачных красках.

Сначала генерал ограничивался отеческими увещаниями, затем перешел уже к жестоким укорам. Но ничто не помогало. Старый офицер, наконец, вышел из себя и грозил даже лишением наследства.

Генри, считая себя взрослым человеком, принял эти угрозы довольно независимо, что еще больше раздражило отца.

Таким образом, отношения между различными членами семьи Гардинга были очень натянуты, и вдруг генерал узнал об одном факте, который угрожал будущности его сына гораздо больше, чем его расточительность и неповиновение. Мы говорим о любви Генри к мисс Мейноринг.

О страсти Нигеля к той же особе генерал не подозревал так же, как и все.

О чувствах Генри генерал узнал после охоты с борзыми. Внутренне польщенный поведением своего сына, генерал заметил опасность более грозную, чем ту, которой подвергался Генри, спасая мать и дочь.

Наведенные им справки только укрепили его подозрения. Он знал хорошо госпожу Мейноринг, посещая в Индии эту даму и ее мужа, и воспоминания его были очень нелестны для вдовы его товарища по оружию. Конечно, дочери он не знал; она выросла за долгий период их разлуки. Но после того, что он узнал по возвращении их в Англию, он пришел к заключению, что яблочко от яблони недалеко падает.

Ясно, что он не желал себе такой невестки.

Мысль эта его страшно тревожила, и он стал придумывать способ предотвратить опасность.

Что же надо было сделать? Не дать сыну разрешение на брак с Мейноринг? Запретить ему посещать вдову и ее дочь?

Он спрашивал себя, послушает ли его Генри, и это сомнение увеличивало его раздражение.

Над вдовой он не имел, конечно, никакой власти. Хотя коттедж, в котором она жила, примыкал к его парку, но ему не принадлежал. Да и какую выгоду мог бы извлечь генерал из отъезда вдовы, предположив даже, что он заставил бы ее уехать?

Дело зашло уже настолько далеко, что подобное средство помочь не могло. Что касается молодой девушки, то она, конечно, не стала бы прятать свое хорошенькое личико от глаз сына, чтобы сделать в угоду отцу. Она не появится больше в доме генерала, но ведь есть масса других мест, где она может показаться во всем блеске своей красоты: в церкви, на охоте, на балу и на зеленых лужайках, окружающих Бичвудский парк.

Старый солдат был слишком хороший тактик, чтобы подвергать себя поражению, унижительному для авторитета отца. Необходимо было найти выход. Обдумывание нового плана действия так сильно заняло его, что помешало проявиться наружу гневу, клокотавшему в его груди.

VII. ЖЕНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Охота, на которой Генри показал себя таким героем, была последней в том сезоне. Пришла весна и окутала своим зеленым, затканым цветами, покровом графство Букс. Весело кричали перепела в полях, засеянных хлебом, кукушка тянула свою меланхолическую ноту, и чудные рулады соловья оглашали леса по ночам. Наступил май, чудное время любви.

Генри Гардинг не избег общей участи. В мае его страсть к мисс Мейноринг достигла высших пределов. Генри решил, что настал момент объясниться своей красавице в любви.

Окружающим казалось, что кокетка тоже, наконец, попалаась. Предпочтение, оказываемое Бэлой Генри, объяснялось не только его состоятельностью но и его внешними данными.

В это время младший сын генерала Гардинга был действительно очень красив и изящен. Единственный недостаток, в котором его можно было упрекнуть — это его склонность к расточительности, от которого со временем он мог исправиться. Впрочем, этот недостаток нисколько не вредил ему в глазах женщин, из ко-

торых не одна втайне завидывала мисс Мейноринг. Что же касается последней, то следующий разговор ее с достойной матерью покажет нам, какие чувства она питала к Генри.

— Так ты хочешь выйти за Генри Гардинга?— спросила миссис Мейноринг.

— Да, мама, с твоего разрешения, конечно.

— А его?

Бэла звонко расхохоталась.

— Его! Но мама, мне нечего его и спрашивать.

— Уже! Разве он объяснился?

— Не совсем. Но, дорогая мама, я вижу, ты хочешь раньше узнать мой секрет, чем дать согласие. Я тебе скажу все. Он скоро объяснится — даже сегодня.

— Откуда ты знаешь это?

— Очень просто. Он мне дал понять, что ему нужно со мной серьезно поговорить и предупредил, что придет сегодня днем. Что же он мне может сказать другого, кроме того, что любит меня и будет счастлив получить мою руку?

Миссис Мейноринг молчала. На задумчивом лице ее не выражалось удовольствия, которое надеялась увидеть дочь.

— Надеюсь, ты довольна, мамочка?— спросила последняя.

— Чем, дочь моя?

— Но... иметь зятем Генри Гардинга...

— Дорогое дитя мое,— отвечала вдова,— это очень серьезная вещь, очень серьезная; надо хорошо подумать. Ты прекрасно знаешь наше положение и какие скудные средства оставил нам отец.

— Еще бы мне не знать,— отвечала Бэла с досадой.— Разве мне не приходится перешивать по два раза мои бальные платья и потом еще их перекрашивать? Тем более причина выйти замуж за Генри Гардинга. Он избавит меня от всех этих унижений.

— Я не убеждена в этом, дитя мое...

— Ты что-нибудь знаешь, мама, скажи!..

— К моему сожалению, почти ничего.

— Но его отец богат, и их только два брата. И ты сама же говорила, что у него нет духовной, следовательно, его состояние будет разделено поровну. Я бы удовлетворялась половиной.

— Я тоже, дочь моя, если бы была уверена, что по-

лучу эту половину. В этом-то и затруднение. Если бы уже была духовная, тогда другое дело.

— Тогда я могла бы выйти за Генри?

— Нет. За Нигеля.

— О, мама, что ты говоришь?..

— Что все состояние будет принадлежать Нигелю.

Нынче положение наследников очень шаткое, все зависит от каприза завещателя, а я знаю изменчивый характер генерала Гардинга.

Бэла умолкла и задумалась.

— Очень возможно,— продолжала почтенная матрона,— что генерал или совсем лишит наследства Генри, или оставит ему очень мало. Он страшно недоволен поведением своего младшего сына. Я не говорю, что молодой человек совершенно испорчен, иначе я не стала бы и слушать о нем, как о зяте, несмотря на всю нашу бедность.

— Но, мама,— заметила Бэла с многозначительной улыбкой,— разве женитьба не исправит его? Разве я не могу взять на себя заботу о его состоянии?

— Разумеется, если бы это состояние было. Но, повторяю, в этом-то и вопрос.

— Но, мама, я люблю его.

— Я в отчаянии, дитя мое, тебе следовало бы быть более благоразумной и больше думать о будущем. Не решай ничего, подожди — из любви к себе самой и ко мне.

— Но он придет сейчас! Какой же ответ я ему дам?

— Неопределенный, дорогая моя. Ничего нет легче. Я возьму на себя всю ответственность. Ты мое единственное дитя, мое согласие необходимо. Послушай, Бэла, мне тебя нечего учить. Ты ничем не рискуешь, выжидая, наоборот, ты этим только выиграешь. По неразумной торопливости ты можешь сделаться женой человека, более бедного, чем был твой отец, и, вместо того, чтобы переворачивать шелковые платья, тебе совсем будет нечего надеть. Будь же благоразумна, это мой последний совет.

Бэла вместо ответа вздохнула. Но вздох этот был не особенно глубок, не особенно печален, чтобы можно было предположить, что превосходные советы матери будут пущены на ветер. Улыбка, сопровождавшая его, показала, что достойная дочь решила быть благоразумной.

VIII. ОТЕЦ И СЫН

Генерал Гардинг имел обыкновение проводить много времени в кабинете, или, вернее, в библиотеке, так как все стены этой комнаты были заставлены книжными шкафами. Большинство книг составляли сочинения об Индии и о различных военных экспедициях. Было также много научных сочинений и по естественной истории. На столах лежали журналы и отчеты разных обществ по делам Индии.

Любимым занятием ветерана было перечитывать эти книги. Они навевали массу воспоминаний о прошлом.

Всякая новая книга об Индии находила себе место в библиотеке генерала.

Однажды утром генерал вошел по обыкновению в свой кабинет, но на этот раз он не предался своему обычному чтению. Он даже не сел. Его стремительная ходьба и нахмуренный лоб указывали на сильное волнение.

Временами он останавливался, хлопал себя по лбу рукой, что-то бормотал и принимался снова шагать.

Среди отрывистых фраз упоминались имена его сыновей, особенно младшего.

— Беспорядочное поведение Генри сводит меня с ума, а эта девчонка уморит меня окончательно. Судя по тому, что я слышал, он у нее в сетях. Это очень серьезно. Как бы то ни было, с этим надо кончать... Она не создана быть женой порядочного человека. Меня бы меньше тревожило, если бы дело шло о Нигеле, она не годится ни одному из моих сыновей. Я слишком хорошо знал ее мать. Бедный Мейноринг! Какое плачевное существование вел он в Индии! Какова мать, такова и дочь!... Клянусь Богом, этому браку не бывать!... Я понимаю, это адское создание свело его с ума... Как спасти бедного мальчика от худшего из несчастий?.. Гадкая женщина!

Генерал сделал несколько шагов, молча опустив голову.

— Нашел! — наконец радостно воскликнул он. — Да, нельзя терять ни минуты. Пока я раздумываю, он все больше и больше запутывается.

Генерал позвонил. Вошел камердинер благообразной наружности.

— Уильямс!

— Что угодно, ваше превосходительство?

— Где мой сын Генри?

— В конюшне, ваше превосходительство. Он приказал оседлать гнедую кобылу.

— Гнедую кобылу? Но на нее еще никогда никто не садился.

— Никогда и никто, я думаю, что это очень опасно. Но мистер Генри любит опасность. Я хотел отговорить его. Но мистер Нигель запретил мне вмешиваться не в свое дело.

— Беги в конюшню. Передай, что я запрещаю ему садиться на эту лошадь и зову его немедленно сюда! Живо, Уильямс!

— Все тот же,— продолжал свой монолог генерал.— Опасность привлекает его — как меня когда-то. Гнедая кобыла... Ах, если бы только это!.. Но мисс Мейноринг похуже будет.

В этот момент явился виновный Генри, в сапогах со шпорами и с хлыстом в руке.

— Ты звал меня, отец?

— Конечно! Ты хочешь ехать на гнедой кобыле?

— Да, ты против этого?

— Тебе хочется сломать себе шею?

— Ха-ха-ха, этого нечего бояться. Ты, кажется, не очень-то веришь в мои наезднические способности.

— А ты уж слишком самоуверен. Ты хочешь непременно ездить на лошади с пороком, не спросив даже меня. Зачем ты совершаешь еще более неблагоприятные поступки? Этот образ действий мне не нравится, и ты сделаешь мне удовольствие, изменив твое поведение.

— Какие же это поступки, отец?

— Ты безумно соришь деньгами; наконец, идешь навстречу еще большей опасности. Ты идешь навстречу гибели.

— Я не понимаю, отец. Ты говоришь о лошади?

— О лошади?.. Нет, сударь, не притворяйтесь, что вы не понимаете. Я говорю о женщине!..

При последних словах Генри побледнел. Он думал, что его любовь к мисс Мейноринг была тайна для всех, по крайней мере, для его отца. О другой женщине не могло быть и речи.

— Я понимаю теперь еще меньше,— отвечал он уклончиво.

— Извините, милостивый государь, вы отлично меня понимаете. Я говорю о мисс Мейноринг!

Молодой человек вспыхнул, но не произнес ни слова.

— А теперь, милостивый государь, я вам скажу только одно: вам нужно отказаться от нее.

— Отец!

— Без возражений! Никакие любовные объяснения меня не тронут, и мне даже неприлично их слушать. Я повторяю, откажись от Бэлы Мейноринг совершенно и навсегда!

— Отец,— отвечал молодой человек твердым голосом,— ты требуешь невозможного. Я признаюсь, что между мисс Мейноринг и мною есть чувство более горячее, чем простая дружба. Мы обменялись обещаниями... Чтобы нарушить их, надо взаимное соглашение, иначе это было бы жестоко и несправедливо, на это я не могу согласиться. Нет, отец, я не сделаю этого, даже под страхом твоего гнева!..

Минуту царило молчание. Казалось, генерал размышлял, но он незаметно наблюдал за сыном. Внимательный наблюдатель прочел бы в глазах генерала не глухой гнев, вызванный сопротивлением сына, а восхищение и любовь. Но он поборол великодушное чувство и отвечал.

— Идите, милостивый государь! Вы решили ослушаться меня. Подумайте раньше, что вам будет стоить ваше упрямство. Я полагаю, вы догадываетесь, о чем я говорю?

Генерал умолк, ожидая ответа.

— Не совсем, отец.

— Я говорю о наследстве. Я вправе завещать его кому хочу, или твоему брату, или тебе. Если ты женишься на мисс Мейноринг, все состояние перейдет к Нигелю, тебе же я оставляю ровно столько, чтобы покинуть эту страну... Тысячу фунтов стерлингов — и ни пенса больше.

— Да, отец, я очень огорчен. Конечно, мне очень неприятно лишиться наследства, на которое я имел право рассчитывать, но мне еще тяжелее было бы лишиться твоего уважения. Тем не менее я откажусь от того и другого, если для того, чтобы их сохранить, я должен изменить своему слову. Женюсь ли я на мисс Мейноринг или нет, это будет зависеть исключительно от нее. Надеюсь, отец, ты понял меня.

— Прекрасно, милостивый государь, прекрасно! На это я вам отвечу только одно, что я тоже дал слово и тоже сдержу его. Теперь садитесь на гнедую кобылу, раз вы этого хотите и молитесь Богу, чтобы она не разбила вас, как вы это сделали с сердцем вашего отца! Идите, сударь!

Не произнеся больше ни слова, Генри с поникшей головой медленно вышел из библиотеки.

— Живой портрет его матери!— пробормотал генерал, провожая его глазами.— Можно ли его не любить, несмотря на его упрямство и мотовство!? Такое благородное сердце не должно сделаться добычей недостойной женщины! Я спасу его помимо его самого.

Он снова позвонил, на этот раз гораздо сильнее. Тотчас же явился камердинер.

— Уильямс!

— Что прикажете?

— Вели скорее закладывать!

Несколько минут спустя у подъезда уже стояла карета.

Генерал сел в экипаж, и кучер погнал лошадей. Тем временем Генри воевал с гнедой кобылой, которая ни за что не хотела скакать по направлению к коттеджу вдовы.

IX. ШАХ И МАТ

Господин Вуулет сидел в своей конторе, отделенной от другой комнаты,— в которой сидел его единственный клерк,— необычайно толстой стеной с узкой дверью.

С этой стороны нечего было бояться никакой нескромности. Но с другой стороны кабинета была легкая перегородка вроде шкафа, в которой, по приказанию мистера Вуулета, садился клерк и, не замеченный никем, записывал разговор клиента с патроном.

Читатель, конечно, уже догадался, что мистер Вуулет исполнял должность нотариуса в маленьком мирном городке мирного графства Букс.

В маленьких провинциальных городах и в особенности в деревнях ябеда и крючкотворство процветают не хуже, чем в больших городах. Невежественный

крестьянин часто становится жертвой таких господ, как мистер Вуулет.

Мистер Вуулет с таким успехом заманивал в свои сети бедных простаков, что скоро на его конюшне появились две лошади, а в сарае — коляска.

Но до сих пор ему не удалось поймать крупной рыбы. Самой лучшей добычей была миссис Мейноринг, его квартирантка, а следовательно, и его жертва.

Итак, несмотря на все старания и даже лошадей, Вуулет оставался темным, неизвестным дельцом.

Но так продолжаться долго не могло. Высшее общество должно к нему придти! Действительно, исключительный случай поднял мистера Вуулета на вершину его честолюбивых мечтаний.

В один прекрасный день богатая карета, с великолепным величественным кучером и напудренным лакеем на запятках, проехала к городу и остановилась у дверей конторы мистера Вуулета.

Никогда еще мистер Вуулет не чувствовал себя таким счастливым, как в тот момент, когда его клерк, полуоткрыв дверь и высунув свое лисье рыльце, возвестил о прибытии генерала Гардинга.

Минуту спустя тот же субъект ввел важного посетителя.

По незаметному знаку своего патрона, клерк, как ящерица, проскользнул в шкаф, уже известный нашему читателю.

— Имею честь видеть генерала Гардинга?— приторно-сладко проговорил нотариус, склоняясь чуть не до земли.

— Да,— отвечал генерал,— а как вас зовут?

— Вуулет, ваше превосходительство, к вашим услугам.

— Да, действительно, мне нужны ваши услуги, если вы не заняты.

— Нет таких занятий, которые бы могли мешать мне выслушать ваше превосходительство. Что прикажете?

— Мне нужны ваши услуги как нотариуса, чтобы сделать завещание. Вы можете это сделать?

— Не мне хвалить себя, ваше превосходительство, но, думается, составить завещание я хорошо сумею.

— Но довольно слов, перейдем к делу.

В сущности мистер Вуулет мог бы обидеться на

такое обращение. Впервые с ним говорили таким тоном в его собственной конторе, но впервые, правда, его посетил и такой клиент. Он почувствовал необходимость смириться.

Он молча сел за стол, ожидая, что будет говорить генерал, поместившийся напротив.

— Пишите под мою диктовку,— сказал генерал повелительным тоном.

Волк в овечьей шкуре все более и более смиренно склоняя голову, взял перо и лист белой бумаги.

— Я завещаю моему старшему сыну Нигелю Гардингу все мое движимое и недвижимое имущество, включая сюда дома и земли, а также все облигации «Индийской Компании», за исключением тысячи фунтов стерлингов, которые должны быть выданы моему младшему сыну Генри Гардингу, как единственное наследство, на которое ему предоставляется право.

— Вы написали?— спросил ветеран.

— Все, что вы изволили продиктовать, ваше превосходительство.

— Подпишите число.

Вуулет повиновался.

— Есть у вас свидетель налицо? Иначе я позову своего выездного лакея.

— Не беспокойтесь, ваше превосходительство, мой клерк может быть свидетелем.

— Но ведь, кажется, надо двух?

— По закону, генерал, но я могу служить за второго.

— Отлично. Дайте мне перо.

Генерал наклонился над столом и приготовился писать.

— Но, ваше превосходительство,— заметил нотариус, сообразивший, что завещание было уж слишком кратко,— разве это все? У вас, ведь, два сына?

— Конечно. Разве не сказано это в завещании? Что еще?

— Но...

— Что но?

— Вы же не хотите...

— Я хочу подписать мое завещание, с вашего разрешения. Но могу обойтись и без него, впрочем, и обратиться к другому вашему собрату по профессии.

Мистер Вуулет был слишком опытный человек, чтобы осмелиться еще на какое-либо замечание. Прежде всего надо было понравиться новому клиенту, и он поспешил подвинуть бумагу и перо к генералу.

Ветеран подписался, нотариус и его клерк в качестве свидетеля подписались тоже, и завещание было оформлено.

— Теперь снимите копию,— сказал генерал,— а оригинал оставьте у себя до востребования.

Копию сняли. Генерал спрятал ее в карман своего плаща и, не сказав больше ни слова нотариусу, сел в карету и уехал.

— Странно,— говорил себе делец, оставшись один,— что генерал приехал ко мне, а не к своему поверенному! Еще страннее, что он лишает наследства младшего сына. Состояние генерала оценивается в сто тысяч фунтов стерлингов и все достается этому полунегру! Но это понятно. Генерал недоволен младшим сыном и потому обратился за составлением завещания ко мне, а не к Лаусону, который постарался бы его отговорить. А старик не уступит, пока Генри не исправится. Генерал не такой человек, чтобы позволить собой играть, даже собственному сыну. Но как бы там ни было, я обязан сообщить об этом третьему лицу, сильно в этом заинтересованному.

— Робби!

Дверь открылась, и высунулась голова клерка.

— Вели моему кучеру закладывать моих лошадей — живо!

Голова исчезла, и едва только нотариус успел спрятать завещание и обдумать свой разговор с завещателем, как карета остановилась у дверей конторы.

Через несколько минут экипаж мистера Вуулета уносил его к скромному домику вдовы Мейноринг.

Х. РЫБКА КЛЮЕТ

Полковник Мейноринг, кости которого покоились в Пенджабе, оставил, как мы уже знаем, очень скромное наследство. Вдова однако находила возможность держать выезд, заключавшийся, правда, в одном пони и фаэтоне, но пони был живой и горячий, фаэтон очень приличный, казавшийся даже изящным, когда правила

сама мисс Бэла. Грум тоже был всегда в новенькой ливрее с блестящими пуговицами.

Эту очаровательную картинку деревенской жизни можно было наблюдать у дверей коттеджа миссис Мейноринг в одиннадцать часов утра, в тот самый день, когда между матерью и дочерью произошел вышеописанный знаменательный разговор.

Эта прогулка, необычайно ранняя, имела серьезную цель — визит к нотариусу. Уже Бэла, поместившись в фаэтоне, грациозно помахивала бичом, и послушный пони уже тронулся с места, когда показался экипаж самого мистера Вуулета.

Какое счастливое совпадение, подумали миссис Мейноринг и ее дочь, решившие сегодня ехать в город. И вот мистер Вуулет, точно по внушению свыше, приехал сам. Следовательно, им можно было остаться.

Дамы вышли из экипажа, отдав вожжи груму, и в сопровождении нотариуса вошли в коттедж. По словам нотариуса, дело, приведшее его к миссис Мейноринг, ничуть не касалось очаровательной Бэлы и потому молодая девушка тотчас же удалилась, оставив мать наедине с мистером Вуулетом.

Во всех манерах нотариуса проглядывала какая-то приторная слащавость, хотя менее заметная, чем в разговоре с генералом. Конечно, ведь и разница была громадная между генералом, богатым землевладельцем, и вдовой полковника, нанимавшей его коттедж. Но все-таки миссис Мейноринг занимала известное положение, с которым надо было считаться; у нее была дочь, которая в один прекрасный день могла стать женой человека с миллионным состоянием. Клиентура очень приятная для поверенного матери.

М-р Вуулет был слишком проникателен, чтобы не понимать положения вещей. Если он и был более связан со вдовой полковника, чем с генералом Гардингом, то это объяснялось просто тем, что он видел, что почтенная дама была с ним одинакового взгляда относительно вопросов чести и этикета.

— Вы имеете что-нибудь сказать, мистер Вуулет?— спросила вдова, не намекнув ни одним словом, что она сама направлялась к нему с визитом.

— Да, миссис, впрочем важного ничего нет. Во всяком случае я попрошу у вас минут пять внимания. Извините, что я помешал вашей поездке.

— О, мы хотели просто походить по магазинам. Это можно сделать и в другой раз. Садитесь и рассказывайте.

Нотариус взял стул, а миссис Мейноринг расположилась на диване.

— Чтонибудь касающееся коттеджа?— спросила она с притворным равнодушием.— Но, сколько помню, плата за него, кажется, вовремя внесена.

— Дело не в этом,— прервал ее достойный человек.— Вы очень аккуратны в ваших платежах, миссис Мейноринг, чтобы мне утруждать мою память. Я пришел по делу, говорить о котором, по зрелом размышлении, может быть нескромно с моей стороны, но так как я забочусь о ваших интересах, я счел необходимым известить вас об этом в надежде, что вы припишете моему чрезмерному усердию, если это дело само по себе и не заслуживает внимания.

Вдова сделала большие глаза. Манеры и выражения нотариуса показали ей, что она может ожидать интересного открытия.

— Чрезмерное усердие с вашей стороны не может никого обидеть, мистер Вуулет, а меня тем более. Говорите, пожалуйста, интересно для меня ваше сообщение или нет, обещаю вам серьезно взвесить его и откровенно ответить.

— Во-первых, миссис, я должен вам предложить вопрос, который со стороны всякого другого мог бы показаться дерзким, но вы мне сделали честь избрать меня в качестве советчика, и моя преданность служит мне извинением. Говорят, и даже вполне определенно, что ваша дочь... готова вступить в брак с одним из сыновей генерала Гардинга. Могу я вас спросить, основательны ли эти слухи?

— Да, мистер Вуулет, в этих слухах есть доля правды.

— Могу я вас спросить, которого из двух сыновей генерала ваша дочь удостоила своим выбором?

— Конечно, мистер Вуулет... Но с какой целью вы это спрашиваете?

— У меня есть на это причины,— причины, которые касаются вас.

— Меня касаются, каким образом?

— Возьмите и прочтите,— ответил на это делец, по-

давая ей лист голубоватой бумаги с едва высохшими чернилами.

Это было завещание генерала Гардинга.

По мере чтения кровь яркой волной заливала лицо и шею вдовы. Несмотря на всю флегму шотландки и самообладание, она не могла скрыть своего волнения. То, что она пожирала глазами, было как бы эхом ее собственных мыслей — ответом на размышления, которые час тому назад проходили в ее голове и которые она сообщила своей дочери.

Довольно ловко, как может сделать только женщина, — а миссис Мейноринг была не из наивных, она не показала Вуулету, какое сильное впечатление произвел на нее этот документ. Она сказала, что больше всего ее поразила несправедливость генерала Гардинга по отношению к его детям. Оба, казалось бы, были одинаково дороги ему, и хотя младший вел себя не очень примерно, он был еще очень молод и мог исправиться со временем. Что же касается ее самой, она искренне благодарит мистера Вуулета за сообщение ей столь странного завещания.

Но мистера Вуулета обмануть было трудно, поэтому он спокойно спрятал завещание в карман и простился с почтенной дамой, уже ни в чем не извиняясь. Достойные собеседники отлично поняли друг друга.

Как только нотариус вышел из салона, явилась Бэла.

— Что он тебе сказал, мама? — спросила она, — это касается меня?

— Без сомнения. Если ты примешь предложение Генри Гардинга, то выйдешь замуж за бедняка. Я видела завещание. Отец лишил его наследства.

Мисс Мейноринг упала на софу с криком, скорее разочарования, нежели горя.

ХІ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Часы текли. Бэла Мейноринг, полулежа на диване, глубоко задумалась. Положение ее было очень трудное и щекотливое. Она ждала брачного предложения с твердым намерением отвергнуть его. Советы, даже приказания ее матери, принесли плоды, и она решила смотреть на жизнь только с практической стороны.

Надо сознаться, что не без душевной тревоги и даже довольно сильной борьбы с собственными чувствами она решалась на это. В действительности, человека, руку которого она решила отвергнуть, она любила больше, чем сознавала сама, что и поняла впоследствии. Несмотря на кокетство, непасытное желание видеть всех мужчин у своих ног, у нее все-таки было сердце, хотя и не очень чистое и преданное, но все-таки принадлежащее Генри Гардингу.

Тем не менее она энергично боролась сама с собой. Разве мог Генри осуществить ее пылкие желания? Мог ли он окружить ее всеми благами самой утонченной роскоши? Она знала, что нет. Ему сердце, другому руку, может быть, его брату Нигелю,— подсказал ей демон гордости и тщеславия.

Бэла Мейноринг была действительно очаровательное создание, роста немного выше среднего, прекрасно сложена и грациозна. Ее большие темно-голубые глаза умели бросать взгляды, проникавшие в самую душу. Природа вообще ничего не пожалела для нее, а искусство дало ей окончательную отделку. Бэла хорошо знала цену своей красоте, и, приученная с детства, умела пользоваться своими преимуществами с редким искусством. Она умела так небрежно и так красиво упасть на софу, что опьяняла своими движениями всех своих бесчисленных поклонников.

Но сегодня ей было не до пластических поз. Она то вскакивала, бегала по салону, останавливалась у окна, бросая взгляды на дорогу, то опять садилась и погружалась в глубокое тревожное размышление.

Что она ответит? Как сделать так, чтобы смягчить отказ? Она не сомневалась, что разобьет сердце любящего человека, но искала слов, чтобы преподнести свой отказ в более мягкой форме. Она уже почти приготовила трудный ответ, как вдруг рыдания подступили к ее горлу. В конце концов ведь нужно сказать «нет», и одно это простое, но жесткое слово разрушало все здание ее хитросплетений.

В один момент, уступая более чистому естественному чувству, она чуть не изменила своего намерения и чуть не решила выйти замуж за Генри, несмотря на его бедность, несмотря на советы матери.

Но это благородное решение промелькнуло только, как молния в ее мозгу, и только еще больше сгустило

тучи, нависшие над ее судьбой; что если она поддастся слабости и уступит увлечению молодости и любви? Муж, лишенный наследства! Да ведь тысячи фунтов — все состояние Генри — хватит только на свадебную корзинку и брачные празднества! Мать ее, несомненно, обладает практическим умом. Да и дочерний долг обязывает повиноваться родителям.

Еще другая мысль утвердила ее в этом решении. Она была твердо уверена в чувстве Генри и в том, что всегда сможет его вернуть. Возможно, что генерал Гардинг раскается и уничтожит завещание, продиктованное в минуту гнева и досады. Миссис Мейноринг знала генерала, как человека, который никогда не изменяет того, что сделал. Но Бэладумала другое. Она смотрела на будущее сквозь призму надежды, освещенную любовью.

В таком тревожном настроении духа находилась мисс Мейноринг, когда грум доложил о приезде Генри Гардинга и ввел его в салон. Возможно, что при виде красивого элегантного молодого человека ее решение снова поколебалось. Но это продолжалось только один момент, мысль о лишении наследства вернула ей силы.

Она не ошиблась насчет причины посещения Генри. Во время последнего свидания они обменялись таким обещанием, которое не могло оставить никакого сомнения.

С откровенностью искренности, присущей его характеру и не допускающей задней мысли в других, Генри просил Бэлу сделаться его женой.

Последовавший ответ поразил его в самое сердце. Это не был категорический отказ, но молодая девушка подчиняла свое согласие решению матери.

Генри не мог этого понять. Эта величественная и в его глазах всемогущая красота вдруг должна была подчинить свое счастье желанию капризной и эгоистической матери? Удар был неожидан и тем более тяжел, что предвещал несогласие миссис Мейноринг.

Не в характере Генри было оставаться в неизвестности. Он тотчас же попросил разрешения поговорить со вдовой.

Через несколько минут миссис Мейноринг заняла на софе место дочери, которая предпочла не присутствовать при этом разговоре.

По ледяному приему и натянутому обращению вдо-

вы Генри понял, что все надежды его рушились. Опасения его немедленно подтвердились.

Миссис Мейноринг заявила, во-первых, что она очень польщена оказанной ей честью, но тотчас же прибавила, что материальное положение ее и ее дочери делают этот брак невозможным. Мистер Гардинг сам знает, что покойный муж ее оставил их почти без всяких средств, а так как сам молодой человек тоже находится в подобном же положении, то их союз при таких условиях был бы не только неблагоразумным, но недостойным безумием. Благодаря материнской любви, а также понятной материнской слабости, Бэла привыкла не к бедности. Может ли она быть женой человека, который должен бороться за свое существование? Она без содрогания не может подумать о такой судьбе для своего дорогого детища. Мистер Гардинг еще молод и целый мир перед ним, но он тоже не привычен к труду, привыкнуть к которому ему будет невыразимо трудно. Вот по этим-то причинам миссис Мейноринг считает себя в праве отклонить его предложение.

Генри молча слушал эту длинную речь, но выражение удивления все больше и больше выяснялось на его лице.

— Я не понимаю, миссис Мейноринг, вы не хотите же сказать...

— Что сказать, мистер Гардинг?

— Что я не в состоянии прилично обставить мою... вашу дочь. О какой борьбе вы говорите? Я не занимаюсь никаким трудом, это правда, но мне кажется, я в нем и не нуждаюсь. Состояние моего отца гарантирует меня от этого в настоящем и в будущем. Наследников только двое: я и мой брат.

— Вы так думаете, мистер Гардинг?— отвечала вдова тем же холодным и неприятным тоном.— Я жалею, что должна вас разочаровать. Состояние вашего отца не будет разделено поровну между вами, самое большее, что вам достанется, тысяча фунтов стерлингов. Что можно предпринять с такой ничтожной суммой?

Генри Гардинг уже не слышал последнего вопроса. Он понял, что ему больше нечего ждать в салоне миссис Мейноринг и, схватив свою шляпу и палку, быстро простился со вдовой.

Он и не подумал прощаться с Бэлой; отныне между

ним и ей образовалась непроходимая пропасть.

В то время, как отвергнутый жених удалялся от коттеджа, где обитала она, та, на которую он смотрел недавно, как на властительницу его судьбы, черные тучи собирались на небе, как бы отражая мрачные мысли, толпившиеся в его голове.

Это было первое серьезное горе, которое он испытал в жизни. Горе, так сказать, материальное и нравственное. После слов миссис Мейноринг он узнал, что он одновременно лишился любви и состояния. Но что ему было до потери богатства! Мысль, что слова любви, нежные взгляды, робкие пожатия руки, что все это было ложно, может быть, рассчитано,— вот что разбило сердце благородного молодого человека.

Подыскать извинение поведению Бэлы? Он попытался. Но причины отказа были слишком очевидны, слишком ясны условия, при которых была бы принята его любовь, и которые привели к тому, что сначала ему была подана надежда. Сколько коварства и кокетства! Генри поклялся заставить замолчать свое сердце. Жизненная борьба начиналась; Генри был молод, борьба грозила быть тяжелой, но его характер позволял надеяться, что он выйдет из нее победителем. Женщина, которую он поставил на пьедестал, как образец невинности и чистоты, оказалась корыстолюбивой эгоисткой, более достойной презрения, чем любви. Ему надо только помнить об этом, и чувство его к ней рассеется само собой. Решив это, Генри вспомнил об отце. Против него он испытывал глухой гнев. Очевидно, угроза лишения наследства приведена была в исполнение сегодня утром. Подробности, данные миссис Мейноринг по этому поводу, не оставляли в нем никакого сомнения. Откуда и как она добыла эти сведения, его не интересовало. Он знал, что она достаточно ловка, чтобы войти в соглашение с нотариусом, у которого генерал должен был составить свое завещание. Его мысли снова вернулись к завещателю, лишившему его одним ударом любви и состояния.

Безумец! В своей нравственной агонии он не подумал ни одной минуты, как дружески отнестся к нему отец, стараясь избавить его от испытаний более тяжелых, чем лишение его наследства. Его презрение к недостойной кокетке не было еще настолько сильно, чтобы дать возможность благоразумно взглянуть на вещи.

Угроза отца была условная. Стоило Генри только раскаяться, и он снова попал бы в милость и добился бы без всякой просьбы с его стороны изменения завещания. Его неповиновение заслуживало наказания, но наказание это было совместимо с той снисходительностью, с какой к нему всегда относился отец.

Так рассуждал бы всякий обыкновенный человек. Нигель Гардинг поступил бы так же и поспешил бы вымолить себе прощение.

Генри думал иначе. Глубоко уязвленный в своей гордости и в своей привязанности, он убедил себя, что дом его отца не для него.

С энергией отчаяния он уцепился за это героическое решение. Дойдя уже до ворот парка, он вдруг повернул назад и направился большими шагами к соседней станции железной дороги.

Час спустя он был уже в Лондоне, твердо решив не возвращаться в графство Букингем.

ХII. ДОБРОВОЛЬНОЕ ИЗГНАНИЕ

Вечером того же дня в столовой генерала Гардинга по обыкновению было накрыто на четыре прибора. Одно из мест за столом оставалось незанятым.

— Где же Генри?— спросил генерал, развертывая салфетку.

Нигель промолчал. Тетка, старая дева, скандализованная поведением своего племянника, нисколько не тревожилась его исчезновением. Камердинер не знал. Нигель же отлично видел, когда брат отправился к коттеджу Мейноринг. На прямой вопрос генерала, где Генри, он с искривленным лицом и дрожащим голосом рассказал об этом.

— Вероятно, его оставили обедать,— прибавил он,— миссис Мейноринг так любезна с ним.

— Ну, это скоро прекратится,— возразил генерал с улыбкой, просиявшей на минуту на его опечаленном лице.

Нигель пристально взглянул на отца, но не осмелился спросить объяснения. По-видимому, он испытал какое-то внутреннее облегчение. Сумрачное лицо его прояснилось.

Обед уже подходил к концу, когда вошел камерди-

нер с письмом, принесенным служителем маленькой гостиницы, находящейся недалеко от замка.

При первом взгляде, брошенном на конверт, генерал узнал почерк своего сына Генри.

Старик вскрыл письмо. По мере чтения лицо его все более и более омрачалось.

«Отец,

я не прибавляю «дорогой», это было бы лицемерием с моей стороны,— когда вы получите это письмо, я уже буду на пути в Лондон, оттуда пойду туда, куда повлечет меня судьба, ибо не хочу возвращаться под тот кров, который не могу считать своим. Я перенес бы, не жалуясь, лишение наследства, может быть, я заслужил его, но последствия, которые оно повлекло за собой, слишком ужасны, чтобы я мог относиться к нему без раздражения. Но зло уже сделано и говорить об этом больше нечего. Цель моего письма следующая. По смыслу вашего завещания, мне достается тысяча фунтов стерлингов. Не можете ли вы выдать мне их немедленно? Тысяча фунтов после вашей смерти — которая, надеюсь, еще долго заставит себя ждать,— слишком маленькая сумма, чтобы на ней можно было основывать какие-нибудь надежды на будущее. В настоящий момент эти деньги могут мне понадобиться, так как я решил покинуть родину и искать счастья под более милосердными небесами. Если я найду в Лондоне у вашего поверенного чек в тысячу фунтов на мое имя, это будет хорошо, если же нет, ваш отказ помешает мне уехать, но обращаться к вам еще раз с подобной просьбой я, конечно, не стану. Поступайте как вам угодно, отец. Может быть, мой милый брат, советов которого вы так охотно слушаетесь, поможет вам и на этот раз.

Генри Гардинг.

Можно представить себе волнение генерала при чтении этого сухого и холодного письма. При первых словах он вскочил и стал читать на ходу, а когда кончил, он топнул с такой силой по паркету, что задребезжал хрусталь и фарфор на столе.

— Милосердный Боже, что это значит!— вскричал он.

— Что, дорогой отец?— спросил медовым голосом Нигель.— Вы получили дурные известия?

— Известия! Известия! Это гораздо хуже!

— Можно спросить от кого?

— От Генри!.. Негодяй, неблагодарный! На, читай! Нигель повиновался.

— Действительно, очень неприятное послание — просто наглое, но что это значит? Я не могу понять.

— Не все ли равно! Достаточно того, что он уехал.

Я его знаю! Он сдержит свое обещание, он весь в меня. Уехал! Великий Боже, уехал!

Несмотря на всю сдержанность, у генерала вырвалось рыдание.

— Но,— заметил Нигель,— определенного он ничего не говорит. Это безумец!

— Ничего не говорит!— простонал генерал.— Да уж одно то, что он мог написать подобное письмо, в котором каждое слово есть посягательство на мой авторитет и вызов!..

— Это правда, и я не понимаю, как он мог осмелиться написать вам это. Очевидно, он страшно раздражен чем-то. Но его гнев так же скоро утихнет, как и ваше справедливое негодование, дорогой отец мой.

— Никогда! Я никогда ему не прощу! Он слишком много злоупотреблял моей снисходительностью! Но больше этого не будет! Я не желаю больше переносить подобного неповиновения, не говоря уже о том, что у него нет сердца. Клянусь Богом, он будет наказан!

— Вы правы, отец мой,— продолжал старший сын,— и раз он просит вас спросить моего мнения, я вам посоветовал бы предоставить его самому себе — по крайней мере на некоторое время. Возможно, что, оставшись без вашей великодушной поддержки, он скорее почувствует свою зависимость от вас и раскается. Я думаю, что тысячи фунтов стерлингов, которые он просит у вас, посылать не следует.

— Он не получит ни одного гроша, пока я жив!

— И надеюсь, что вы еще долго проживете, дорогой отец мой.

— Худо это или хорошо, мне все равно. Он не получит ни одного гроша! Пусть умрет с голода или образумится.

— Это лучшее средство заставить его вернуться,— с лицемерным вздохом проговорил Нигель.— И поверьте, что это скоро случится.

Это замечание, казалось, на минуту смягчило гнев

неумолимого генерала. Он вновь сел за стол и оставался с глазу на глаз со своей бутылкой портвейна гораздо дольше, чем обыкновенно. Вино, по-видимому, сделало его добрее. Перед тем, как ложиться спать, он, слегка пошатываясь, вернулся в свой кабинет и дрожащей рукой написал своему поверенному, приказывая ему выдать его сыну Генри чек на тысячу фунтов стерлингов.

Затем он позвал выездного лакея и приказал ему немедленно отнести на почту письмо.

Желая сохранить это в тайне от всех, генерал старался проделать это как можно тише.

К несчастью, человек, действующий под влиянием четырех бутылок портвейна, не может судить, насколько он осторожно действовал. Нигель отлично знал, что отец написал письмо, угадал, конечно, его содержание и, незамеченный генералом, присутствовал при его разговоре с лакеем. Он подстерег, когда последний собирался уходить, взял у него письмо и передал другому слуге, который, по его словам, шел гораздо дальше и по дороге мог занести письмо на почту. Но новый посол получил предварительно какие-то особые инструкции, вследствие которых письмо генерала не дошло по своему назначению.

ХІІІ. ЛОНДОНСКИЕ ДУШИТЕЛИ

Не зная Лондона, где он был не больше трех раз, Генри предоставил извозчику свезти его в какой-нибудь отель западной части города. Из боязни, что слух о его размолвке с отцом и о неудачном сватовстве уже распространился в городе, Генри не посетил ни одного из друзей генерала. Гордость не позволила ему ни ставить себя в смешное положение, ни вызывать сожалений. Он хотел скрыть свое горе от всей вселенной. По этой же самой причине он избегал всеми силами возможных встреч с товарищами по колледжу.

Человек, который снес его письмо к отцу, снабжен был также запиской к лакею, в которой Генри приказывал уложить его вещи, белье и оружие и отправить до востребования на станцию Педдингтон. Эти вещи да сто фунтов, которые случайно находились в его кошельке, когда он покинул родительский дом, составля-

ли все его богатство. Деньги исчезли, конечно, в первые же дни пребывания в Лондоне.

Первый раз в жизни он испытал неприятное чувство очутиться без денег в таком большом городе. Но сначала это ему не казалось страшным; он надеялся, что отец пришлет ему тысячу фунтов стерлингов. На этом основании он отправился через неделю к поверенному генерала и спросил, нет ли письма на его имя от отца.

Ответ был отрицательный.

Через три дня он снова пришел и повторил свой запрос. Ему отвечали, что «Лаусон и сын» (фирма дома) уже давно не получали от генерала Гардинга никаких распоряжений.

— Он ничего не пришлет,— грустно сказал себе Генри, уходя из конторы поверенного.— Он находит, что я еще недостаточно наказан, а мой милый братец подольет масла в огонь. Ну и пусть остается со своими деньгами. Я у него не спрошу больше ничего, хотя бы должен был умереть с голоду!

Во всяком личном самоотречении есть некоторая доля жгучего удовольствия, берущего свое начало скорее в злобе, чем в истинном мужестве и которое пропадает гораздо раньше, чем нравственная боль, его породившая. Молодой человек чувствовал себя страшно оскорбленным своим отцом и любимой женщиной. Он не мог их отделить друг от друга в своих мыслях, и его неприязнь к обоим была так сильна, что могла внушить ему самые крайние решения. Первое было — не возвращаться к поверенному, что он и сделал не без некоторого усилия над собой, так как уже страдал от недостатка денег. Теперь уже было не до расточительности. Он уже переехал в более скромный отель, но как бы дешева комната не была, платить за нее надо было. Положение становилось все затруднительнее. Что делать? Поступить на военную службу или в торговый флот? сделаться извозчиком? простым рабочим? Ни одна из этих профессий его не соблазняла. Не лучше ли было эмигрировать? На этом он и остановился.

К счастью, у него оставались еще прекрасные часы и драгоценные вещи. Денег, вырученных от продажи, вполне хватило бы на переезд в Новый Свет. Он хотел как можно дальше уехать от отца и Бэлы Мейноринг.

Он направился к докам, чтобы узнать, когда уходит корабль в Америку, но каюта, которую ему предложи-

ли на корабле, была хотя недорого, но очень скверная, и он не решился ее взять.

Было уже поздно, когда он сошел с империаля конки на Литль-Куин-Стрит, недалеко от своей гостиницы.

Он только что сделал несколько шагов, как ему бросилась в глаза лавочка с устрицами. Он был голоден. Он вошел в лавочку и приказал себе открыть дюжину моллюсков.

Перед прилавком стоял молодой человек и с аппетитом глотал поданных устриц. Вид его произвел на Генри странное впечатление. То был высокий, хорошо сложенный, красивый человек, оливковый цвет лица, черные волосы, глаза и горбатый нос которого указывали на иностранное происхождение. Несколько слов, произнесенных на плохом английском языке, ясно показывали, что перед ним был итальянец. Несмотря на бедный костюм, манеры его показывали в нем человека, если и не знатного происхождения, то хорошего общества.

Если бы у Генри спросили причину его внезапной симпатии к этому молодому человеку, он бы очень затруднился ответить. Симпатия эта была возбуждена прежде всего его изящными манерами и главным образом мыслью, что он видел перед собой иностранца, одинокого, вдали от родины — каким он будет скоро сам.

Ему очень хотелось заговорить с незнакомцем, но гордая сдержанность, начертанная на его лице, его плохое знание английского языка, а также страх, что его намерение будет дурно истолковано, удержали Генри от попытки начать с ним беседу.

Незнакомец едва удостоил взглядом молодого англичанина. Аристократические манеры, платье безукоризненного покроя, очевидно, внушили иностранцу мысль, что он видит перед собой одного из светских шалопаев.

Итальянец покончил с устрицами, расплатился и вышел из лавочки.

Генри с сожалением проводил его взглядом. Это было первое симпатичное лицо, встреченное им в Лондоне. Увидит ли он его когда-нибудь еще? Это было бы большим чудом в таком городе, как Лондон. Не должен ли он сам удалиться из этого города? Расплатившись с продавцом, Генри пошел домой.

Ночь была темная, и Генри быстро шел по направлению к Эссекс-Стриту, где находился его отель.

Он уже вошел в крытый и плохо освещенный проход, огибающий Линкольн-сквер, как вдруг в полумраке перед ним вырисовались силуэты трех человек, из которых один был, видимо, страшно пьян и опирался на двух других.

Он бы охотно избежал этой встречи, но ему не хотелось возвращаться обратно, и он продолжал свой путь. Подойдя ближе, он заметил, что пьяница совсем не стоит на ногах и если бы не поддерживающие его товарищи, свалился бы, как мешок, на землю. Люди стояли неподвижно на одном месте.

Генри, не обращая внимания, прошел мимо них. Отвратительная физиономия одного из них, повернувшегося в его сторону, заставила его быть настороже. Пройдя несколько шагов, он невольно повернул голову.

Достойное трио случайно остановилось как раз подле одного из редких фонарей, находившихся в проходе. Слабый свет, падающий на пьяницу, осветил его черты, в которых Генри узнал молодого человека, заинтересовавшего его в устричной лавочке.

Вскрикнув от изумления, Генри бросился к странной группе.

— Что это значит, — спросил он повелительным голосом, — этот человек пьян?

— Пьян, как стелька, — отвечал один из подозрительных субъектов, — целый час мы уже возимся с этой тушей.

— Неужели?

— Правда, сударь. Как видите, он хватил лишнее, он наш приятель, и мы не хотим, чтобы он попал в участок.

— Конечно, вы этого не хотите, — отвечал с иронией молодой человек, понявший причину неподвижности иностранца. — Это очень любезно с вашей стороны, но я тоже его приятель. Я уж позабочусь о бедняге, избавлю вас от этого труда. Поняли?

— Черт возьми, что это значит?

— А вот что! — крикнул Генри, будучи не в силах больше сдерживать свое негодование. Вот! — повторил он, с треском опуская свою тяжелую палку на голову одного из мошенников, — вот! — повторил он еще раз, ударя другого, и вслед за тем все трое — два негодяя и их жертва, упали на землю.

В этом квартале Лондона полицейские посты очень редки, но по счастливой случайности один полисмен, проходя по Куин-Стрит, услышал шум и проник в проход в тот момент, когда Генри расправлялся с ворами.

Он помог молодому человеку связать мошенников и свезти их в ближайший участок. Пока душителю сажали под замок, иностранец оправился от своего оцепенения, причиненного хлороформом. Затем Генри отвез незнакомца на его квартиру.

XIV. ВЫБОР КАРЬЕРЫ

Часто самой незначительной случайности достаточно, чтобы совершенно перевернуть нашу жизнь. Наша судьба зависит от случая. Если бы Генри не пошел по темному проходу и не спас незнакомца, по всей вероятности, его жизнь пошла бы по иному пути.

Через несколько дней он уже намеревался отплыть в Вест-Индию, откуда, может быть, никогда бы не вернулся. Между тем как теперь он сидел в мастерской с палитрой в одной руке и кистью в другой, в классической блузе и вышитом берете. Одним словом, он сделался живописцем.

Эта перемена в его судьбе объясняется очень просто. Молодой человек, которого он спас, сделался его учителем. И Генри решился добывать себе хлеб живописью. Генри всегда выказывал способности к рисованию. В нем билась артистическая жилка, которая даст успех.

Луиджи Торреани, молодой художник итальянец, сам был из начинающих, но шел быстрыми шагами к славе, он мог уже работать не только для куска хлеба — имя его было известно, картины его высоко ценились.

Узнав о проектах молодого англичанина, Луиджи Торреани предложил ему давать уроки живописи. Генри почти ничего не рассказывал о своей предыдущей жизни, да притом итальянец ни о чем и не спрашивал, он был слишком деликатен и слишком признателен, чтобы какие-нибудь подробности прежней жизни Генри могли повлиять на его чувства. Он горячо отговаривал Генри от эмиграции, и тот поддался на его увещания.

Это неожиданное знакомство двух молодых людей почти одного возраста, равных по рождению и привычкам, привело к тому, чего и следовало ожидать. Генри и Луиджи скоро сделались близкими друзьями, разделяя трапезу, жилище и мастерскую.

Такое сожительство продолжалось несколько месяцев, пока Луиджи, восхищенный успехами своего ученика и товарища, не предложил ему поехать на некоторое время в Рим, чтобы усовершенствоваться в своем искусстве, изучая классические образцы, собранные в древней столице. Молодому итальянцу не было необходимости черпать из этого же источника. Итальянец по рождению, он вырос среди чудес искусства. Он приехал в Лондон для того, чтобы иметь возможность больше получать за свои картины. Молодого англичанина привлекала поездка в Рим, как вообще увлекает молодежь мысль посетить Италию. Италия! Италия! Отечество Тассо, Ариосто, Баккачио и бандитов!

К любопытству, свойственному всем путешественникам, у Генри Гардинга примешивалась еще надежда залечить раны, нанесенные ему отцом и любимой девушкой.

В Англии ему все еще живо напоминало о недавнем крушении всех его надежд. В чужом же краю новая жизнь, новые лица должны были развлечь его и дать забвение.

XV. ПРЕРВАННАЯ РАБОТА

По дороге, ведущей в Вечный город, шел одинокий молодой человек, направляясь к гористой местности, где начинаются отроги Аппенин.

Это не был итальянец. Прекрасное открытое лицо, розовые щеки, обрамленные густыми каштаново-золотистыми вьющимися волосами, геркулесовское сложение, решительные манеры, твердая поступь — все указывало в нем на уроженца севера, англо-саксонца.

По альбому под мышкой, по палитре, надетой на большой палец левой руки и полудюжине кистей, сейчас же можно было узнать художника, в поисках за сюжетом.

Ничто ни в его costume, ни в его багаже не оставляло на себя внимания. Встретить артиста в ок-

рестностях Рима считалось самым заурядным явлением.

Если какой-нибудь прохожий и оглядывал более внимательно молодого человека, то только потому, что он был «Inglese».

Национальность художника не могла возбуждать ни в ком сомнения, тем менее в читателе, который, разумеется, узнал в нем нашего героя Генри Гардинга.

Он последовал советам своего друга и решился закончить свое художественное образование под прекрасным небом Италии, среди великолепных развалин семихолмного города. Средства к жизни он добывал своей кистью. Но, судя по его изношенной одежде и обуви, обстоятельства его были не блестящи.

Куда он шел? Он зашел уже настолько далеко, что потерял из виду Вечный город с его развалинами. Он уже достаточно изучил и зарисовал арки и фрески Капитолия и Колизея. Теперь он шел в горы, чтобы окупаться в чистом источнике природы и набросать на полотно деревья, скалы, ручьи, залитые горячим солнцем Италии.

Это была его первая экскурсия за город. Он счел лишним взять с собой гида и ограничивался тем, что спрашивал у прохожих по временам дорогу в Вальд'Орно, маленький городок, запрятанный в горах, неподалеку от неаполитанской границы.

Синдику этого города он нес письмо от сына, иными словами от Луиджи Торреани. Но главной его целью было найти сюжет для картины. Несколько раз уже ему хотелось остановиться и срисовать пейзаж, являющийся перед его глазами.

Но он думал, что все эти пейзажи были слишком близко от Рима, чтобы не быть срисованными уже много раз.

Итак, он продолжал свой путь к лесистым холмам, вырисовывавшимся на горизонте. К вечеру он дошел до них и с трудом взобрался на выступ скалы, откуда открывался восхитительный вид.

Слегка закусив взятой с собой провизией и закулив трубку, Генри решил, несмотря на усталость, набросать на полотно чудный закат солнца. Густые деревья, фантастические скалы, пенящиеся потоки, волшебные переливы тонов представляли богатейший материал для художника.

Но чтобы оживить пейзаж, недоставало нескольких человеческих фигур или животных.

— Ах!— громко вскричал он,— сюда надо было бы нескольких разбойников на первом плане. Вот была бы картина! Вот успех! Я бы дал...

— Сколько?— раздался чей-то голос, выходящий из скал.— Что бы вы дали, г-н художник, чтобы иметь то, о чем вы говорите? Я бы мог вам это доставить.

Человек, произнесший эти слова, вынырнул из чащи кустов, приблизился медленным и размеренным шагом и остановился на маленькой площадке, где артист установил было свой мольберт.

Генри обернулся, пораженный удивлением и восторгом. С точки зрения искусства лучшего нельзя было желать. Перед ним стоял великолепно сложенный человек в бархатном одеянии, шелковом шарфе вокруг бедер, в шляпе с пером, сдвинутой на бок и коротким карабином на плече. Только широкое саксонское лицо и английский акцент отличали его от героического типа, который мы привыкли видеть на сцене.

— Вы хотите нарисовать бандитов, не правда ли? Так вам везет. Шайка недалеко, я их сейчас позову. Эй, капитан!— вскричал рыцарь большой дороги, на этот раз по-итальянски,— сюда! Это простой мазилка! Он желает написать ваш портрет. Надеюсь, что вы ничего не имеете против?

Прежде чем художник успел произнести слово, площадка наполнилась людьми в таких живописных костюмах, что если бы он их встретил в другой обстановке, он испытал бы величайшее наслаждение перенести их на полотно с мельчайшими подробностями.

Но в настоящий момент всякое артистическое желание вылетело у него из головы. Он находился в руках бандитов. Ускользнуть от них нечего было и думать. Если бы он даже и вздумал бежать, то пуля из карабина немедленно уложила бы его на месте. Ему оставалось только покориться.

XVI. ВЫКУП

Если человек, прервавший работу художника, и не представлял классического типа бандита, то другой отвечал ему как нельзя лучше. Он держался немного

впереди своих товарищей. Выражение его лица, манеры, все дышало высокомерием власти. Ошибиться было нельзя, это был начальник шайки.

Его одежда, хотя такого же покроя, как и у прочих, отличалась богатством материала и украшений. Оружие его было усыпано драгоценными камнями, бриллиантовая пряжка придерживала перо на его калабрийской шляпе. Овал лица, нос с горбинкой, выдающийся четырехугольный подбородок указывали на римское происхождение.

Он был бы красив, если бы не выражение почти звериной свирепости, сверкающей в его черных, как уголь, глазах.

Прошло несколько минут молчания. Первый разбойник затерялся в рядах товарищей, неподвижно ожидавших, когда заговорит начальник.

Последний бесцеремонно осматривал молодого художника с ног до головы. Осмотр этот, казалось, его не удовлетворил. Действительно, трудно было ожидать добычи в карманах этого поношенного платья. С самой презрительной гримасой разбойник произнес только одно слово.

— Artista?

— Si, signore, — отвечал непринужденно художник. — К вашим услугам. Желаете портрет?

— Очень мне нужна ваша мазня, г-н художник. Я желал бы лучше, чтобы нам попался какой-нибудь разносчик с толстым кошельком. А на что нам ваша пачкотня? Вы из города? Каким образом мы попали сюда?

— На своих двоих, — неустрашимо ответил молодой англичанин.

— Я и так это вижу по вашим ботинкам. Довольно болтать! Что у вас в кармане? Одна или две лиры? Не так же бедны, чтобы не иметь уж и этого. Сколько же, синьор?

— Три лиры.

— Давайте.

— Вот.

Разбойник взял их с такой небрежностью, точно получил их в уплату за услугу.

— Это все? — спросил он, бросая на артиста испытующий взгляд.

— Все, что я взял с собой.

— А в городе?

— Немножко больше.
— Сколько?
— Около восьмидесяти лир.
— Черт возьми! Кругленькая сумма! Где она лежит?

— У меня дома.
— Ваш хозяин может ее достать?
— Да, взломав чемодан.
— Отлично, напишите ему приказ взломать чемодан и прислать вам деньги. Джиованни, бумаги, Джакомо, чернил! Напишите, г-н артист.

Понимая бесполезность всякого сопротивления, художник повиновался.

— Подождите,— вскричал разбойник, останавливая его за руку,— у вас должно быть еще что-нибудь, кроме денег. Вы англичане, любите таскать за собой в дорогу всякий хлам. Напишите в письме и об этом.

— Но это вас не обогатит. Еще один костюм подобный этому, который вы видите на мне. Десятка четыре неоконченных этюдов, не имеющих для вас никакой цены.

— Ха, ха, ха!— залился веселым хохотом разбойник, которому вторили товарищи.— Как вы проницательны, как вы поняли наши вкусы! Ну-с, так вот, извольте видеть. Решим так. Оставьте у себя картины, синьор артист, и старое платье; нам нечего с ними делать. Пишите только о деньгах. Подождите еще,— опять остановил его начальник.— У вас же есть друзья в городе. Как я об этом не подумал! Они с восторгом примут участие в вашем выкупе.

— У меня нет друзей в Риме, во всяком случае, ни одного такого, который согласился бы заплатить за меня пять лир, чтобы вырвать меня из ваших когтей.

— Вы шутите, синьор!

— Я вам говорю чистую правду.

— Когда как...— проворчал разбойник...— впрочем, мы увидим,— прибавил он после краткого размышления.— Слушайте, г-н художник, если вы сказали правду, вы сегодня же можете вернуться домой. Если нет, вы проведете ночь в горах и можете остаться без ушей, поняли?

— Слишком хорошо, к несчастью.

— Отлично, еще одно слово. Помните, что посыльный, который понесет ваше письмо, справится обо

всем, что касается вас, даже о качестве вашего платья и ваших картин. Если у вас есть друзья, он их найдет. И клянусь Пресвятой Девой, если я узнаю, что вы надули нас, берегите ваши уши, синьор!

— Идет. Я принимаю ваши условия.

— Отлично, пишите.

Написанное письмо, адресованное хозяину гостиницы, где жил молодой англичанин, было вручено одному из бандитов, носившему костюм крестьянина Кампаньи.

Столкнув временный мольберт, воздвигнутый нашим артистом, и бросив в поток начатый им этюд, разбойники начали взбираться на гору в сопровождении своего пленника.

XVII. НЕПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Читатель, вероятно, удивлен тем, что молодой англичанин с таким хладнокровием отнесся к своему плену. Попасть в руки итальянских разбойников, известных своей жестокостью, не шуточное дело. А между тем Генри Гардинг, казалось, очень легко отнесся к своей участи.

Объясняется это очень просто. В другое время Генри бы серьезно испугался за могущие быть последствия. В настоящий же момент, его собственное горе заставило его смотреть на это, как на самое обыкновенное неудачное приключение.

Раны, нанесенные отцовской жестокостью и бархатной ручкой Бэлы Мейноринг, все еще не зажили.

Было даже время, когда он охотно искал подобных приключений — в первое время своего удаления из родительского дома. Двенадцать месяцев уже прошло с тех пор, и упорная работа в некоторой мере принесла ему нравственное успокоение. Впрочем, перемена места и обстановки, вероятно, принесла бóльшую пользу.

Тем не менее, воспоминания еще были настолько остры, что заставляли его быть равнодушным к своей собственной судьбе.

Весь отряд поднимался в гору по ужасной дороге, которая, вероятно, лучше содержалась во времена Цезарей.

Генри мало интересовало, куда ведут его разбойни-

ки, он думал только, нельзя ли как-нибудь срисовать разбойничий бивуак в какой-нибудь пещере.

Каково же было его удивление, когда он увидел, что разбойники спокойно вошли в большую деревню, сняли свое оружие, приставили его к стенам домов и стали готовиться к ночлегу.

Крестьяне не выказывали никакого страха при появлении пришельцев. Наоборот, многие присоединились к попойке бандитов; сам священник переходил от одной группы к другой, щедро расточал благословения и принимал в уплату деньги, может быть, взятые из кармана какого-нибудь несчастного путешественника или даже такого же служителя церкви.

Эта оригинальная сцена так заняла Генри, что он совсем забыл о своем приключении.

Генри все время был на свободе. Покорность его своей судьбе и его видимое равнодушие ко всем последствиям плена убедили бандитов, что его связывать не стоит. Да если бы даже он убежал, им тревожиться было нечего. Раньше, чем пленник доберется до Рима, их посыльный заберет деньги из его чемодана и вернется к своим. Рассчитывать же на богатый выкуп со стороны друзей, судя по его потертому костюму, было трудно.

Итак, когда наступила ночь, то больше по привычке, чем по надобности, к Генри подошли разбойники с веревками.

В одном из них Генри узнал первого разбойника, заговорившего с ним на площадке по-английски. Физиономия его напоминала висельника. Видно было, что не всегда носил он такой фантастический костюм и что в шайке занимал он последнее место.

Когда он остановился перед Генри и стал хладнокровно распутывать веревку, у Генри похолодело сердце. Впервые приходится ему испытывать подобное унижение, особенно чувствительное для англичанина и недавно еще наследника миллионного состояния.

Сначала он энергично отказался позволить связать себе руки, находя это совершенно излишним, так как бежать он не намеревался, и бандиты обещали ему свободу при условии, что он внесет условленный выкуп.

— Какие там условия,— грубо возразил бандит, продолжая разматывать веревку,— это нас не касается, наше дело связать вас, как приказал начальник.

Положение казалось безвыходным. Генри вздумал прибегнуть к его чувствам, как соотечественнику.

— Ведь ты англичанин,— сказал он ему самым умиротворяющим тоном.

— Был,— резко ответил бандит.

— Надеюсь, что вы и продолжаете им быть?

— А вам какое дело?

— Оттого, что я сам англичанин.

— Кто ж с вами спорит об этом! Что вы меня за дурака принимаете? Неужели вы думаете, что я этого не заметил по вашему лицу и по вашему проклятому языку, которого я надеялся никогда больше не слышать.

— Послушай, голубчик! Ведь не часто попадаются англичане.

— Держи язык за зубами! Не называй меня голубчиком. Руки скорее, веревка готова. И так как вы англичанин, то я свяжу вас на славу. Провались я на этом месте!

Видя, что смягчить презренного преступника не удастся и сопротивление невозможно, молодой человек протянул свои руки. Разбойник стал связывать их за его спиной.

В этот момент глаза его остановились на мизинце левой руки пленника, на котором был большой продольный рубец. Он выпустил обе руки Генри, точно они были из раскаленного железа и отскочил назад с криком удивления и злобной радости.

Пленник при этом неожиданном движении тоже застыл от изумления. В грубом разбойнике он узнал их бывшего егеря, контрабандиста и убийцу Догги Дика!..

— Хо, хо, хо!— вскричал Догги Дик, прыгая на месте, точно обезумел от счастья.— Хо, хо, хо! Неужели это вы, мистер Генри Гардинг? Кто бы мог думать, что я встречу вас здесь, в горах Италии, и в таком костюме! Прежде вы были гораздо наряднее. Что же случилось со старым генералом и его чудным именем... и с фазанами? Да, с фазанами! Вы помните, не правда ли? Я помню и никогда не забуду!

Дьявольская гримаса искривила его черты при этих словах.

— Вероятно, ваш кроткий брат Нигель получил все? И леса, и фермы, и фазанов, и, клянусь, даже ту хорошенькую куколку, которая так была близка вашему

сердцу, мистер Генри? Она не из тех, кто выйдет замуж за бедного! Ваше платье вы взяли точно от старьевщика.

До сих пор Генри отвечал презрительным молчанием на издевательства бандита, но при последних словах кровь Гардингов закипела в нем, и лицо его приняло страшное выражение. Догги Дик понял, что зашел слишком далеко и подумал об отступлении.

К несчастью, было уже поздно. Прежде чем он мог сделать шаг, левая рука Генри сжала его за горло, между тем, как правый кулак со страшной силой опустился на его череп. Ренегат безжизненной массой свалился на землю.

При виде этого все бандиты вскочили на ноги и с криками ярости окружили молодого человека.

В одну минуту Генри был опрокинут, связан и избит при одобрительных криках деревенских девушек.

XVIII. СИМПАТИЯ

Эта дикая сцена имела, однако, одного сострадающего зрителя. Лишнее прибавить, что это была женщина, так как ни один мужчина в деревне не посмел бы пойти против разбойников. Последние считали себя полными хозяевами. Благодаря тому, что их логово находилось по соседству, они в любой момент могли ворваться в деревню и предать ее грабежу.

Молодая девушка, пожалевшая англичанина, была дочерью синдика или старшины этого местечка, но предпринять что-нибудь для избавления иностранца не могла. Вмешательство ее отца могло бы только ухудшить положение англичанина.

Эта молодая девушка, стоявшая на балконе самого красивого дома в деревне, представляла идеальный тип классической красоты древнего Рима.

Она казалась одинокой овечкой среди волков, и молодой англичанин не мог не заметить ее.

Со времени прихода банды она не тронулась с места, и так как разбойники расположились недалеко от дома ее отца, молодой человек отлично заметил все ее малейшие движения.

Он заметил, что разбойники относятся к ней с известным уважением, а также и то, что взгляды ее останавливались на нем с сочувствием и состраданием.

Смотря на эту итальянку со смуглым лицом, он вспомнил о Бэле Мейноринг впервые без особой горечи.

Мало-помалу он почувствовал какое-то облегчение от прежних горестей, которые он приписал испытанному им унижению в настоящем.

Что-то ему говорило, что если бы он мог подольше видеть эту римскую девушку, он мог бы, может быть, забыть Бэлу Мейноринг.

Находясь в плену, он чувствовал себя однако счастливее, чем последние два года на свободе. Созерцание чудной живой статуи произвело на него сильнейшее впечатление в один час, чем все сокровища искусства Вечного города в течение целого года.

Это нарождающееся счастье не лишено было некоторой тревоги. Генри заметил, что молодая девушка взглядывала на него украдкой, но как только взгляды их встречались, быстро отворачивалась.

Эта наивная стыдливость наполняла бы его сердце радостью, если бы он скоро не открыл причину. За молодой девушкой внимательно следил начальник бандитов, сидевший с кружкой в руке у дверей таверны и не сводивший глаз с дома синдика. Молодая девушка, казалось, была недовольна этим и даже ушла с балкона, куда привлек ее снова только шум борьбы между пленником и бандитами.

Связанный, избитый Генри не спускал с нее глаз, и чувство унижения, даже боли стерлось перед тем взглядом, какой она бросила и который как бы говорил ему: «мужайтесь и терпите! Если бы я могла, я бы спустилась к вам, бросилась бы в толпу ваших палачей, чтобы вырвать вас из их рук, но малейшее участие с моей стороны было бы сигналом вашей смерти».

Спустилась ночь, фигура молодой девушки потерялась во мраке.

Скоро из таверны, куда забрались все бандиты, раздались звуки скрипок и мандалин, сопровождаемые хохотом, звоном стаканов, проклятиями и ссорами, закончившимися ножами.

С того места, где был брошен связанный Генри, он отлично видел всю происходящую оргию. Впрочем, он не был один. Против обыкновения разбойники сторожили его с особой внимательностью.

Удивление Генри увеличилось еще, когда ночью

начальник бандитов, выйдя из таверны, пошатываясь и ругаясь, приказал усилить надзор за ним, прибавив, что если пленник сбежит, то часовые будут немедленно расстреляны.

Что это была не простая угроза, Генри понял по тому, что часовые снова внимательно осмотрели и закрутили ту же его веревки.

О бегстве нечего было и думать.

В этот момент Генри страшнее, чем когда-либо, желал свободы. Приказ начальника и внимательное отношение часовых возбудило в нем подозрение. Разве стали бы так сторожить, если бы намеревались отпустить его на следующее утро?

Генри видел посланца, вернувшегося из города и вручившего начальнику его восемьдесят лир. Значит, этого выкупа было недостаточно.

Какие пытки предстоит ему еще вынести в отместку за его обращение с Догги Диком? Не сочла ли банда общим оскорблением удары, нанесенные им ренегату?

Перемена в обращении бандитов с ним могла объясняться только этим, и Генри горько раскаивался в своей несдержанности. Он бы не стал сожалеть о своей вспышке, если бы узнал истинную причину перемены отношения к нему бандитов. Причина эта была гораздо серьезней, чем ненависть, питаемая к нему Догги Диком.

Генри грозило не только долгое лишение свободы, но может быть, даже лишение жизни.

Глубоко врезавшиеся в тело веревки и жесткое ложе, иными словами, просто уличная мостовая, долго не давали ему возможности заснуть, но, наконец, сон смежил его веки. Он крепко спал до того момента, когда пение петухов и сильный удар ногой часового не напомнили ему о горькой действительности.

ХІХ. В ПУТИ

На рассвете дня разбойники отправились в путь. Деревня, в которой они провели ночь, не была их постоянным убежищем. Здесь они останавливались случайно на один, на два дня, так как более продолжительное пребывание могло бы вызвать неожиданную встречу с папскими войсками, которые обыкновенно появля-

лись только после какого-нибудь особенного преступления, совершенного бандитами.

Так было и на этот раз. Гонец, посланный в город, чтобы вскрыть чемодан Генри, принес важные известия. Бандиты тотчас же снялись с бивуака.

Пленников у них не было, кроме Генри, но добычи было много: серебро, посуда, драгоценные камни и другие вещи, выкраденные с виллы одного знатного римлянина. По этому-то поводу папские войска и были отправлены в погоню.

Логовище разбойников было запрятано далеко в горах. Еще до конца путешествия ноги пленника были в крови. Поношенная обувь его совершенно развалилась при ходьбе по каменистой дороге.

Руки его, связанные позади, не давали возможности поддерживать равновесие, усталость от большой ходьбы накануне, почти бессонная ночь и упадок духа лишили его совершенно сил.

Строгий надзор за ним ясно показал ему, что не скоро ему вернут свободу. Разбойники не сдержали слова, хотя и получили условленный выкуп.

Когда банда снималась с бивуака, Генри нашел возможность заговорить с начальником и напомнил о его обещании.

— Вы сами освободили меня от него!— возразил бандит с диким проклятием.

— Каким образом?— наивно спросил пленник.

— Черт возьми, как вы наивны, синьор англичанин! Вы уже забыли об ударе, нанесенном одному из моих людей?

— Он его заслужил.

— Это уж мое дело судить. По нашим законам вы заслуживаете наказания. Око за око, зуб за зуб!

— В таком случае, вы отомщены. Ваши люди заплатили мне по двадцати ударов за один, о чем свидетельствуют мои бока.

— А,— возразил с презрением бандит.— Радуйтесь, что вы слишком дешево отделались. Благодарите Мадонну или, вернее, этот рубец на мизинце.

Последнее замечание сопровождалось каким-то загадочным взглядом, не предвещающим ничего доброго, принимая во внимание строгий надзор.

На второй день вступили в гористую местность, заросшую высоким лесом. Идти было все труднее и тя-

желее. То приходилось взбираться на почти отвесные скалы, то скользить по таким узким ущельям, где было место только для одного человека.

Путешественники страдали от жгучей жажды, которую, наконец, утолили снегом, найденным в горных закрытых лощинках.

Перед заходом солнца сделали остановку, и один из разбойников послан был на разведку на вершину одинокой конусообразной горы.

Минут двадцать спустя послышался вой волка, который затем повторился немножко дальше, потом блеяние козы. По последнему сигналу банда тронулась в путь.

Взобрались на коническую гору. Когда добрались до вершины, страшная картина развернулась перед глазами пленника. У его ног амфитеатром высились скалы, густо поросшие густым лесом. В глубине пруд, недалеко от него среди деревьев какие-то сероватые стены, из которых подымался дым, свидетельствовавший о присутствии человека.

Эта выбоинка и была главным местом свидания всех бандитов. Отряд пришел на место как раз в момент заката солнца.

Жилище разбойников частью напоминало маленькую деревушку. Два или три дома были сложены из камня, остальные просто представляли соломенные хижины, которые обыкновенно встречаются в горных округах итальянского полуострова.

Деревушка была окружена буковым лесом. Старые ели высились на вершинах окружающих гор.

В центре этого природного цирка блестел пруд, по всей вероятности, жерло потухшего кратера, служившее в настоящее время хранилищем дождевых и снеговых вод, стекающих с гор.

Соломенные хижины, очевидно, были выстроены самими разбойниками, каменные дома, вероятно, были воздвигнуты когда-то горными инженерами, занимавшимися здесь добычей руды.

На север и на юг возвышались две скалы, на которых стояли часовые.

По приказу начальника шайки два бандита отвели Генри в темную комнату одного из каменных домов и с грубым ругательством закрыли за ним дверь.

Генри услышал звук запираемого замка, и затем все погрузилось в молчание. Первый раз в жизни он находился в темнице.

XX. ПИСЬМО

Как только закрылась за ним дверь, Генри Гардинг с облегчением растянулся на земле и заснул крепким сном.

Он проснулся при первых лучах солнца, ударявших ему прямо в лицо.

Он встал и огляделся кругом. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что он был в темнице.

Окно, находившееся на большой высоте, было такое узкое, что через него могла пролезть только кошка. Вертикальная железная полоса еще больше суживала отверстие.

Дверь же была настолько крепка, что нечего было и думать о бегстве без содействия часовых. Генри на это рассчитывать было нечего, и он решил философски спокойно ожидать событий.

Он был голоден и съел бы все, что бы ему ни попало на зубы.

Он прислушался, мысленно призывая разбойника с завтраком.

Но в коридоре раздавались только мерные шаги часового.

Через час нетерпеливого ожидания слышались еще другие шаги в коридоре.

Послышался краткий разговор, ключ завизжал в замке, и дверь открылась настежь.

— Здравствуйте, мистер Генри! Хорошо почивали? Капитан шлет вам свой привет и хочет вас немедленно видеть.

Догги Дик грубо схватил за плечи пленника и потащил его к начальнику.

Как и надо было ожидать, это была лучшая комната в доме. Но артиста поразила роскошь обстановки. Богатая мебель, зеркала, часы, всевозможные шкафики и столики, серебро, люстры, одним словом, предметы утопченной роскоши, но расставленные без всякого вкуса, в смешении разных стилей, они скорее напоминали лавку редкостей или лавку ростовщика.

Посредине комнаты сидели мужчина и женщина. Мужчина был начальник бандитов Корвино, как называла его сидевшая с ним рядом женщина, называемая им, в свою очередь Кара Попетта. «Кара» по итальянски значит «милая».

Это была большая женщина, почти одного роста с Корвино и так же живописно разряженная. На ней была масса украшений из жемчуга, золота и металлических вышивок. Благодаря своей бронзовой коже, черным, как вороново крыло, волосам, она могла бы служить украшением любого индейского стана.

По-видимому, когда-то она была удивительно хороша собой; когда улыбалась, она показывала двойной ряд блестящих белых зубов, хотя улыбка ее напоминала тигрицу, скалившую зубы, чтобы броситься на свою добычу.

Кара Попетта, которой не было еще и 30 лет, могла бы называться еще красавицей, если бы не багровый шрам, пересекающий правую щеку и совсем обезобразивший ее лицо.

Судя по выражению ее глаз, душа ее была тоже обезображена многими рубцами. Взгляд, который она бросила на пленника, заставил бы задрожать Генри, если бы он понял его значение.

Но Генри некогда было предаваться размышлению, начальник немедленно приказал ему сесть за стол.

— Бесплезно вас спрашивать, умеете ли вы писать, синьор *artista*,— проговорил бандит, указывая пальцем на перо и чернила.— Рука, умеющая владеть кистью, сумеет держать и перо. Пишите под мою диктовку, переводя на ваш язык. А вот и бумага.

На столе лежало несколько листов почтовой бумаги.

Пленник взялся за перо, не будучи в состоянии представить себе, кому он будет писать. Впрочем, он недолго оставался в неизвестности.

— Сперва адрес,— приказал разбойник.

— Кому?— спросил пленник, приготавлиаясь писать.

— Синьору генералу Гардингу.

— Генералу Гардингу?— вскрикнул Генри, вскочив на ноги и уронив перо.— Моему отцу? Что вам от него надо?

— Без вопросов, синьор художник! Садитесь и пишите.

Генри снова сел и написал адрес. Он вспомнил о

своем последнем письме, посланном из гостиницы, находящейся на границе владений его отца, но у него не было времени предаваться воспоминаниям, бандит торопил его.

«Дорогой отец»,— продиктовал бандит.

Генри опять остановился. Он вспомнил, что он тогда не поставил слово «дорогой». Неужели он напишет его сегодня под диктовку разбойника?

Надо было повиноваться, начальник повторил фразу, сопровождая ее страшным ругательством.

— А теперь,— сказал Корвино,— пишите и не останавливайтесь, иначе это будет дорого стоить.

Эта угроза была произнесена тоном, не оставляющим сомнения в ее значении.

Генри написал следующее письмо:

«Дорогой отец, уведомляю вас, что я в плену в горах Италии на расстоянии сорока миль от Рима, на границе Неаполитанской территории. Люди, у которых я нахожусь в неволе, неумолимы и убьют меня, если не получат выкупа. Они будут ждать вашего ответа и с этой целью посылают вам гонца, за целостность которого будет порукой моя голова. Если вы его арестуете или почему-либо он не вернется сюда, это отомстится на мне, и я буду подвергнут самым ужасным пыткам. Выкуп мой определен в тридцать тысяч лир. За эту сумму я получу свободу и знаю, что обещание свое они сдержат, так как эти люди, сделавшиеся разбойниками вследствие нелепых преследований деспотичного правительства, тем не менее исповедуют истинные принципы честности и порядочности. Если вы не пришлете денег, дорогой отец, могу вас заверить, вы никогда не увидите более вашего сына».

— Теперь подпишитесь,— сказал разбойник, видя, что Генри кончил писать.

Генри выпрямился и уронил перо. Он писал под диктовку и, занятый переводом, не мог схватить истинный смысл написанного.

Но когда у него потребовали подписаться под этим унижительным призывом к отцовскому милосердию,— а в нем еще жило воспоминание о его последнем гордом письме,— он почувствовал не только отвращение, но и стыд.

— Подпишитесь,— вскричал бандит, приподнимаясь на своем кресле,— подпишитесь же!

Генри колебался.

— Если вы сейчас же не возьмете пера и не подпишите своего имени под этим письмом, клянусь Мадонной, прольется кровь! *Cospetto!*— я не позволю насмехаться надо мной какому-то мазилке, проклятому англичанину!

— О синьор,— вскричала Попетта, до сих пор не проронившая ни одного слова.— Послушайтесь его, *duopo cavaliere*. Муж всегда так поступает с теми, которые слишком удаляются от большого города. Подпишите, *саго тио*, и все пойдет хорошо. Вы будете свободны и вернетесь к своим друзьям.

Произнеся эту маленькую речь, Попетта сошла с дивана, на котором отдыхала, подошла к молодому англичанину и положила ему руку на плечо.

Но ласковый тон ее голоса и мягкое выражение глаз не понравились ее мужу и господину. Корвино вскочил с места, схватил свою жену за талию и грубо отбросил в угол комнаты.

— Не вмешивайся не в свое дело!— крикнул он.

Затем, обратясь к пленнику и вытаскивая пистолет из кармана, он прохрипел: «Подписывайте»!

Дальнейшее сопротивление было бы безумием. Намерение бандита было ясно, слышался звук взводимого курка.

На один миг у пленника мелькнула мысль броситься на противника и схватиться с ним, но если бы даже он вышел победителем из этой борьбы, Догги Дик и десятка два других разбойников немедленно расстреляли его без всякого сомнения.

Оставалось или умереть, или подписать.

Генри наклонился и написал два слова: Генри Гардинг.

— Синьор Рикардо!— позвал начальник.

Вошел Догги Дик.

— Умеешь читать?— спросил Корвино, протягивая ему письмо.

— Я не больно учен,— ответил ренегат,— но думаю, что сумею разобрать эти каракули.

Он прочел письмо по складам и удостоверил перевод.

Конверт запечатали, надписали адрес под диктовку синьора Рикардо. После этого пленника опять связали и отвели в темницу.

В тот же вечер в Рим был послан гонец.

XXI. ПОД КЕДРОМ

Целый год прошел с того дня, когда Бэла Мейноринг отвергла руку младшего сына генерала Гардинга.

Снова перепела свистели на полях, стонала кукушка в лесу и соловей наполнял рощу своими ночными мелодиями.

Мисс Мейноринг по-прежнему оставалась царицей всех балов в округе, хотя две или три молодых девушки начинали оспаривать у ней пальму первенства.

Поклонники ее оставались все те же, за исключением Генри Гардинга.

Говорили, что место его занял его брат Нигель. Впрочем, это могло быть одно предположение, которое шепнул мне один молодой человек на балу, где был также и Нигель.

Сначала я не поверил, но к концу вечера должен был убедиться в этом собственными глазами.

Летние балы представляют гораздо больше случаев пококлетничать для молодых девушек. Прогулки вдвоем по темной аллее особенно приятны после душной залы.

Ускользнув таким образом с одной молодой особой, я остановился возле величественного кедра, ветки которого, почти касаясь земли, образовали вокруг его ствола зеленую палатку днем и темный грот ночью.

Вдруг моя спутница проговорила: «Мне кажется, я забыла свой зонтик под этим деревом, подождите здесь, я поищу его».

С этими словами она скрылась под кедром.

Боясь, чтобы не случилось чего с молодой девушкой, я проскользнул следом за ней.

Мы искали несколько минут, но бесполезно.

— Вероятно, кто-нибудь из слуг поднял его и снес в комнаты, — произнесла спутница.

Мы хотели вернуться на дорожку, как вдруг новая парочка остановилась у кедра. С первых их слов было ясно, что они продолжали начатый разговор.

— Я знаю, — говорил мужской голос, — что вы еще не забыли его. Не говорите, что он был всегда вам безразличен. Я отлично все знаю, мисс Мейноринг.

— В самом деле, какая удивительная проницательность, мистер Нигель Гардинг! Вы знаете гораздо больше, чем я и даже ваш брат. В таком случае, зачем же

я ему отказала? Наоборот, это доказывает, что между нами ничего не было. С моей стороны, по крайней мере.

Наступило короткое молчание. Нигель, видимо, размышлял.

Я не знал, на что решиться и чувствовал, что моя спутница смущена, но мы уже достаточно много слышали, чтобы дать знать о своем присутствии, не говоря уже о том, что наше собственное положение могло дать повод к злословию. Я прижал ее руку к себе, и мы безмолвно решили дожидаться конца этой сцены.

— Если вы говорите правду,— продолжал Нигель,— если ваше сердце действительно свободно, так почему же вы не приняли моего предложения, мисс Мейноринг? Вы сами меня уверяли, что я вам немножко нравлюсь. Почему же вы не принимаете моей руки?

— Потому что... потому что... Вы хотите знать почему?

— Я у вас спрашиваю об этом уже целый год.

— Если вы обещаете мне быть благоразумным, я скажу.

— Я вам обещаю все, что хотите. Приказывайте и располагайте мной. Мое состояние — ну, это ничто — моя жизнь, моя душа принадлежит вам.

Он произнес эти слова с таким чувством, на какое я не считал его способным.

— Так я буду откровенна,— отвечала молодая девушка тихим, но ясным голосом.— Между нами две преграды, мешающие соединить нашу судьбу. Во-первых, нужно получить согласие моей матери, без которого я не хочу выходить замуж, я поклялась. Затем согласие вашего отца, без которого я не могу выйти замуж, в этом мать тоже взяла с меня клятву. Как бы ни была глубока моя привязанность к вам, Нигель, я никогда не нарушу моих клятв. Но идемте, мы уже довольно говорили об этом. Наше отсутствие может быть замечено.

Она быстро, как белка, скользнула под ветвями и направилась к бальной зале.

Разочарованный влюбленный не стал ее удерживать. Не будучи в состоянии сейчас низвергнуть эти преграды, он все-таки не терял надежды на будущее.

Я с моей спутницей тоже тихо направился в залу.

XXII. СТРАННЫЙ ПАССАЖИР

В один прекрасный полдень 1849 года на станции Паддингтон появился пассажир, обративший на себя внимание.

В сущности в этом человеке ничего не было необыкновенного, кроме его появления на станции Паддингтон. В Лондоне таких господ сколько угодно. Поверх обыкновенного суконного костюма на нем был накинут мексиканский плащ, голову его украшала калабрийская шляпа.

Приехав в первом классе в Слау, путешественник подождал, пока выйдут все пассажиры, затем, выскочив из вагона с маленьким ручным чемоданом, немедленно вступил в переговоры с начальником станции.

Я случайно находился на станции, когда маленький смуглый человек в мексиканском плаще обратился к гиганту в зеленом мундире с золотыми пуговицами.

С сильным итальянским акцентом иностранец спросил о точном адресе генерала Гардинга.

Я хотел подойти к нему поближе, но в эту минуту вспомнил, что мне нужно брать билет.

Я вернулся на платформу в тот момент, когда незнакомец садился в кэб.

Через десять секунд я уже сидел в пустом купе. Раздался свисток, поезд уже трогался с места, когда вдруг дверца моего купе открылась и начальник станции произнес:

— Сюда, пожалуйста, сюда.

Две дамы, шумя шелковыми платьями, сели на скамейке против меня.

Когда я поднял глаза от газеты, я, к моему удивлению, узнал Бэлу Мейноринг и ее мать.

На станции Ридинг, куда направился и я, мои спутницы сошли. Оказывается, мы ехали на один и тот же праздник.

Приехав к моему приятелю позднее их, я нашел всех гостей уже на лужайке. По обыкновению, мисс Бэла была окружена поклонниками, среди которых я, к удивлению, увидел и Нигеля Гардинга.

Во все время бала он не выказывал ей особенного, заметного внимания, но, очевидно, пристально следил за каждым шагом молодой девушки.

Два или три раза, когда они оставались одни, я ви-

дел, как он говорил ей с бледным, искаженным лицом.

После бала Нигель проводил Бэлу и ее мать на вокзал. Все трое поместились в одном и том же кэбе.

Из того, что я слышал под кедром, и из того, что знал о характере молодых людей, я понял, что Бэла Мейноринг предназначена самой судьбой в жены Нигелю Гардингу, если последнему удастся добиться согласия отца.

XXIII. ПРИТВОРСТВО

В тот же вечер, как и всегда, генерал Гардинг сидел за столом в столовой перед графином старого портвейна. По левую сторону сидела его сестра.

Обед уже кончился час тому назад, все было снято со стола, исключая вина и фруктов. Лакей был отпущен.

— Уже девять часов,— сказал генерал,— а Нигель еще не возвращался. Обедать он не должен был остаться. Не знаю, была ли Мейноринг там.

— Весьма вероятно,— отвечала старая дева, отличавшаяся вообще недоброжелательностью.

— Да,— проговорил про себя генерал,— весьма вероятно, но за Нигеля я не боюсь. Он не такой человек, чтобы запутаться в сетях этой кокетки. Как странно, сестра, что ничего не слышно о мальчике с тех пор, как он нас покинул!

— Подождите, пока он растратит те деньги, которые вы ему послали; когда их не будет, вы снова услышите о нем.

— Разумеется. разумеется... Ни одного слова после того неприличного письма, присланного из гостиницы... Ни одной строчки, хотя бы о получении денег. Полагаю, что он их взял; я уже целую вечность не видал моей банковской книжки.

— О, ты можешь быть вполне уверен. Иначе он тебе давно бы написал. Генри не может обходиться без денег. Ты это хорошо знаешь. Не мучай себя напрасно, брат. Не питался же он воздухом.

— Где он может быть?.. Он сказал, что покинет Англию. Я думаю, что он так и сделал.

— О, это весьма сомнительно,— покачала старая дева головой.— Лондон для него самое подходящее место, пока есть деньги. Когда кошелек опустеет, он сно-

ва попросит у тебя, а ты, разумеется, пошлешь, не правда ли, брат?—прибавила она проницательным тоном.

— Ни одного шиллинга!—отвечал решительно генерал, ставя стакан на стол с такой силой, что тот чуть не разлетелся вдребезги,— ни одного шиллинга! Если он в один год растратил тысячу фунтов стерлингов, нет ему ни одного шиллинга до моей смерти, и после он получит ровно столько, чтобы не умереть с голоду! Нигель получит все, за исключением маленькой суммы, предназначенной тебе. Генри тоже получил бы все, что ему следует, но после всего происшедшего... Я слышу шум колес, это верно Нигель.

Через несколько минут в столовую вошел сын генерала.

— Ты опоздал, Нигель.

— Да, отец, поезд опоздал.

Он лгал: он опоздал потому, что слишком долго засиделся в коттедже вдовы Мейноринг.

— Хорошо веселился?

— Ничего.

— А кто же там был еще?

— О, народу было много из окрестностей и из Лондона.

— А из соседей кто?

— Да, кажется...

— Неужели не было вдовы Мейноринг?

— Ах, да, была, но я и забыл.

— И, конечно, дочка тоже?

— Да, и дочь тоже... Кстати, тетушка,— продолжал молодой человек, чтобы переменить разговор,— не предложите ли вы мне выпить с вами стакан вина, и мне ужасно хочется что-нибудь съесть. Мы закусили только слегка, и теперь я чувствую такой аппетит, что готов съесть быка.

— За обедом была жареная утка и спаржа,— отвечала тетка,— но теперь это все холодное, дорогой Нигель. Хочешь подождать, пока разогреют или, может быть, лучше тебе дать кусок холодной говядины с пиккулями?

— Все равно что, только дайте есть.

— Выпей портвейну, Нигель,— сказал генерал, пока его сестра отдавала приказание слуге.— Я вижу, тебе не нужен коньяк для возбуждения аппетита.

Нигель выпил портвейн и принялся за еду.

XXIV. НЕОЖИДАННОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Только что успели убрать со стола, как вдруг слышался звонок и два удара молота в дверь.

— Кто это может быть так поздно? Уже 10 часов,— сказал генерал, смотря на свой хронометр.

Из передней доносились голоса камердинера Уильямса и чей-то еще незнакомый голос с иностранным акцентом.

— Кто там, Уильямс?— спросил генерал появившегося камердинера.

— Не знаю, ваше превосходительство, какой-то неизвестный, не говорит своего имени. Он уверяет, что принес очень важное известие и может передать его только вам.

— Очень странно... каков он из себя?

— Вероятно, иностранец, ваше превосходительство. Ручаюсь головой, что это не настоящий джентльмен.

— Очень странно,— повторил генерал,— он желает меня видеть?

— Да, ваше превосходительство, он говорит, что это дело гораздо важнее для вас, чем для него. Привести его сюда или вы выйдете к нему?

— Ну, нет,— живо отвечал старый солдат,— я, конечно, не выйду к иностранцу, не желающему ни сказать своего имени, ни дать своей карточки. Может, это нищий. Скажи ему, что я не могу принять его сегодня вечером. Пусть придет завтра утром.

— Я уже говорил ему, ваше превосходительство, но он настаивает на том, что должен немедленно видеть вас.

— Кто это может быть, Нигель?— сказал генерал, обращаясь к сыну.

— Не имею ни малейшего представления, отец. Может быть, это бумагомаратель Вуулет?

— Я ручаюсь, что это иностранец.

— Я не знаю ни одного иностранца, у которого могло бы быть дело ко мне. Однако, надо его принять. Что ты скажешь на это, сын мой?

— Дурного ничего не может выйти,— отвечал Нигель,— я останусь с вами, а если он будет нахален, Уильямс и другой лакей вышвырнут его вон.

— Ах, мистер Нигель, да он не больше вашего гру-

ма; я мог бы одной рукой схватить его за шиворот и вышвырнуть на лужайку.

— Хорошо, хорошо, Уильямс,— проговорил генерал,— приведи его сюда.

— Дорогая Нелли,— обратился он к сестре,— пройди лучше в гостиную, мы присоединимся к тебе, как только покончим с этим неожиданным визитером.

Старая дева, свернув вязание, вышла из столовой, оставив наедине брата и племянника.

XXV. НЕЛЮБЕЗНЫЙ ПРИЕМ

Такое настойчивое требование свидания сильно взволновало старого ветерана и его сына. Оба стояли в молчаливом ожидании.

Но вот открылась дверь, Уильямс ввел иностранца и удалился по знаку генерала.

Никогда еще более странный представитель человеческого рода не переступал столовой богатого английского землевладельца.

Как и сказал Уильямс, ростом он не превышал гнома, хотя на вид ему было лет около сорока. Бронзовое лицо, на голове лес черных волос и пара глаз, сверкавших, как раскаленный уголь.

По складу лица это был, очевидно, еврей, по покрою платья его можно было причислить к адвокатам и нотариусам.

В руках он держал шляпу, снятую им при входе в столовую. Этим, впрочем, и ограничился весь кодекс его знаний светских приличий.

Несмотря на малый рост и физиономию куницы, у него был очень самоуверенный вид, что объяснялось важностью его сообщения и уверенностью, что он не уйдет без утвердительного ответа.

— В чем дело?— резко спросил генерал.

Незнакомец уставился глазами на Нигеля, как бы спрашивая, может ли он говорить при нем.

— Это мой сын,— продолжал ветеран,— можете говорить при нем.

— У вас есть еще другой сын, синьор генерал?— отвечал незнакомец на ломаном английском языке.

Этот неожиданный вопрос заставил вздрогнуть ге-

нерала и побледнеть Нигеля. Многозначительный взгляд незнакомца показывал, что он знает Генри.

— Да есть... или, верней был,— отвечал генерал.— Почему вы заговорили о нем?

— Знаете ли вы, где находится в настоящую минуту ваш второй сын, генерал?

— Нет... а вы знаете? Кто вы и откуда вы?

— Сирьор генерал, я отвечу на все ваши вопросы в том порядке, как вы мне их предложили.

— Отвечайте, как хотите, но скорее. Поздно, у меня нет времени на разговор с неизвестным мне человеком.

— Я прошу у вас только десять минут, генерал. Дело мое очень просто, и время мое также дорого. Во-первых, я еду из Рима, который, мне нечего вам объяснять, находится в Италии. Во-вторых, я нотариус. И, в-третьих, я знаю, где ваш сын.

Генерал снова вздрогнул, Нигель побледнел еще более.

— Где он?

— Отсюда вы все узнаете, генерал.

Говоря это, незнакомец достал письмо и подал его генералу.

Это было письмо, написанное Генри под диктовку у Корвино, начальника бандитов.

Надев очки и придвинув лампу, генерал с удивлением и недоверием прочел письмо.

— Что за галиматья,— произнес он вполголоса, передавая письмо сыну.

Нигель тоже прочел письмо.

— Что ты скажешь на это?

— Ничего хорошего, отец. По-моему, вас хотят обмануть и выманить деньги.

— Но Нигель, неужели Генри может быть в заговоре с этими людьми?

— Хотя мне тяжело огорчать вас, отец мой,— отвечал тихо Нигель,— но я должен сказать правду. К сожалению, все говорит против брата. Ведь если он попался в руки разбойникам — чему я не могу и не хочу верить,— так откуда же они могли узнать ваш адрес? Откуда они могут знать, что у Генри такой богатый отец, что может заплатить такой выкуп? Только он сам мог это сказать. Весьма возможно, что он действительно находится в Риме, как уверяет этот человек. Может,

это и правда. Но в плену разбойников?.. Это нелепая басня.

— Это правда. Но что же мне делать?

— Поведение Генри мне кажется легко объяснить,— продолжал коварный советчик.— Он истратил свои деньги, как и надо было ожидать, и теперь хочет получить еще. Вся эта история, дорогой отец, по-моему, только выдумана для того. Во всяком случае, он не стесняется, сумма кругленькая.

— Тридцать тысяч!— вскричал генерал, смотря в письмо.— Он не получит и тридцати копеек. Даже если бы история с разбойниками была правда.

— Но это сказки, хотя письмо написал он. Его почерк и его подпись.

— Бог мой! Кто бы мог думать, что я получу первые подобные известия о нем? Прекрасное средство вымалывать прощение! Это слишком грубо, я не дамся в обман.

— Я в отчаянии за его поступок. Боюсь, дорогой отец, что он нисколько не раскаивается в своем гнусном неповиновении. Но что нам делать с посланным?

— Ах!— вскричал генерал, вспоминая о странном вестнике.— Не арестовать ли его?

— Не советую,— отвечал Нигель, как бы размышляя.— Это доставило бы нам много неприятностей. Лучше, если никто не узнает о поведении Генри, а процесс предал бы это дело огласке, которой вы, верно, не захотите.

— Конечно, нет. Но этот наглец заслуживает наказания. Это уж слишком, позволять так нагло издеваться над собой, в своем собственном доме...

— Напугайте его и выгоните. Таким образом, мы что-нибудь еще узнаем. Во всяком случае, это не повредит, Генри увидит, как вы отнеслись к этой басне.

XXVI. НЕЛЮБЕЗНОЕ ПРОЩАНИЕ

Во время этого разговора незнакомец стоял молча и неподвижно. Виззая обернувшись к нему, генерал вскричал громовым голосом:

— Вы лжец, милостивый государь!

— *Molte grazie*, синьор,— отвечал нотариус с ироническим поклоном.— Это оскорбление, довольно не-

удачное для человека, приехавшего из Италии, чтобы оказать услугу вам или вашему сыну — это все равно.

— Берегитесь, судары!— сказал угрожающим тоном Нигель.— Вы совершили большую неосторожность, явившись в нашу страну. Вас могут арестовать и заключить в тюрьму за вымогательство денег под вымышленным предлогом.

— Его превосходительство не арестует меня по двум причинам.— Во-первых, я не выдумывал никаких предлогов; во-вторых, подчиняясь гневу, он обрекает на ужасную судьбу своего сына. В тот момент, когда те, в чьих руках находится он, узнают, что я арестован в Англии, они поступят с ним так жестоко, как не можете вы поступить со мной. Помните одно, что я только посредник, и мне поручено только вручить вам это письмо. Я не знаю тех, кто послал его. Я делаю только свое дело. Я просто посланец от них и от вашего сына. Но смею вас заверить, что дело очень серьезно и что жизнь вашего сына зависит не только от моей безопасности, но и от того ответа, который вы мне дадите.

— Оставьте!— вскричал генерал,— нечего мне втирать очки! Если бы я поверил хоть одному слову вашей истории, мне не трудно было бы освободить сына. Правительство, конечно бы, помогло мне, и, вместо тридцати тысяч, ваши бандиты получили бы то, чего они уже давно заслуживают — по веревке для виселицы.

— Боюсь, синьор генерал, что вы сильно заблуждаетесь. Ваше правительство не может вам оказать никакой услуги в этом деле, точно так же, как и правительства всей Европы. Ни король Неаполитанский, в подданстве которого они состоят, ни папа, во владения которого часто делают набег бандиты, не могут справиться с ними. Чтобы освободить вашего сына, есть одно средство — заплатить требуемую сумму.

— Уходите, презренный!— зарычал генерал, истощив все свое терпение. Уходите немедленно, иначе я велю вас выбросить за окно!

— Сильно раскаетесь в этом,— отвечал маленький итальянец, со злобной улыбкой направляясь к двери.— *Вуона notte*, синьор генерал! Утро вечера мудренее, может, вы успокоитесь и взглянете серьезно на мое предложение. Если у вас есть какое-нибудь поручение к сыну, которого вы, верно не увидите, я исполню его, несмотря на оказанный мне прием. Ночь я проведу в

соседней гостинице и уеду завтра в полдень. Buona notte, buona notte!

С этими словами иностранец вышел из столовой.

Генерал остался стоять на месте со сверкающими глазами и дрожащими губами. Только страх скандала не позволил ему достойно наказать наглого незнакомца.

— Вы не напишете Генри?— спросил Нигель с явным желанием получить отрицательный ответ.

— Ни слова! Пусть выпутывается, как знает! Сам виноват! Что же касается истории с разбойниками...

— О, это слишком нелепо!— перебил Нигель.— Бандиты, в руки которых он попал, просто римские мошенники. Они послали этого человека, чтобы привести в исполнение свой план.

— О, мой сын, о несчастное дитя! Быть в сообществе с подобными созданиями! Устраивать заговор против собственного отца, о Боже мой!

Ветеран упал на софу с раздирающими рыданиями.

— А если я ему напишу, отец?— спросил Нигель.— Только несколько слов, чтобы дать понять, как вас терзает его поведение. Хороший совет поможет ему.

— Как хочешь, но, я думаю, надежды нет. Ах, Люси, Люси! Как хорошо сделал Бог, что призвал тебя к себе! Это бы тебя убило.

В ту же ночь Нигель написал письмо виновному брату и отослал его итальянцу. Верный своему обещанию итальянец оставался в гостинице до полудня, а потом отправился на станцию железной дороги.

XXVII. ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ РАЗБОЙНИКОВ

В течение нескольких дней Генри оставался в темнице, не видя иного человеческого лица, кроме разбойника, приносившего ему еду.

Этот субъект мрачного характера был нем, как рыба. Два раза в день он приносил ему чашку «pasta», нечто вроде похлебки с макаронами, заправленной жиром и солью. Он ставил полную миску на пол, брал пустую, оставленную накануне, и уходил, не произнеся ни слова.

Неоднократные попытки молодого англичанина заговорить с ним принимались или с полным равнодушием, или с грубыми ругательствами.

Генри вынужден был замолчать.

Только ночью он пользовался некоторым покоем. Остальное время дня до него ясно доносился шум извне. Очевидно, против его темницы находилось излюбленное место бандитов, проводивших здесь все свое время.

Время это проводилось в игре и в ссорах. Часу не проходило, чтобы не поднимался какой-нибудь спор, переходящий зачастую в драку и общую свалку. Тогда раздавался громовой голос начальника, проклятия и палочные удары. Один раз раздался даже пистолетный выстрел, сопровождаемый стоном. Молодой англичанин справедливо предположил, что верно так был наказан кто-нибудь, ослушавшийся начальника, ибо после выстрела наступила торжественная тишина, предвестница смерти.

Но это ужасное впечатление длилось недолго. Бандиты снова шумно принялись за игру.

Поднявшись на носки, пленник с любопытством следил за игрой.

Столом служил просто пригорок, находившийся прямо против темницы. Разбойники толпились вокруг, стоя на коленях или сидя на корточках. Один из них держал старую шляпу с оторванными полями, в которую были опущены три монеты. Потом шляпу встряхивали несколько раз и опрокидывали на траву таким образом, что она прикрывала все монеты. Затем держали пари на «сгосе» или «саро», попросту говоря, «орел» или «решка», поднимали шляпу и смотрели, кто выиграл, кто проиграл.

Эта игра составляла главный источник развлечения банды, без чего жизнь казалась совсем невыносимой даже для таких злодеев. Игра, ссоры, pasta, конфетти, овечий сыр, вино, песни и танцы, лежанье на солнце — вот радости жизни итальянского бандита.

В набегах в долину бандиты находили удовольствие другого рода: внезапные нападения, забирание в плен неосторожных путников, убегание от солдат, иногда схватки во время отступления к своим горам, — не давали скучать разбойникам.

Скука овладевала ими тогда, когда половина банды проигрывала всю полученную добычу и не на что было продолжать игру.

Тогда только разбойник начинал чувствовать утом-

ление от своего бездействия и составлял планы нового набега, иными словами, захвата какого-нибудь богатого дворянина, выкуп которого наполнил бы снова их кошельки.

Между подчиненными и начальником почти не было никакой разницы. Добыча обыкновенно делилась поровну между всеми. В игре существовало тоже полное равенство.

Власть начальника была безгранична только в деле наказаний. Никто не протестовал ни против его кулака, ни палки, ибо их иначе сменила бы пистолетная пуля или удар кинжала.

Достоинство начальника банды состояло в его неустрашимости и кровожадности. Начальник менее смелый и менее свирепый был бы быстро сменен или низложен.

В шайке Корвино находилось около двадцати женщин. Костюм их мало чем отличался от мужского. Они носили такие же панталоны, жилет и куртку и только масса украшений на шее и на пальцах, снятых, конечно, с каких-нибудь богатых дам, да округлость форм отличали их от мужчин.

Волосы они носили коротко остриженные. Многие были вооружены карабинами, а кинжалы и пистолеты были у всех. Они также принимали участие в опасных экспедициях своих мужей.

XXVIII. НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ НОВОСТИ

Много дней протекло без всякого изменения в положении пленника, который поневоле пришел к заключению, что арест его не простая шутка и что рабство его может продолжиться без конца. В нем даже поднялся гнев против друга Луиджи, рекомендательное письмо которого повергло его в такое ужасное положение. Письмо это было при нем, так как разбойники удовлетворялись его кошельком.

От нечего делать он вытащил письмо и стал его перечитывать. Следующая фраза, на которую он раньше не обратил внимания, теперь его сильно заинтересовала: «Я полагаю,— писал Луиджи,— что сестра моя Лючетта уже стала взрослой девушкой. Охраняйте ее до моего приезда. Я надеюсь тогда вытащить вас всех

оттуда и избавить от опасности, которая грозит всем нам».

Раньше Генри думал, что эта фраза относится просто к материальному положению семьи его друга, которое надеялся улучшить молодой артист с помощью своей талантливой кисти.

Но теперь, раздумывая в одиночестве и имея перед глазами образ молодой девушки, которую он заметил в первый день своего плена, Генри пришел к другому заключению. Не говорил ли Луиджи о другой опасности, которая могла грозить очаровательной дочери синдика?

Сгущающиеся сумерки заставили Генри спрятать письмо в карман. Он еще размышлял о прочитанном, как вдруг услышал громкие слова над своим окном. Все, что хоть немного нарушало монотонное существование Генри, привлекало его внимание. Генри вскочил и насторожился; ему показалось, что произнесли знакомое имя Лючетты.

Генри Гардинг уже раньше много слышал от Луиджи Торреани о его единственной сестре Лючетте. Теперь он весь превратился в слух. Конечно, Лючетт много было на свете, но только что прочтенное письмо направляло его ум к одной мысли.

— Эта Лючетта наша будущая добыча,— проговорил разбойник, произнесший имя Лючетты,— ты можешь быть уверен в этом.

— Е perchè?— спросил другой.— Старый синдик, несмотря на свою гордость и звание, не может уплатить выкупа и за щенка. На что нам подобная пленница?

— На что,— это уж дело начальника, а не наше. Я знаю только, что девушка ему приглянулась. Я это заметил в последний раз. Он бы ее, конечно, давно похитил, если бы не боялся Попетты, а она ведь настоящий бес в юбке и настоящая госпожа. Раз только в дело не замешана женщина, она, не жалуясь, переносит руготню и даже побои Корвино. Ты помнишь сцену в долине Мальфи, происшедшую между начальником и его супругой?

— Да, но я не знаю подробностей.

— Все вышло из-за поцелуя. Корвино понравилась одна молодая девушка, дочь угольщика. Он надел ей на шею ожерелье и, кажется, поцеловал ее. Попетта узнала ожерелье и с такой силой сорвала его, что де-

вушка упала на землю. Затем бросилась с кинжалом на мужа и пронзила бы его насквозь, если бы он не извинился и не повернул дело в шутку. Вот фурия! Глаза ее сверкали, как раскаленная лава Везувия.

— А та девушка ушла из лагеря?

— Конечно, и хорошо сделала, хотя Корвино все равно не смел бы поднять глаз на нее.

— А виделся он когда-нибудь с дочерью угольщика?

— Говорят, что виделся, но ведь после твоего отъезда мы скоро ушли из тех мест. Нас стали слишком теснить солдаты. У нас поговаривали между собой, что виной этому была Попетта. Но увлечение Корвино дочерью синдика гораздо серьезней. Он уж слишком часто останавливается в этой деревне, хотя это и очень рискованно. Но ему все равно. Он хочет добыть эту девушку, и какой бы ни было ценой он своего добьется.

— Черт возьми, у него вкус недурен! Она очаровательна и горда, что придает ей еще более прелести.

— О! Эта гордость скоро пропадет, когда Корвино захватит ее в свои лапы.

— Ровега! Мне жаль ее!

— Ты с ума сошел, Томассо! Тебя подменили в тюрьме. Неужели при нашей собачьей жизни отказываться от такого лакомого кусочка, как Лючетта Торреани.

С грубым смехом разбойники удалились.

Генри был поражен, как молнией; предчувствия его оправдались. Молодая девушка, о которой они говорили, была сестра Луиджи, очаровательное создание, которое он видел на балконе.

Странное и ужасное совпадение! Генри не вынес удара и упал почти без чувств на землю.

XXIX. ПЕЧАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Молодой англичанин некоторое время оставался как бы в бреду. Плен его теперь превратился в пытку. Он уже не думал о своей судьбе; он весь ушел в размышления об опасности, угрожавшей сестре его друга, произведшей на него глубокое впечатление раньше, чем он узнал, кто она была. По своему собственному опыту он знал страшное могущество бандитов, тем более опас-

ное, что этим людям, находящимся вне закона, нечего было терять. Одним преступлением больше или меньше для них было все равно, и для совершения преступления им нужен был только случай.

Корвино и его шайка могли во всякий момент похитить Лючетту Торреани и половину всех девушек Валь д'Орно, без боязни какого-либо сопротивления со стороны крестьян. После подобного преступления их, конечно, будут преследовать жандармы или папские драгуны, или, вернее, будут делать вид, что преследуют,— и этим все кончится.

Только одна женщина, думал Генри, может спасти Лючетту от грозящей ей опасности. Эта женщина, если к ней применимо это слово, была Попетта.

Сам он был убежден, что он не выйдет из темницы до тех пор, пока за него не пришлют выкуп из Англии.

В первый раз за все время он порадовался, что повиновался Корвино. Он надеялся, что деньги придут вовремя и что он успеет с пользой употребить свою свободу.

А если выкуп не придет? Ведь это тоже было возможно. Теперь он с горем думал об отказе отца снабдить его небольшой суммой взамен наследства. Не откажется ли он также и теперь прислать выкуп?

Погруженный в эти тяжелые размышления, пленник не смыкал глаз, то лежа на своей постели из листьев, то шагая по своей келье. Но все его надежды основывались на сомнительной присылке выкупа и на столь же сомнительной помощи Попетты.

XXX. ТОРРЕАНИ

В ту ночь, когда разбойники наводнили деревню Валь д'Орно, синдик подумал о своем бессилии в том случае, если бандитам вздумается произвести нападение на его семью.

Он заметил, что Корвино бросал пламенные взоры на его единственную дочь, Лючетту, славившуюся своей красотой не только в родной деревушке, но и во всей округе.

Корвино видел Лючетту Торреани только во второй раз, но синдик был убежден, что третья встреча принесет ему горе и одиночество.

Надо было избежать во что бы то ни стало третьей встречи с Корвино.

Но что делать?

В день посещения банды синдик заметил что-то необыкновенное в обращении своей дочери. Она казалась чем-то подавленной.

— Ты на себя не похожа, дитя мое,— сказал отец.

— Это правда, папа.

— Кто-нибудь тебя огорчил?

— Нет... я думаю об одном человеке.

— О ком же, дитя мое?

— Об этом молодом англичанине, уведенном в плен разбойниками. Что если бы на его месте был мой брат Луиджи?

— Правда!

— Как ты думаешь, что они с ним сделают; его жизнь в опасности?

— Нет... если его друзья пришлют требуемый выкуп.

— Но если у него нет друзей? Он был бедно одет, хотя имел вид настоящего аристократа. Ты не согласен со мной, отец?

— Я не обратил внимания, дочь моя. Я был так занят.

— А знаешь, отец, наша служанка Аннета говорит, что он художник... как наш Луиджи... Как странно!

— Что ж, это возможно, много англичан приезжает в Рим изучить нашу живопись и скульптуру. Бедняжка! Если он аристократ, это для него еще хуже. Бандиты потребуют еще больший выкуп, но если он не может заплатить, может быть, его выпустят на свободу.

— Как я буду рада!

— Но отчего, мое дитя, ты так интересуешься этим молодым человеком? У Корвино было еще два пленника, однако ты их не пожалела.

— Я их не видела, папа. Но он... художник. Подумай, если бы мой брат Луиджи подвергся такому же испытанию в Англии?

— Он живет в стране, где царит порядок, где надежно охраняется и жизнь и состояние...

— Отчего бы нам не поехать в Англию к Луиджи?— спросила Лючетта.— В последнем письме он пишет, что дела его идут хорошо. Может быть, молодой англичанин остановится здесь; когда будет возвращаться в Рим. Ты его расспроси об его отечестве.

— Да, дорогая дочка, я решил покинуть Вальд'Орно. Я продам все за бесценок. Но... что это за шум? Лючетта побежала к окну.

— Что там?— спросил отец.

— Солдаты,— отвечала она.— Они, вероятно, преследуют разбойников.

— Да, и никогда их не поймают. Отойди от окна, дитя мое. Я пойду их встретить. Им надо предоставить помещение, пищу, вино. И самое ужасное то, что они ни за что не заплатят. Неудивительно, что наши крестьяне предпочитают оказывать гостеприимство бандитам, которые за все хорошо расплачиваются.

Синдик взял свой официальный жезл и, надев шляпу, отправился встречать папских солдат.

— О!— вскричала молодая девушка, украдкой взглянув в окно,— папа идет сюда с командиром отряда и еще другим офицером, более молодым. Они, верно, будут обедать у нас. Я едва успею переодеться.

Она выскользнула из комнаты, куда вскоре вошли синдик с двумя гостями.

XXXI. ГРАФ ГВАРДИОЛИ

Нового посещения бандитов бояться было нечего.

Сотня солдат была расквартирована по крестьянским домам, а офицеры расположились в гостинице.

Капитан, не желая оставаться под убогим кровом гостиницы, решил поселиться у первого лица местечка, т. е. у синдика.

В другое время, если бы разбойников поблизости не было, капитану не удалось бы воспользоваться этим гостеприимством.

Франческо Торреани, подозреваемый в причастности к либеральной партии, поневоле должен был удвоить любезность по отношению к папскому офицеру.

Последний попросил разрешения поселиться у синдика в необычайно вежливой, но чрезвычайно твердой форме, не допускающей отказа.

Синдик должен был согласиться, и капитан приказал своему денщику нести за ним его вещи.

— Это, вероятно, шпион Антонелли,— подумал Торреани.

Но он ошибался. Желание капитана поселиться у синдика явилось совсем по другой причине.

Он просто увидел дочь Торреани, а граф Гвардиоли был не такой человек, чтобы пропустить мимо хорошенькую девушку.

Граф Гвардиоли был из тех людей, которые считают себя неотразимыми сердцедами. Умные живые глаза, двойной ряд белых зубов и черные закрученные усы должны были, по его мнению, производить неотразимое впечатление на каждую женщину.

И, действительно, в испорченной столице Италии тройной ореол графа, капитана и неотразимого ухаживателя привлекал к нему сердца молодых женщин.

При первом взгляде на Лючетту Торреани граф пришел в полный восторг. Ему показалось, что он нашел сокровище, скрытое от всех глаз. Какое торжество показать его свету!

Это не казалось ему трудным. Деревенская девушка — простой полевой цветок! Могла ли она устоять перед таким блестящим кавалером!

Так рассуждал граф Гвардиоли и повел правильную осаду на сердце Лючетты Торреани.

Но прошла неделя, а он не произвел еще никакого впечатления на воображение простой поселянки, и, наоборот, сделался сам ее рабом. Любовь его была настолько сильна, что он не мог скрыть ее ни от солдат, ни от офицеров.

Солдаты, по обыкновению, не несли никакой службы. От времени до времени они только отправлялись в долины искать разбойников, но никогда их не находили.

Ночью они напивались в кабаках, обижали женщин и скоро сделались всем так ненавистны, что жители Валь д'Орно с удовольствием бы их променяли на Корвино с его головорезами.

Через десять дней после оккупации солдатами деревни жители с нескрываемым удовольствием узнали, что маленький гарнизон отзывается в Рим для защиты папского престола от республиканцев.

Слух о перемене правительства проник в самые отдаленные уголки, и граждане Валь д'Орно с синдиком во главе восторженно кричали: «Evviva la repubblica».

XXXII. ПЕРЕМЕНА

Целая неделя прошла с того дня, как разбойники вернулись в горы.

Награбленная добыча скопилась, благодаря игре, в немногих руках.

В числе выигравших был и начальник шайки. Известно, что в конце концов выигрывает тот, у кого больше денег. Попетта была вся обвешана драгоценностями.

Начали поговаривать о новой экспедиции, которая должна была доставить новый приток золота для игры в «орел и решку».

Эта экспедиция не предполагалась долгой. Решено было спуститься в ближайшую долину и захватить какого-нибудь мелкого помещика или просто ограбить деревню.

Надо же было как-нибудь убить время до возвращения гонца, нетерпеливо ожидаемого из Англии! Разбойник-англичанин достаточно ярко расписал богатство отца их пленника, и товарищи его строили самые блестящие надежды на выкуп, потребовавшийся от генерала Гардинга. На тридцать тысяч лир они могли спокойно играть целый месяц и спать следующий, не заботясь о погоне.

Маленькая экспедиция была быстро организована. В ней приняла участие только треть банды. Женщины с Попеттой во главе оставались в лагере.

Пленник узнал об отъезде бандитов только по сравнительному спокойствию, воцарившемуся в лагере. Ссоры еще случались и теперь, но, очевидно, между женщинами.

Со времени отъезда бандитов луч надежды мелькнул в его келье. Во-первых, мрачного и молчаливого тюремщика сменил, если и не более любезный, зато более болтливый. Это был тот разбойник Томассо, который пожалел Лючетту. Генри казалось, что его можно как-нибудь умиловить. Ему казалось, что он еще был доступен человеческим чувствам.

Вторая перемена тоже была утешительная. Первый же завтрак, который ему принес Томассо после отъезда банды, ничем не походил на предыдущие. Вместо макарон, часто плохо приготовленных, перед ним поста-

вили жареного барашка, сосиски, сладкое и бутылку розолио.

«Кто мог мне прислать эти вкусные вещи»,— подумал с удивлением молодой человек.

После обеда, такого же вкусного, как и завтрак, он обратился за объяснением к своему новому служителю.

— По приказанию синьоры,— ответил Томассо таким вежливым тоном, что если бы не темница и не отсутствие мебели, пленник подумал бы, что он находится в одном из римских ресторанов.

Скоро после захода солнца в темницу вошла женщина. Генри вздрогнул от неожиданности.

Кто она?

Сомнение его быстро разрешилось. По высокой фигуре, по покрою платья, Генри узнал жену начальника банды. Он заметил, что она едва из всех женщин, здесь находящихся, сохранила одежду ее пола.

Женщина осторожно и бесшумно закрыла за собой дверь.

XXXIII. КАРА ПОПЕТТА

Пленник вскочил на ноги и остановился посреди темницы.

— Не бойтесь ничего, синьор «Inglese»,— произнесла странная посетительница почти шепотом.

Говоря это, она подошла к нему так близко, что Генри почувствовал ее дыхание на своей щеке, и тихо положила ему руку на плечо.

— В чем дело?— спросил он, вздрогнув, но не от страха.

— Не бойтесь,— повторил ласковый голос,— я не желаю вам зла... Я Попетта. Вы помните меня?

— Да, синьора, вы супруга Корвино.

— Ах, если бы вы сказали рабыня, это было бы вернее, но все равно, синьор, это вам не интересно.

Глубокий вздох сопровождал эти слова.

Пленник молчал. Рука женщины упала с его плеча.

— Вы, вероятно, видя меня здесь,— заговорила снова Попетта,— вы, вероятно, думали, что вместо сердца у меня камень?

— Нет,— отвечал пленник, не скрывая своего удивления.— Вы, наверное, более несчастны, чем преступны.

— Да, да,— быстро заговорила она, как бы не желая распространяться на эту тему.— Синьор, я пришла сюда поговорить о вашей будущности.

— О моей будущности?

— Да, синьор, она ужасна.

— Но почему же?— спросил молодой англичанин.— Вероятно, я буду скоро выпущен на свободу. Что значат еще несколько дней плена?

— Мой дорогой синьор, вы ошибаетесь. Я уже не говорю о вашем тяжелом плене. Но что с вами будет, когда Корвино вернется? Вы не знаете, как он жесток.

«Станный разговор для жены, говорящей об отсутствии мужа»,— подумал Генри.

— Да, я боюсь,— продолжала она,— если написанное вами письмо не принесет выкупа. Я видела, что вам было неприятно подписывать его. У вас на это были свои причины?

— Конечно.

— Разногласие с вашей семьей? Вы не ладите с вашим отцом, не правда ли?

— Да, нечто в этом роде,— отвечал молодой человек, не видя причины скрывать правды вдали от своей родины.

— Я так и думала,— промолвила Попетта.— А это разногласие,— продолжала она с тревогой,— может помешать вашему отцу выслать деньги?

— Возможно.

— Возможно, ах, синьор! Вы слишком легко смотрите на это дело. У вас такая мужественная душа, что нельзя не восторгаться вами. Это-то меня и привело сюда.

Слова эти сопровождались опять глубоким вздохом.

— Вы не знаете,— продолжала Попетта,— какая судьба ожидает вас, если выкуп не будет прислан.

— Какая же, синьора?

— Ужасная, ужасная!

— Что же, это уже предопределено заранее?

— Да... Корвино всегда так поступает.

— Объяснитесь, синьора.

— Во-первых, вам отрежут уши, которые будут посланы в письме вашему отцу с новым требованием выкупа.

— А потом?..— спросил пленник с нетерпением.

— Если деньги не будут присланы, вы будете изуродованы снова.

— Каким образом?

— Не могу вам сказать, синьор; у них много способов. Для вас было бы лучше, если бы ответ не оставлял никакой надежды на выкуп. По крайней мере, вы избегнули бы пыток и были бы немедленно расстреляны.

— Вы шутите, синьора?

— О нет... я видела сама... Это обычай Корвино... Чудовище, с которым я связана, к моему несчастью, и всей банды... Для вас он не сделает исключения.

— Вы пришли ко мне, как друг, не правда ли?— спросил пленник, чтобы испытать искренность собеседницы.

— Не сомневайтесь.

— Вы можете мне дать совет?

— Конечно... Напишите снова вашим друзьям. Просите их повидать снова вашего отца и объяснить ему необходимость высылки выкупа. Это единственный выход избежать грозящей вам опасности.

— Есть еще другой,— проговорил многозначительно пленник.

— Другой... какой же?

— Он от вас зависит, синьора.

— Но что же я могу сделать?

— Доставить мне возможность бежать.

— Это возможно... но очень трудно... Мне пришлось бы пожертвовать своей жизнью. Вы хотите этого, синьор?

— Нет, нет... такой жертвы...

— Ах, вы не знаете, как за мной следят; чтобы прийти к вам, мне надо было подкупить Томассо. Ревность Корвино... Ах, синьор, я когда-то была хороша, вы не верите?

Она снова положила руку на плечо англичанина, и он снова оттолкнул ее, но на этот раз более деликатно. Он боялся оскорбить самолюбие Попетты и разбудить зверя, дремавшего в душе этой странной итальянки.

— Если бы он узнал о нашем свидании,— продолжала Попетта,— я была бы присуждена к смерти... Наши законы строги... Верите вы теперь, синьор, что я серьезно хочу прийти к вам на помощь?

— Но как же я могу написать, каким образом мое письмо дойдет по назначению?

— Я позабочусь об этом. Вот бумага, чернила и перо. Я все принесла, но не смею дать вам света. Корвино очень жесток со своими пленниками. Подождите восхода солнца. Томассо возьмет ваше письмо, когда принесет завтрак. Об остальном я позабочусь.

— Благодарю, благодарю!..— вскричал тронутый Генри. В его голове блеснула новая мысль.— Благодарю, я повинуюсь вам.

— *Buona notte*,— произнесла разбойница, многозначительно пожимая ему руку.— *Buona notte, galantuomo*, спите спокойно; если вам понадобится жизнь Кары Попетты, она вам принадлежит.

Последняя фраза молодому человеку очень не понравилась, и он был доволен, когда Попетта удалилась, притворив за собой дверь.

XXXIV. ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Оставшись один, пленник бросился на свою постель из листьев и принялся думать о происшедшем между ним и Попеттой разговоре.

Что руководило ей? Не ловушка ли это?

Но он недолго останавливался на этой мысли; кому нужна эта ловушка? Разве он и не так в полной власти бандитов? Чего им желать еще более?

«А,— подумал он,— теперь я понимаю! Это штуки Корвино. Он принудил свою жену сыграть эту роль, чтобы вернее получить за меня выкуп. Он думает, что таким образом заставит меня написать отцу более красноречивое письмо.

Но к чему было бандиту подыматься на такие штуки? Не он ли продиктовал первое письмо? Если бы нужно было написать другое, разве он не сумел бы заставить?

Но в таком случае, если Попетта была искренна, что руководило ей?»

Генри Гардинг был слишком молод, чтобы знать женское сердце. У него мелькнула было мысль об истинной причине поведения Попетты, но он с отвращением отбросил ее.

Во всяком случае, он решил последовать совету

странной женщины и написать убедительное письмо отцу о своем положении, которое теперь казалось ему очень серьезным. А также написать в Лондон Луиджи Торреани, чтобы предупредить об опасности, грозившей его сестре.

Генри, не смыкая глаз, нетерпеливо ждал восхода солнца.

Как только первые лучи начинающего дня прокрались в его темницу, он взял бумагу, оставленную Поппеттой, лег на живот и написал два следующих письма:

«Дорогой отец,

вы, вероятно, получили мое письмо, написанное неделю тому назад, которое должно быть передано вам особым гонцом. Не сомневаюсь, что его содержание удивило и, может быть, огорчило вас. Признаюсь, мне не хотелось его вам писать, но оно было продиктовано разбойником с направленным в меня пистолетом. Теперь обстоятельства изменились. Я пишу вам, лежа на полу темницы, и мои тюремщики не подозревают об этом. Теперь я убедился, что если требуемый выкуп не будет выслан, начальник банды приведет в исполнение свою угрозу. Сперва мне отрежут уши и пошлют в письме к вам. Все сведения о нашей семье и адрес ваш им даны одним бандитом, Догги Диком, прогнанным когда-то вами егерем. Он относится ко мне хуже всех здесь и изо всех сил старается отомстить мне за то, что я его когда-то побил за наших фазанов.

Теперь, дорогой отец, вы знаете мое положение и если хотите спасти вашего недосгойного сына, поспешите выслать требуемую сумму.

Может быть, вы подумаете, что тридцать тысяч слишком большая сумма за такую жизнь, как моя. Я так же думаю, но, к несчастью, меня об этом никто не спрашивает. Если сумма вам покажется очень велика, то, можете ли мне выслать десять тысяч, которые вы обещали мне после смерти, и я постараюсь выговорить для себя лучшие условия у мошенников, держащих меня в своих руках. Остаюсь в надежде получить ваш ответ, дорогой отец. Ваш сын, Генри Гардинг».

«Дорогой Луиджи,

спешу тебе сказать два слова. Я в плену у шайки Корвино, о котором, мне кажется, ты говорил. Их логови-

ше находится в неаполитанских горах, в сорока милях от Рима и в двадцати милях от твоей родины. Я видел твою сестру, когда проходили с бандитами через деревню. Я тогда еще ее не знал, но после того услышал такую вещь, что боюсь даже тебе сообщить. Лючетте грозит серьезная опасность. Начальник банды имеет на нее виды. Я нечаянно подслушал разговор двух разбойников. Больше объяснять мне нечего. Ты знаешь лучше меня, что тебе делать. Нельзя терять ни минуты...

Твой Генри Гардинг».

Оба эти письма были написаны и запечатаны задолго до прихода Томассо с завтраком.

Не говоря ни слова, разбойник опустил их в карман своей куртки и удалился. В эту же ночь они были в почтовом ящике парохода, совершающего рейсы между Чивитта-Вегия и Марселем.

XXXV. КОРОТКАЯ РАСПРАВА

Разбойники вернулись на два дня раньше, чем их ожидали.

Пленник узнал об их приезде по крикам, поднявшимся извне. В окно своей кельи он увидел бандитов, обозленных и ругавшихся более, чем когда-либо.

Их экспедиция окончилась неудачно. Они наткнулись на солдат. Кроме того, они узнали, что в горы шли сильные отряды из Рима и Неаполя.

Говорили об измене.

Прямо против окна стоял Корвино и в присутствии всей шайки поносил Попетту самыми оскорбительными выражениями.

Рядом с начальником стояла разбойница, вероятно, соперница Попетты и что-то нашептывала ему на ухо.

Попетта была смущена. Все говорили разом и так бурно, что Генри, еще недостаточно хорошо владевший итальянским языком, не мог схватить истинного смысла.

Скоро крики стихли. Корвино отделился от толпы и в сопровождении двух или трех подчиненных направился к темнице.

Минуту спустя кто-то сильно толкнул дверь, и начальник бандитов вскочил в келью.

— Синьор!— крикнул он, скрежеща зубами,— я узнал, что вас великолепно кормили в мое отсутствие. У

вас даже была собеседница, которая развлекала ваше одиночество. Очаровательная собеседница, не правда ли? Я думаю, что вы были довольны... Ха!.. ха!.. ха!..

Этот дьявольский смех, эти насмешки отозвались погребальным звоном в душе пленника. Значение их было ужасно для него или для Попетты... может быть, для них обоих.

— Что вы хотите сказать, капитан Корвино?— спросил машинально Генри.

— Ах, посмотрите, пожалуйста, на святую невинность, на безупречного агнца, на безбородого Адониса. Ха!.. ха!.. ха!..

Капитан снова залился насильственным хохотом.

В эту минуту глаза его упали на белый предмет в углу темницы.

— Черт возьми!— начал он, внезапно меняя тон.— Это что такое?.. Бумага! Чернила и перо! Так вы, синьор, занимались корреспонденцией! Выведите его,— заревел он,— и захватите все!

Испустив ужасное ругательство, он бросился на улицу, а два других разбойника потащили пленника. Третий взял бумагу и чернила, принесенные Попеттой.

Банда была вся в сборе.

— Товарищи,— крикнул начальник,— нам изменили! В темнице пленника мы нашли бумагу и чернила. Он писал письма, разумеется, чтобы нас предать. Обыщите его!

Пленника немедленно обыскали.

При нем нашли только одно письмо, видимо, давно написанное. Это было рекомендательное письмо к отцу Луиджи Торреани.

— Дьявол!— воскликнул Корвино, вырывая письмо и читая адрес.— Вот неожиданная корреспонденция?!

Он прочел письмо и улыбнулся, как хищник, уверенный, что добыча не уйдет из его рук.

— Итак, синьор,— сказал он, взглядывая на молодого человека,— вы уверяли, что у вас нет ни одного друга в Италии. Ложь! У вас есть друзья... богатые и сильные... первый магистрат деревни и,— прибавил он проницательно на ухо пленнику,— очень красивая дочь. Какое несчастье, что вам не удалось передать рекомендательное письмо! Ничего! Вы можете с ней познакомиться... скоро, может быть, и даже здесь в горах. Это будет еще более романтично, синьор pittore.

Эти насмешливые слова отравленной стрелой вонзились в сердце Генри Гардинга. Со дня его плена его привязанность к сестре Луиджи Торреани росла не по дням, а по часам.

Подавленный горем, Генри хранил мрачное молчание. Да и что он мог сказать?

— Товарищи,— начал снова его палач,— доказательство измены у вас перед глазами. Не удивляйтесь теперь, что солдаты преследуют вас. Нам остается только узнать изменника.

— Да, да,— заревели разбойники,— изменника! Кто он?.. Давайте его нам!

— Пленник,— продолжал начальник,— написал письмо, оно отослано, раз его нет при нем. Кому оно было адресовано? Кто его снес? Кто ему достал бумагу, чернила и перо?— вот, что надо узнать.

— Кто его стерег?— спросил один голос.

— Томассо,— отвечало несколько голосов.

— Томассо! Где Томассо?— заревели все.

— Здесь,— ответил разбойник, выступая вперед.

— Отвечай, это ты сделал?

— Что сделал?

— Доставил пленнику письменные принадлежности.

— Нет,— с твердостью отвечал Томассо.

— Не теряйте времени на расспросы этого человека,— воскликнула Попетта.— Если есть виновный, то это я.

— Это правда,— сказала ее соперница некоторым разбойникам,— она сама ему все принесла.

— Молчать!— крикнул громовым голосом начальник, заставив смолкнуть поднявшийся ропот.

— Зачем ты доставила пленнику письменные принадлежности, Кара Попетта?

— Для общей пользы,— отвечала разбойница, запинаясь.

— Это каким образом?— крикнули разбойники.

— Черт возьми,— возразила обвиняемая,— вы не понимаете! Между тем, это ясно.

— Говори, говори!

— Хорошо, замолчите, я буду говорить.

— Мы слушаем.

— Ну, так вот. Я так же, как и вы, хотела поскорее получить выкуп и думала, что письмо, которое он раньше написал, было недостаточно убедительно. Во время

вашего отсутствия я уговорила его написать другое письмо.

— Значит, он написал своему отцу?— спросил один голос.

— Разумеется,— отвечала Попетта.

— Куда оно было отправлено?

— На почту, в Рим.

— Кто его носил в Рим?

Попетта отвернулась, точно не слыхала вопроса.

— Товарищи,— сказал начальник,— узнайте, кто отлучался во время нашего отсутствия.

Поиски были недолги. Обвинительница Попетты немедленно назвала разбойника, носившего письмо.

Это был новичок, недавно принятый в шайку, которого еще не брали в экспедиции. Подвергнутый перекрестным вопросам, он тотчас же во всем сознался.

К несчастью, он умел читать и знал настолько арифметику, чтобы отличить, что он снес два письма вместо одного. Он сознался, что одно письмо было писано к отцу пленника. До сих пор Попетта не солгала.

Погубило ее второе письмо, написанное Луиджи Торреани.

— Слышите,— крикнуло зараз несколько разбойников, не обращая внимания на имя Торреани...— синдик Валь д'Орло... вот почему нас преследуют солдаты! Всякий знает, что Франческо Торреани никогда не был нашим другом!

— И к чему это такое ухаживание за пленником?— заговорила опять доносица, желавшая занять место обвиняемой.— К чему его закармливать нашими лучшими кушаньями? Поверьте, товарищи, нам изменили!

Бедная Попетта, ее час пробил! Супруг ее нашел, наконец, желанный повод, чтобы отделаться от нее. Теперь он мог сделать это безнаказанно и даже как бы справедливо.

— Товарищи,— начал он, скрывая свою звериную радость под видом глубокой грусти.— Мне нет надобности говорить вам, как тяжело мне слышать подобные обвинения моей любимой жены. И еще тяжелее, что я принужден признать эти обвинения справедливыми! Но мы все связаны одним законом, которому мы обязаны безграничным повиновением. Мы все клялись, что всякий, кто нарушит его, будет немедленно предан смер-

ти: будь это брат, сестра, жена или подруга... Вы меня избрали начальником, я хочу быть достойным вашего избрания!

С этими словами Корвино бросился на Попетту.

Раздался крик удивления и ужаса, немедленно сменившийся предсмертным стоном... Женщина тяжело упала на землю с кинжалом в груди, вонзенным по самую рукоятку.

Ни одной слезы сожаления, ни выражения ужаса, ни сострадания... Во всяком случае, если кто и жалел, то постарался это скрыть.

Убийца спокойно направился в свое жилище и заперся в нем скорее из приличия, чем от горя.

Несколько разбойников подняли тело и зарыли в долине, сняв предварительно все драгоценности.

Пленник, отведенный в свою темницу, мог на свободе размышлять о виденной им драме. Убийство бедной Попетты показалось ему предзнаменованием еще более ужасной судьбы, ожидавшей его.

XXXVI. ХИРУРГИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Следующие три дня в логовище разбойников царила совершеннейшая тишина. Обычный шум и крики сменились мрачным спокойствием, постоянным спутником каких-нибудь ужасных событий.

Начальник оставался у себя за запертыми дверями, как бы показывая этим, что он оплакивает убитую.

На четвертый день случилось событие, заставившее шайку войти в обычную колею.

Незадолго до заката солнца часовой возвестил сигналом о прибытии гонца. Это был тот самый крестьянин, который ходил за деньгами Генри Гардинга.

На этот раз он принес известие начальнику шайки.

Генри узнал об этом только тогда, когда увидел входящего к нему Корвино с письмом в руке.

— Так вот как,— кричал раздраженный начальник,— синьор Inglese в ссоре со своим отцом! Тем хуже для вас. Непослушный сын заслуживает наказания. Если бы вы лучше себя вели, ваш почтенный отец действовал бы иначе и спас бы ваши уши. Теперь вы их лишитесь. Но утешьтесь! Они останутся в семье. Мы срежем их, как можно осторожнее, и пошлем в письме

к вашему отцу. Товарищи, выведите его отсюда, такую операцию нельзя делать в темноте.

Молодого англичанина вывели или, вернее, вытащили из темницы. Он тотчас же был окружен всей шайкой, мужчинами и женщинами.

По знаку начальника Догги Дик пошел за ножом. Два разбойника поставили молодого человека на колени, третий сорвал с него шляпу, четвертый поднял его прекрасные каштановые кудри и обнажил уши.

Мужчины и женщины с одинаковым удовольствием готовились к кровавому зрелищу.

Гнев сверкал во всех глазах. Ренегат умышленно распустил преувеличенные слухи о богатстве пленника и разжег их алчность. Раз выкуп ускользал из их рук, пленник должен расплатиться собственными страданиями за обманутые ожидания.

Блеснул нож, но в ту же минуту Генри нечеловеческим усилием высвободил руку и закрыл ею ухо. Это инстинктивное движение, конечно, не могло спасти его, и Генри это знал.

И тем не менее его уши были спасены.

Корвино, стоявший возле пленника, вдруг вскрикнул от удивления и приказал остановить экзекуцию. Глаза его остановились на мизинце руки, которой он закрывал ухо.

— Э, черт!— проговорил он, схватывая пленника за руку.— Вы спасли ваши уши, по крайней мере, на этот раз. Вот подарок более приличный для вашего отца. Он укажет ему, в чем состоит его долг, о чем он, кажется, позабыл... Ваш мизинец спасет ваши уши, ха, ха, ха!

Разбойники захохотали, сначала не понимая, в чем дело, но скоро все заметили старый рубец на мизинце, конечно, хорошо известный отцу. Поведение начальника стало всем ясно.

— Мы не будем жестоки без надобности,— начал Корвино с усмешкой,— нам даже жалко уродовать красивую голову, победившую Попетту и могущую победить Лючетту.

Последнее слово сказано было шепотом на ухо пленнику.

Лишение ушей не было бы так больно Генри Гардингу, как этот шепот. Он вздрогнул. Никогда он еще не был в таком отчаянии от своего бессилия.

Но язык его был свободен, и он должен был говорить, хотя бы это стоило ему жизни.

— Презренный!— вскричал он, смотря прямо в глаза начальнику,— если бы мы могли помериться равным оружием, ваше лицемерное веселье скоро превратилось бы в мольбы о пощаде! Но вы не пойдете на это, потому что одного момента мне было бы достаточно, чтобы показать окружающим вас глупцам, что вы недостойны предводительствовать ими. Вы убили вашу жену, чтобы очистить место для другой; но не для вас, сударыня,— прибавил он с ироническим поклоном в сторону доносицы на Попетту,— для другой, которую да спасет Бог от ваших рук! Вы можете меня убить, разрезать на куски, но поверьте, моя смерть будет отомщена. Англия узнает о вашем преступлении, вас найдут в ваших горах и перебьют, как собак или, вернее, как волков, потому что вы не стоите названия собак!

Последние слова его были покрыты яростным криком толпы.

— Что нам до вашей страны,— ревели они.— Плюем мы на вашу Англию!— Будь она проклята!— крикнул Догги Дик.

— Будь проклята Франция, Италия и папа с ними!— ревели кругом.— Все к черту! Что могут они нам сделать? Мы не в их власти. Но вы в нашей, синьор, и мы вам это сейчас покажем.

Кинжалы засверкали перед глазами пленника.

Генри начал уже раскаиваться в своей неосторожности; он думал, что настал его последний час. Как вдруг, к его удивлению, начальник спас его от ярости бандитов.

— Остановитесь!— крикнул он громовым голосом,— глупцы, чего вы обращаете внимание на лай этого английского бульдога, да еще вашего пленника? Неужели вы хотите убить курицу, которая снесет золотое яйцо? А ведь яйцо-то стоит тридцать тысяч! Предоставьте мне это дело. Сперва с помощью Божьей достанем яйцо из отцовского гнездышка, а затем...

— Да, да,— согласились разбойники,— сперва яйцо раздобудем!

— Довольно,— зарычал Корвино,— мы теряем напрасно время... и может быть,— прибавил он со свирепым видом,— мы истошаем терпение нашего друга. Итак, мы оставляем вам уши. Сейчас нам нужен толь-

ко мизинец вашей левой руки. Если и после этого мы не добудем яйца, о котором мы только что говорили, мы пошлем всю руку; если и это не будет иметь успеха, нам придется отказаться от яичницы, на которую мы рассчитываем.

Общий смех покрыл эти слова.

— Правда, с вами-то еще не все будет кончено,— прибавил коварный бандит.— Чтобы доказать вашему отцу, что мы не помним зла и насколько мы, итальянцы, великодушнее его, мы пошлем ему целую голову, вместе с ушами, кожей и всем, что полагается.

Эта ужасная фраза сопровождалась всеобщими аплодисментами, и кинжалы были вложены в ножны.

— Теперь,— приказал начальник разбойнику, исполнявшему роль палача,— отними этот палец. Режь по второму суставу и старайся не испортить такую красивую руку. Оставь ему кусочек для перчатки... Видите, синьор,— заключил бандит со злобной усмешкой,— я не хочу наносить лишнего вреда вашей драгоценной особе. После того, что произошло с Попеттой, я был бы в отчаянии помешать вашему успеху у очаровательной Лючетты.

По обыкновению, последние слова были произнесены почти шепотом.

Молодой англичанин ничего не отвечал, равно, как не оказал ни малейшего сопротивления, когда палач схватил его руку и одним ударом отсек ему палец.

XXXVII. ФИРМА ЛАУСОН

Хотя генерал Гардинг жил на расстоянии одного часа пути по железной дороге от Лондона, он редко посещал столицу более одного раза в год. Приезжая туда, он посещал своих старых товарищей по индийской армии и Восточный клуб.

Но не все время проводил он в беседах со своими товарищами по оружию. Часть своего досуга он посвящал делам по имению и навещал своего поверенного.

На этот раз генерал Гардинг отправился в свое обычное путешествие в Лондон вскоре после визита итальянского нотариуса, присланного бандитами.

Эта поездка не имела никакого отношения к странному сообщению, принесенному бандитом. Он вспом-

нил об этом только, как о горестном поведении своего сына, и не верил ни одному слову из истории, рассказанной итальянцем.

Он не имел ни малейшего представления о том, как прожил эти 12 месяцев его младший сын.

Один раз он даже написал своему поверенному, но только для того, чтобы узнать, видел ли он Генри.

Поверенный ответил, что год тому назад он видел молодого Гардинга, но не обмолвился ни одним словом о тысяче фунтов. Педант и практический человек отвечал обыкновенно только то, о чем его спрашивали.

В прощальном письме Генри говорил о своем намерении покинуть родину, и генерал даже обрадовался, надеясь, что таким образом сын его избегнет дурных знакомств в Лондоне. Он был бы даже доволен, что сын его в Риме, если бы узнал об этом не от итальянца и не из ужасного письма, которое навело его на мысль, что его сын находится в дурном обществе.

Посетив по очереди свои излюбленные клубы, генерал отправился к своему поверенному, Лаусону.

— Вы ничего не узнали нового относительно моего сына Генри?—спросил генерал после того, как деловые разговоры были окончены.

— Нет,— отвечал Лаусон.

— Я получил от него странное послание... Вот... прочтите и приложите к прочим бумагам. Оно принесло мне много горя, и я не хочу его хранить у себя.

Лаусон надел очки и прочел письмо, продиктованное разбойником.

— Все это очень странно, генерал,— сказал он.— Каким образом это письмо попало к вам? На нем нет марок.

— Это очень любопытная история... Оно было вручено мне в моем собственном доме каким-то странным типом. Не то евреем, не то итальянцем, адвокатом.

— Какой же ответ вы дали?..

— Никакого... Я не поверил ни одному слову из написанного... Я предположил, и мой сын Нигель тоже, что это просто уловка выманить деньги... Нигель ему написал, впрочем.

— А, ваш сын Нигель написал... А что именно, позвольте вас спросить.

— Я не знаю, что написал он. Я полагаю, что он на-

писал, что сказкам этим я не поверил, и, вероятно, упрекал его за то, что он так бессовестно обманывает своего отца. Но я думаю, что на Генри это не произвело особенного впечатления, так как, по-видимому, бедный мальчик попал в скверные руки и вряд ли оттуда выберется когда-нибудь.

— Итак, вы не верите, что он попал в руки бандитов?

— Бандитов, подите вы! Конечно, мистер Лаусон, вы слишком опытный человек, чтобы поверить этому.

— Вот именно, генерал, опытность-то моя и заставляет меня верить. Несколько лет тому назад я путешествовал по Италии и много наслышался о римских и неаполитанских разбойниках. Я сам счастливо избег возможности попасть им в руки, иначе пришлось заплатить бы им такой же выкуп, какой требуют за вашего сына.

— За моего сына?.. Скажите лучше — сам мой сын.

— Не думаю, генерал; к сожалению, должен вам заметить, что я совсем другого мнения на этот счет.

— Но я-то знаю это хорошо... Я вам не рассказывал, что он уехал после ссоры со мной. Я не хотел, чтобы он женился на одной девушке, и употребил хитрость, чтобы помешать этому браку. Это мне удалось. После этого я вам написал, чтобы вы ему выдали тысячу фунтов. Эти деньги он, верно, промотал в обществе таких же шалопаев, как сам, и по их же совету попробовал выманить у меня еще. Но фокус не удался.

— Вы мне писали выдать ему тысячу фунтов! — вскричал старый адвокат, вскакивая с места и срывая с себя очки. — Что вы такое говорите, генерал?

— Я говорю о тысяче фунтов, которые я вам поручил взять из банка и передать моему сыну Генри.

— Когда же вы мне это писали?

— Когда?.. Год тому назад... да... именно год... Вы мне сами писали, что он был в вашей конторе.

— Был, два раза был, верно... но не спрашивал никаких денег. Он только осведомился, нет ли какого-нибудь известия от вас. Впрочем, я его не видел, мой помощник говорил с ним. Прикажете позвать?

— Да, — проговорил пораженный генерал. — Это очень странно...

Раздался звонок, и тотчас же вошел старший клерк.

— Дженнингс, — обратился к нему адвокат, — вы не

помните, приходил сюда год назад младший сын генерала?

— Да,— отвечал клерк,— хорошо помню. Он приходил два раза. Это у меня записано.

— Принесите книгу,— приказал адвокат.

XXVIII. КНИГА ПОСЕТИТЕЛЕЙ

Генерал при таком неожиданном известии вскочил на ноги и забегал в страшном волнении.

— Если бы я знал,— бормотал он сквозь зубы,— все бы могло устроиться. И вы утверждаете, что он никогда не получал денег?

— От меня, по крайней мере.

— Я очень рад.

— И вы правы. Это все равно, что выиграть... Если вы, конечно, полагаете, что эти деньги были бы промотаны.

— Я не о том говорю. Вы меня не поняли...

В эту минуту вошел клерк с книгой.

— Вот,— сказал Лаусон, перелистав несколько страниц.— Вот запись 4-го апреля, а вот 6-го. Прочестъ вам их, генерал?

— Пожалуйста.

Адвокат, надев очки, прочел громким голосом:

«4-го апреля. В половине двенадцатого утра младший сын генерала Гардинга Генри Гардинг приходил справляться, нет ли писем на его имя. Ответ: никаких.

«6-го апреля. В половине двенадцатого утра приходил опять мистер Генри Гардинг, предложил опять тот же вопрос и получил тот же ответ. Молодой джентльмен ничего не сказал, но, видимо, был очень огорчен».

— Наша профессия, генерал,— прибавил, как бы извиняясь, адвокат,— обязывает нас подмечать мельчайшие подробности.

— Нет ли еще каких-нибудь записей, мистер Дженнингс?

— Нет, сэр, больше ничего нет.

— Можете идти.

— Итак, вы никогда не давали денег моему сыну Генри?— спросил генерал после ухода клерка.

— Никогда... Ни одного пенса. Да он никогда и не

просил... Да если б он и спросил, я не мог бы ему дать без вашего разрешения. Тысяча фунтов — слишком крупная сумма, генерал, чтобы выдать ее несовершеннолетнему молодому человеку по одной его просьбе.

— Вы меня все более и более удивляете, Лаусон. Неужели вы не получили от меня письма, уполномочивавшего вас выдать ему такую сумму?

— Впервые слышу об этом.

— Очень странно... Значит, возможно, что он в руках разбойников?...

— К несчастью, надо думать, что это так.

— Я был бы в восторге!

— О, генерал!

— Вы не понимаете меня, Лаусон. Ведь это доказывает, что мой сын не так испорчен, как я думал. Я ведь воображал, что он промотал эти деньги. А теперь я верю каждой строчке его письма.

— Но, генерал, ведь вы же не хотите, чтобы ваш сын очутился в плену у бандитов?

— Наоборот, хочу... я охотно заплатил бы пятьдесят тысяч, чтобы его освободить. Но что делать?

— Куда девался тот адвокат?

— Вероятно, вернулся к своим. Я его чуть-чуть не выдал полиции. Только скандала побоялся. Послушайте, Лаусон, научите, что делать... Я думаю, что серьезной опасности нет?

— Ну, я в этом не уверен,— отвечал задумчиво адвокат.— Итальянские бандиты бесчеловечны... Итальянец не сказал вам, каким образом можно с ними сноситься?

— Нет... Он сказал только, что я услышу еще о моем сыне... Великий Боже, не приведут же они в исполнение угрозу, о которой говорится в письме!

— Будем надеяться, что нет.

— Но что же для этого надо сделать? Обратиться в министерство иностранных дел? Просить вмешательства папского правительства?

— Конечно, генерал, это было бы лучше всего... Если только не поздно! Когда вы получили письмо?

— Неделью тому назад... а написано оно уже более двух недель тому назад.

— В таком случае вмешательство какого бы то ни было правительства уже не сможет помешать послед-

ствиям вашего ответа или вернее вашего сына Нигеля. Мне кажется, что теперь остается ждать нового известия от бандитов, чтобы послать им выкуп. Не мешает, конечно, прибегнуть и к помощи правительства.

— Да, да, я сейчас же иду в министерство. Едемте со мной, Лаусон!

— К вашим услугам, генерал... Надеюсь, что нам не придется иметь дела с разбойниками.

— А я именно надеюсь на обратное,— ответил генерал, ударив палкой о пол.— Для меня гораздо приятнее знать, что мой сын у разбойников, чем то, что он задумал такой план... Бог мне простит, но только я предпочел бы сотню раз найти его уши в письме, чем...

Адвокат молчал.

XXXIX. КАРТИНА

Чтобы пройти к министерству иностранных дел, генералу Гардингу и Лаусону пришлось идти мимо лавок, торгующих старой мебелью и картинами.

Наши спутники не обращали никакого внимания на выставленный товар, как вдруг одна картина привлекла внимание старого офицера. Он так круто остановился, что чуть не сшиб с ног своего спутника.

— Боже мой,— проговорил генерал сдавленным голосом,— видите вы эту картину? Это поразительно!

— Да, что с вами, генерал?— проговорил адвокат, спрашивая себя, не потерял ли генерал рассудок.— Картина самая обыкновенная. Держу пари, что это еще новичок в искусстве, хотя и не без таланта. Что тут необыкновенного? Один мальчик держит нож и хочет ударить собаку, между тем, как другой защищает ее. Не понимаю!..

— Нет!— вскричал ветеран, стукнув палкой,— нет. Здесь не может быть сомнения! Это та самая сцена! Лица, портреты, костюмы я тоже узнаю. Тот, кто держит нож,— мой старший сын Нигель, другой — Генри. Человек, который находится на заднем плане, мой бывший егерь. Кто мог знать об этой сцене, кто автор этой картины?

— Может быть, эта женщина даст нам какие-нибудь сведения.— Скажите, голубушка, откуда вы это достали?

— По случаю, сударь, купила за тридцать шиллингов вместе с рамой.

— Знаете вы, у кого вы купили?

— Очень хорошо. Это настоящий артист.

— А что это за человек?

— Молодой джентльмен. Оба молодые. Их двое. Один, кажется, итальянец, другой, помоложе, англичанин... Может быть, они оба рисовали. У меня было несколько картин от них...

— Знаете вы его имя?— спросил генерал с таким волнением, что продавщица взглянула на него и замялась.

— Мне картина эта очень нравится, и я покупаю ее,— поспешно прибавил генерал.—Мне бы хотелось заказать ему еще другую картину, потому и спрашиваю его имя и адрес.

— Ах, так!.. Так вот, имя иностранца я не помню, другой же, имя которого я никогда не слыхала, кажется, уехал; я его уже давно не видала.

— Знаете вы, по крайней мере, их адрес?

— О, да, я была у них, это очень близко.— Я сейчас вам найду адрес.

— Пожалуйста, поскорее,— сказал генерал.— Вот тридцать шиллингов за картину. Пришлите ее к мистру Лаусону, Линкольнс Инн Фильдс.

Продавщица написала адрес художника на клочке бумаги и подала его генералу, который быстро спрятал его в карман и потянул Лаусона к двери.

Но выйдя из лавки, он пошел обратно по прежнему направлению.

— Генерал, куда мы идем?— спросил адвокат.

— К художнику, он может объяснить мне это странное дело, которое кажется мне сном.

Они скоро отыскивали мрачный дом на одной из маленьких улиц, примыкающих к Хай-Хол-Борну.

Хозяйка квартиры объяснила, что, к несчастью, артист поспешно уехал три дня тому назад и распродал все свои картины. Ни его имени, ни того, куда он отправился, никто не знал.

Генерал спросил, не знала ли она другого художника, который жил с тем вместе? Хозяйка ответила, что вместе с иностранцем жил еще какой-то англичанин, имени которого она тоже не знает и который уехал три

месяца тому назад. Никаких других сведений генерал добиться не мог.

— Бедный мой мальчик!— сказал старый офицер, выходя на улицу... Он жил в такой конуре... а я воображал, что он мотает свои деньги... Ах, Лаусон, я, кажется, был очень несправедлив к моему Генри.

— Еще не поздно исправить ошибку, генерал.

— Надеюсь... и от всего моего сердца... Пойдемте скорее в министерство.

Министр обещал сделать все возможное со своей стороны, чтобы вырвать молодого человека из рук разбойников.

Генерал вернулся к себе в замок со стесненным сердцем. Он охотно заплатил бы любой выкуп, если бы знал, куда его послать. Он надеялся, что по приезде застанет письмо из Рима.

Надежды его оправдались. На письменном столе среди массы писем его ожидали два письма с итальянскими марками, но от разных чисел.

На одном из них он узнал почерк Генри и поспешил его вскрыть.

— Слава Богу,— вскричал он, оканчивая чтение,— он жив и здоров.

Другое письмо было все заклеено марками. Беря его в руки, генерал вздрогнул. Он почувствовал там что-то твердое. Дрожащей рукой он разорвал конверт и вынул оттуда маленький пакетик, из которого выпал маленький мертвенно-бледного цвета предмет, дюйма два длиной.

Это был человеческий палец, отсеченный на втором суставе и носивший на себе следы продолговатого давно зажившего шрама. Болезненный стон вырвался из груди генерала. Он узнал палец своего сына.

XL. СТРАШНАЯ УГРОЗА

Невозможно описать страданий и ужаса, выразившихся на лице генерала, когда он смотрел на палец своего сына.

Глаза его, казалось, хотели выскочить из орбит. Он как бы застыл на месте и только конвульсивные движения, пробегавшие по его лицу, показывали, что он еще жив.

Несколько минут прошло, пока он, наконец, собрался с силами и прочел приложенное к этой посылке письмо.

Вот что оно гласило:

«Синьор, вы найдете здесь палец вашего сына, который вы узнаете по зажившему шраму. Если же вы будете продолжать сомневаться и откажетесь выслать выкуп, вам будет прислана вся рука. Если через десять дней мы не получим вашего ответа и тридцати тысяч лир, со следующей почтой вы получите руку. Если же и тогда вы не захотите раскрыть ваш кошелек, мы будем принуждены заключить, что у вас нет сердца и что вы предпочитаете деньги вашему сыну. Не обвиняйте поэтому в жестокости нас, кого несправедливые законы заставили объявить войну всему человечеству и которые, преследуемые, как дикие звери, принуждены прибегать к крайней мере, чтобы добыть себе пропитание.

Одним словом, если вы откажетесь выслать деньги, мы обещаем вам, что похороним вашего сына по-христиански. Только в доказательство вашей бесчеловечности вам будет прислана отрубленная голова, причем за пересылку уплатить придется вам.

Повторяем, не принимайте наших слов за пустую угрозу и будьте уверены, что в случае вашего отказа уплатить выкуп ваш сын будет предан смерти.

Н. Саро (за себя и за товарищей).

P.S. Если вы отправите деньги по почте, то адресуйте синьору Джакопи, улица Вольтурно, № 9, Рим. Если пошлете посыльного, адрес тот же.

Не советуем выдавать нас. Это ни к чему не приведет».

— Боже мой! Боже мой!— снова простонал генерал, окончив чтение.

Он больше не сомневался. На столе перед его глазами лежало доказательство истины... с запекшейся кровью.

Дрожащей рукой генерал тронул звонок.

— Передайте моему сыну Нигелю, чтобы он немедленно пришел,— проговорил генерал явившемуся лакею.

Наклонившись над столом, генерал не мог отвести

пристального взгляда от ужасного предмета, но не мог ни взять его, ни даже дотронуться до него.

— Вы звали меня, отец,— произнес Нигель, входя.

— Да, взгляни, Нигель, узнаешь?

— Что я могу узнать...— я вижу кусок пальца... Но чей он, и каким образом попал к вам?

— Чей, Нигель,— проговорил дрожащим голосом генерал,— ты должен бы знать.

Нигель побледнел, заметив рубец на отрезанном пальце, но ничего не сказал.

— Ты и теперь не знаешь, кому он принадлежит?

— Нет, каким образом могу я знать.

— Увы, лучше, чем кто-либо другой. Это палец твоего брата.

— Брата!— вскричал Нигель, притворяясь взволнованным и удивленным.

— Да... взгляни на этот рубец. Его ты помнишь, по крайней мере?

Нигель снова выразил на своем лице притворное изумление и волнение.

— Я не упрекаю тебя,— сказал генерал.— Все это уже давно прошло и не имеет ничего общего с настоящим несчастьем.

— Но как вы это узнали, отец?

— Прочти эти письма; я не могу говорить.

Нигель прочел оба письма, испуская по временам восклицания негодования и ужаса.

— Видишь,— сказал отец, когда он кончил,— все правда... все правда!.. Я предчувствовал это, читая первое письмо Генри. Бедное дитя!.. Но ты, Нигель, ты!..

— Кто же бы мог поверить подобной вещи? Она мне кажется и теперь невозможной.

— Невозможной!— повторил генерал с упреком.— Но взгляни на это... Вот она истина... Бедный Генри! Что он думает о своем отце!.. О таком бесчеловечном отце!.. Боже мой, Боже мой!..

Старик, терзаемый угрызением совести, вскочил и заметался по кабинету.

— Это письмо пришло из Рима,— заметил Нигель, рассматривая хладнокровно конверт, как самую обыкновенную вещь.

— Ну, понятно, из Рима,— отвечал возмущенный генерал.— Что ты не видишь марок? Может быть, скажешь, что это опять уловка?

— Нет, нет, отец,— поспешно ответил Нигель, понимая свой промах... Я думал только, какой послать ответ.

— Ответ может быть только один.

— Какой же, отец?

— Выслать деньги. Это единственное средство его спасти. Нельзя терять ни одной минуты. Из письма ясно, что презренные разбойники смеются над человеческими и божескими законами. Бедный этот палец служит доказательством того, что только высылка выкупа может помешать осуществлению угроз.

— Тридцать тысяч,— пробормотал Нигель,— крупная сумма.

— Крупная сумма?! Да хоть бы сто тысяч!.. Разве жизнь твоего брата не стоит их? Да одна рука его стоит больше. Бедный Генри! Дорогое дитя!

— Я не об этом говорю, отец. Что, если мы вышлем выкуп, а негодяи не вернут моего брата?.. С подобными людьми надо быть очень осторожным.

— Теперь не до осторожности! Время не терпит. В нашем распоряжении только десять дней... Боже мой, когда послано это письмо?

— 12-го,— отвечал Нигель, смотря на конверт.

— А сегодня 16-е... Осталось только шесть дней. С экспрессом можно еще успеть в Рим. Надо все приготовить... Надо сейчас же ехать в Лондон к Лаусону... Нельзя терять ни минуты... Надо ехать... Нигель, вели закладывать.

Нигель с притворной поспешностью бросился вон из кабинета.

Когда карета была подана к подъезду, генерал вскочил в нее, и лошади помчались к ближайшей станции.

В это же самое время по дороге к коттеджу вдовы Мейноринг показался элегантный пешеход. Это был Нигель, тайком от отца изредка посещавший мать и дочь Мейноринг.

XLІ. АНОНИМНОЕ ПИСЬМО

После ужасной операции, лишившей его пальца, Генри провел два дня в грустном заточении. Грубая пища, хворост вместо постели, боль раненой руки были ничто в сравнении с его нравственными страданиями.

Отказ генерала заплатить за него выкуп страшно терзал его еще потому, что брат его в своем письме не поспешил выставить отказ этот в самых мрачных красках. Генри думал, что лишился отца навсегда.

Другая мысль, менее эгоистичная, но еще более страшная, тоже не выходила у него из головы,—страх за участь сестры своего друга. Он не мог сомневаться в смысле слов, сказанных ему на ухо Корвино, он знал, что надо готовиться ко всему самому худшему.

Он почти не отходил от окна темницы в боязливом ожидании что-нибудь услышать, свидетельствующее о захвате Лючетты.

Он бы охотно пожертвовал другой палец или даже целую руку, чтобы иметь возможность предупредить ее о грозящей опасности.

Он горько бранил себя за то, что упустил удобный случай и не написал письма синдикку, в то время, когда писал Луиджи. Теперь ему оставалась только слабая надежда, что Луиджи приедет вовремя. Если бы он мог бежать!.. Но он понимал, что все его попытки были бы бесполезны.

Он внимательно исследовал устройство своей темницы. Толстые стены были сложены из камня; пол темницы тоже был выложен плитняком. Окно представляло собой узкую щель, а дверь могла выдержать удары молота. Кроме того, по ночам один разбойник спал у его двери, а другой стоял на часах снаружи. Птичка, стоящая тридцать тысяч, была слишком лакомой добычей, чтобы ей дали возможность вылететь из клетки.

Потолок представлял единственную возможность к освобождению, если бы у него был нож и табурет. Над его темницей помещался, по всей вероятности, чердак; наверное, неплотно прилегающие балки потолка местами совсем сгнили и легко подались бы под ударом ножа.

На вторую ночь после потери пальца Генри, завязав тряпкой свою руку, лежал на своей жесткой постели и старался заснуть. Уже легкое дремотное оцепенение охватило его, как вдруг что-то жесткое ударило его по лбу. Он приподнялся на локоть, с бьющимся сердцем ожидая, что будет дальше. Тот же час вслед за этим на пол упал какой-то легкий предмет.

Во мраке темницы, освещаемой только слабым светом звезд, пленник заметил на полу какой-то продолго-

ватый белый предмет. Это был сложенный лист бумаги.

Генри схватил письмо и, не спуская глаз с окна, ждал, что будет дальше.

Прождав полчаса напрасно, он стал искать вокруг себя предмет, который разбудил его и который был также брошен в окно. Ища тщательно на полу, он наткнулся на нож в кожаном футляре. Такие ножи он видел на поясе у разбойников.

Что значила подобная присылка? Письмо, конечно, могло бы объяснить эту загадку. Генри с понятным нетерпением ожидал наступления дня. При первых лучах зари молодой человек бросился к окну и развернул письмо. Оно было написано по-итальянски и гласило следующее:

«Вы можете бежать только через потолок, нож вам поможет пробить отверстие. Спускайтесь по задней стене дома, так как часовой находится у переднего фасада. Затем направляйтесь к ущелью, по которому вы пришли. Если боитесь заблудиться, руководитесь полярной звездой; при входе в ущелье стоит часовой, вы легко можете избежать его, не возбуждая подозрения. Но у подножия горы избежать внимания часового невозможно, ибо он знает, что каждый промах наказывается смертью и вам придется пустить в дело нож. Но лучше спрячьтесь в какую-нибудь пещеру до утра. На заре часовой вернется в лагерь, и пропустив его мимо себя, бегите без оглядки в ту деревню, где вы останавливались на пути сюда. Спасайте свою голову, спасайте Лючетту Торреани».

Удивление молодого человека было так велико, что он сначала не заметил приписки, гласившей: «Если не хотите погубить написавшего это письмо, проглотите его».

Пробежав во второй раз бумагу, Генри дословно исполнил совет постскрипума.

XLII. ПОБЕГ

Генри задумался, кто бы мог быть неизвестный, написавший это письмо? Сперва ему пришло на ум, не ловушка ли это со стороны Корвино, пожелавшего воспользоваться его побегом, чтобы убить его? Но разбой-

ник мог его убить и без всякого предлога. И не желал ли он, наоборот, сохранить жизнь ему до получения окончательного ответа от генерала?

Среди разбойников самым симпатичным казался ему Томассо, менее грубый, чем другие и, казалось, знавший лучшие дни. Но что могло побудить Томассо действовать таким образом?..

Генри пришли на память последние слова письма: «спасите Лючетту Торреани!».

Не должен ли он искать объяснение поведения Томассо в этих словах? Во всяком случае, раздумывать долго было нечего, надо было действовать.

Исполнение плана, конечно, надо было отложить до ночи, после того, как тюремщик принесет ему ужин. Поэтому молодой человек принялся за внимательный осмотр потолка своей темницы. Он наметил уже место, которое легче всего поддавалось бы ножу. Но как достать до потолка? Он вытянул руку во всю длину, оставалось еще около фута.

Он обвел свою темницу безнадежным взглядом — ни камня, ни табурета.

Автор письма не подумал о самом главном. Привести в исполнение задуманный план казалось невозможным.

Но «нужда — мать изобретательности», говорит старая поговорка. Обведя глазами еще раз свою келью, он остановился на хворосте, служившем ему постелью.

Он подумал, что, собрав его в кучу, он может использовать его, как подставку. Чтобы не возбудить подозрения тюремщика, он отложил и эту работу до ночи.

Как только удалился разбойник, принесший ужин, молодой англичанин собрал все ветви в кучу, взобрался на нее с ножом в руках и стал работать.

Подгнившее дерево хорошо уступало остро отточенному ножу, но через некоторое время Генри почувствовал, что подставка под ним рассыпается, и он опять не может достать до потолка.

Он снова собрал все в кучу и снова принялся за работу, стараясь производить как можно меньше шума, зная, что находится под охраной двух часовых.

Куча рассыпалась и во второй раз.

Тогда пленник туго обвязал все ветви своим платьем. Таким образом получилась солидная опора, давшая ему возможность окончить пробоину.

До сих пор крики пировавших разбойников развлекали внимание часовых.

Но к полуночи все стихло. Пора было бежать. Надев платье и схватившись за балку, он поднялся на руках и не без труда пролез в пробитое отверстие.

Как он и ожидал, он очутился на чердаке, но без выхода. Ломая себе голову, что делать дальше, он вдруг заметил на полу слабый свет, выходивший из окна без стекол с дряхлой ставней.

Он осторожно просунул голову и увидел, что окно находится на задней стороне дома. Перед ним не виделось ни жилья, ни человека.

На небольшом расстоянии от дома находилась группа деревьев. Если бы ему удалось добраться до этого прикрытия, не возбуждая подозрения часовых!.. Надо было выбраться из окна и спуститься на землю.

Ночь была темная, хотя и звездная. Генри не видел земли, но, судя по высоте его темницы, дом был невысок, если, конечно, не стоял на утесе. Он вздрогнул при этой мысли, но медлить было нельзя. Он выскользнул из окна и, ухватившись за перекладину, повис в воздухе. Но предательская доска, не выдержав его тяжести, подломилась, и он тяжело рухнул на землю.

Ошеломленный падением, Генри с минуту пролежал без движения в какой-то яме. Это его спасло. Оба сторожа прибежали на шум.

— Я слышал какой-то шум,— проговорил один из них.

— Ты ошибаешься,— сказал другой.

— Клянусь тебе!.. Такой шум, точно упала вязанка хвороста.

— Да это ветер ставней стучит.

— А, правда! И на кой черт эта дрянь здесь!

Успокоенный разбойник повернул обратно в сопровождении своего более доверчивого товарища.

Пленник тем временем выбрался из ямы и спокойно добрался до намеченного прикрытия.

XLIII. ГРАФ ГВАРДИОЛИ

Уже две недели прошло с тех пор, как папские солдаты были расквартированы в деревне Валь д'Орно.

Местные жители из боязни ночных встреч с нежелательными гостями заперлись по домам.

В то же время начальник этого якобы охранительного отряда сидел в гостиной синдика и рассыпался в любезностях перед его красавицей дочерью.

Разговор, как это обыкновенно бывает, коснулся самой животрепещущей темы, т. е. бандитов.

Лючетта, как всегда, вспомнила о пленном англичанине, о котором уже несколько раз рассказывала капитану.

— Бедняжка,— проговорила вполголоса Лючетта,— я бы очень хотела знать, что с ним случилось. Как ты думаешь, папа, выпустили его на свободу?

— Сомневаюсь, дитя мое. Они выпустят его только после получения выкупа.

— А, как ты думаешь, сколько они хотят?

— Вы, кажется, синьорина,— заметил граф,— сами готовы заплатить за него выкуп?

— О, очень охотно, если бы могла!

— Вы относитесь, кажется, с большим интересом к этому англичанину. Какой-то бедный художник!

— Какой-то бедный художник! Знайте, граф Гвардиоли, что мой брат тоже бедный художник и очень гордится своим званием так же, как и я, его сестра.

— Тысяча извинений, синьорина, я не знал, что ваш брат артист. Я подразумевал только этого англичанина, который, может быть, вовсе не художник, а шпион мошенника Мадзини. Может быть, для него большое счастье, что он попал в руки бандитов. Если бы он попался мне, и я узнал бы, что он шпион, я бы не ждал выкупа, а немедленно бы надел ему галстук из веревки.

У Лючетты от негодования побледнели даже щеки и засверкали глаза. В это самое мгновение раздался тихий стук в дверь.

— Войдите!— крикнул капитан, вообще расположившийся у синдика, как у себя дома.

Открылась дверь и вошел сержант.

— Что случилось?— спросил офицер.

— Пленника привели,— отвечал сержант, приложив руку к козырьку.

— Бандита?

— Нет, капитан, наоборот, этот человек говорит, что сам был у них в плену и бежал.

— Что он из себя представляет?

— Молодой человек, кажется, англичанин, хотя хорошо говорит по-итальянски.

Лючетта не могла удержаться от радостного возгласа. Бежавший пленник не мог быть никем иным, как только тем, о котором она всегда думала.

— Синьор Торреани,— обратился капитан к своему хозяину, видимо, довольный полученными известиями,— позвольте мне удалиться и допросить пленного.

— Не беспокойтесь, капитан,— отвечал синдик,— вы можете приказать привести его сюда.

— Да, да,— прибавила Лючетта,— я уйду, если мое присутствие вас стеснит.

— Нисколько, синьорина. Этот молодой человек, если я не ошибаюсь, и есть тот бедный художник, который вас так интересуется.

По знаку Гвардиоли сержант вышел и скоро вернулся с пленником.

Это был Генри Гардинг.

Молодой англичанин был очень удивлен тем, что, вырвавшись из рук бандитов, снова попал в плен к солдатам.

Несмотря на лохмотья, молодая девушка тотчас же узнала прекрасное, мужественное лицо Генри, горевшее в этот момент негодованием. Нечего прибавлять, что Генри сейчас же узнал в красавице сестру своего друга.

XLIV. ДОПРОС

Капитан граф Гвардиоли поймал взгляд симпатии, которым обменялись Генри и дочь синдика.

Этот взгляд еще более подзадорил в нем желание выказать свою власть над молодым англичанином.

— Где вы поймали этого оборванца?— спросил он сержанта, бросая презрительный взгляд на Генри.

— Мы его схватили в тот момент, когда он тайком пробирался к деревне.

— Тайком!— вскричал молодой англичанин, пристально смотря на сержанта, опутившего глаза...— За мои лохмотья вам следует краснеть, г-н офицер. Если бы вы и ваши солдаты лучше исполняли свои обязанности, моя одежда не была бы в таком состоянии.

— Ого, синьор, у вас слишком острый язык! Советую вам отвечать только на вопросы.

— Я имею право говорить первый... По какому поводу я в плену?

— А вот это сейчас выяснится. Есть у вас паспорт?

— Станный вопрос для человека, только что вырвавшегося из когтей разбойников!

— Почему мы можем это знать?

— Мое появление здесь и мой внешний вид служат неопровержимым доказательством моих слов. А если вам этого недостаточно, то я призову в свидетели синьорину, которая, может быть, вспомнит пленника, виденного ею со своего балкона.

— Конечно, конечно, папа, это тот самый.

— Я подтверждаю, капитан Гвардиоли, что этот человек и есть тот самый английский художник, о котором мы говорили.

— Возможно,— ответил Гвардиоли с недоверчивой улыбкой,— но, может быть, синьор играет и другую роль, о которой он умалчивает.

— Какую другую роль?— спросил Генри.

— Шпиона.

— Шпиона!— повторил пленник,— но для кого и зачем?

— А вот это я и хочу узнать,— иронически заметил Гвардиоли.— Ну, сознавайтесь! Ваша искренность сократит время вашего плена.

— Моего плена?.. Но по какому праву, милостивый государь, говорите вы о плене? Я британский подданный, а вы офицер папской армии, а не начальник бандитов... Берегитесь, вы рискуете!

— Чего бы мне это ни стоило, синьор, но вы мой пленник и останетесь им до тех пор, пока я не узнаю причин, приведших вас в эти места. Ваши рассказы очень подозрительны. Вы выдаете себя за художника?

— Я и есть художник, хотя очень скромный, но не все ли это равно.

— Совсем не все равно. Почему вы бедный художник очутились в этих горах? Если вы англичанин и артист, как вы утверждаете, то ведь вы приехали в Рим изучать искусство? Так с какой же целью вы очутились здесь? Отвечайте, синьор!

Молодой человек колебался, сказать ли правду?

Одного слова было достаточно, чтобы получить свободу.

— Синьор капитан,— сказал он после краткого размышления,— если вы считаете своим долгом узнать причины, приведшие меня сюда, я вам их скажу. Может быть, мой ответ удивит синьора Торреани и синьориту Лючетту.

— Откуда вы знаете наши имена?— вскричали с удивлением синдик и его дочь.

— От вашего сына, синьор.

— Моего сына? Он в Лондоне!

— Именно в Лондоне я впервые услышал имена Франческо и Лючетты Торреани.

— Вы знаете Луиджи?

— Так хорошо, как может знать человек, проживший с ним целый год под одним кровом...

— Спасший его кошелек и, может быть, жизнь,— прервал синдик, подходя к артисту и протягивая ему руку.— Если я не ошибаюсь, вы тот молодой человек, который его вырвал из рук разбойников и убийц? Это о вас Луиджи часто говорил в своих письмах?

— О, да!— вскричала Лючетта, подходя в свою очередь и смотря на иностранца с возрастающим интересом.— Вы так похожи на портрет, описанный нам Луиджи.

— Благодарю вас, синьорина,— отвечал улыбаясь, молодой артист.— Что же касается моей тождественности, синьор Торреани, то я мог бы вам ее засвидетельствовать лучше, если бы мой друг Корвино, лишивший меня денег, не отнял у меня рекомендательное письмо вашего сына. Я рассчитывал представить вам его лично, но известные вам обстоятельства мне помешали.

— Но отчего вы нам ничего не сказали, когда вы проходили здесь с бандитами?

— Тогда я не знал, ни кто вы были, ни названия местечка, по которому мы проходили с разбойниками.

— Как жаль,— проговорил синдик,— что я не знал этого раньше! Я бы постарался освободить вас.

— Благодарю вас, синьор Торреани! Но это вам бы не дешево обошлось, не менее 30 тысяч лир.

— 30 тысяч?— вскричали в один голос присутствующие.

— Вы слишком дорого себя цените, синьор художник!— заметил иронически офицер.

— Это точная сумма выкупа, требуемого Корвино.

— Он, вероятно, вас принял за какого-нибудь милорда и, вероятно, отпустил бы, узнав свою ошибку.

— Да, и взяв у меня палец... разумеется, вместо выкупа,— добавил англичанин, показывая руку.

Лючетта вскрикнула от ужаса.

— Да,— проговорил взволнованный синдик,— вот неопровержимые доказательства. Я не мог бы быть вам полезен. Но скажите, как вы избавились от этих негодяев?

— Об этом мы поговорим завтра,— перебил Гвардиоли, недовольный всеобщей симпатией, возбуждаемой англичанином.— Сержант, отведите пленника и запишите в караулке. Утром я допрошу его снова.

«Опять в заключение»,— подумали синдик и его дочь.

— Позвольте напомнить вам,— замстил англичанин, обращаясь к офицеру,— что вы берете на себя большую ответственность. Даже папа не сможет защитить вас от наказания, которое должно последовать за оскорбление британского подданного.

— Джузеппе Мадзини тоже не избавит вас от наказания, которое следует республиканским шпионам, синьор англичанин!

— Мадзини... республиканский шпион... да вы бредите!..

— Послушайте, граф,— сказал синдик убедительным тоном,— вы заблуждаетесь. Какой же он шпион. Это честный английский джентльмен... Друг моего сына Луиджи. Я вас прошу за него.

— Невозможно, синьор синдик! Я должен исполнить свой долг. Сержант, исполняйте ваш. Уведите пленника!

Соппротивление было бесполезно. Генри повиновался, обменявшись с Лючеттой взглядом, утешившим его за новое унижение, и бросив такой взгляд Гвардиоли, после которого благородный граф чувствовал себя весь вечер не в своей тарелке.

XLV. ОБЪЯСНЕНИЕ

На следующее утро капитан Гвардиоли принужден был сбавить тон. После долгого допроса он должен был признать правдивость показаний молодого англичанина.

Да и какой интерес был англичанину вмешиваться в политические дела чужой страны? Капитан понял, что было бы совсем неблагоприятно вызывать неудовольствие могущественной нации и под видом уступки желаниям синдика отпустил Генри Гардинга на свободу.

По счастью, у синдика нашелся целый костюм, оставленный Луиджи, как неподходящий для Лондона. Зато к здешним горам он подходил как нельзя лучше и пришелся по росту молодому человеку. Генри, конечно, не мог отказаться от такого подарка, принимая во внимание, что его платье было совершенно изорвано.

Через час после своего освобождения он явился в бархатной куртке, коротких панталонах на пуговицах, классических гетрах и сдвинутой на ухо калабрийской шляпе с пером... Одним словом, настоящим бандитом. Лючетта улыбнулась, увидев его в этом костюме, который ему очень шел и напоминал брата Луиджи.

Генри должен был рассказать все свои приключения с момента пленения до возвращения в Валь д'Орно. Особенно подробно он должен был остановиться на побеге.

Он рассказал, как пробил потолок, как упал с крыши и что говорили его сторожа. Рассказал, как ему удалось проползти на руках мимо первого часового, как, не желая проливать кровь второго, он, спрятавшись в кустах, ожидал наступления дня и как по уходе второго часового снова пустился в путь. К счастью, туман, наполнивший долину, скрыл его от всех глаз. Вероятно, за ним была послана погоня, но не скоро, должно быть, когда уже он был далеко. Дорога, по которой его вели в логово разбойников, хорошо запечатлелась в его памяти, а страх за собственную безопасность придал ему силы. При наступлении ночи он достиг деревни, где снова попал в плен.

Затем разговор перешел на Луиджи; бесполезно говорить, что Лючетта обожала своего единственного брата. И она засыпала вопросами молодого англичанина о том, как живет ее брат, как себя чувствует и т. д.

Ответив на все вопросы, Генри должен был расска-

зять, как он спас Луиджи от мошенников. Затем Лючетта спросила, нравятся ли Луиджи белокурые англичанки и намекнула на то, что Луиджи обязан оставаться верным одной молодой римлянке, родственнице Торреани. Затем спросила, не считает ли англичанин грехом брак между протестантами и католиками.

Генри чувствовал себя так хорошо у гостеприимного синдика, что теперь без всякой горести вспоминал о своей прежней жизни и Бэле Мейноринг.

В тот же день вечером молодой человек, оставшись наедине с синдиком, сообщил ему о замыслах Корвино на Лючетту и о письме, которое он написал Луиджи, чтобы ускорить его возвращение в Италию.

Торреани не скрывал своего огорчения, но не выказал большого удивления.

Его уже предупредили об этом раньше. Сообщение же о письме, посланном его сыну в таких критических обстоятельствах, удивило старика и растрогало. Он обнял и прижал к сердцу молодого человека.

Этот разговор разъярил Генри также один вопрос, над которым он тщетно ломал голову. И именно, кто был его таинственный покровитель?

При имени Томассо синдик у все стало ясно. Томассо, бывший фермер Торреани, служил в папских войсках и за какую-то провинность был посажен в тюрьму. Затем бежал оттуда и, конечно, искал убежища в горах у разбойников. Воспоминание о некоторых услугах, оказанных ему синдиком, внушило ему его поступки.

Синдик, как известно, уже давно решил покинуть Валь д'Орно и увезти Лючетту. Не далее, как сегодня, он уже продал свой дом и теперь мог спокойно искать себе новое местопребывание.

Впрочем, спешить было нечего. Папские солдаты оставались еще на некоторое время в Валь д'Орно. Синдик мог спокойно ожидать возвращения своего сына.

Лючетта была очень удивлена известием о неожиданном приезде брата. Все свободное время она проводила теперь в разговорах с молодым англичанином и не уставала слушать о его совместной жизни с Луиджи, его таланте и т. п.

Очарование этих бесед нарушалось иногда несносным присутствием капитана Гвардиоли. Не лучше ли

ему было преследовать разбойников во главе своего отряда, ведь встретить их было нетрудно?

Генри, весь еще под впечатлением недостойного поведения с ним бандитов, страстно желал отомстить им за свою обезображенную руку и охотно взялся бы служить проводником папским солдатам. Он даже предложил свои услуги капитану, но последний отклонил их таким тоном, что взаимная антипатия между молодым англичанином и знатным итальянцем еще более обострилась. С этого момента они не обменялись ни одним словом, даже в присутствии Лючетты.

В один прекрасный день молодая девушка в сопровождении своих двух кавалеров отправилась осмотреть грот, расположенный на вершине горы, в котором, по преданию, когда-то жил отшельник.

По совету своего отца Лючетта предложила молодому англичанину сопровождать ее.

Капитан Гвардиоли приглашен не был, но он сам вызвался сопровождать Лючетту в случае опасности. Молодые люди стали взбираться на гору.

Гвардиоли, пожираемый ревностью, шел немного позади. Мысленно он проклинал молодого англичанина, и если бы явилась возможность, он, не задумываясь, сбросил бы его в пропасть или пронзил бы шпагой.

XLVI. ВОЛКИ В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

Молодые люди достигли вершины горы и осмотрели грот. Лючетта своим мелодичным голосом рассказывала легенду.

Отшельник прожил несколько лет в этой пещере, никогда не спускаясь к деревне. Питался он доброхотными подаяниями пастухов и набожных душ. Вдруг он исчез бесследно. Одни говорили, что его увели разбойники, а другие уверяли, что он сам был разбойником и надел монашеское платье только с целью шпионства.

— А что же говорили пастухи?—спросил капитан,—они должны были лучше его знать. Или он, может быть, как некоторые другие, умел прекрасно носить личину?

— Вы можете их сами спросить, синьор,—отвечала Лючетта на этот туманный намек.—Вот и они.

Говоря это, молодая девушка указала пальцем на

глубокое ущелье с противоположной стороны горы, по которому поднимались пять пастухов с овечьим стадом впереди. В эту минуту расстояние между ними и Лючеттой было не более ста шагов.

Люди эти были одеты в грубые овечьи шкуры, доходящие до колен, в традиционных соломенных шляпах и сандалиях на ногах. В руках у них были палки. Несмотря на удушающую жару, на лицо одного из них был опущен капюшон.

— Некоторые обычаи вашей страны меня удивляют,— проговорил Генри, обращаясь к сестре своего друга.— В Англии на 500 овец было бы достаточно одного пастуха, между тем, как здесь стадо гораздо меньше, а при нем пять человек.

— О,— отвечала с живостью Лючетта, задетая в своей национальной гордости,— у наших пастухов стада тоже обыкновенно гораздо больше. Эти, вероятно, оставили часть своих овец на другой стороне горы, потому что...

Слова ее затерялись в оглушительном звоне колокольчиков и приближающегося стада. А пастухи, оставив стадо, подошли к нашим путешественникам. Прежде чем капитан успел открыть рот, один из них заговорил:

— *Buono giorno, signori! Molto buono giorno signora bella!*¹

Эту фразу можно было бы принять за комплимент, если бы тон, которым она была произнесена, не придавал ей другого значения. Звук этого голоса неприятно отозвался в ушах англичанина.

«Однако, эти итальянские пастухи не очень-то застенчивы»,— подумал он про себя.

— Мы ищем одну пропавшую овцу,— продолжал тот же пастух.— Мы полагали, что она здесь. Не видели ли вы ее случайно?

— Нет, друзья мои,— отвечал капитан, приятно улыбаясь.

— Вы убеждены в этом, капитан?

— О, вполне! Поверьте, что мы были бы счастливы помочь вам найти животное.

— Вашей овцы здесь нет,— перебил англичанин,

¹ Здравствуйте, господа, здравствуйте, прекрасная дама!

выведенный из себя наглостью пастуха.— Вы сами это видите, чего же вы настаиваете?

— Вы лжете!— вскрикнул пастух с капюшоном, до сих пор молчавший.— Беглец, которого мы ищем, это вы, молодой англичанин, и мы находим вас в прекрасном обществе. Благодарение Мадонне! Вместо одного животного мы теперь возьмем трех и среди них великолепнейшую овцу, как бы созданную для наших гор.

С первых же слов Генри узнал голос говорившего, а откинутый капюшон открыл мрачное лицо начальника бандитов.

— Корвино!— невольно вырвалось у Генри.

В этот момент два разбойника схватили его за руки, двое других набросились на офицера, между тем, как начальник завладел Лючеттой.

Отчаянными усилиями Генри высвободился из их рук. К несчастью, он был безоружен, а как бы ни были сильны его кулаки, они не могли оказать ему большой пользы в борьбе с разбойниками, вооруженными кинжалами.

Молодая девушка билась в руках атамана, испуская пронзительные крики.

Гвардиоли стоял неподвижно и безмолвно, дрожа всем телом. Он даже не вытащил своей шпаги из ножен.

Генри это заметил. В один миг он бросился мимо наступающих на него разбойников, схватил за эфес шпагу, вытащил из ножен и, как лев, бросился на своих противников.

Труссы отступали, вытащив пистолеты из-за пояса и стреляя, не целясь. Пули пролетели мимо молодого англичанина, который бросился теперь на Корвино.

Разбойник с криком ярости выпустил свою добычу и приготовился к нападению. Он выхватил револьвер и прицелился в молодого человека.

К счастью, револьвер дал осечку, но прежде чем он успел спустить курок во второй раз, шпага Гвардиоли, направленная более искусной рукой, пронзила ему руку и пистолет упал на землю.

Генри хотел повторить удар, как вдруг почувствовал, что он во власти восьми рук; бандиты, державшие Гвардиоли, решили придти на помощь товарищам, а капитан граф бежал с горы с такой быстротой, как только могли его дрожащие ноги.

Молодой англичанин теперь остался один против четырех, ибо когда Корвино увидел, что его товарищи заняты одним противником, он обхватил рукой стан Лючетты и, подняв ее, как перышко, бросился к ущелью.

XLVII. ОДИН ПРОТИВ ЧЕТЫРЕХ

Почти обезумев от горя и ярости при виде похищения молодой девушки, Генри немедленно хотел броситься вслед за похитителем, но разбойники окружили его, и прежде всего ему надо было подумать о себе. Только благодаря силе и ловкости, приобретенной им на атлетических играх в школе и в университете, он мог устоять против противников.

К счастью, их пистолеты были разряжены, и у них оставались только кинжалы, но разбойники превосходили численностью и ловко отбивали нападения англичанина.

Отчаянный бой этот длился около пяти минут. Молодой человек чувствовал, что теряет силы, как вдруг глаза его упали на грот отшельника. Прочистив себе путь последним отчаянным усилием, он бросился к гроту и остановился на пороге со шпагой в руке.

Бандиты с криком разочарования заметили выгодную позицию, занятую их противником. Благодаря длине своей шпаги, Генри мог защищаться теперь против двух десятков кинжалов.

Инстинктивным движением все четверо вложили в ножны свои кинжалы и стали заряжать пистолеты. Положение становилось критическим. Молодой англичанин чувствовал, что наступает последний момент его жизни.

Он считал себя уже погибшим. Но не желая служить простой мишенью бандитам, он решил броситься на них, чтобы как можно дороже продать свою жизнь, как вдруг раздались выстрелы, и пули градом посыпались на окружающие скалы.

При этом неожиданном нападении испуганные разбойники бросились бежать со всех ног.

Молодому англичанину теперь приходилось уже защищаться от пуль солдат, взбравшихся на гору. Но не думая о них, он пустился за беглецами, уже спустив-

шимися в ущелье. На противоположной стороне горы он заметил Корвино, взбегающего на гору с Лючеттой на руках.

Молодая девушка, казалось, была без сознания. Она не кричала, не вырывалась, и подол ее белого платья заметал следы по горной скалистой тропинке.

При входе в ущелье солдаты с Гвардиоли во главе остановились, не переставая стрелять, хотя разбойники были уже давно вне выстрелов. Корвино со своей драгоценной ношей давно скрылся из виду; сообщники его тоже скрылись за скалами.

Между тем отряд продолжал бесцельную стрельбу.

Генри, пораженный таким странным преследованием бандитов, спросил довольно резко у Гвардиоли, намерены они преследовать разбойников и вырвать добычу, или нет?

— Вы не в своем уме, г-н англичанин,— отвечал капитан со спокойствием труса.— Вы, как иностранец, не знаете обычаев неаполитанских бандитов. Все происшедшее не больше, как уловка заманить нас в засаду. Может быть, за теми скалами находится более двухсот негодяев, приготовившихся нас хорошо встретить. Я не настолько безумен, чтобы подвергать моих людей такой опасности. Мы подождем подкрепления.

В эту самую минуту появился синдик, удрученный таким страшным несчастьем, и присоединил свои мольбы к настояниям англичанина пуститься в погоню за разбойниками.

Но ничего не помогло, трусливый папский комиссар больше думал о своей безопасности, чем о спасении молодой девушки.

Это трусливое поведение капитана совершенно убило синдика. А молодой англичанин обратился к окружающим крестьянам со странной для них речью:

— Деревня ведь густо населена,— говорил он,— неужели здесь не найдется людей достаточно храбрых, чтобы броситься в погоню за разбойниками и вырвать у них дочь синдика?

Эти слова, совершенно новые для бедных людей, привыкших покорно сгибаться перед физической силой, произвели впечатление электрической искры. Они ответили громкими криками, поняв впервые, что могут сопротивляться.

— Соберем старшин!— кричали они,— пусть они скажут, что нам делать!

С этими словами все бросились в деревню, оставив капитана Гвардиоли и его солдат стеречь скалы и деревья, за которыми мог скрываться неприятель, страшный даже тогда, когда он бежал.

XLVIII. ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕСПУБЛИКА!

При входе в деревню синдик и его друзья были поражены странным зрелищем.

Мужчины, женщины, дети бегали по улице с какими-то отрывочными восклицаниями.

Что такое могло случиться? Не заняли ли бандиты деревню, воспользовавшись тем, что солдаты были отвлечены в сторону?

На площади стояла большая толпа перед домом синдика и перед таверной.

Обе эти группы состояли из крестьян, землевладельцев и горожан в разнообразных одеяниях, но вооруженных ружьями, саблями и пистолетами. Это не были бандиты, хотя часть солдат, оставшихся в деревне, и была захвачена ими в плен.

Кто же были эти люди? Синдик и его друзья, подходя к площади, слышали крики: «Да здравствует республика! Долой тирана, долой папу!»

Эти характерные возгласы и развешиваемые знамена ясно показывали, что Валь д'Орно было занято республиканцами.

Рим подвергся той же участи. Папа бежал, а триумвират Мадзини — Сафо — Армелли управлял Вечным городом.

Синдика ожидала еще одна неожиданность. В центре группы, стоящей у его дома, он увидел своего сына Луиджи.

Обнимая сердечно отца, Луиджи заметил мрачное выражение его лица.

— Что случилось, отец?.. Говорят, бандиты появились на горах. Где Лючетта?

Глубокий вздох и рука, простертая по направлению к горам, была единственным ответом.

— Боже мой,— вскричал Луиджи,— я опоздал! Говори, отец, говори, где сестра?

— Бедная... бедная... дочь моя... погибла... Луиджи... ее похитили разбойники... Корвино...

И с рыданиями упал в объятия сына.

— Друзья!— вскричал Луиджи, обращаясь к присутствующим, растроганным этой сценой,— нужно ли мне говорить вам, что если бы я не жил в чужой земле, я бы стал под ваши славные знамена! Отныне я ваш и навсегда... Это мой отец Франческо Торреани... Вы слышали — его дочь, а моя сестра похищена разбойниками на глазах сотни солдат, присланных сюда под предлогом вашей охраны. Вот какова охрана этих мужественных защитников веры!

— Защитников дьявола!— крикнул один голос.

— Они хуже бандитов!— крикнул другой.— Я думаю, что между ними давно существует соглашение. Потому-то та банда вечно и ускользает от них.

— Весьма вероятно!— подтвердил третий голос.— Мы знаем, разбойники на жалованье у папы и у Неаполитанского короля! Это одна из уловок тирании!

— Так значит,— спросил артист с надеждой в голосе,— вы согласитесь помочь мне искать сестру?

— Да, да!— кричали со всех сторон.

— Вы можете рассчитывать на нас, синьор Торреани,— проговорил один человек важного вида, по-видимому, начальник республиканцев.— Разбойников мы догоним, вашу сестру вернем, если это в нашей власти. Но прежде всего нам надо избавиться от этих барышников. Видите, они спускаются с горы. Товарищи, скроемся в дома... захватим их врасплох!.. Страмони, Джинглетта, Паоли! расположитесь у входа на улицу и после предупреждения немедленно расстреливайте всякого, кто попытается бежать. Скорей!

Незнакомцы быстро рассыпались по домам, уведя с собой пленных солдат.

Площадь опустела в одну минуту.

Жителей, оставшихся на улице, предупредили, что малейшая попытка в измене будет наказана смертью, но о предательстве никто не думал, так как жители смотрели на новых пришельцев, как на своих освободителей, и с радостью приветствовали провозглашение республики.

Гвардиоли со своим отрядом между тем приближался. У капитана был озабоченный вид, теперь, когда опасность миновала, он думал о своем поведении, как

начальника и солдата, и должен был сознаться, что оказался не на высоте положения.

Мнение жителей его не особенно трогало, но ведь свидетелями его трусости были солдаты и офицеры. Слух об этом может дойти до Рима и даже до Ватикана.

Капитан, офицеры и солдаты подходили к деревне, не подозревая, какой прием их ожидает.

Начальник республиканцев принял свои меры. На каждом углу площади за домами были запряты отряды людей, таким образом, чтобы образовать перекрестный огонь. Прибывающий отряд должен был очутиться в полной власти революционеров.

Тишина, царившая в деревне, не ускользнула от внимания папских стрелков, и их удивило, что товарищи не вышли к ним навстречу.

Их размышления были прерваны неожиданным окриком из таверны:

— Сдавайся, капитан! Отдай свою шпагу солдатам республики!

— Что значит эта наглость!— вскричал Гвардиоли, повертываясь к таверне.— Сержант, отыщите этого человека, приведите его сюда и всыпьте ему горячих!

— Ха! ха! ха!— раздался смех. Затем последовало вторичное требование о сдаче.

Солдаты прицелились, готовясь по первому сигналу поразить насмерть предполагаемых жалких мужиков.

— Мы не жаждем вашей крови!— говорил тот же иронический голос,— если, конечно, вы не заставите нас ее пролить.— Папские солдаты! Вы окружены солдатами законного правительства республики. Вашего властелина нет в Риме, он постыдно бежал. Мадзини управляет городом, а мы пришли управлять здесь... Вы в нашей власти... Первый, кто откроет огонь, будет виновником смерти всех своих товарищей, мы не пощадим никого. Будьте благоразумны. Сдайтесь добровольно. Сложите оружие, и мы вас примем, как военнопленных. В противном случае, вы получите по заслугам, как разбойники и продажные души.

Эта речь, наполовину насмешливая, наполовину угрожающая, повергла солдат Гвардиоли в неопишное удивление. Что могло значить это требование, повторяемое с такой дерзостью и в то же время самоуверенностью? Они стояли в нерешительности.

— Товарищи!— крикнул тот же голос,— эти молодцы, кажется, колеблются, они сомневаются в правдивости моих слов. Покажите им ваши карабины. Когда они сосчитают их, может быть, их недоверие пропадет.

Едва были произнесены эти слова, как послышался стук ружейных прикладов, и окна домов ошетинились высунувшимися штыками. Испуганный Гвардиоли и солдаты очутились между двухсот направленных на них дул.

Но и четверти этого количества было бы достаточно, чтобы образумить их.

Они поняли, что попали в ловушку, что разразилась давно ожидаемая революция и, не ожидая приказа капитана Гвардиоли или младших офицеров, солдаты побросали оружие.

Через десять минут они уже столпились под трехцветным знаменем, крича во все горло: «Да здравствует республика», между тем, как расстроенный и обезоруженный Гвардиоли шагал по той же самой комнате, где три дня тому назад был заключен Генри.

Сегодня он был сам пленником республиканских солдат.

XLIX. ПОХИЩЕНИЕ

То волоча девушку, то неся на руках, Корвино быстро бежал по горному ущелью. Наконец, считая себя в безопасности от погони, он остановился за утесом и стал поджидать товарищей.

Он слышал ружейные выстрелы и догадался, что пришли солдаты, но рассчитав время, какое им понадобится, для того чтобы взобраться на гору, он решил, что раньше, чем они достигнут вершины, его люди, забрав старого пленника, нагонят его в ущелье.

Четверо против одного... Он отлично заметил трусливое бегство офицера. Успех не подлежал никакому сомнению. Потому-то он и бежал раньше, чтобы выиграть время, так как ноша сильно мешала ему.

Покидая место боя, он крикнул своим, чтобы они захватили англичанина, по возможности, живым, потому-то разбойники и не пускали в ход своих пистолетов. Им не хотелось лишиться богатого выкупа.

Молодая девушка не оказывала никакого сопротив-

ления. Она была без чувств. В таком состоянии ее и тащил Корвино.

Она очнулась на лужайке довольного дикого вида, окруженной деревьями и скалами. Она не плакала, не кричала. Она сознавала, что находится в полной власти бандита.

Мысли ее были смутны и неясны. Ей казалось, что она еще не вполне очнулась от страшного кошмара.

Она вспомнила пастухов, крик Генри при виде Корвино, борьбу между молодым англичанином и разбойниками, кинжалы, бегство Гвардиоли. Она потеряла сознание в тот момент, когда Корвино схватил ее на руки.

Когда она снова открыла глаза, она заметила кровь на платье разбойника и на своем собственном. Она вспомнила удар шпаги молодого англичанина по правой руке разбойника.

Каков был результат неравного боя? Убит ли англичанин или снова взят в плен? Она слышала приказ, данный Корвино, захватить его живым. Она задрожала при мысли, что разбойники не исполнили этого приказания.

Она огляделась кругом и увидела, что разбойник перевязывает себе рану куском полотна, оторванным от рубашки.

Она смотрела на него с ужасом и отвращением. Кровь на его руках и лице делали его еще отвратительней, чем всегда.

Молодая девушка задрожала, как лист под дуновением ветра.

— Лежите смирно, синьорина,— произнес бандит, заметив, что она пришла в себя.— Подождите, пока я забинтую себе руку. Я снесу вас тогда на более мягкое ложе. Клянусь Мадонной! Англичанин дорого заплатит мне за эту рану!.. Сперва ушами, а потом двойным выкупом.

Забинтовав и подвязав руку, он снова заговорил:

— А, теперь идем! Здесь оставаться дольше нельзя. Этот храбрый капитан вернется со своими солдатами. Идите, синьора. Теперь вам придется идти самой, я и так долго вас нес.

С этими словами он схватил молодую девушку за руку, поставил ее на ноги и тронулся в путь, как вдруг услышал шаги четырех своих спутников.

Они крались между скал одни, без пленника.

Выпустив молодую девушку, Корвино бросился на них с криками ярости.

— Где же англичанин!.. Проклятие!.. Неужели вы его убили?..

Лючетта, затаив дыхание, насторожилась.

Люди замялись, как бы боясь сказать правду. Это молчание показалось молодой девушке зловещим. Вероятно, бандиты боялись сознаться в убийстве. Она вспомнила приказание Корвино и вздрогнула.

— Я слышал звук ваших пистолетов раньше залпа солдат. Вы, очевидно, стреляли в него?

— Да, начальник,— отвечал один из бандитов.

— И что же?

— Он запрятался в грот, и мы не могли подойти к нему близко, потому что у него была длинная шпага. Окружить его тоже не было возможности. Его можно было только убить... Но ты нам не велел.

— И вы оставили его живым... без малейшей царапины... на свободе?..

— Нет, начальник. Он должен был пасть под нашими пулями. Мы не могли убедиться в этом, так как солдатские пули сыпались на нас градом, но он, верно, убит.

Начальник, понимая, что они лгут, впал в неопишемую ярость. Забыв про раненую руку, он бросился на своих сообщников.

— Скоты, подлецы,— кричал он, колотя их по очереди левой рукой и сбивая с них шляпы.— Четверо не могли справиться с одним! С ребенком! Потерять тридцать тысяч!.. Опять эта проклятая рана!— вдруг остановился он, чувствуя, что рана его открылась.— Возьмите девушку! Ведите ее... и берегитесь, чтобы она тоже не скрылась от вас. В путь!

Проговорив эти слова, он повернулся к ним спиной и пошел вперед, оставив молодую девушку под надзором сообщников.

Один из них грубо схватил ее за руку и, повторив «в путь!», потащил ее следом за Корвино. Другие пошли за ним. Лючетта не сопротивлялась.

Ее свирепые спутники грозили ей кинжалом при малейшей остановке.

Молодая девушка машинально повиновалась, погруженная в самое глубокое отчаяние; она не думала

о настоящем. Все ее мысли неслись к горе отшельника, хотя она не питала никакой надежды на освобождение. Позорное поведение Гвардиоли ясно показало ей, что у графа не хватит мужества преследовать разбойников.

Последние, очевидно, тоже об этом не думали. Они спокойно шли себе по горному ущелью. Они бы, наверно, поторопились, если бы знали о перемене гарнизона в Валь д'Орно.

Л. ПО СЛЕДУ

Надо ли говорить, что призыв, сделанный братом и отцом пропавшей молодой девушки, нашел отклик в сердцах тех, к кому он относился. Республиканцы по двум причинам горячо отозвались на это: во-первых, из человеколюбия, во-вторых, из убеждения, что разбойничество входило в систему деспотичного правления, только что ими свергнутого.

Синдик давно уже был тайным сторонником республиканцев.

Случайно приехавший Луиджи тоже немедленно перешел на сторону республики, и потому республиканцы немедленно решили спасти сестру своего нового товарища.

Заперев Гвардиоли и солдат в надежное место, они решили заняться Корвино и его сообщниками. Томимые ужасными предчувствиями, Луиджи Торреани и молодой англичанин желали немедленно начать преследование. Командир республиканцев, по имени Росси, повинаясь голосу рассудка, понял, что несвоевременная поспешность могла испортить все дело.

Росси, бывший офицер неаполитанской армии, имел большой навык в преследовании сицилийских и калабрийских бандитов и знал, что открытым нападением на разбойников ничего не добьешься и только подвергнешься насмешкам самих же разбойников, запрятавшихся за скалы.

Правда, на этот раз условия были другие.

Логовище разбойников было известно. Их бывший пленник мог указать его.

По мнению большинства, все складывалось как нельзя лучше для немедленного преследования, по

опытный охотник на неаполитанских бандитов думал иначе.

— Это преимущество,— говорил Росси,— было бы сведено к нулю, если бы мы вздумали нападать на бандитов днем. Часовые немедленно бы заметили нападающих и вовремя бы предупредили товарищей. Идти надо ночью, и так как дорога известна, то можно надеяться на какой-то успех.

«Какой-то успех!» Эти слова зловеще отозвались в ушах Луиджи Торреани, его отца и друга. Они дрожали при мысли, что должны ждать до вечера, когда по меньшей мере миль двадцать отделяли их от самого дорогого существа, которому их преданность и присутствие были необходимы теперь более, чем когда-либо.

Для трех этих людей, так глубоко заинтересованных в успехе экспедиции, всякая отсрочка была невыносима, и, правду говоря, это чувство разделяли большинство из присутствующих: граждане и волонтеры. Нельзя ли было немедленно принять какие-нибудь меры? Всякий понимал, что преследовать пятерых разбойников, похитивших дочь синдика, было бесполезно.

Прошло уже несколько часов, и благодаря отличному знанию местности, похитители были уже давно в безопасном месте. Оставалась только одна надежда: захватить их в притоне, указанном беглым пленником.

Не было никакой возможности приблизиться к этому логовищу днем. Ночь настанет раньше, чем они достигнут его, так как им нужно было пройти миль двадцать.

Сумерки, конечно, должны были благоприятствовать нападению, но все эти двадцать миль надо было идти с большой осторожностью, иначе застать врасплох разбойников невозможно, так как весь путь охраняется если не часовыми, то наемными крестьянами, пастухами и т. п.

Так говорил Росси, и он был прав.

Кто мог предложить такой план, при посредстве которого можно бы было захватить в плен в эту же ночь всех разбойников и предупредить преступление, мысль о котором наполняла ужасом не только родственников и друзей несчастной Лючетты, но и всех волонтеров?

— Я,— сказал один человек, выступая вперед,— если вы захотите следовать моим советам и взять меня

в проводники. Я вам помогу не только освободить дочь вашего почтенного синдика, но и изловить всю шайку Корвино, с которой я принужден был прожить три года.

— Томассо!— воскликнул синдик.

Это был действительно его старый фермер.

— Томассо!— повторил начальник революционеров, узнав в говорившем человека, пострадавшего за идею, который предпочел жить с разбойниками, чем гнить в римской тюрьме.

— Синьор Томассо, это вы?

— Да, синьор Росси, это я, счастливый тем, что не должен больше скрываться в горах, избегать присутствия друзей и жить среди нечистой накипи человечества. Благодарение Богу и Джузеппе Мадзини! Да здравствует республика!

Последовали дружеские приветствия между Томассо и волонтерами, старыми заговорщиками.

Не менее дружески приветствовал его и молодой англичанин, убедившийся теперь, что его спасителем был никто иной, как Томассо.

Но туча, омрачившая все умы, не дала развиваться радостным чувствам. Время летело, а Томассо был не такой человек, чтобы терять его в пустых разговорах.

— Следуйте за мной,— сказал он, обращаясь к Росси, синдик и Луиджи.— Я знаю дорогу, по которой мы доберемся до их логовища, незамеченные никем... даже до захода солнца, если это необходимо. Но Корвино не будет там раньше полуночи, и мы захватим всю шайку, как в мышеловку. Только идем немедленно, ибо путь, по которому я поведу вас, труден и длинен.

Это предложение было тотчас же принято без всяких дальнейших обсуждений. Десять минут спустя, волонтеры, оставив в деревне отряд для охраны папских солдат, уходили из Валь д'Орно и направлялись к неаполитанской границе под предводительством проводника в костюме калабрийского бандита.

LI. ОПАСНЫЙ НАПИТОК

За час до полуночи разбойник, стоявший на часах у подножия гор, услышал троекратное завывание волка.

«Вероятно, начальник»,— подумал он, отвечая на сигнал.

Хорошо скрытый в чаще деревьев, часовой мог отлично видеть, кто были вновь пришедшие. Особым знаком он известил часового, стоявшего на вершине горы, тот в свою очередь другого и, таким образом, крик докатился до самого логовища банды.

Часовой скоро заметил, что предположение его было правильно. Прибыл начальник и, задав несколько вопросов, прошел мимо.

За ним следовала женщина в кисейном платье, видневшемся из-под грубой овечьей шкуры, брошенной на плечи. Ее унылый вид и медленная принужденная поступь ясно указывали, что эта женщина явилась сюда не по своей воле. Капюшон, брошенный на голову, скрывал ее черты, но нежные руки, поддерживающие плащ, указывали на благородное происхождение.

За ней шли четыре бандита, одетые пастухами.

Во время их прохождения, угрюмое завывание волка передавалось, как эхо, от одного часового к другому. Затем снова наступило мертвое молчание, прерываемое треском сучьев под ногами бандитов.

«Вот, очевидно, новая жена начальника,— сказал себе часовой.— Я бы очень желал видеть ее лицо. Вероятно, молодая девушка, иначе бы Корвино так не старался ею завладеть... У него рука на перевязи... птичка то взята с бою... Не дочь ли это синдика, о которой столько говорили?.. Весьма возможно... Однако, начальник подхватил себе царский кусочек! Впрочем, что может быть приятнее положения жены бандита! Ожерелья, кольца, серьги, браслеты, лакомства... поцелуи, а также и колотушки! Хе, хе, хе!»

Развеселившийся часовой плотнее завернулся в плащ и впал в прежнюю неподвижность.

Час спустя он снова был выведен из своего оцепенения хорошо знакомым завыванием волка.

Как и в первый раз сигнал неся из долины со стороны римской границы.

— Опять!— воскликнул он.— Кто еще отправлялся в экспедицию в эту ночь? Я думал, что только капитан и его люди. Ах, помню, Томасо выходил сегодня утром. Какие-нибудь штуки, разумеется. Удивляюсь, что начальник доверяет этому человеку после приключения с Карой Попеттой. Бедняжка, если бы она видела, что здесь творится... Опять... Подождешь, синьор Томасо. Уаа, уаа, уаа!— завыл он по волчьим... Ну, теперь иди!

Немного погодя, в темноте приблизился человек, идущий осторожным, но твердым шагом.

— Кто идет?— крикнул часовой, как бы под влиянием какого-то предчувствия.

— Друг,— отвечал вновь пришедший.— Чего ты спрашиваешь? Разве ты не слышал сигнала?

— А, синьор Томассо! Я забыл, что вы выходили... я думал, что вы вернулись вместе с другими...

— Какими другими?— спросил Томассо, скрывая свое любопытство под недовольным тоном.

— С начальником и его спутниками. Тебя разве не было в лагере, когда они отправились?

— А, правда,— отвечал небрежно Томассо,— я думал, что они вернулись раньше. Они прошли давно?

— Да, с час тому назад.

— А что, экспедиция удалась? Привели кого-нибудь?

— Овцу и очень молодую, клянусь Мадонной. И, вероятно, были очень острые рога в том стаде, где она паслась. Я заметил кровь на рубашке начальника.

— Ты думаешь он ранен?... Как?

— В правую руку... она у него на перевязи. Вероятно, была схватка. Ты ничего не знаешь?..

— Как же я могу знать, я был занят в другом месте.

— Но твои занятия не помешали тебе наполнить фляжку, не правда ли, Томассо?

— Нет, конечно,— ответил последний, довольный таким замечанием.— Не хочешь ли убедиться в этом?

— Охотно, Томассо, ночь свежа, и я продрог. Глоток розолио был бы очень полезен.

— Я не прочь, но у меня нет ни стакана, ни кружки. Не отдать ли тебе всю бутылку?

— Ну, зачем! мне довольно одного глотка.

— Ну, вот!— сказал Томассо, протягивая ему фляжку,— пей, пока я буду считать до двадцати. Довольно тебе?

— Да, большое спасибо. Ты хороший товарищ, Томассо.

Поставив возле себя карабин, разбойник взял фляжку, из которой Томассо раньше вытащил пробку, всунул горлышко в рот и, уставившись глазами в небо, стал тянуть драгоценную влагу.

Томассо только и ждал этого момента.

Выступив внезапно вперед, он правой рукой поддерживал фляжку, а левой схватил пившего за затылок и сильным ударом ноги свалил его с ног. Бандит упал на спину, а Томассо к нему на грудь.

Удивление часового было так велико, что он даже не крикнул. Но он скоро заметил, что это внезапное нападение не шутка, и хотел крикнуть, но не мог этого сделать, так как Томассо продолжал придерживать флягу, и жидкость заливала ему горло.

Тем не менее, несколько других проклятий вырвались у разбойника. Но в этот момент три или четыре человека, явившиеся на легкий свист Томассо, бросились на бандита и положили конец борьбе.

Несколько секунд спустя, связанный по всем правилам искусства, часовой лежал на земле, как чурбан.

А вслед за тем Томассо в сопровождении целого отряда людей начал в полном молчании взбираться на гору.

III. ЛЮБОВЬ БАНДИТА

Корвино, его пленница и свита поднялись на вершину и проникли в глубину кратера.

Дойдя до площади, где были выстроены дома, они были еще раз окликнуты двумя часовыми, расставленными по обе стороны лагеря.

Бояться, что они заснут, было нечего.

Недавно они получили очень хороший урок.

Двое часовых, стерегших молодого англичанина, были расстреляны через час после того, как было обнаружено бегство пленника.

Таковы строгие законы бандитов. Точное исполнение таких драконовских законов есть лучшее средство к самозащите шайки.

Всякий член шайки, которому доверяется охрана пленника, отвечает за него собственной головой. Поэтому бегство пленника, за которого ожидается выкуп, почти неслыханная вещь.

Кроме завывания волка, повторенного три раза, ничем другим не ознаменовали встречу начальника. Один из переодетых пастухов открыл дверь его жилища, вошел туда, зажег лампу и внес ее в комнату, уже

известную читателю. Потом он вышел и четверо разбойников тихо разошлись по своим жилищам.

Корвино остался наедине со своей пленницей.

— Входите, синьорина,— сказал он, указывая на дом,— это ваше будущее жилище. Сожалею, что оно недостойно вас. Во всяком случае, вы здесь полная госпожа. Позвольте мне вам помочь.

Со всей грацией, на какую он был способен, он протянул ей руку. Молодая девушка не шевельнулась.

— Ну, ну!— крикнул он, сам схватывая ее за руку и втаскивая за собой.— Не будьте так суровы, синьорина. Входите же! Помещение гораздо комфортабельней, чем вы предполагаете. Вот комната, приготовленная специально для вас. Вы, конечно, устали... Прилягте на софу, пока я поищу для вас чего-нибудь подкрепительного. Любите вы розолио? Ах, подождите, есть кое-что получше. Бутылка шипучего капри.

В то время, как он говорил, повернувшись спиной к двери, на пороге появилось третье лицо.

Это была женщина необычайной красоты, но взгляд ее, полный злобы, говорил о темном прошлом.

Она бесшумно, как кошка, скользнула в комнату и молча направилась к Лючетте Торреани. Глаза ее сверкали таким нестерпимым блеском, что казалось, из них посыпятся искры.

Это была разбойница, продавшая Попетту в надежде занять ее место.

При виде новоприбывшей надежды ее рушились, и физиономия ее приняла выражение такой страшной ярости, что Лючетта вскрикнула от испуга.

— Что такое?— спросил разбойник, быстро повернувшись и тут только замечая разбойницу.

— А, это ты! К чему ты сюда пришла? Иди в свою комнату сию минуту или ты почувствуешь тяжесть моего кулака!

Испуганная его словами и угрожающим жестом, женщина удалилась, но зловещий блеск ее глаз и глухие гневные восклицания должны были бы дать понять Корвино о всем неблагоприятии и опасности его поведения.

Может быть, он и понял это, но гордость не позволяла ему обратить на это внимание.

— Это одна из моих служанок, синьорина,— сказал он, обращаясь к своей жертве.— Она должна уже

давно спать.— Не обращайтесь на нее внимание и выпейте это. Это вас подкрепит.

— Я не нуждаюсь в подкреплении,— отвечала молодая девушка, даже не сознавая, что она говорит, и отталкивая протянутый кубок.

— Вы ошибаетесь, синьорина. Выпейте, очаровательница... Потом вы поужинаете... Вы, верно, настолько же голодны, насколько устали...

— Я не хочу ни есть, ни пить.

— Что же вам надо в таком случае? Кровать? В соседней комнате есть одна... Я в отчаянии, что не могу предложить вам горничной. Девушка, которую вы видели сейчас, не годится для услуг этого рода... Вам надо отдохнуть, не правда ли?

Молодая девушка не отвечала. Она вся сжалась на софе, склонив голову на свою почти обнаженную грудь, так как в борьбе платье ее было разорвано. Глаза ее были сухи, хотя следы слез виднелись на щеках. Она дошла до той степени отчаяния, когда уже не хватает сил.

— Послушайте,— сказал разбойник медовым голосом и со взглядом змеи, готовящейся загипнотизировать свою добычу.— Ободритесь, я немного резко поступил с вами, это правда, но кто мог бы устоять против искушения приютить под своим кровом такую очаровательную женщину? Ах, синьорина, вы, вероятно, не знаете, но я уже давно восторженный поклонник вашей красоты, слава о которой дошла до самого Рима. Приковав меня к себе, вы не можете меня порицать за то, что я желаю приковать вас к себе.

— Что вам нужно от меня? Зачем вы привели меня сюда?

— Что мне нужно, синьорина?.. Чтобы вы любили меня, как я вас люблю. Зачем я вас привел сюда?— Чтобы сделать вас своей женой.

— *Madonna mia!*— прошептала молодая девушка.— Пресвятая Мадонна! Чем я заслужила такое...

— Что заслужили?— спросил резко разбойник.— Стать женой Корвино? Вы слишком горды, синьорина. Правда, я не синдик, как ваш отец, я не бедный художник, как та собака-англичанин, общество которого я вас лишил. Но я властелин этих гор. Кто осмелится противиться моей воле?.. Воля моя — закон, синьорина, даже до самых преддверий Рима.

Разбойник стал ходить по комнате большими шагами, с поднятой головой и блестящими гордостью глазами.

— Я люблю вас, Лючетта Торреани!— воскликнул он наконец.— Я люблю вас с такой страстью, которая не заслуживает такого холодного отпора. Вам неприятна мысль сделаться женой бандита. Но подумайте, в то же время вы сделаетесь царицей! Во всей Абруции не найдется человека, который бы не склонился перед вами. Отбросьте вашу гордость, синьорина! Не бойтесь снизойти и сделаться моей женой. Женой капитана Корвино!

— Вашей женой! Никогда!

— Вам это звание не нравится, выберите другое... В наших горах обходятся и без этих формальностей, хотя мы можем иметь и священника, когда надо. Вы желаете непременно церковного брака, синьорина? Хорошо, достанем священника.

— Лучше смерть... Я скорее умру, чем обещешу дом Торреани.

— Ваша энергия мне нравится, синьорина... столько же, как ваша красота... Но придется на нее наложить узду... О, совсем легкую... достаточно двадцати четырех часов для этого, а, может быть и двенадцати, но я вам предоставлю целый день. Если к концу этого срока вы не согласитесь, чтобы наш брак был совершен по всем правилам церковного обряда, тогда мы обойдемся и без священника. Вы понимаете?

— Святая Мадонна!

— Бесполезно призывать Мадонну. Она вас все равно не спасет. Здесь никто не может вырвать вас из моих рук, даже Его Святейшество. Здесь, в горах, один властелин — Корвино, и Лючетта Торреани будет его невольницей!

Внезапно раздавшийся крик извне заставил вздрогнуть разбойника. Торжествующее выражение его лица сменилось выражением страшной тревоги.

— Что такое?— пробормотал он, подскочив к двери и тревожно прислушиваясь.

Снова раздалось завывание волка. Но этот сигнал шел не с обычной стороны. Завывание доносилось с юга и ответ шел оттуда же.

Что это значило? Кого из членов не доставало в шайке?

Корвино вспомнил о Томассо, которого он утром послал с поручениями, но не могло быть сразу двух Томассо, с юга и с севера.

Пока он размышлял об этом, стоя у дома, до него донеслись звуки борьбы, крики и выстрелы.

Это стреляли часовые.

Разрядив свои ружья, они бросились вперед с криком, прозвучавшим как похоронный звон в ушах начальника:

— Измена!

ЛИИ. ПОБЕДА

Действительно, это была измена. Все разбойники были связаны и захвачены в плен.

Соломенные хижины бандитов и дом начальника были окружены вооруженным отрядом.

Отдельные выстрелы смешивались с глухими стонами умирающих и удивленными возгласами бандитов, захваченных во время сна в постелях.

Борьба была скоро окончена... прежде, чем Корвино успел принять в ней участие.

За всю свою долгую, преступную жизнь это с ним случилось впервые... В первый раз он был захвачен врасплох и в первый раз испытал чувство, похожее на отчаяние... И это в тот момент, когда приближалось осуществление долго лелеянной им мечты!

Откуда шла эта напасть? Кто изменник?

Измена была несомненна... иначе, как же можно было обмануть бдительность часовых? Кто мог знать сигналы? Но предаваться размышлению было некогда. Приходилось заботиться о собственном спасении.

Первым движением рассвирепевшего начальника было желание принять участие в борьбе между его сообщниками и таинственным неприятелем.

Но борьба была тотчас же и окончена. Это скорей был простой захват сонных людей, сдавшихся без сопротивления. Даже громовой голос начальника не мог им внушить необходимости храбрости для борьбы.

Повинуясь инстинкту самосохранения, Корвино запер за собой дверь и вернулся в комнату, решив защищаться до последней крайности.

Сперва он хотел потушить огонь. Темнота все-таки несколько защищала бы его.

Но рано или поздно будут принесены факелы, да недолго оставалось и до восхода солнца.

Стоило ли затягивать на два или три часа неизбежное решение своей судьбы?

Он вспомнил о Лючетте. Она одна представляла еще средство, если не торжества, то, по крайней мере, спасения.

Как это он не подумал раньше? Напротив, пусть огонь горит ярче, дабы враги его могли вдоволь налюбоваться представившейся их глазам картиной.

Ярко освещенная картина эта представляла на середине комнаты Лючетту Торреани, лицом к окну, а позади нее самого Корвино. Левой рукой он держал за талию молодую девушку, а в грудь ее упиралось острие кинжала.

Правая рука его оставалась на перевязи, но он нашел средство удерживать в прямом положении молодую девушку: он зажал в зубах прядь ее волос.

Волонтеры через окно наблюдали эту странную сцену. Двое из них обезумели от ярости и горя. Это были Луиджи и Генри Гардинг.

Если бы не железные перекладки, защищающие окно, они уже давно вскочили бы в комнату. Они были вооружены карабинами и пистолетами, но не смели воспользоваться ими и должны были молча выслушивать следующие слова Корвино:

— Синьоры,— начал он, разжимая зубы, но не выпуская волос.— Я не стану тратить лишних слов... Я вижу ваше нетерпение... Вы жаждете моей крови... Я в вашей власти... Придите, пейте мою кровь!.. Но если я должен пасть под вашими ударами, Лючетта умрет со мной. Как только кто-нибудь из вас коснется курка карабина или попытается взломать мою дверь, я вонжу ей в сердце мой кинжал.

Все молчали, затаив дыхание, не спуская сверкающих глаз с оратора.

— Не принимайте моих слов за простую угрозу,— продолжал он.— Время дорого... Я знаю, что я вне закона, и что вы отнесетесь ко мне, как к бешеному волку... Но, убивая волка, вы хотели бы спасти ваших овец... Так нет же, клянусь Мадонной, Лючетта Торреани умрет вместе со мной... Если не может быть моей спутницей в жизни, так она будет ей в смерти!

Лицо бандита выражало при этом такую неукротив-

мую энергию и жестокость, что сомневаться в истине его слов было нельзя.

При одном невольном движении Корвино все присутствующие вздрогнули, думая, что он немедленно исполнит свою ужасную угрозу, и кровь застыла в их жилах.

Но намерения у бандита были совсем другого рода.

— Чего же вы хотите от нас?— спросил Росси, начальник республиканского отряда.— Вы, вероятно, знаете, что мы не папские солдаты.

— Еще бы,— отвечал презрительно разбойник,— ребенок бы мог догадаться об этом. Я нисколько не опасался, что сюда придут храбрые папские солдаты. Им вреден горный воздух... Потому-то вы и могли нас накрыть врасплох. Конечно, я знаю, кто Вы... выслушайте теперь меня, мои условия.

— Говорите скорее!— вскричали некоторые из присутствующих, нетерпеливо ожидавшие конца этих переговоров и не могшие выносить более зрелища дрожащей девушки в руках разбойника.— Каковы же ваши условия?

— Я требую полной свободы для себя и для своих товарищей и обещания не преследовать нас. Вы согласны?

Начальник отряда стал обсуждать этот вопрос с другими.

Конечно, им была отвратительна мысль выпустить на свободу преступников, давно уже обгарявших кровью всю страну и производивших всякого рода насилия и жестокости. И не стыдно ли, даже более, не преступно ли было теперь, когда они могли очистить от них эту местность, снова дать им возможность продолжать бесчинствовать?

Так говорили некоторые из республиканцев.

С другой стороны, была очевидна опасность, грозившая молодой девушке, и убеждение, что в случае отказа Лючетта будет немедленно умерщвлена.

Бесполезно говорить, что Луиджи Торреани, молодой англичанин и несколько других, в числе которых был Росси, настаивали на принятии условий.

— Хорошо,— сказал Росси.— Передадите ли вы нам немедленно девушку, если мы примем ваши условия?

— О нет!— отвечал разбойник иронически, это зна-

чило бы вручить вам товар без денег.— Мы, бандиты, никогда не заключаем подобных сделок.

— Так что же вы желаете сделать?

— Чтобы вы отвели ваших людей в северную сторону горы. Мои люди, отпущенные на свободу, отправятся на южную сторону. Вы, синьор, останетесь здесь, чтобы принять мою пленницу. Я для вас не опасен, у меня только одна рука и то левая. Вы, со своей стороны, обязуетесь действовать честно.

— Я согласен,— отвечал Росси, зная, что такого же мнения его спутники.

— Мне мало простого обещания. Мне нужна клятва.

— Охотно даю.

— Подождите, когда настанет день. Ждать недолго.

Рассуждение было правильным. Исполнить на деле выговоренные условия в потемках было невозможно без риска измены с той или другой стороны.

— А пока я потушу огонь,— продолжал Корвино, чтобы вы не могли напасть на меня с тыла. В темноте я буду спокойнее, синьоры!

Холодная дрожь пробежала по жилам зрителей, в числе которых был Луиджи Торреани и молодой англичанин.

Молодая девушка оставалась одна в потемках с грубым бандитом.

Они были возле нее, но бессильны защитить ее. Тщетно ломали они себе голову, как бы вывести ее из этого ужасного положения, не подвергая ее жизнь опасности.

Карабины их были заряжены, и они каждую минуту готовы были уложить Корвино, но последний не представлял им для этого удобного случая. Прячась все время за молодой девушкой, которую не выпускал из рук, Корвино подскочил к лампе с целью потушить ее.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнате появилось третье лицо.

Это была женщина дикого вида; в руках у нее сверкал кинжал.

Одним прыжком, как пантера, она бросилась к бандиту и вонзила ему в грудь кинжал по самую рукоятку.

Рука, державшая Лючетту, разжалась, и Корвино тяжело рухнул на пол.

Молодая девушка бросилась к окну.

Но убийца, с окровавленным оружием в руке, бросилась на вторую жертву.

Лючетта однако уже находилась под охраной своих защитников, ружья которых теперь были просунуты сквозь перекладыны окна.

Раздалось десять выстрелов... Затем последовало мертвое молчание. Когда дым рассеялся, на полу лежали два трупа: Корвино и его убийцы.

Лючетта Торреани была спасена.

LIV. РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА

«Да здравствует Римская республика!»

Таков был общий клич, раздававшийся на улицах Рима в 1849 году. В числе самых ярых энтузиастов были Луиджи Торреани и его друг Генри Гардинг.

Но в это же самое время в Лондоне уже заседал тайный конгресс из представителей всех царствующих домов континента, цель которого была изыскать пути и средства потушить искру свободы, вспыхнувшую в Италии.

За английское золото французские солдаты восстановили владычество папы.

Через три месяца республика была низвергнута, впрочем, скорее изменой, чем силой. Правда, вся Европа приложила здесь свое старание.

Луиджи Торреани, его отец и его друг Генри вместе сражались за республику.

Но после падения республики и торжества деспотизма Рим не мог служить надежным убежищем друзьям свободы, и потому Франческо Торреани должен был направить свои стопы в другую сторону.

Италия его более не привлекала к себе. Австрийцы завладели Венецией, и Франческо всюду видел врагов своей родины.

Естественно, что мысли его направились к Новому Свету и, некоторое время спустя, океанский пароход уносил всю семью Торреани в далекие воды Америки.

LV. № 9 УЛИЦЫ ВОЛЬТУРНО

Генерал Гардинг быстро окончил свое дело, приведшее его в Лондон, в чем ему немало содействовал старый Лаусон.

Доверять 30 тысяч лир почте, когда дело шло о спасении человека, казалось очень рискованным, почему это дело и было поручено сыну Лаусона, который должен был завязать личные сношения с синьором Джакопи.

Молодой Лаусон отправился с первым же поездом из Дувра в Италию, захватив с собой мешочек с золотом.

Он прибыл в Рим до истечения десяти дней срока, данного бандитами, и сейчас же принялся отыскивать улицу Вольтурно.

Он без труда нашел улицу и дом под № 9. Сомнений быть не могло, так как на дверях было написано: синьор Джакопи, нотариус.

Лаусон постучался, но дверь открылась только после второго удара. На пороге показалась ужасная старуха, лет семидесяти, по крайней мере. Но англичанина это не смутило. Он принял ее за служанку нотариуса.

— Здесь живет синьор Джакопи?— спросил Лаусон, знавший итальянский язык.

— Нет.

— Как же нет, когда на дверях висит его карточка?

— Это правда, ее еще не сняли, но это не мое дело. Мое дело стеречь дом.

— Так значит, синьор Джакопи больше здесь не живет?

— Господи, что за вопрос, вы шутите, синьор.

— Мне не до шуток, уверяю вас... У меня есть очень важное дело к нему.

— Дело к синьору Джакопи! Пресвятая Дева!— прибавила старуха, осеняя себя крестным знамением.

— Ну, конечно, чего тут странного?

— Дело к покойнику! Боже милостивый!

— Покойник! синьор Джакопи!

— А то кто же, синьор? Все знают, что он был убит в первый день восстания, а потом поднят и повешен на фонаре, потому что его обвинили в... о, синьор, даже страшно повторять, в чем его обвиняли.

В страхе и удивлении англичанин даже выронил свой мешок с золотом. Неужели он не добьется никакого результата!

Опасения его оправдались. Все, что он узнал о Джакопи, заключалось только в том, что это был алжирский еврей по происхождению, который перешел в католичество и по временам куда-то надолго и таинственно отлучался. И что вследствие какой-то непонятной причины он навлек на себя народную ярость, жертвой которой и пал в первый день революции.

LVI. БЕСПОЛЕЗНЫЕ ПОИСКИ

— Что делать?

Таков был вопрос, который себе задал молодой Лаусон, вернувшись в гостиницу.

Вернуться в Лондон с нетронутым золотом и с сознанием неисполненного поручения?

Но последствия этого могли быть ужасны. По истечении десяти дней рука Генри Гардинга должна быть послана отцу. Прошло уже девять дней. Теперь оставался только один день. Но каким образом войти в сношения с бандитами, во власти которых находился сын генерала, раз посредник Джакопи отправился на тот свет?

Генри писал, что он был захвачен в плен шайкой разбойников на неаполитанской границе, в 50 милях от Рима.

Это было единственное указание, находящееся в руках Лаусона.

Но не мог же он, не рискуя своей собственной свободой, узнать место пребывания каждой разбойничьей шайки на границе.

Но даже, если бы ему и удалось это, то успеет ли он сделать это вовремя? Конечно, нет.

Никогда еще за всю его долгую практику почтенному дому «Лаусон и сын» не приходилось решать такой трудной задачи. Что делать, на что решиться? Каким образом помешать совершению преступления?

Лаусон не мог найти никакого выхода из своего положения. В конце концов он решил написать в Лондон о своей неудаче, вполне уверенный, что со следующей

почтой он получит грустное извещение о приведенной в исполнение угрозе разбойников.

Но вдруг ему пришла другая мысль в голову; что если письмо его затеряется? Не лучше ли ему самому съездить в Лондон? Такое важное дело нельзя подвергать никаким случайностям.

Он разорвал начатое письмо и стал готовиться к отъезду.

В Лондоне он ничего нового не узнал, и на общем совете было решено, что молодой Лаусон снова отправится в Италию.

Но на этот раз Лаусон не так скоро попал в Рим. Вечный город в это время был осажден французскими войсками под начальством Удино.

Два раза осаждающие были отбиты, улицы Рима были залиты кровью храбрых защитников республики, предводительствуемых великим Гарибальди, будущим объединителем Италии.

Этот неравный бой длился недолго. Республиканцы пали от гнусной измены, и когда, наконец, французы вступили в город, Лаусон мог продолжать свои розыски.

На этот раз ему удалось узнать, что молодой англичанин был захвачен шайкой Корвино, что потом ему удалось освободиться из рук бандитов, что шайка эта была уничтожена и начальник их убит республиканцами, и что затем бывший пленник участвовал в защите Рима от французов.

Был ли он убит во время осады, неизвестно, но с тех пор след его затерялся.

Таковы были сведения, собранные Лаусоном во время второго путешествия в Италию. Генерал Гардинг никогда больше ничего не узнал о судьбе своего младшего сына.

С того дня, когда он получил ужасное письмо с пальцем Генри, генерал не знал ни одной светлой минуты. Горе его еще больше усилилось после неудачной поездки Лаусона в Рим.

С этой минуты генерал находился в состоянии возбуждения, близкого к помешательству. С каждой почтой он ожидал страшного послания с еще более страшной посылкой. Он даже думал, что второе письмо просто затерялось, и он сразу получит голову сына.

Эти постоянные волнения кончились параличом, и он скоро умер, обвиняя себя в убийстве своего сына.

Но полной уверенности в смерти Генри у старика не было, и в последних своих распоряжениях он наказал своему поверенному Лаусону продолжать поиски во что бы то ни стало до тех пор, пока не получит определенных сведений о судьбе сына. Если последний умер, то тело его должно быть привезено в Англию и похоронено рядом с ним.

Что касается распоряжений генерала в том случае, если Генри жив, то их никто не знал, кроме Лаусона.

Последний слепо повиновался предсмертной воле генерала и посвятил большую сумму, оставленную ему стариком, на розыски и печатание объявлений в газетах.

Но все было тщетно. Ничего нового не узнал он о Генри и по истечении известного времени прекратил розыски и объявления в газетах.

LVII. МОЛОДОЙ СКВАЙР

После смерти генерала Гардинга, сын его, Нигель, вступил во владение Бичвудом и малое время спустя, несмотря на траур, он сделался супругом, но не господином Бэлы Мейноринг.

Никто не оспаривал его права на наследство. Слух о смерти младшего сына во время осады Рима пронесся в графстве и не возбудил ни в ком сомнений.

Но если бы даже Генри был жив, то это бы ничего не изменило, так как всем было известно, что Нигель единственный наследник. Интересующихся этим вопросом без труда удовлетворял мистер Вуулет, поверенный Нигеля, нового владельца Бичвуда, рассказывавший о завещании генерала, лишившего младшего сына наследства.

Нигель теперь мог считаться, если не самым счастливым, то самым богатым сквайром в Букингемском графстве.

Против желания Нигеля мир и покой, царствовавший в Бичвуде, исчез, как по волшебству, с того дня, когда Бэла Мейноринг стала его властительницей.

Под скипетром новой госпожи Бичвуд сделался центром всяких удовольствий: пикники, кавалькады, празднества, охоты, обеды и балы шли непрерывной чередой.

В таких праздниках и удовольствиях прошло несколько лет.

Внимательному наблюдателю, однако, можно было заметить, что под внешним весельем в сердце хозяина скрывалось грустное чувство.

Нигелю часто приходилось ревновать свою красавицу жену, окруженную поклонниками и всегда очаровательно-любезную к гостям, но не к мужу. Но Бэла, по-видимому, никогда не ревновала своего мужа; наоборот, она с трудом переносила его присутствие и с облегчением вздыхала, когда он уходил из дома.

LVIII. В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ

После пятилетнего путешествия по Новому Свету я очутился в Южной Америке на берегах Рио-де-ла-Платы.

Я хотел посетить одного английского колониста, моего школьного товарища, занимавшегося скотоводством и продажей шерсти.

Лошадь у меня была отличная, и я рассчитывал сделать 50 миль до захода солнца.

Надо сказать, что дороги в этой части Америки изборозжены глубокими ямами от тяжелых следов бизонов и очень опасны для лошадей.

Лошадь моя была настолько неосторожна, что ступила в одну из таких ям и увлекла меня за собой. Я отделался легким ушибом, но лошадь моя зашибла себе переднюю ногу. Мне оставалось пройти пешком, ведя в поводу хромающую лошадь, еще миль тридцать до жилища моего друга.

Я уже стал проклинать свою судьбу, как вдруг недалеке заметил группу персиковых деревьев, окруженных белой стеной.

С намерением оставить там больную лошадь и, если можно, взять себе другую, я направился к небольшому дому, выстроенному в стиле итальянских вилл, с чудной верандой.

Я приблизился к калитке и постучал.

В ожидании, пока откроют, я рассматривал сад и веранду, всю уставленную розами. Очевидно, хозяином этой виллы мог быть только англичанин, немец, фран-

цуз или итальянец, так как в Южной Америке можно встретить колонистов всех этих национальностей.

Мое любопытство было скоро удовлетворено. На дорожке, ведущей к калитке, показался человек. Густая черная борода, орлиные глаза, с горбинкой нос и чудные зубы ясно указывали в нем итальянца.

Но несмотря на почти черный цвет кожи, выражение его лица было очень симпатичное. На его вопрос, что мне угодно, я ломаным итальянским языком объяснил ему, что случилось с моей лошадью, и попросил одолжить мне другую, чтобы доехать до моего друга.

Итальянец с удивлением переводил глаза с лошади на меня и затем повернулся к дому.

В ту же минуту дверь отворилась, и на веранде показалась женщина с ангельски красивым лицом.

Она сделала несколько шагов вперед и обратилась к моему собеседнику с вопросом:

— В чем дело, Томассо?

Выслушав рассказ Томассо, она кротко сказала ему:

— Передай иностранцу, что он может оставить здесь свою лошадь и что ему дадут другую. А также прибавь, что я приглашаю его войти в дом и подождать возвращения моего мужа.

Нечего говорить, что я с удовольствием принял это приглашение.

Томассо взял из моих рук повод, и повел лошадь в конюшню.

ЛIX. ГОСТЕПРИИМСТВО НОВОГО СВЕТА

Я был в восторге от моей прекрасной хозяйки и благословлял случай, забросивший меня сюда.

Кто она была? По ее словам — итальянка, но она довольна сносно говорила по-английски и объяснила, что ее муж англичанин.

— Он будет очень рад увидеть вас, — прибавила она, — так как ему редко приходится видеть своих соотечественников. Он с моим отцом и братом Луиджи отправился на охоту на страусов. Он скоро вернется, так как на страусов охотятся только до полудня. А пока не желаете ли посмотреть картины? Некоторые писаны моим мужем, а другие — братом Луиджи. Я же пока пойду позаботиться о завтраке для охотников.

Я стал рассматривать картины, изображающие разные сцены из колонистской жизни и могущие занять место в первоклассном музее.

Я не успел еще придти в себя от изумления, как шум голосов привлек меня к окну.

В тени гигантского дерева несколько всадников спешили с лошадей.

Двое из них, очевидно, были слуги или пастухи, а двое других, должно быть, муж и брат Луиджи, которого я тотчас же узнал по ярко выраженному итальянскому типу.

В этот момент на дорожке появилась моя прелестная хозяйка и присоединилась к настояниям своего мужа, уговаривавшего молодого итальянца остаться завтракать.

Через минуту молодые люди входили в комнату.

— Мой муж Генри и мой брат Луиджи,— представила очаровательная хозяйка.

Она не прибавила больше ничего, и прежде чем я успел сказать свою фамилию, стала им объяснять причину, приведшую меня сюда.

— О, разумеется!— вскричал англичанин,— мы с удовольствием дадим вам лошадь. Но отчего вам не остаться с нами один или два денька, может, за это время и лошадь ваша поправится?

Сказано это было таким приветливым тоном, что я не мог сомневаться в искренности его слов и остался.

Я провел три самых приятных дня моей жизни — частью у Генри, частью у Луиджи, жившего недалеко в другом доме, со своей женой, молодой американкой и почтенным отцом.

Честный Томасо так чудно ухаживал за моей лошадью, что через три дня она, к моему огорчению, совсем выздоровела, и я должен был проститься с моими очаровательными хозяевами, пообещав навестить их еще раз.

ЛХ. ХОЗЯИН-НЕЗНАКОМЕЦ

До самого моего отъезда я не знал фамилии моего хозяина.

Фамилия отца моей прекрасной хозяйки, синьора Франческо Торреани, переселившегося в Аргентинскую республику, упоминалась при мне несколько раз.

Живя совершенно новой жизнью на полной свободе, моим хозяевам не пришло на ум рассказывать о своем прошлом, а мне их спрашивать.

Поэтому, как я уже сказал, я прощался с гостеприимным хозяином, не зная даже его имени.

Я заметил, что мой соотечественник как бы избегал говорить об Англии. Но его манеры, язык, умственное и нравственное развитие — все указывало в нем, если не на высокое происхождение, то на прекрасное воспитание. Кто он и откуда?

Мое любопытство было так страшно раздражено, что я решился, наконец, его удовлетворить.

— Вы простите,—сказал я,— что если после такого радушного приема я желал бы узнать ваше имя. Это не любопытство, а просто мне бы хотелось знать, кому я обязан моей благодарностью.

— Это правда, капитан, вы прожили у меня три дня и даже не знаете моего имени; это совсем не в английских привычках. Я прошу меня извинить, я, вспомнив старину, даже преподнесу вам свою визитную карточку. Кажется, у меня еще сохранилось несколько.

Он вернулся в дом и через минуту принес мне старую пожелтевшую карточку. Я поблагодарил, спрятал ее в карман и еще раз простился с гостеприимным хозяином.

Отъехав несколько от дома, я не вытерпел, вытащил карточку и прочитал:

Генри Гардинг.

— Прекрасная фамилия,—подумал я. Мне совершенно не пришло в голову, что молодой «estanciero» лампасов мог иметь какое-нибудь отношение к Гардингам из Бичвуда.

LXI. НАЙДЕННЫЙ НАСЛЕДНИК

Читатель, конечно, удивится моей непонятливости — каким образом я не узнал в Генри Гардинге моего старого знакомого?

Но я должен оговориться, что раньше видел его всего один раз и то, когда он был мальчиком; мог ли я узнать в человеке с бронзовым лицом и большой бородой, более похожем на итальянца, чем на англичанина

и предпочтительно говорящем на итальянском языке, школьника, совершенно мной забытого. Это, пожалуй, могло быть еще, если бы я раньше узнал его имя.

Прибыв в эстансио моего друга, я нашел его в большой тревоге. Он боялся, не случилось ли со мной какого-нибудь несчастья.

Я объяснил ему причину моего запоздания и с удовольствием распространился о гостеприимстве своих новых знакомых. Вдруг мой друг прервал меня вопросом:

— Вы знали когда-нибудь некоего генерала Гардинга из графства Букс? Он умер пять или шесть лет тому назад.

— Я знал генерала Гардинга из Бичвуда, но виделся с ним чрезвычайно редко. Он умер, действительно, пять лет тому назад. Тот ли это самый, не знаю.

— Тот самый, конечно... Как странно!.. Я сам хотел отправиться в эстансио, где вы сейчас были... Хотя мистер Гардинг больше знается с итальянцами-аргентинцами, но мне кажется, он вполне достойный человек.

— Точно такое впечатление я вынес после моего пребывания в их доме. Но скажите, что же общего между ним и генералом Гардингом?

— А вот что,— сказал мой друг.— Поджидая вас, я от нечего делать стал читать старые английские газеты. Между прочим, мне попался в руки номер «Times'a». От скуки я стал читать даже объявления, и вдруг мои глаза упали на следующее... вот прочтите сами.

Я взял газету и прочел объявление:

«Генри Гардинг?— Если мистер Генри Гардинг, сын покойного генерала Гардинга из Бичвуд-парка в графстве Букс, потрудится посетить контору «Лаусон и сын», он узнает для себя нечто важное. Мистера Гардинга видели в последний раз в Риме во время революции. Солидное вознаграждение тому, кто укажет его настоящее местопребывание, а в случае смерти его могилу».

— Что вы думаете об этом?— спросил мой друг, когда я кончил чтение.

— Я уже видел это объявление,— отвечал я,— но не знаю результатов его, так как сам давно оставил Англию.

— Не думаете ли вы, что Генри Гардинг, о котором

говорит «Times'a» и ваш недавний знакомый — одно и то же лицо?

— Возможно и весьма вероятно. Может быть, он уже получил даже свое наследство, которое не могло быть велико, так как генерал Гардинг все оставил старшему сыну. Вероятно, с этими деньгами Генри и переселился в Америку.

— Нет, могу вас заверить. Он поселился здесь за-долго до объявления и с тех пор ни разу не ездил в Англию.

— Для получения тысячи фунтов ему не нужно было самому ездить в Англию. Он мог получить их и по почте.

— Это правда, но у меня есть основательные причины думать, что он этих денег не получал и даже никогда не видел этого объявления. Свое эстансио он арендует у отца своей жены, и его очень огорчает его зависимое положение и неумение хозяйничать. И он бы принял с радостью эту тысячу фунтов, ничтожную сумму для Лондона, но большое состояние для пампасов.

— Что же вы хотите сделать?— спросил я.

— Так как вас приглашали приехать еще раз, то вы поезжайте и захватите этот номер «Times'a». А теперь я постараюсь развлечь вас, хотя мой холостяцкий дом покажется вам очень скучным после того общества, которое вы покинули.

LXII. НОМЕР «TIMES'A»

Против ожидания я не скучал у моего школьного товарища и с удовольствием провел у него восемь дней.

На десятый день мы вместе с моим другом отправились в эстансио Генри Гардинга.

Синьора Лючетта была еще очаровательней, чем прежде и обе семьи собрались под одной кровлей, чтобы отпраздновать наше посещение.

Наш хозяин оказался, действительно, сыном генерала Гардинга, тщетно отыскиваемым добровольным изгнанником.

— Знали вы об этом объявлении?— спросил я, указывая на газету.

— Впервые об этом слышу,— отвечал он.

— Но вы знали о смерти вашего отца?

— О да! я узнал об этом из газет. Бедный отец! Может быть, я поступил неосмотрительно, но теперь уже поздно об этом думать,— грустно добавил он.

— А о женитьбе вашего брата вы слышали?

— Нет,— отвечал он,— разве он женат?

— Давно уже, о его свадьбе столько писали в газетах. Странно, что вы не читали.

— После смерти отца я не открыл ни одной английской газеты. Я избегал даже знакомств с моими соотечественниками. А вы знаете женщину, которую мистер Гардинг удостоил осчастливить?

— Он женился на некоей мисс Бэле Мейноринг,— сказал я с невинным видом, но с тревожным любопытством вглядываясь в его лицо.

Но молодой человек был невозмутим.

— О, я ее знаю,— отвечал он с иронической улыбкой.— Она и мой брат созданы друг для друга.

Для меня был ясен смысл этих слов.

— Но,— сказал я, возвращаясь к объявлению,— что вы рассчитываете делать с этим? Вы видите, вопрос идет «о чем-то важном для вас»...

— Я думаю, что это пустяки... Вероятно, тысяча фунтов стерлингов, которые отец оставил мне после смерти. Об этом было упомянуто в завещании...

Он остановился, и горькая улыбка показалась на его устах, но тотчас же лицо его прояснилось.

— И тем не менее я должен этому завещанию радоваться, хотя оно и лишило меня наследства. Без него я бы никогда не узнал моей дорогой Лючетты, а это было бы самым ужасным несчастьем моей жизни.

Я, конечно, мог только согласиться с ним и затем спросил, опять возвращаясь к той же теме:

— Но и тысяча фунтов стоит все-таки того, чтобы ими заняться,— проговорил я.

— Это правда,— отвечал он,— за последнее время я уже подумывал о них. В сущности, я был так глубоко огорчен всем случившимся со мной в Англии, что сначала решил отказаться и от этой маленькой суммы, но правду говоря, я так мало зарабатываю здесь денег, что часто нуждаюсь в помощи моего тестя. Тысяча фунтов мне все-таки поможет встать на ноги.

— Что же, вы решились ехать в Англию?

— О нет! тысячу раз нет! Если бы даже дело шло

о десяти тысячах фунтов стерлингов, я все-таки бы не согласился расстаться со здешней счастливой жизнью. Деньги мои ведь находятся у Лаусона, и я могу получить их, дав кому-нибудь доверенность... Ведь вот вы, если не ошибаюсь, собираетесь отсюда скоро уехать прямо в Англию?

— С первым пароходом, и очень буду рад, если могу быть вам чем-нибудь полезен.

— Да,— проговорил он,— вы можете оказать мне очень большую услугу. Съездите, пожалуйста, к Лаусону, поверенному. Если у него есть мои деньги, он, без сомнения, вручит их вам. Я вам дам доверенность, и вы препроводите деньги в Буэнос-Айрес какому-нибудь банкиру. А теперь пойдемте слушать пение наших дам.

ЛXIII. ЗАВЕЩАНИЕ ГЕНЕРАЛА

Два месяца спустя я уже находился под туманным небом Лондона и входил в сумрачную контору «Лаусон и сын».

Меня принял сам старый адвокат.

— Чем я могу вам служить, капитан?— вежливо спросил он, смотря на мою визитную карточку.

— Вот какое дело привело меня к вам,— отвечал я, доставая старый номер «Times'a» и указывая на объявление, обведенное красным карандашом.— Мне кажется, что к вам нужно обращаться по этому поводу.

— Да!— вскричал он, подпрыгивая на месте, точно я приставил к его горлу дуло пистолета,— это напечатано уже давно. Но скажите, пожалуйста, мистер Генри Гардинг жив?

— Я видел его два месяца назад.

У адвоката вырвалось такое выражение, которое неудобно привести в печати, и которое объяснялось только его волнением.

— Это очень и очень серьезно,— продолжал он. Расскажите, пожалуйста, капитан... Только, позвольте спросить: вы не друг мистера Нигеля Гардинг?

— Если бы я был им, мистер Лаусон, я бы не пришел к вам с таким поручением. Насколько мне известно, Нигель Гардинг меньше всего обрадуется, узнав, что брат его здравствует.

Мои слова, видимо, произвели хорошее впечатление

на адвоката. Я уже знал, что он больше не состоял поверенным Гардинга.

— И вы подтверждаете, что он жив?— торжественно спросил он.

— Лучшим доказательством этого может послужить вам следующее.

Я передал ему в руки письмо Генри Гардинга и доверенность на получение тысячи фунтов стерлингов.

— Тысяча фунтов стерлингов!— вскричал адвокат, прочитав письмо.— Сто тысяч фунтов ни более, ни менее... и наросшие проценты... А, попался теперь презренный плут Вуулет... И достойное наказание для мистера Нигеля Гардинга и его прекрасной половины!

Дав время успокоиться адвокату, я просил его объяснить.

— Объясниться!— вскричал он, величественно смотря на меня.— Слава Богу, мы можем теперь наказать похитителя и в то же время этого мошенника Вуулета... Какое счастье! Так, значит, любимый сын генерала Гардинга жив! Какая чудная новость!

— Но что все это значит, мистер Лаусон? Я пришел к вам получить тысячу фунтов, завещанных отцом Генри Гардингу.

— Тысячу фунтов!.. Да разве Бичвуд стоит тысячу фунтов? Читайте, капитан, читайте!

С этими словами он подал мне большой лист пергамента, вынутый из ящика.

В этом завещании генерала уничтожалось завещание, сделанное раньше. Единственным наследником объявляется младший сын Генри и только тысяча фунтов предназначается Нигелю.

«Лаусон и сын» по этому акту назначались душеприказчиками с условием, что последняя воля покойного будет открыта Нигелю только в том случае, если Генри окажется в живых. На розыски же пропавшего всевозможными путями были оставлены большие суммы.

В ожидании результатов розысков Нигель вступал в полное владение наследством по смыслу первого завещания, и в случае, если смерть Генри будет доказана, последнее завещание теряет всякую силу.

— Из всего этого,— сказал я, возвращая завещание,— следует, что мистер Генри Гардинг становится единственным обладателем Бичвуда?

— Это неоспоримо,— отвечал Лаусон.— Он делается наследником всего за исключением тысячи фунтов стерлингов. Не очень приятная новость для мистера Нигеля, а также и для мистера Вуулета! Они оба делали все возможное, чтобы помешать мне публиковать это объявление, хотя были уверены, что дело идет только о тысяче фунтов. Теперь эта сумма принадлежит Нигелю. Ну, мы посмотрим, насколько она покроет расходы, сделанные под управлением мистера Вуулета. Для них это будет громовым ударом.

— Хотя я уполномочен мистером Генри Гардингом получить только тысячу фунтов, но если вам могу быть полезен, то весь к вашим услугам.

— Я очень счастлив, что мы можем рассчитывать на ваше содействие. Оно нам будет необходимо. Они будут цепляться за это состояние руками и ногами и без борьбы нам не уступят. В особенности, такой господин, как Вуулет, не брезгующий никакими средствами.

— Но каким же образом могут они оспаривать завещание, раз оно подписано генералом и свидетелями?

— Да, и тем не менее, нам придется удостоверить личность истца. В этом вся суть. Скажите мне, очень изменился молодой человек с тех пор, как покинул Англию?

— Не сумею вам сказать, так как раньше я его встречал мало и совсем забыл его лицо.

— Тогда он был очень молод,— задумчиво проговорил адвокат,— разумеется, он сильно изменился. Плен у разбойников... борьба на баррикадах... борода... бронзовый цвет лица, приобретенный под южным американским солнцем, все это делает совершенно непохожим нынешнего Генри Гардинга на юношу, покинувшего шесть лет назад Англию. Вот в чем страшное затруднение. За деньги всегда можно найти людей, готовых поклясться в чем угодно, а Вуулет и мистер Нигель не остановятся ни перед чем, не говоря уже о миссис Нигель и ее почтенной матушке. Нам предстоит серьезная борьба, капитан.

— Но вы ведь не боитесь проиграть дело?

— О нет! — отвечал он с торжествующим видом.— У меня есть средства победить все затруднения.

— Когда же вы начнете действовать?

— Прежде всего для этого надо вызвать сюда мистера Генри... Подождите..., Эстансио Торреани, через

Розарио, Парана,— вы говорите. Мой сын сейчас едет в Южную Америку. Теперь, капитан, я попрошу у вас одолжения: во-первых, написать вашему другу Генри о том, что вы здесь слышали, а затем дать мне слово хранить секрет до приезда самого Генри Гардинга.

LXIV. ПЕРСТ СУДЬБЫ

Шесть месяцев спустя я был вызван свидетелем в суд по делу об оспаривании завещания.

Дело само по себе обыкновенное на этот раз вызвало общий интерес особыми обстоятельствами и социальным положением тяжбующихся сторон.

«Гардинг против Гардинга»— так называлось это дело. Ответчиком был Нигель Гардинг, а истцом Генри Гардинг, сводный брат ответчика.

Оспаривалось завещание, сделанное генералом Гардингом за год до смерти, подписанное провинциальным нотариусом Вулетом и его клерком и завещавшее старшему сыну Нигелю все наследство, за исключением тысячи фунтов стерлингов, предназначенных второму сыну Генри.

Завещание было сделано по форме, но вся суть состояла в том, что было предъявлено другое завещание, позднейшее, совершенно противоположное первому и завещавшее все состояние младшему сыну, за исключением тысячи фунтов, предназначаемых старшему.

Это завещание тоже было написано по форме, но особенность его заключалась в том, что в момент составления его завещатель не знал, жив его младший сын или нет.

И вот единственный наследник по второму завещанию явился на сцену, но вступить в обладание наследством по смыслу завещания не мог, так как ответчик утверждал, что явившийся истец под именем Генри Гардинг никогда не был его братом.

В подтверждение своих слов, Нигель Гардинг представил письма своего брата, которые он писал, будучи в плену у бандитов, угрожавших ему смертью в случае неполучения выкупа.

Приведены были доказательства, что выкуп не был заплачен, так как был послан очень поздно, за что, по всей вероятности, пленник поплатился жизнью.

Таково было впечатление, произведенное на судей красноречивым адвокатом, которому Вуулет доверил защиту интересов своего клиента.

Со стороны истца рассказывались невероятные вещи.

Присяжные сочли нелепостью, чтобы сын богатого, знатного джентльмена взялся за жалкую профессию художника и затем переселился в Южную Америку, отказавшись от блестящего положения в Англии.

Одним словом, несмотря на свидетельские показания со стороны истца, было почти невозможно установить тождество между загорелым бородатым человеком, претендентом на Бичвуд, и пропавшим без вести сыном генерала Гардинга.

Прения уже почти были закончены, когда вдруг адвокат истца вызвал еще одного свидетеля, показывавшего раньше по первому завещанию и, казалось, в пользу ответчика.

Свидетель этот был никто иной, как Лаусон старший. Заняв место на скамье свидетелей, старый законник обвел всех присутствующих ироническим взглядом, значение которого стало понятно только после окончания допроса.

— Вы утверждаете, что генерал Гардинг получил второе письмо от своего сына Генри?— спросил адвокат истца, после того, как Лаусон приложился к библии.

— Да.

— Я не говорю о письмах, уже предъявленных суду. Я спрашиваю о письме, написанном начальником бандитов, Корвино. Получил ли его генерал?

— Да.

— Вы можете это доказать?

— Он дал мне его на хранение.

— Когда это происходило?

— Незадолго до смерти генерала. В тот самый день, когда он продиктовал завещание.

— Какое завещание?

— Исполнения которого требует истец.

— Знаете ли вы, когда генерал получил это письмо?

— На письме есть число и на конверте штемпель.

— Есть у вас это письмо?

Свидетель вынул из кармана пожелтевший листок бумаги, подал его адвокату, который передал его судьям.

Адвокат попросил разрешения у судей прочесть письмо вслух.

Это было письмо Корвино, написанное генералу Гардингу, заключавшее в себе ужасный подарок.

Чтение этого послания произвело волнение среди присутствующих.

— Мистер Лаусон,— продолжал адвокат,— можете ли вы нам указать, какой предмет находился в этом письме?

— Генерал сказал, что это был палец его сына, который он хорошо признал по глубокому шраму... след от удара ножом, нанесенного его братом на охоте, когда оба были детьми.

— Можете вы сказать, что случилось с пальцем?

— Вот он!

Свидетель представил палец. Это ужасное доказательство заставило вздрогнуть присутствующих. Мистер Лаусон вернулся на свое место.

— Теперь,— обратился адвокат к суду,— я желал бы вызвать мистера Генри Гардинга.

Истец занял место на скамье свидетелей и немедленно привлек к себе общее внимание.

Одет он был просто, но изящно, на руках были лайковые перчатки.

— Будьте любезны, мистер Гардинг,— сказал адвокат,— снимите перчатку с левой руки.

Свидетель повиновался.

— Теперь, будьте добры, поднимите руку.

Генри протянул руку... На ней не доставало одного пальца.

Новое и сильное волнение.

— Видите, господа судьи, на руке нет одного пальца... а вот и он.

С этими словами адвокат приблизился к свидетелю. Приподняв слегка руку своего клиента, он приставил палец к оставшемуся суставу.

Сомнений быть не могло. Белая линия старого шрама как раз подошла к продолжавшейся линии на отрезанном пальце.

Общее волнение достигло высшего предела.

Прения закончились. Через несколько минут был вынесен приговор суда. «Дело Гардинга против Гардинга» единодушно было решено в пользу истца, и противник должен был уплатить судебные издержки.

LXV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несколько месяцев спустя после процесса, я получил приглашение из Бичвуд-парка с известием, что его леса кишат дичью.

Это приглашение было не от Нигеля Гардинга и не от его жены. Новые владельцы были мои южноамериканские друзья, Генри Гардинг и его красавица-жена итальянка.

Помимо меня, в замке была еще масса друзей, среди которых я увидел старого синдика из Валь д'Орно, Луиджи Торреани и его очаровательную жену-аргентинку. Я никогда больше не видал ни Нигеля, ни его жену. Но я узнал, что Генри, не помнивший зла, вместо тысячи фунтов, завещанных генералом, дал брату десять тысяч, оградив, таким образом, его и его жену от всякой нужды даже в Англии.

Но Нигель, возненавидевший теперь Англию так же как его жена и теща, отправился служить в Индию.

Догги Дик, наскучивший разбойничеством, вернулся в Англию и принялся за свое прежнее ремесло браконьера, но не прошло и года, как он попал на виселицу.

Мистер Вулет по-прежнему занимается мошенническими проделками и угнетает бедных невежественных крестьян.

Синдик, Луиджи и его жена вернулись снова в свое любимое эстансио Парана.

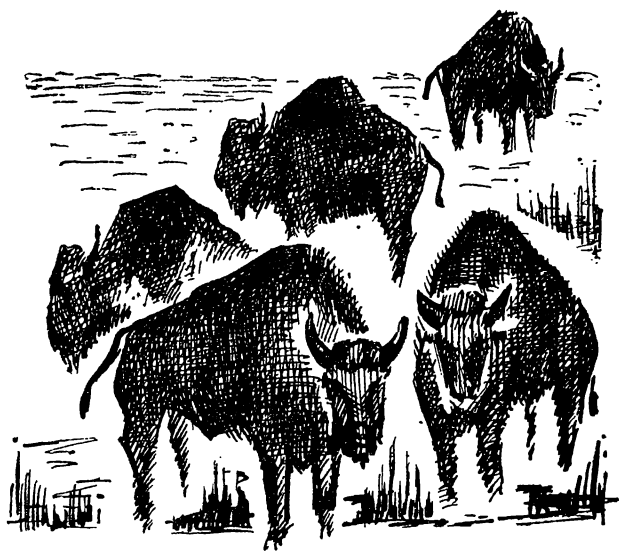
Возможно, что за ними последуют Генри и Лючетта.

Среди окружающей роскоши Генри и его жена часто с грустью вспоминают о своем скромном жилище в Южной Америке.

Оно и понятно. Благородные сердца не удовлетворяются одним богатством! Свободный физический труд разве не предпочтительней лихорадочной жизни нашего, так называемого, цивилизованного общества? Какая страна Европы, как бы она прекрасна ни была, может идти в сравнение с чудесами американской природы, ее девственными лесами, прериями и пампасами!

Там будущее царство свободы, на нее указывает человечеству перст судьбы.

ОХОТНИЧЬИ ДОСУГИ

I. ОХОТНИКИ

На западном берегу Миссисипи, в 12 милях от того места, где эта река сливается с Миссури, поглощая ее в своих водах, возвышается город Сан-Луи, прозванный американскими поэтами «городом холмов». Много городов расположено по Миссисипи, но Сан-Луи справедливо считается столицей Дальнего Запада, этого все расширяющегося пояса, который называется границей Соединенных Штатов.

Сан-Луи — самая древняя колония Северной Америки — был основан французами. В прежние времена он был складом всей торговли с индейцами обширных западных прерий. Здесь пионеры запасались предметами торговли и мены с краснокожими: красными и зелеными одеялами, стеклярусом, разными безделушками, уздечками, порохом, дробью и пулями, и, взамен этих товаров, из своих далеких, полных приключений странствий привозили, нередко с опасностью жизни, великолепные меха, которые выгодно продавали на американских рынках. Сюда же приезжали охотники собирать отряды для прогулок в обширные пустыни Соединенных Штатов. Стремление к перемене места привело и меня в Сан-Луи осенью 18... года. Город был полон праздного люда, имевшего одну цель — убить время. Все гостиницы были переполнены приезжими; в тени всех веранд этих караван-сараев и на всех углах улиц можно было видеть хорошо одетых джентльменов, рассказывающих один другому разные истории, чтобы убить скучное время.

Большинство этих господ были залетные птицы, бежавшие из Нового Орлеана, в котором свирепствовала желтая лихорадка, и европейцы-путешественники, покинувшие комфорт городов, чтобы посетить американские

пустыни; в этом числе были художники в поисках за красотой природы, натуралисты, жаждавшие добыть новые виды и породы животных и растений, и, наконец, охотники, направлявшиеся к необозримым прериям, чтобы принять участие в охоте на бизонов. Я сам принадлежал к их числу.

Нет в мире страны, в которой бы общий стол в гостинице был такой потребностью человека, как в Америке. Этому обыкновению общих обедов и можно приписать многочисленные знакомства, а иногда и дружеские связи, возникающие каждый день.

Я быстро сошелся с несколькими такими праздными людьми хорошего общества, которые, как я, мечтали об охотничьей экспедиции вглубь прерий, и мне удалось склонить пятерых отправиться вместе со мной. После долгих обсуждений, как привести в исполнение этот опасный замысел, вот что было решено: в отношении одежды и оружия — каждый из нас мог снарядиться сообразно своему желанию, но каждый должен был иметь мула или лошадь. Затем было решено сообща купить фургон или повозку, палатки, мешки для провианта и кухонных принадлежностей. Два профессиональных охотника должны были быть наняты в качестве проводников.

Мы употребили неделю для этих сборов, и на восьмой день, на заре чудного утра, освещенного первыми лучами солнца, наша кавалькада покинула пригороды Сан-Луи и поднялась на горы по пути к необозримым прериям запада.

Наш охотничий отряд состоял из восьми всадников и повозки, в которую было запряжено шесть прекрасных мулов, управляемых свободным негром Джеком, открытое лицо которого то и дело озарялось улыбкой толстых губ, открывавших два ряда ослепительно белых зубов.

Под навесом фургона виднелась другая голова, представлявшая полный контраст с первой. Лицо этого второго субъекта было когда-то кирпичного оттенка, но загар и веснушки превратили этот цвет в шафранный, почти золотистый. Целая шапка черных волос обрамляла эту голову, скрывавшуюся под грубого изделия шляпой. Мик Ланти (так его звали) был ирландец из Лимерика; я никогда не видел более комичного и жизнерадостного человека. Короткая трубка «носогрейка» не покидала его смеющегося рта.

В числе всадников, окружавших этот фургон, шесте-

ро были, что называется, джентльмены по рождению и воспитанию. Двое остальных были те отважные охотники, которых мы наняли в качестве проводников.

Я позволю себе сказать по несколько слов о каждом моем спутнике.

Первый был англичанин, ростом в шесть футов, прекрасного сложения, с широкой грудью и плечами, огромными руками и ногами. Светло-каштановые волосы, розоватый цвет лица, усы, баки, окаймляющие овальное лицо — все способствовало впечатлению элегантности; которой отличался этот всадник. Это был настоящий лорд, но из числа тех, которые, путешествуя по американским штатам, сами носят свой зонтик и прячут свои титулы в портфель. Мы знали его под именем г. Томсона, и только впоследствии я узнал о высоком общественном положении и титуле нашего товарища.

Его костюм состоял из куртки с шестью карманами, жилета, брюк и шапки, все одинакового сукна.

В фургоне Томсон поставил свою шляпную картонку, герметически закрытую при помощи всевозможных ремней и веревок; в ней хранились не шляпа, как мы сначала предполагали, а всевозможные щетки, до зубной включительно, гребни, бритвы и мыло.

Томсон не забыл своего зонтика; он держал его под мышкой. Это был гигантский зонтик, который служил ему в его охотах на тигров в джунглях Индии, на львов в Африке, на страусов и коз в пампасах Южной Америки. Под защитой той же синей парусины Томсон намеревался производить опустошения среди буйволов прерий.

Кроме зонтика — истинного орудия защиты, — Томсон имел при себе великолепное двуствольное ружье лондонской фабрики Бишопа. Это было страшное смертоносное орудие в руках своего владельца.

Наконец, Томсон, — номер первый нашей охотничьей компании, — имел трехлетнего жеребца, на крепких ногах, гнедого, с остриженным по-английски седлом.

Номер второй был кентукиец, ростом дюймов на шесть выше Томсона, почему мы и звали его «великаном». Черты его лица были резки, угловаты, неправильны, и впечатление этой неправильности усиливалось еще тем, что он постоянно держал комок табака за щекой. Цвет лица его был темный, почти оливковый; ни усов, ни бороды он не носил, а черные, как вороново крыло

волосы на голове, прямые, как у индейца, спадали прядами на широкие плечи.

У него были серьезные, глубокие глаза, но вместе с тем он был так же весел и жизнерадостен, как самый веселый из нас.

Наш товарищ великан был плантатор. Он носил куртку и зеленого цвета пальто с длинными полами, скроенное из толстого одеяла и украшенное со всех сторон всевозможными карманами и разрезами. Его темные суконные брюки были засунуты в пару высоких кожаных сапог, с толстыми подошвами, какие носят негры, и сверх этой солидной обуви, кентукиец одел зеленые штиблеты, доходившие до самых колен. У него была очень дорогая шляпа, утратившая, однако, несколько свою форму, так как он нередко на ней и сидел, и спал. Лошадь его была высокая, довольно худая, похожая на своего хозяина. Патронташ, охотничий рог и ягдташ висели за плечами кентукийца на многочисленных ремнях; наконец, с правой стороны над стремением опускался тяжелый карабин, ствол которого доходил до плеча великана. Наш друг плантатор славился в своем округе, как лучший охотник на оленей.

Третий номер, последователь эскулапа, толстенный, с красным лицом, был веселого и живого нрава. Он страшно любил музыку и очень уважал хорошее вино. Хотя он в течение долгих лет практиковал во всех частях света — он не был богат; правда, щедрость его была беспредельна.

Не столько страсть к охоте на буйволов, сколько желание сопутствовать друзьям побудило его предложить свои услуги врача нашей экспедиции. Мы все его любили и уговорили ехать с нами. Это было очень эгоистично с нашей стороны, потому что мы так же рассчитывали на его приятный характер для нашего развлечения, как и на его медицинские познания, в случае, если бы кто-нибудь из нас возымел нужду в его помощи во время путешествия.

Доктор, его фамилия была Джаппер, сохранил свой обыкновенный костюм, несколько поношенный от долгой службы. Только меховая фуражка и коричневые штиблеты вносили разнообразие в его строгую одежду. У него была довольно худая, очень послушная лошадь, такого же нрава, как ее хозяин. За спиной у него был сверток с медикаментами и инструментами.

В экспедицию нашу входил еще молодой человек, изящный, красивого сложения, с полными огня глазами, с густыми выющимися волосами. Голубые в складку шаровары, кафтан, обрисовывавший все контуры его груди, плеч и рук, оттеняли изящество этого юноши. Одежда его была сделана просто из бумажной луизианской ткани, очень прочной и подходящей по своей легкости к климату страны. Великолепная панамская шляпа покрывала волнистые волосы и свежее лицо этого молодого человека, на плечах которого красиво драпировался плащ, окаймленный спереди широкими полосами бархата.

Этот наш спутник был креол из Луизианы; он получил образование в иезуитской коллегии, и несмотря на свои молодые годы, уже считался одним из известнейших ботаников своей страны. Его имя было Жюль Безансон.

Впрочем, он был не единственным естественником в нашем отряде. С нами был еще человек мировой известности. Это был почтенный старик, но с уверенной походкой и настолько еще твердой рукой, что свободно носил свой тяжелый двустольный карабин. На нем был толстый, темно-синий сюртук, кофейного цвета суконные брюки; шапка из куницы защищала его высокий лоб. Любовь к науке заставила его, как и Жюля Безансона, присоединиться к нашей охотничьей экспедиции. Мы его звали нашим ученым М. А.

Себя я поставлю под номером шестым. Краткое замечание о моей личности будет достаточно для моих читателей. Я был в то время совсем молодым человеком, довольно хорошо воспитанным, любителем спорта, страстно интересовавшимся естественными науками и более всего любившим лошадей. Я выбрал себе великолепное животное. В лице моем не было ничего неприятного, роста я был среднего. Я оделся в расшитую кожаную блузу, в такой же плащ, по индейской моде украшенный бахромой, в красные шерстяные шаровары. Суконная коричневая шапка покрывала мою голову. У меня были с собой пороховница, изящный патронташ, пояс, к которому были привешены охотничий нож и два револьвера. В одной руке у меня был легкий карабин, в другой я держал уздечку. Свернутое красное одеяло и лассо были прикреплены к седлу.

Я не сказал еще ни слова о двух лицах, которые

имели, однако, особенное значение: я разумею наших проводников, которых звали, первого — Исааком или Иком Брайлей, а второго — Марком Редвуд. Оба отличные охотники, они мало походили друг на друга. Редвуд был человеком гигантского сложения, на вид сильный, как буйвол, а его собрат — худой, мускулистый, костлявый, имел что-то общее с горностаем. У Редвуда было открытое, добродушное лицо, серые глаза, каштановые волосы и огромные баки. Брайлей, напротив, был человек со смуглым цветом лица, подходившим к цвету краснокожих, с маленькими пронизательными черными глазами, гладкой, как у индейца, кожей и торчащими коротко остриженными волосами. Оба оделись с головы до ног в кожу. Бобровая шапка у Брайлея и енотовая фуражка у Редвуда дополняли их костюмы. У Брайлея было ружье чуть не в шесть футов длины; оно было выше головы владельца. Деревянное ложе этого ружья, сделанное самим охотником, совершенно не походило на те, которые производятся нашими мастерами. Ружье Редвуда тоже было изрядной длины, но более новой системы.

Таковы были наши проводники. Оба живы и по настоящее время, когда я пишу эту книгу.

II. ЛАГЕРЬ И ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ

Наш путь лежал в юго-западном направлении; только на расстоянии двухсот миль далее, у берегов реки Озандж, могли мы рассчитывать встретить буйволов.

В 1854 году, когда я кончаю эту книгу, можно в один день доехать от одного до другого города этой пустынной местности, куда мы тогда направлялись.

Но во времена, когда наша кавалькада отважилась пуститься вглубь прерий, дорога еще не была проложена. Только очень редко попадалось какое-нибудь глухое уединенное жилище или деревушка, построенная на берегу Миссисипи. Вся местность вокруг этих плантаций была пустынная, совершенно дикая, и у нас не было надежды найти приют под какой-нибудь крышей раньше возвращения в Город Холмов. Две палатки, которые мы купили перед отъездом, были нам поэтому необходимы.

В американских пустынях мало таких местностей, где

бы путешественник мог быть уверен всегда иметь дичь для своего обеда.

Местность, по которой мы ехали, казалась нам очень благоприятной для охоты, и, тем не менее, когда мы остановились, чтобы разбить на ночь свои палатки, мы еще не выпустили ни одного заряда. Это нас опечаливало, и мы находили, что если не будем счастливее до встречи с буйволами, то нам предстоит грустные дни. Не то, чтобы мы боялись остаться без провианта, но нашей единственной целью была охота, и поэтому мы чувствовали себя обманутыми в своих надеждах.

Наш провиант состоял из бочки сухарей, огромного мешка муки, большого числа окороков, кусков сала, копченых языков, кофе, сахара, овса и ячменя для наших мулов и лошадей.

В первый день мы сделали тридцать миль. Дорога была хорошая, и холмы, покрытые дубами-карликами с черными ветвями, не были особенно круты. Дубы, о которых я говорю, названные пионерами «блек-джек», не имеют никакой строевой ценности потому, что никогда не достигают достаточной для этого крепости древесины.

Мы расположились для ночного отдыха на берегу ручья, разбили свои палатки по выработанному заранее плану, который с точностью выполнялся во все время путешествия. Каждый из нас сам расседлывал лошадь и заботился о ней. Ланти занимался одной кухней, это было его специальностью, которой он научился на одном торговом судне из Нового Орлеана. Джеку было достаточно возни с мулами.

Лошадей мы привязали длинными веревками к кольям.

Обе палатки стояли одна близ другой на берегу ручья, а фургон был несколько позади и в треугольнике, образовавшемся между палатками и фургоном, мы развели большой костер, укрепив с двух сторон его две ветви, которые наверху расходились вилками; на них положили поперечную жердь. К этой перекладине Ланти привешивал котел, а костер служил ему печью.

Я даю здесь точное описание нашего бивуака, чтоб более к этому не возвращаться, так мы устраивали его каждый вечер подобным же образом. Наши палатки конической формы ставились рядом перед фургоном. Они натягивались на один кол, поставленный посреди-

не, и могли приютить каждая трех человек. Проводники, Джек и Ланти, спали в фургоне. Ужин приготовлялся Ланти, который был положительно главным лицом в этот торжественный час. Вот он стоит перед огнем, держа в руке жаровню с длинной ручкой, и жарит кофе; он почти готов, и Ланти мешает его железной ложкой. На перекладине висит огромный котел, наполненный кипящей водой. Подле повара стоит на земле другая жаровня, побольше; она наполнена кусками ветчины и сейчас будет поставлена на горячие угли.

Наш друг англичанин Томсон сидит на пне. Перед ним его шляпная коробка, из которой он вынул свои щетки и гребни. Его умывания окончены, и он завершает туалет, приводя в порядок волосы, баки и усы, чистя зубы и ногти.

Кентукиец занят другим делом. Он стоит с ножом в одной руке, а в другой у него предмет дюймов в шесть длины в виде параллелограмма, темно-коричневого цвета. Это плитка известного сорта табака, который собирается на берегах реки Джемс. С помощью своего ножа кентукиец отрезает кусочек этого табака, «глубу», по его выражению, и отправляет его в рот.

Что делает доктор Джаппер? Он на берегу воды держит обеими руками одну из тех оловянных бутылок, которые в Соединенных Штатах называются карманными пистолетами. Пистолет этот «заряжен» водкой, и доктор собирается «выпустить заряд».

Безансон сидит перед первой палаткой, старый натуралист подле него. Первый занят сушением найденных растений; он их научно распределяет между листьями большого гербария, переплетенного в виде портфеля. Второй — знаток этого дела — помогает своему молодому коллеге.

Проводники расположились подле фургона; старый Айк возится с ружьем, а Редвуд предается своему веселому настроению и шутит над Миком. Джек возится с мулами. Что касается меня — я обтираю соломой и чищу скребницей своего милого коня, вымыв только что в речке его ноги; затем я натираю жиром его копыта и суставы.

Вокруг разбросаны наши седла, уздечки, одеяла, оружие, хозяйственные принадлежности. Все будет убрано перед тем, как мы пойдем спать. Такова картина нашего лагеря в час ужина.

Ужин готов, он подан на... траве, и картина меняется.

Воздух даже в это время очень холодный, и потому, а также вследствие объявления Мика, что кофе готов — все спешат к костру. Вокруг блюда, на котором дымятся ломти ветчины, и подле которого стоит кофе, приготовлены для каждого жестяная тарелка, нож и кружка. Каждый берет, сколько хочет, и где ему больше нравится, присаживается со своим ужином. Остатков не должно быть, потому что одним из правил нашего товарищества определена самая большая экономия.

Несмотря на естественную усталость после этого первого дня нашего путешествия, ужин, приправленный аппетитом и холодом, нам показался великолепным.

Когда ужин был кончен, все закурили, кто сигарету, кто трубку.

Страшно усталые, мы рано забрались в свои палатки, и завернувшись в одеяла, призывая сон, не заняло у нас много времени. Перед тем, как улечься, мы позаботились о том, чтоб укрыть на случай дождя наше имущество. Также посмотрели, крепко ли привязаны лошади, — не из боязни мародеров, а из опасения, что в первые дни путешествия, как это часто бывает, наши лошади и мулы будут стараться ускакать обратно в свои конюшни. Это было бы для нас большим несчастьем. Хорошо, что большинство наших товарищей было привычно к путешествию и знало, какие предосторожности следует принимать. Мы не выставили в этот вечер караула, отложив эту предосторожность до соответствующего времени и места.

III. ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕЗАНСОНА В БОЛОТАХ

Тот, кто странствует по прериям, поднимается с рассветом. Ему нужно сделать многое, что не нужно путешествующему по благоустроенным дорогам и останавливающемуся на ночь в гостиницах. Ему нужно свернуть палатку, постель, приготовить утренний завтрак и оседлать лошадь. Солнце еще не вышло из-за зеленых дубов, а мы были уже давно на ногах. Ланти нас, однако, опередил, и, благодаря его заботливости, огонь трещал и пожирал нарубленные дрова.

Кофе кипел, и большая жаровня распространяла запахи намного приятнее аравийских благовоний.

Воздух был свежий, и все, не заставляя себя долго просить, подошли к огню. Томсон чистил и равнял ногти, кентукиец отрезал новую глыбу от своей плитки табака; доктор возвращался от ручья, где он вливал немного воды в изрядное количество водки. Безансон укладывал свои портфели, зоолог закуривал трубку, а капитан кормил овсом свою славную лошадь, упиваясь нежным ароматом чистойшей гаванской сигары.

Мы позавтракали в полчаса. Палатки и все хозяйство были опять уложены в фургон; мы оседлали лошадей, и сигнал отправляться в путь был подан.

Переход наш во второй день не был велик. Дорога стала хуже, кустарник и леса сделались гуще, местность — более гористой. Нам пришлось перейти в брод несколько ручьев, и это замедлило наше путешествие. Мы сделали только двадцать миль до вечера.

Мы остановились, чтобы разбить свой бивуак, и все еще никто не видел и следа какой-либо дичи. Напрасно мы исследовали каждый кустик по обеим сторонам дороги, мы спугнули только несколько красных птиц из породы кардиналов (*pyrrhula rubra*), да выводок щеглят и снегирей. Наша вторая остановка была тоже на берегу ручья. Только мы стали, как Томсон ушел со своим ружьем. Он открыл неподалеку какое-то болото и надеялся там найти бекасов. Не прошло десяти минут, как мы услышали один за другим два выстрела и затем еще несколько. Итак, он нашел какую-нибудь дичь. Вскоре он показался, неся за плечами дюжины полторы птиц, которые нам показались гораздо крупнее бекасов. Наш зоолог нам пояснил, что эти голенастые птицы принадлежат к семейству караваек (*numenius longirostris*). Мы поспешили их ощипать и сжарить на кухне Ланти. Это было превосходное блюдо, и мы только упрекнули Томсона в том, что он не принес больше.

Эти птицы послужили темой для беседы после ужина и, заговорив о перелетных птицах Северной Америки, мы заинтересовались особенно ибисами. На этот предмет навел нас Безансон, сказав нам, что в Новом Орлеане индейцы приносили на рынок ибисов, которых они называли испанскими каравайками.

По мнению нашего зоолога, это были белые ибисы (*tantalus albus*), которых очень много на южных берегах Соединенных Штатов. Он сообщил нам, что там водятся и две другие породы ибисов: лесной ибис (*tanta-*

lus loculator), который похож на почитавшегося в древнем Египте, и, наконец, великолепный священный ибис (tantalus ruber), более редкий, чем другие. По поводу ибисов Безансон вспомнил одно свое приключение при охоте на этих птиц в болотах Луизианы.

— Однажды во время школьных каникул, — рассказывал он, — я предпринял ботаническую экскурсию в юго-западную часть Луизианы. Перед отъездом я обещал одному из моих приятелей привезти ему этих редких птиц. Больше всего ему хотелось иметь экземпляры красных ибисов, чтобы набить из них чучела для своего кабинета.

Пространства на юг от штата Луизианы представляют собой настоящий лабиринт болот, лагун и тихих протоков, текущих то в одну, то в другую сторону, смотря по времени года. Эти протоки большей частью изливаются из Миссисипи; они всегда очень глубоки, чаще узки, но иногда и очень широки. Они окружают своей сетью бесчисленные островки. Здесь и в прилегающих болотах водятся аллигаторы и пресноводные акулы, называемые «гаг» англичанами — щуки наших прудов. Сюда же слетается множество водяных птиц.

Вы найдете здесь красного фламинго, хохлатую цаплю, голубую цаплю, диких гусей, выпь, птицу-змею, пеликана и ибиса. Здесь встречается рыболов-орел и белоголовый орел, вырывающий добычу у первого, будучи более ловким вором, чем его родич. Болота и ручьи полны рыбы, пресмыкающихся и насекомых. Понятно, что все рыбацкие птицы слетаются сюда. В некоторых частях Луизианы каналы сплетаются, как нити сетей, и по огромному пространству в различных направлениях можно проплыть в лодке, проталкиваясь веслом или багром.

На второй день после моего отъезда я уже имел все экземпляры птиц, обещанных моему приятелю, кроме ибиса.

Два-три ибиса, которых я видел, были так дики, что оказалось невозможным к ним приблизиться.

На третий или четвертый день я вышел из негритянского жилища, построенного на берегу широкого протока. Со мной было только мое ружье и заряды к нему; даже своего верного коня я оставил в конюшне. Накануне он был укушен в ногу иллигатором при переправе вплавь через глубокое болото. На этот раз у меня были

обширные замыслы; я намеревался одновременно пополнить свой гербарий и найти ибиса для товарища; но охотно бы пожертвовал своими растениями, чтобы подстрелить эту редкую птицу. Я сел в лодку — род плоскодонного челнока — какие в употреблении по всей стране для плавания по каналам и болотам.

Я иногда греб обоими веслами, а то отдавался течению потока, но, не видя нигде ибисов, направился в боковой рукав канала и налег на весла, чтобы пойти против его течения. Скоро я достиг пустынной местности, покрытой сплошь болотами с высокими тростниками. Тут не было никакого жилья, никаких следов человека. Возможно, что я первый забрел в уединенные черные воды этого болота.

Мне попадалось на моем пути много дичи, и я пастрелял несколько экземпляров так называемых лесных ибисов и белых ибисов. Мне удалось также попасть в белоголового орла (*falco leucocerphalus*). Но желанная птица — красный ибис — ни разу не показывалась на расстоянии моего выстрела.

Я проплыл вверх по протоку около трех миль и хотел уже, бросив весла, спуститься по течению обратно, но тут увидел, что канал начинает расширяться, и мне захотелось проплыть дальше. После нескольких ударов весел я оказался у входа в овальное озеро с миллю длинной. Озеро было глубокое, мутное и болотистое у берегов. Аллигаторы кишели в нем, как лягушки в луже. Их спины высовывались на поверхности воды; они гонялись за рыбой и дрались между собой. Но более всего мое внимание привлек островок в центре озера, и на мысе этого островка я увидел выводок птиц с огненно-красными крыльями. Не могло быть сомнения — то были таким усердием мною отыскиваемые ибисы! Я стал энергично грести, время от времени оборачиваясь, чтобы посмотреть, не улетела ли моя дичь, и, наконец, приблизился настолько, что мог различить с дюжину ибисов, покачивающихся по своему обыкновению на одной ноге. Они, казалось, спали или, может быть, были погружены в глубокие размышления. Я находился от них на расстоянии каких-нибудь 30 сажен.

Подойдя к лагерю и принимая все меры, чтобы по возможности не делать никакого шума, я прицелился и почти одновременно спустил оба курка моей двустволки. Как только дым рассеялся, я увидел, что все птицы

улетели, кроме одной, которая лежала мертвая на берегу.

Не выпуская из рук ружья, я выскочил из лодки, чтобы забрать своего ибиса; это было делом нескольких минут, и я возвращался с птицей в руках, чтобы сесть опять в свой челнок, когда с ужасом увидел, что, отсеченный сильным течением, он уже был далеко от берега.

Поспешив за своим ибисом, я забыл привязать лодку, и течение ее уносило вдаль. Она уже была саженях в пятидесяти от меня, а я не умел плавать!..

Тем не менее первой моей мыслью было броситься в воду и догнать все-таки мою лодку. Но, подойдя к воде, я увидел, что озеро глубоко, как бездна. Меня, как удар молнии, поразила мысль, что я не имею никакой возможности догнать лодку.

Я находился на островке среди озера в полумиле от берега один, и этот островок был совершенно пуст и гол: ни дерева, ни куста, ни травки; умереть с голоду или утонуть, стараясь спастись,— вот, казалось, был мой жребий!..

Сраженный этой ужасной мыслью, я упал на землю в таком угнетенном состоянии, которое невозможно описать. Сколько времени продолжалось это состояние, я не сумею сказать. Когда я вышел из этого нравственного и физического оцепенения, солнце уже исчезло за горизонтом. Я овладел собой при виде каких-то отвратительных фигур, которые ползали на песке вокруг меня. Уже давно они были тут, но я их не замечал. У меня было только какое-то предчувствие их присутствия... Вскоре, однако, своеобразный звук, сопровождавший их движения, их дыхание, пробудил мой слух. Всмотревшись, я увидел гигантских ящериц, ужасных аллигаторов.

Большинство были громадны и их было множество, наверное, более ста; они ползали по островку вокруг меня, впереди, сзади, со всех сторон... Их зубастые челюсти, их длинные головы были так близки от меня, что они почти касались меня и их обыкновенно тусклые глаза горели фосфорическим блеском.

Опомнившись при этой опасности, я одним прыжком вскочил на ноги. И в то же мгновение животные, узнавшие страшного для них живого человека, разбежались во все стороны; они нырнули в озеро и исчезли в мутной воде.

Я обошел быстрыми шагами свою открытую тюрьму, исходил по всем направлениям это узкое пространство, измерил глубину воды вокруг острова, входил в воду, и всюду терял дно из-под ног. В пятидесяти шагах от берега вода доходила мне до шен. Аллигаторы, пыхтя, возились подле меня. В своем родном элементе они становились смелее; я, наверное, не остался бы целым и невредимым, даже если бы озеро было менее глубоко, и я мог бы пройти его в брод. Враждебные движения крокодилов навели на меня страх; я поспешил выйти на землю и снова зашагал по островку, стараясь высушить мокрую одежду.

Я оставался так на ногах до самой ночи, которая наступила темная и страшная... В темноте раздались новые страшные звуки, обычные по ночам на болотах: кваканье цапли, мяуканье водяной совы, мычание выпи, хлюпанье гигантской жабы, кваканье лягушек и стрекотанье кузнечика, которое в моих ушах звучало, как рычание льва, готового меня растерзать. В нескольких шагах от себя я слышал всплески воды, ударявшейся о панцири аллигаторов, я прислушивался к сиплому дыханию этих пресмыкающихся и решил, что мне нечего и помышлять о сне. Я не посмел бы заснуть на несколько минут. Если я две минуты оставался без движения, отвратительные аллигаторы уже подползали ко мне так близко, что я мог бы тронуть их рукой.

То и дело я внезапно вскакивал, потрясая вокруг ружьем, чтобы разогнать своих врагов: они моментально бросались в воду, но, правду сказать, без особого страха. С каждой новой демонстрацией с моей стороны они делались спокойней; наконец, я с ужасом увидел, что ни мои крики, ни жесты на них больше не действуют. Они отступали лишь на несколько шагов, образуя вокруг меня непроходимое кольцо.

Я зарядил ружье и выстрелил, не целясь. Пуля ударила в броню одного из аллигаторов и упала в воду; аллигаторы, как известно, неуязвимы, если только не попасть им в глаз или между плеч. Однако, благодаря грому выстрела и искрам, я навел ужас на аллигаторов; они исчезли и долго не появлялись. Я не мог преодолеть сна, смыкавшего мои глаза, и заснул, но вдруг был пробужден чем-то холодным, касавшимся моего лица. О, ужас! Рука моя отдернулась от мокрой брони огромного аллигатора. Он был рядом со мной и готовился к

серьезной атаке. Я различил, несмотря на темноту, животное, открывавшее пасть и сгибавшее тело, чтобы одновременно укусить и ударить. Я едва успел отскочить, чтобы избежать ужасного удара хвостом, который, без сомнения, повалил бы меня, а теперь разметал песок на том месте, где я лежал. Я опять дал выстрел, и мой враг, предшествуемый товарищами, быстро ретировался в озеро.

Нечего было и помышлять снова заснуть. Еще раз перед рассветом мне пришлось защищаться от аллигаторов и дать по ним два выстрела. Наконец, настала заря, но ничего не изменила в моем положении. Свет только показал мне контуры моей тюрьмы, но не открыл мне выхода из нее. Страдания мои еще усилились под палящими лучами, раздражавшими мою кожу, искусанную ночью тучами болотных мух и комаров. Ни одно облако не проходило по небу, чтобы закрыть меня от жгучих лучей, напротив, отражение их водой усиливало жару.

К вечеру голод дал себя знать. Я ничего не ел с самого отъезда из моего приюта на болоте. Чтобы утолить мучившую меня жажду, я выпил несколько глотков солоноватой мутной воды озера, но слишком теплая, она еле освежила мое небо; я пил ее, но она не удовлетворила потребности моего желудка.

Что мне съесть?— думал я.— Ибиса? Как его сварить? Кругом не было даже куска дерева, который можно было бы зажечь. Ну, так что же — сказал я себе, — варка еды — современное изобретение, роскошь, которой место во дворцах сибаритов. Я очистил ибиса от его великолепных перьев и принялся за него... Этот обед уничтожил мой «экземпляр», но я так же мало думал в этот момент о моем друге, как и о естественной истории. Ибис весил не более трех фунтов, а голод мой был громаден. Я обглодал и обсосал все кости!

Но что будет со мной дальше? Придется умереть с голоду? Нет,— говорил я себе,— я придумаю, как добыть себе пищу. Стреляя ночью по аллигаторам, я случайно попал, куда следует, в одного из них, и труп этого вошпючего животного лежал на песке моего островка. Итак, я не умру с голоду, я буду есть аллигатора, думал я. Но мой голод должен стать до отчаяния сильным, прежде чем решусь поднести ко рту кусок этого отвратительного мяса.

После еще двух дней, проведенных без пищи на острове, мое отвращение было побеждено. Я решительно вытащил свой нож и, отрезав хвост убитого аллигатора, стал есть это мускусное мясо. Первый аллигатор уже наполовину сгнил, благодаря жаркому солнцу и зловоние отвратительных останков заражало воздух. Вскоре это стало невыносимо. В воздухе не было никакого движения, вся атмосфера кругом пропиталась этим смрадом; я с трудом дышал. Такое положение было нестерпимо. Концом ружейного дула мне удалось столкнуть сгнившего аллигатора и я надеялся, что течение его унесет. Так и случилось. Это обстоятельство внушило мне новые мысли. Почему этот аллигатор плавает на поверхности воды? Не потому ли, что он наполнен воздухом, делающим его легким? О, если так, то я спасен!

Я составил великолепный план: убить другого аллигатора, выпотрошить его, надуть, завязать и сделать из него, таким образом, плот, на котором можно плыть по воде!

Не теряя ни минуты, одушевленный новой энергией и надеждой спастись, которая вернула мне силы, я старательно зарядил ружье и, увидя огромного аллигатора, плававшего в десяти шагах от меня, прицелился очень внимательно, чтобы попасть пулей в глаз, выстрелил и, к счастью, увидел, что он, издыхая, подплыл к островку.

С помощью ножа я вскрыл животное и вынул из него внутренности; объем их был невелик, но достаточен для моей цели. Я воспользовался большим пером ибиса, чтоб надуть этот мех, и вскоре увидел, как из кишечника аллигатора вздувалась огромная колбаса.

Я поспешил завязать свой плавательный снаряд, чтобы воздух не вышел из него, затем, крепко привязав его к поясу, спустился смело в воду. Одной рукой я греб, в другой держал над головой ружье, готовый выстрелить, если бы какой-нибудь аллигатор вздумал на меня напасть. Но этого не случилось; сам того не зная, я выбрал полуденное время, когда, как известно, аллигаторы в оцепенении от жары лежат на берегах.

Подхваченный течением, я через полчаса очутился в конце озера, у входа в канал, и тут, к великой радости, увидел свой челнок, задержанный болотным тростником. Я был спасен! С веслами в руках я спустился по течению.

Такова была счастливая развязка моего охотничьего

приключения. В тот же вечер я целым и невредимым достиг домика, который покинул четыре дня тому назад.

Правда, у меня не было ибиса, ради которого я отправился в болота, но после нескольких дней отдыха, я опять предпринял свои экскурсии, и мне удалось подстрелить такой чудный экземпляр этой птицы, что мой друг имел полное основание радоваться, когда я поднес ему птицу по прибытии в Новый Орлеан.

Я был уверен, что в кружке моих друзей, расположившихся вокруг огня и слушавших рассказ Безансона, не один готов был рассказать приключение в том же роде, но час был уже поздний, и мы решили идти спать, а на следующий день вечером слушать рассказ другого. И так по очереди каждый охотник должен был рассказывать достойный передачи случай, в котором сам он был героем или свидетелем.

Таким образом, мы организовали серию «охотничьих досугов» при свете костра, которые должны были помочь нам терпеливее считать часы до встречи с буйволами. Было решено, что эти рассказы будут относиться только к птицам и животным, принадлежащим к фауне американского континента.

Мы намеревались рано выступить в путь на следующее утро, и каждый поспешил завернуться в одеяло и заснуть.

IV. СТРАНСТВУЮЩИЕ ГОЛУБИ

Мы недолго завтракали. Закурив свои трубки и сигары, мы поспешили тронуться в путь. Восходило палящее солнце, как под тропиками, и часа два спустя жара стала нестерпимой. Мы ехали по равнине, усеянной дубами-карликами, которые не могли дать тени и только мешали ветру хоть сколько-нибудь освежать нас.

При переправе через один неглубокий поток строптивая лошаденка нашего доктора стала кидаться в сторону, лягаться, биться, и мы долго были заняты вопросом, не полетит ли доктор со своим ящиком медикаментов в поток, но наш товарищ так умело шпорил и подхлестывал своего коня, что тот счел более благоразумным подчиниться. Причина этой пляски стала нам понятной, когда мы услышали жужжание огромных слепней из той же породы, которая на Миссисипи известна под име-

нем лошадиных клопов и укусы которых для лошади страшнее укуса большой собаки. Мне часто приходилось видеть лошадей, убегающих в галоп от этого насекомого, точно от какого-нибудь хищника.

Вскоре после этого смешного случая мы пришли к котловине, покрытой густыми, частыми деревьями, обещающими нам тень.

Мы очень обрадовались, узнав от наших проводников, что поедем несколько миль лесом. Этот лес большей частью состоял из буков, и их высокие, прямые стволы поднимались, как гигантские колонны волшебного дворца.

Бук (*fagus sylvatica*) одно из самых красивых деревьев Америки; его гладкая кора, без трещин, серебристого цвета. Часто вдоль какой-нибудь дороги попадают на буках вырезанные имена, буквы и различные числа. Даже индейцы вырезают на коре этого дерева свои знаки, чтобы друзья знали, кто тут проходил или чтобы передать потомству какой-нибудь военный или охотничий подвиг. Топор пионеров почти не трогает этих деревьев, потому что буки растут обыкновенно на неплодородной почве и, кроме того, вследствие трудности и дороговизны его рубки в стране, где рабочие руки страшно дороги.

Мы подвигались молча, как вдруг странный шум поразил наш слух. Точно внезапно поднялся ветер. Мы тотчас же узнали, что это означало. Одновременный возглас: «Голуби!» раздался изо всех уст, и за ним последовало с полдюжины выстрелов, от которых падало на землю несколько сизых птиц. Не зная того, мы, оказалось, наткнулись на привал странствующих голубей (*columba migratoria*).

Понятно, мы стали их преследовать и, своротив с дороги, в несколько минут очутились среди стаи, по которой и стали стрелять. Ничего не могло быть легче, как настрелять целую кучу этих голубей. Преследуя их в беспорядке, мы так далеко разбрелись один от другого, что прошло больше двух часов, пока мы собрались. Наши ягдташи были переполнены и мы сложили в фургон более ста голубей всяких величин. Каждый мечтал о жареных голубях или каком-нибудь паштете к ужину и, лелея эту кулинарную надежду, мы стали спешить к месту вечернего отдыха.

Мы остановились ранее обыкновенного в тот вечер, чтобы дать Ланти нужное время для приготовления нашего парадного ужина. Переход наш в этот день был невелик, но полученное удовольствие и результат нашей охоты вознаграждали нас за потерянное время. Наш обед-ужин (мы соединяли их вместе) состоял из голубино-го паштета-рагу, приготовленного из муки, сала и сваренных рубленых голубей — кушанья, известного в Америке под именем «rot pie».

Этот паштет был великолепен, и так как аппетит у нас соответствовал вкусной стряпне Ланти, то мы оказали такую честь этому национальному кушанью, что скоро на блюде не осталось ни одного кусочка.

Конечно, разговор в этот вечер шел о диких голубях Америки, и читатель, быть может, будет доволен узнать некоторые подробности, не новые для естествоиспытателя, но поучительные для читателя, как они были поучительны для нас, слушавших разъяснения М. А.

Перелетный или странствующий голубь мельче домашнего голубя. Его перья серо-синеватого цвета. У самцов этот цвет темнее; вокруг шейки их перо переходит в зеленоватый цвет, перемешанный с золотистым и пурпуровым, удивительно красивых переливов. Эту прелестную птицу можно видеть, только убив ее или очень близко подкравшись к дереву, на котором она сидит. В неволе голубь теряет свои краски, так же как они вянут после его смерти. Как у всех птиц этого семейства, самка меньше самца, ее оперение проще, глаза не так блестят. У самца они ярко-оранжевого цвета, окруженного пунцовым, удивительной чистоты.

Но всего удивительнее огромное количество перелетных голубей, стаи которых состоят иногда из миллионов птиц. Откуда они берутся? Дикие голуби водятся по всему Американскому материку, от Гудзонова залива до лесов Луизианы и Техаса. Они вьют на высоких деревьях гнезда, похожие на вороньи. В Кентукки один такой воздушный город простирался на сорок миль в длину и ширину. На одном дереве можно иногда найти сотню гнезд, но в каждом из них по одному только птенцу. Как и другие их сородичи, американские голуби несутся несколько раз в год, особенно если год урожайный в той местности, где они поселились. Они любят гнездиться над проточной водой, на деревьях, ветви которых спускаются над рекой; и с утра можно их видеть на берегу,

потягивающими воду долгими глотками, перед тем как улететь на поля.

Вокруг этого множества гнезд собираются хищные птицы, особенно маленькие ястреба (*catliartes auga* и *atratus*), не довольствующиеся падалью, но любящие также голубят, которых они сбрасывают на землю перед тем, как растерзать. Соколы и коршуны тоже питаются ими, и даже белогловый орел (*falco leucosephalus*) спускается иногда над голубиными гнездами за этой легкой добычей. На земле другие враги поджидают эту дичь, двуногие и четвероногие: охотники, вооруженные ружьями и шестами, фермеры, которые приезжают с фургонами за убитой дичью и стадами свиней, которых откармливают голубями. Топор подсекает деревья, огромные ветви падают с тысячами птиц, убивающихся большей частью при падении. Обыкновенно эта охота делается ночью (когда птицы возвращаются с полей) при свете факелов. Когда охотники, утомленные и нагруженные, удаляются в свои лагеря, расположенные неподалеку от гнезд, на месте охоты появляются во множестве волки, лисицы, кугуары, еноты, рыси и большие черные медведи.

Перелетные голуби питаются лесными и полевыми плодами: желудями, рожью, мансом, различными ягодами; на юге, в полосе плантаций — рисом, каштанами; но всему предпочитают они орешки буковых деревьев, которых, к счастью, много в Америке, особенно в южных ее штатах.

Голуби совершают два перелета в году, но перелеты их неправильны. Их перелет не есть периодическое переселение, это скорее кочевое существование, ибо только искание корма движет голубей в путь. Когда им нечего больше есть в одном месте, они поднимаются и летят в другое.

Не надо думать, что американские голуби почти ручные, как об этом часто рассказывают. Они, правда, смирны и не пугливы, но только, когда еще очень молоды или когда, сидя один подле другого на ветвях, вдруг бывают поражены светом факелов, которые приносят охотники. Когда голуби летают по лесу за кормом — очень трудно к ним приблизиться на выстрел и настрелять их по одиночке. Иногда попадают отстававшие голуби — один, другой; часто их видишь по нескольку штук, рассыпанными по ветвям, но масса стаи

всегда шагах в ста, двухстах, и только охотник подкрадется поближе, как стая поднимется и раньше, чем он спустит курок, голуби уже далеко и усаживаются в другом месте на громадном расстоянии.

V. ОХОТА С ГАУБИЦЕЙ

Сообщив все, что каждый из нас знал о диких голубях, один из охотников напомнил, что, следуя начертанной программе, кто-нибудь должен рассказать случай, имеющий отношение к этим птицам.

— Кто расскажет нам что-нибудь забавное?

Попросил слова, к нашему удивлению, доктор. Его окружили.

— Да, господа,— начал доктор,— я вам расскажу о своей охоте на голубей несколько лет тому назад. Я жил тогда в Цинцинати, практикуя там, и имел счастье, между прочим, вылечить ногу одного богатого плантатора, полковника П., усадьба которого стояла на берегу Огайо, милях в шестидесяти от города. Мне прекрасно удалась операция, и этот успех доставил мне дружбу полковника. Когда он совсем поправился и стал на ноги так, как будто ничего с ними и не было, он пригласил меня к себе, чтобы принять осенью участие в большой охоте на голубей.

Жилище полковника было построено среди букового леса; каждый год его посещали стаи перелетных голубей, и он мог заблаговременно уведомить своих приятелей о часе, когда эти птицы наполнят его поместье.

Сделать 60 миль для нас, жителей запада — пустяки. Я был счастлив, что имел предлог убежать от рецептов, пилюль и микстур, и поторопился устроиться на пароходе, поднимающемся по Огайо, который через несколько часов доставил меня к дому полковника П.

Этот дом, построенный в лесу, был окружен расчищенным местом акров в двести, на котором был засеян хлеб и маис.

Были также участки, засеянные табаком и хлопчатником. В саду полковник разводил великолепный картофель, помидоры, огромные арбузы, дыни и другие чудесные фрукты и овощи. Красный и зеленый индейский перец выделялись своими яркими красками среди

различных сортов гороха и бобов, вившихся по тычинам.

Я должен упомянуть и о винограднике, занимавшем несколько акров, и в котором росли фруктовые деревья наилучших сортов. А сладкий виноград тяжестью своих гроздей ломил ветки, на которых рос.

Полковник жил в лесу, но нельзя было бы сказать, что он живет в пустыне.

Вокруг барского дома были расположены конюшня, коровник, овчарня, фуражные магазины, амбары для хлеба и маиса, хлопчатой бумаги и проч. В одном углу усадьбы стояла окруженная низкой оградой псарня.

Полковник, будучи большим охотником, особенно любил свою свору. На огромном пастбище паслись прекрасные жеребята, прирученный олень, молодой буйвол, захваченный в прериях, индюки, японские куры, гуси, утки и другие птицы. Со всех сторон ферму окружал зигзагами лес.

Такова была резиденция полковника П., и я сразу сообразил, что проведу у него несколько приятных дней, даже если бы охота на голубей и не состоялась.

Все гости моего друга П. собрались ранее меня. Я застал у него человек тридцать мужчин и дам — молодых, веселых, жизнерадостных людей. Голуби еще не прилетали, но их ждали с часа на час. Орехи и ягоды покрывали землю и предлагались, как ежегодное пиршество всем диким птицам. Орешки бука выделялись черными пятнами на желтых листьях, покрывавших землю. Это было как раз время года, когда голуби прилетали в поместье полковника, и в этой надежде все было готово. Каждый охотник мог выбрать себе двустволку или карабин; дамы пожелали также по-настоящему вооружиться и присоединиться к нам.

Чтобы сделать спорт интереснее обыкновенного, хозяин объявил, что охотники будут распределены на две равные группы, что каждая пойдет в особом направлении, и что дамы будут присоединяться к той группе, которая накануне принесет большее количество дичи. Такое установление, конечно, вызвало соревнование, и каждая группа поклялась победить другую.

Наконец, в одно прекрасное утро, на рассвете, показались голуби, затемняя собой солнечный свет, так как туча этих птиц простиралась приблизительно на милю в ширину и несколько миль в длину. Шум, кото-

рый производили их крылья, походил на шум сильного ветра, покачивающего вершины деревьев, или на скрипенье мачт. Мы увидели, как стая опустилась над лесом, и голуби сели на верхушки буков.

Сигнал к началу охоты был подан полковником всем его друзьям, которые разделились на две группы, чтобы следовать каждая по указанному ей направлению. Дорога в лес была не длинна; птицы оставались на месте, и стрельба началась с двух сторон.

В нашей группе было восемь карабинов, не считая двух легких ружей, которыми вооружились наши две спутницы. Вам кажется странным, что для охоты на голубей мы вооружились карабинами, но я возражу, что те из нас, кто вооружился карабинами, были хорошими стрелками и не давали промаха по птице. Лес был полон рассыпавшихся повсюду голубей, на каждом шагу можно было стрелять, и, вместо того, чтобы тратить время в стараниях приблизиться к большим стаям, мои товарищи и я только заряжали ружья и стреляли по отдельным голубям. Таким образом, убитых птиц стали скоро считать дюжинами.

К полудню, когда голуби вдоволь наполнили свои желудки орешками и ягодами, они поднялись, точно сговорившись, и улетели на отдых. Так кончился первый день нашей охоты, и когда мы стали подбирать убитую дичь, то насчитали шестьсот сорок голубей. Это число в наших глазах венчало нас лаврами, и мы поспешили домой, уверенные в победе. Увы, наши соперники ждали нас с семьями двадцатью шестью птицами!.. Мы были побеждены.

Но мы поклялись одолеть соперников на следующий день охоты. В этот раз мы настреляли огромное количество дичи, благодаря следующему случаю. Как вы знаете, перелетные голуби идут по корму такими густыми массами, что булавке негде было бы между ними упасть, и они теснятся и жмутся, как стадо пугливых овец. Они все идут в одном направлении; те, которые сзади, насккивают на передних, чтобы попасть вперед, так что их масса представляет покрытую перьями бегущую волну. В таких случаях, если охотник может достать их своим выстрелом, каждый его заряд должен положить, по меньшей мере, дюжины две голубей. Каждая дробинка имеет свою жертву, а иногда и две.

Подвигаясь к лесу, я отделился от своих спутников

и вдруг увидел неизмеримую стаю, направляющуюся в мою сторону. По цвету крыльев я увидел, что это были молодые голуби, которые не пугливы. Я был верхом и поспешил сдержать свою лошадь. Спрятавшись за деревьями, я стал ждать их приближения. Действовал я так скорее из желания сделать несколько наблюдений, чем из охотничьей жадности. У меня в руках был карабин, и я мог одним выстрелом подстрелить две-три штуки, не более. Густая масса все надвигалась, и когда она была от меня шагах в пятнадцати, я выстрелил в середину. К моему большому удивлению, голуби не только не улетели, а напротив, продолжали идти вперед и, наконец, пошли прямо под ноги моей лошади. Это презрение к человеку рассердило меня. Я прищипорил лошадь и пустился галопом среди этой массы, нанося удары направо и налево по летавшим вокруг меня голубям. Конечно, они поднялись и улетели; когда они исчезли, я сошел с лошади и поднял двадцать семь птиц, раздавленных моей лошадью или убитых прикладом моего ружья. Подвиг этот переполнил меня гордостью, и я отправился на розыски своих товарищей.

Наша группа в этот день принесла восемьсот с чем-то голубей. Но, к великому нашему разочарованию, у наших соперников было на сотню больше!

Мы отчаялись победить противников; надо было изобрести хитрость. Я счел нужным поделиться с товарищами планом, который обсуждал в течение целого дня. Вот в чем он состоял. Я заметил, что не подпуская охотника очень близко к себе, голуби не боятся его, когда он находится от них на 100—150 шагов. На этом расстоянии они тысячами и десятками тысяч неподвижно остаются сидеть на вершинах деревьев. Мне и пришло на мысль, что из орудия крупного калибра можно было бы каждым выстрелом произвести страшное опустошение в рядах голубей. Но где взять такое орудие? Вдруг меня осенила мысль воспользоваться для этой цели гаубицей. Я вспомнил, что в Ковингтонской казарме были полевые гаубицы, соответствующие нашим целям. Командиром батареи был один из моих приятелей. В час-два можно было на пароходе туда доехать. Я предложил послать кого-нибудь за орудием.

Излишне говорить, что предложение мое было принято с восторгом. Было решено хранить тайну и поскорее выполнить мой план. Один из нас отправился на

пароходе в Ковингтон с моим письмом. На другой день, ранее полудня на другом пароходе вернулся наш товарищ, тайком доставил гаубицу в условленное место. Мой друг, командир батареи, прислал с орудием и капрала, который должен был нам помочь в управлении им.

Как я и думал, это средство оправдало наши ожидания. С каждым выстрелом дождь птиц падал на землю. Одним выстрелом мы убили сто двадцать три штуки. К вечеру в мешках, которыми мы запаслись, было более трех тысяч голубей. Мы были спокойны, что на следующий день дамы будут с нами, и так как количество нашей добычи обеспечивало за нами победу на несколько дней, то мы и решили отложить в запас некоторое количество, что делало излишним для нас применение орудия в следующие дни. Мы поручили дровосеку, работавшему в соседнем лесу, наш запас, который состоял из трех мешков голубей, штук по пятьсот в каждом, а остальное взяли с собой. Было решено, что каждый вечер мы будем дополнять из запаса свою добычу и таким образом всегда будем иметь больше, чем наши соперники, обреченные отныне на поражение. Несмотря на успех нашего предприятия, мы не отослали обратно капрала и гаубицу. Их услуги могли еще быть нам полезны, и мы отправили их в хижину дровосека.

Войдя в дом полковника, мы увидели его и его спутников, сиявших от радости. Они переполнили свои ягдташи. Но наши мешки были полнее их. Почти дерзкое торжество наших противников перешло скоро в разочарование, походившее и на маленькую злость.

Итак, мы завоевали дам! И мы не расстались с ними до конца охоты, а противная сторона не могла понять причин своего ужасного неуспеха.

Накануне отъезда всех гостей полковника мы рассказали, в чем была тайна наших побед. Раскрытие нашего секрета вызвало бурные возражения, но наш хозяин, хотя и был одним из побежденных, понял нашу шутку и, смеясь, заставил и других смеяться. Полковник П. жив и теперь и каждый раз, при случае, рассказывает своим друзьям об охоте на голубей с пушкой.

VI. СМЕРТЬ КУГУАРА

Преследуя голубей, мы сделали около пяти миль, а птицы все не переставали летать над нашим лагерем. Всю ночь мы слышали в воздухе шум их крыльев. Среди ночной тишины раздавался порой треск ветки, подламывавшейся под голубями, тогда они, испуганные или удивленные, перелетали тысячами в другое место. Иногда происходил новый переполох по неизвестным для нас причинам. Вероятно, какая-нибудь дикая кошка или енот собирались ужинать голубями.

Просьпаясь ночью, мы слышали странные звуки, походившие то на борчанье собаки, то на мяуканье разозленных кошек. Одни говорили, что это волки, другим слышалась рысь или дикая кошка. Между этими неизвестными нам звуками один отличался от всех прочих: он походил на резкий свист, по которому мы все предполагали черного медведя, но Ик утверждал, что это, без сомнения, как он выражался, «фырканье» кугуара. Это было возможно, судя по местности, в которой мы расположились. Кугуар всегда спешит к стану голубей, которыми он очень любит лакомиться.

Утром, перед тем, как выступить из лагеря, мы еще поохотились на голубей, летавших во все стороны, и поклевывавших то тут, то там орешки. Как ни приятно было охотиться за голубями,— мы не собирались опять предаться этому спорту, а только желали пополнить свой запас, чтобы Ланти мог еще раз приготовить нам такой же ужин, как накануне.

Мы пустились в путь все еще среди голубей, летавших над нашими головами. Мы подвигались по просеке, сделанной самой природой среди густого леса, под высоким сводом из листвы и лиан. Стая голубей наполнила зеленые своды леса и подвигалась к нам, распластав крылья. Голуби были уже над нами, не заметив нас. Увидя людей, они повернули назад, но не могли выйти в отверстие свода иначе, как направив полет вертикально через листву. Так они и сделали в одно мгновение, и движение их крыльев произвело шум, подобный раскату грома. Некоторые голуби при этом так приблизились к нам, что со своих седел нам было бы легко ударом приклада их убить. Кентукиец только протянул руку и поймал голубя на лету. В то же мгновение бедные птицы исчезли из наших глаз.

Как только они проложили себе путь сквозь зеленый свод, показались два огромных белоголовых орла, и мы сразу поняли причину смятения среди бедных голубей. За ними гнались орлы. Невольно у нас явилось желание убить этих хищников. Мы прищипорили коней, одновременно приготовив ружья, но орлы нас уже увидели и поднялись над вершинами леса.

Через несколько минут наш проводник, который ехал впереди всех, отскочил назад с возгласом:

— Кугуар, клянусь вам! Я знал, что это он фыркал ночью, проклятый!

— Где? Где?— сразу последовало несколько вопросов, и мы бросились к нашему проводнику.

— Там!— показал Ик на густой терновник и лианы,— он спрятался за этим прикрытием, окружите эту чащу, господа, скорее! Скорее, все вокруг!

Мы пустили лошадей и приятно было видеть оживление, быстрые движения всех охотников. Наши ружья были заряжены. В несколько секунд мы окружили пожелтевший и поредевший под осенними ветрами кустарник.

Где был кугуар? Убежал он или спрятался под колючими ветвями кустов, среди которых возвышалось несколько прямых стволов? Или он забрался на вершину бука? Наши глаза поднимались с земли к вершинам этих великанов и снова опускались к их подножью, но зверь оставался невидимым. С высоты своих седел мы не могли видеть глубины чащи; возможно было, что кугуар притаился в траве и терновнике. Как его оттуда выгнать? У нас не было собак, а пешему было бы опасно войти в этот лабиринт. Кто из нас рискнул бы это сделать! Редвуд решился на это и прежде, чем мы могли бы его удержать, соскочил с лошади.

— Будьте настороже!— воскликнул он,— я заставлю зверя показать нам свою голову.— Не зевайте!

И он, привязав наскоро лошадь к ветке, бросился решительно в кустарник. По примеру краснокожих, он бесшумно прокрадывался вперед, и мы прислушивались, храня сами глубокое молчанье; ни одна ветка не хрустнула, ни одна травка не шевельнулась. Наше напряженное ожидание продолжалось минут пять; и вот, наконец, в чаще раздался выстрел. В ту же секунду мы услышали голос Редвуда.

— Не зевайте! Я дал промах!

Мы не успели даже переменить положение, как раздался второй выстрел и другой голос воскликнул:

— А я попал! Вот он, мертвый, как баран, зарезанный мясником! Сюда, смотрите, какое красивое животное!

Это был голос Ика. Мы бросились к нему. У ног его лежал в последних судорогах кугуар, и черная кровь струилась из раны в боку, куда так искусно прицелился Ик. Кугуар, бросившись к выходу из чащи, на секунду остановился, увидя охотника, и тот, не колеблясь ни мгновения, прицелился и спустил курок.

Мы все поспешили поздравить нашего проводника с удачным выстрелом и стали снимать шкуру с убитого зверя.

Кугуар (*felis concolor*) — единственная длиннохвостая кошка Северной Америки. Это четвероногое известно под несколькими названиями: англо-американские охотники называют его пантерой, почти во всей Южной Америке и в Мексике его величают львом, а в Перу — пумой. На шкуре кугуара нет полос родственного ему тигра, как нет и пятен леопарда или ягуара; шкура его одноцветна, почему в естественной истории ему и дан эпитет «concolor». Кугуар водится в Америке на очень большом пространстве — от северных озер ее до Парагвая, но охотнику редко удастся его встретить, так как этот хищник выходит на добычу только ночью.

Кугуар легко лазит по деревьям, цепляясь, несмотря на свою тяжесть, одними когтями за кору. Нередко он взбирается на горизонтальную ветку, аршина на четыре от земли, и как только олень или другое какое-нибудь животное проходит вблизи — он бросается на него. Кугуар любит также поджидать жертву где-нибудь на краю обрыва, почему американцы и называют такие места обрывами пантер.

Олень, антилопа, буйвол или другое какое-либо животное, которое должно сделаться жертвой кугуара, приближаясь к нему, и не подозревает присутствия своего врага. Как только бедное животное поравняется с хищником, тот прыгает на его спину и стальные когти вонзаются в его шею; жертва мчится по лесной чаще в надежде сбросить с себя ужасного всадника... Увы, все ее старания напрасны!

Кугуар крепко вцепился в тело своей жертвы и клы-

камин раздирает ей шею, жадно высасывая из свежей раны кровь. Изнеможенное, бессильное животное, наконец, падает. Тогда кугуар ложится на труп и доканчивает свой обед или ужин, терзая еще трепещущие останки.

Но есть одно маленькое животное, которое часто вступает в борьбу с кугуаром. Это канадский дикобраз. Никто не может сказать, выходит ли кугуар иногда победителем из этой борьбы; верно только то, что он питает к дикобразу непримиримую ненависть, что он нападает на него при всяком случае и нередко находит в этой борьбе свою смерть. Предположение, что дикобраз может метать своими колючками, как стрелами — ошибочно, но достаточно и того, что он оставляет свои колючки по желанию в теле нападающего на него противника.

В Соединенных Штатах на кугуара охотятся с собаками. Он всегда бежит от собак, так как знает, что за ними идут люди. Но горе той гончей, которая слишком к нему приблизится; одним ударом лапы он без труда ее уложит на месте. Когда ему невозможно скрыться, кугуар бросается вверх по стволу на ветку и выжидает там с горящими глазами, пронзительно мяуча. Обыкновенно меткий выстрел замертво сбрасывает его на землю. Если же он только ранен, то вступает еще в последнюю, отчаянную борьбу с собаками, отмечая на всю жизнь самых смелых из них своими когтями.

VII. ПРИКЛЮЧЕНИЕ СТАРОГО ИКА. НАВОДНЕНИЕ И ПАНТЕРА

Конечно, этот день должен был заключиться каким-нибудь рассказом о пантере. В этот раз мы узнали о приключении из жизни старого Ика.

— Лет пятнадцать тому назад, — сказал он нам, — я поселился на берегу Красной реки и построил себе там хижину. Жену и двоих детей я оставил на Миссисипи, намереваясь перевезти их к себе весной, а пока жил совершенно одиноко. Единственной спутницей моей была старая кобыла, оружием был топор и, само собой, мой карабин.

Я уже почти закончил постройку своего домика, как

вдруг, неожиданно весь мой труд был уничтожен одним из тех ужасных наводнений, какие бывают только в Луизиане. Оно началось ночью. Я спал на полу своей хижины и проснулся от ощущения воды, проникавшей сквозь шерстяное одеяло.

Вскочив, как испуганный олень, я ощупью добрался до двери.

Когда я ее открыл, мне представилась ужасная картина! Вокруг хижины я расчистил от леса место в несколько акров, срубив деревья на высоте трех футов от земли; все эти пни были покрыты водой. Первой моей мыслью было спасти карабин, и я поспешил обратно за ним.

Второй мыслью — была моя кобыла. Вода доходила ей до брюха и она металась и стонала, силясь сорваться с привязи. Седло и уздечка были унесены водой; я сделал уздечку из веревки, которой лошадь была привязана к дереву, и вскочил на свою кобылу, сам не зная, в какую сторону направляюсь. Мой ближайший сосед жил милях в десяти от меня; я знал, что дом его построен на холме, но как к нему попасть? Я мог заблудиться ночью и попасть прямо в реку. Но терять время было еще опаснее; я пришпорил каблуком свою лошадь и пустился по направлению к прерии. Через пять минут я выбрался из леса и увидел, что вся прерия была совершенно залита водой, представляя собой громадный пруд. По счастью, я мог, несмотря на ночную темноту, различить вдали кипарисовую рощу, подле дома моего соседа. Я снова пришпорил свою кобылу и она устремилась в этом направлении. Но я не сделал и двух миль, как заметил по своей лошади, что вода стала быстро подниматься. Чтобы спасти лошадь, я должен был достичь какой-нибудь возвышенности. Бедное животное сознавало опасность и напрягало все свои силы, а вода между тем все поднималась и дошла ему уже по шее. Через несколько минут лошадь должна была уже плыть. Она опускалась все ниже, и я понял, что со мной на спине она скоро совершенно потеряет силы. Поэтому я соскользнул с седла в воду и ухватившись за хвост бедного животного, поплыл за ним. Но мы не могли быстро двигаться вперед, и я начинал терять уже надежду доплыть до сухого места, как вдруг заметил какой-то черный предмет, плывший по воде; ночь стала еще темнее, но я все-таки различил

бревно. Единственным спасением для меня было добраться до этого бревна и освободить лошадь от своей тяжелой особы. Я так и сделал: бросился к бревну и крепко обхватил его, а лошадь продолжала плыть и скоро исчезла из моих глаз.

Я взобрался верхом на бревно и, подумав, что мне будет удобнее сидеть посредине, а не на конце, хотел передвинуться со своего места, но... остановился, пораженный вдруг видом какой-то скрюченной фигуры на другом конце. По изгибам ее линий и по сверкавшим в темноте глазам я узнал в этой фигуре пантеру!.. Признаюсь, господа, что в ту минуту меня охватило невыразимое никакими словами чувство. Я не старался уже подвинуться к середине бревна, напротив — отодвинулся как мог дальше к своему концу.

Я замер, не смея шевельнуть ни рукой, ни ногой, из боязни побудить зверя к нападению. У меня не было другого орудия, кроме ножа, так как я уронил свой карабин, спускаясь со спины лошади, и, понятно, не в моих интересах было вступать в борьбу с пантерой.

Так мы проплыли с добрый час.

Мы сидели друг против друга не шелохнувшись, и только по временам, когда течение покачивало бревно, отвешивали один другому ряд поклонов. Я видел все время устремленные на меня глаза хищника и, в свою очередь, не спускал глаз с него, так как знал, что это единственное средство удержать его в почтении.

Задавая себе мысленно вопрос, чем все это кончится, я увидел, что мы подплываем к лесу. Он был также залит водой настолько, что виднелись одни верхушки.

Но тем не менее я решил, когда наш плот будет среди деревьев, покинуть его, не докладывая об этом спутнику, и уцепиться за какую-нибудь ветку.

В это время перед нами показалось что-то вроде островка. Это должна была быть вершина холма, который я часто различал в этой стороне.

На холме я увидел что-то похожее на кусты, а между тем знал, что на нем ничего не росло. Когда мы приблизились к нему, мне стало ясно, что эти предполагаемые кусты были просто животными. То были, очевидно, олени, судя по целому лесу рогов; было там еще и другое какое-то большое животное, в котором я предположил свою кобылу.

Я бесшумно нырнул опять в воду, и когда я выплыл

на поверхность, услышал шум падения в воду какого-то тела: обернувшись, я увидел почти рядом с собой пантеру, очевидно, также направлявшуюся к островку. Не желая чувствовать врага позади себя, я пропустил пантеру вперед и, когда она выскочила на землю, обогнул островок, чтобы высадиться подальше от нее. Как только вышел из воды, я услышал ржание, наполнившее мое сердце радостью: действительно, моя кобыла была на острове и через мгновение уже терлась мордой о мое плечо.

Я немедленно ухватился за висевшую на ней веревку и взобрался ей на спину, считая это самым безопасным местом, хотя еще далеко не вполне безопасным.

Я стал осматривать новое общество, в которое неожиданно попал. Наступил рассвет и я мог различить, что на островке кроме меня, моей кобылы и моей спутницы пантеры, находились еще четыре оленя, дикая кошка и подле нее огромный черный медведь, далее енот, два серых волка, кролик и вонючка. Это было самое необычайное зрелище! Но всего поразительнее было то, что все эти животные не обращали друг на друга решительно никакого внимания, как будто они всю жизнь провели в одной клетке. Опасность, которая им угрожала и которая все еще их пугала, лишила их совершенно энергии. Не доверяя, однако, вполне миролюбию пантеры и медведя, я, заметив под утро второго дня, что вода убывает, тихонько голкнул свою кобылу в воду и, вскочив на нее, отправился в путь, не простившись со своими товарищами. Вода была еще по брюхо лошади, и я был спокоен, что погоня могла бы быть только вплавь. Впрочем, хищники, по-видимому, и не думали о погоне.

Я направился прямо к жилищу моего соседа и менее чем в час достиг его.

В двух словах я рассказал ему о своем приключении и, попросив дать мне ружье, пригласил и его вооружиться и следовать за мной. Мы направились обратно к островку.

В положении моей дичи произошла некоторая перемена. С понижением воды храбрость вернулась к хищникам.

Кролика уже не существовало, а один из оленей был наполовину съеден.

Мы с соседом обошли с двух сторон островок. Первым выстрелом я убил пантеру, а он — медведя. Затем мы уложили обоих волков и остальных членов общества и, нагрузив сколько можно было добычи на своих лошадей, вернулись домой.

Когда наводнение совершенно спало, я нашел свой карабин, завязнувший в песке.

Это происшествие показало мне, что место, на котором я было построился, совершенно не подходило для жилища.

Я поспешил отыскать другое и принялся энергично за работу. К весне все было готово, и я мог отправиться на Миссисипи, чтобы перевести жену и детей в свой новый дом.

VIII. ВЫХУХОЛЬ

Переход следующего дня не ознаменовался никаким происшествием. Буковый лес сменился опять дубовым. За весь день мы не видели никакой дичи, кроме одной выхухоли, да и та, нырнув в лужу, ушла от нас.

Это произошло на месте, избранном нами для ночлега. Когда палатки были разбиты, несколько человек задумало поохотиться за выхухолью. Они нашли на берегу маленького озера гнездо этих интересных зверьков, но выманить из него обитателей им не удалось, несмотря на все их хитрости.

Мы разговорились, конечно, об этом животном. Его называют мускусной крысой за сходство с обыкновенной крысой, от которой оно отличается мускусным запахом. Запах этот исходит из двух желез, помещающихся под хвостом. Вместе с тем это животное имеет много общего с бобром и носит у ученых название мускусного бобра.

Выхухоль — маленькое толстенькое животное, на коротких ногах, с короткими ушами, исчезающими в густой шерсти, шеей, уходящей в плечи, и маленькими черными глазками. Задние ноги ее длиннее передних и снабжены неполными плавательными перепонками. У бобра эти перепонки полные.

Всем известно, как искусно пользуется бобер своим широким хвостом, — точно каменщик лопаточкой. Хвост у выхухоли, как и у ее собрата, плоский, не покрытый

шерстью, снабженный чешуйками, но в конце заострен, а не закруглен, как у бобра.

Выхухоль вместе с хвостом имеет двадцать дюймов длины, а в объеме вдвое меньше бобра. Она имеет удивительное свойство почти вдвое съеживаться и проникает таким образом в отверстия, недоступные для гораздо меньших животных, чем она. Цвет ее шерсти рыжезато-коричневый по хребту и пепельный на брюшке. Впрочем, встречаются в виде исключения совершенно черные, белые и иногда пестрые особи. Меха ее — мягкий и густой, — похож на бобровый, хотя, конечно, не такого высокого достоинства.

Выхухоль, как и бобер, принадлежит к земноводным животным. В наше время бобер встречается в Америке только в самых отдаленных, необитаемых уголках. Выхухоль, напротив, попадает всюду, где только есть какой-нибудь пруд или ручеек.

Эти маленькие зверьки роют себе норки у воды, в каком-нибудь укромном и, следовательно, безопасном уголке, среди древесных корней.

Норка всегда расположена так, что вода в нее не может попасть, но вход в норку нередко скрыт под уровнем воды и его очень трудно найти. Внутри гнездо выложено мохом и мягкой травой. В этом убежище самка заботливо растит своих детенышей обыкновенно в числе пяти или шести. Самец не вмешивается в дело их воспитания, он бродит по окрестностям и возвращается к семье только под осень, когда маленькие уже стали на ноги. В это время года выхухоли перебираются на зимние квартиры. Для этого жилища зверьки выбирают непромерзающую до дна воду, предпочитая проточную. На берегу или даже на островке они воздвигают куполообразный домик, пустой внутри и очень сходный с жилищем бобра. Строительным материалом им служит только трава и ил со дна реки. Вход в это жилище подземный и состоит из нескольких коридоров, сообщающихся подводными выходами. Внутри гнезда зверьки устраивают лесенку, на ступенях которой они могут сушиться в случае, если поднявшаяся вода зальет пол.

Как бы сурова ни была зима, зверькам она не страшна в их жилище. Один подле другого, нередко нагроможденные один над другим, они взаимно согреваются. Притом стены их домика имеют больше фута

в толщину и ни дождь, ни мороз ни проникают в эти своеобразные хижинки.

Это маленькое существо поразительно умеет приспособлять свои привычки к различным географическим условиям.

В южных странах, как, например, в Луизиане, мускусные крысы живут круглый год в своих береговых норках и совсем не строят зимнего дома. На севере, где озера, реки, даже болота промерзают до дна, это животное, как только лед может выдержать его тяжесть, делает в нем отверстие, над которым сооружает конический домик, доставляя через отверстие со дна свои строительные материалы. Выходом остается первое отверстие, ведущее под воду, на дно, где животное черпает свой провиант.

Выхухоль питается корнями разных видов кувшинок и другими водяными растениями, но предпочитает всему прочему корни тростников (*calamus* или *asagus aromaticus*). Питается она и ракушками. Ее мясо, несколько отдающее мускусом, употребляется индейцами, а также и белыми охотниками. Правда, охотники и краснокожие едят все сколько-нибудь съедобное, но я знал одно семейство из Канады, которое находило вкус в мясе мускусной крысы. Но, конечно, не ради ее мяса на нее охотятся: ее мех представляет ценность, почти равную бобровому, для выделки шапок, боа и муфт, которые благодаря сравнительной дешевизне сбывают в громадном количестве.

Мех этот составляет постоянный предмет вывоза и торговли компании Гудзонова залива.

На мускусных крыс охотятся западнями, иногда с собаками, иногда разрушая их жилище. Бывает, что охотнику удастся где-нибудь на берегу ручья подстрелить этого зверька, но большей частью он успевает нырнуть в воду и пропасть без следа.

Многие индейские племена охотятся за выхухолью и ради мяса, и ради меха; у них свои способы этой охоты. Наш ученый, проводивший одну зиму поблизости от индейского поселения, рассказал нам о такой охоте, в которой сам принимал участие.

IX. ОХОТА НА ВЫХУХОЛЬ

— Чингва, индеец из племени Чиппевей, более известный белым под именем «Старой Лисицы», считался лучшим охотником своего племени.

Интерес к охоте сблизил меня с ним, а старый нож, который я ему как-то подарил, сделал нас друзьями.

Я не был еще посвящен в тайны охоты на выхухоль. Когда настало время этого «благородного» спорта, старый охотник пригласил меня отправиться с ним.

Взвалив ноши на плечи, мы пошли к месту, где водилась наша дичь. Это был ряд небольших озер, или вернее прудов, среди болотистой долины. Наши охотничьи снаряды состояли из лома для льда футов в пять длиной, маленькой кирки, рода рогатины, очень длинной, с одним железным концом и длинной, гибкой жерди. Мы захватили с собой немного провианта, горючего материала и одеяла, так как собирались ночевать у озер.

Через несколько часов ходьбы по лесу, пройдя по льду озер и рек, мы пришли к обширному болоту, покрытому толстым льдом.

На этой гладкой, как зеркало, поверхности мы увидели несколько куполообразных холмиков, и под каждым из них Старая Лисица был уверен найти с дюжину спящих выхухолей, а может быть и втрое больше. Он тотчас же принялся за дело. Старый охотник хорошо знал, что каждый домик имеет внутренний выход прямо в воду; и вместо того, чтобы атаковать самый домик и спугнуть зверьков, он стал ломом сверлить во льду по четыре отверстия вокруг каждого холмика в двух футах от него. Затем необыкновенно искусно с помощью своей гибкой жерди через сделанные отверстия подвел под лед сеть из ремней оленьей кожи так, что ее четыре угла показались в четырех отверстиях и были соединены и туго завязаны на поверхности. Таким образом, стянутая сеть естественно закрывала все выходы выхухольных домиков.

В несколько минут, с помощью лома и кирки, был проломлен купол, и мы увидели под ним зарытых в мех, спящих, или вернее, ослепленных неожиданным светом, восемь огромных выхухолей. Прежде, чем я успел их сосчитать, индеец проколол их своей рогатиной.

В другом домике мы добыли еще шесть штук, в третьем всего три, проломив четвертый, мы увидели странную картину. Там был всего один живой зверек совершенно истощенный и худой; подле него валялись скелеты других выхухолей.

Оказалось, что выход, свободный в других домиках, в этом замерз, так как его обитатели не прочищали его; мучимые голодом в своей тюрьме, более сильные съели слабых, и, наконец, осталось в живых только одно животное.

Ночь приближалась. Отложив дальнейшие операции до следующего дня, мы выбрали группу сосен у берега для своего ночного приюта. Мы зажгли костер, и так как после нашего обеда осталось довольно мало на ужин, то мой спутник преспокойно стал потрошить и поджаривать ломтики мяса выхухоли. Не решаясь последовать его примеру, я с любопытством и почти с отвращением наблюдал за ним, как вдруг, слух мой был поражен глухим шумом, походившем на вой стаи собак. Я вопросительно посмотрел на своего товарища.

— Волки!— сказал он спокойно, продолжая есть.

Вой приближался. Спустя минуту, мы услышали стук копыт и перед нами пронесся во весь опор великолепный канадский олень (*cervus tarandus*), а вслед за ним на опушке леса показалась стая волков, несшихся с быстротой охотничьих собак. Это были белые волки.

Я вскочил и побежал с рогатиной вслед за оленем, желая отбить у волков добычу.

Добежав до берега, я увидел, что волки уже захватили оленя и тащат его по льду. Я ускорил бег и скоро очутился среди волков, махая рогатиной. Но к своему удивлению и ужасу, заметил, что, вместо того, чтобы бросить добычу, часть волков продолжала ее терзать, а другая окружила меня. Я стал кричать и колоть то одного, то другого своей пикой, но волки делались только злее и упорнее. Я терял силы, ужас овладевал мной, парализовал мои движения. Но вот подоспел Чингва и его присутствие сразу меня ободрило. В несколько минут я отбил одних врагов, другие бежали, испуганные появлением моего товарища с его огромным ломом. Но три волка остались мертвыми на месте подле останков наполовину съеденного оленя.

Впрочем, от него осталось достаточно, чтобы приго-

товить прекрасный ужин и, хотя мой товарищ обглодал все косточки трех мускусных крыс, он принялся и за оленину с таким аппетитом, как будто не ел целую неделю.

Х. КОМАРЫ

На следующий день нам пришлось ехать опять среди большого леса. Почва была болотиста, и наш фургон подвигался вперед с большими затруднениями. То и дело нам приходилось соскакивать с лошадей и проталкивать фургон. Конечно, все это сопровождалось таким шумом и смятением, что дичь спугивалась раньше, чем мы могли бы к ней приблизиться.

В то же время мы страдали от комаров, которые нападали на нас со всех сторон, и мы были беспомощны перед ними.

Эти насекомые делают невыносимым существование в некоторых местностях Америки. Но на берегах, так называемых черных рек (именуемых испанцами «рио негро»), как, например, многие притоки Амазонки и Ориноко, комаров нет.

Безансон и кентукпеец утверждали, что против комаров нет никаких средств, того же мнения был и доктор. Другие думали иначе. Вскоре Ик решил спор в нашу пользу, открыв нам, как можно избавиться от комаров. Старый охотник во все время пути искал чего-то на земле. Наконец, радостный возглас его возвестил нам об успехе его поисков.

— Вот она, наконец, эта трава! — закричал Ик, соскочил с лошади и стал собирать низкорослое растение с листьями, напоминавшими по форме и величине листья самшита, но отличавшиеся от них большим блеском зелени.

Мы сейчас же узнали траву, известную в Америке под названием «penny-royal» (*hedcomea pulegioides*), которую следует отличать от английского растения того же имени.

Редвуд тоже соскочил на землю и стал собирать эту траву. Оба проводника, растерев между ладонями молодые стебли, натерли себе лицо и шею его соком и, засунув несколько пучков под шапки, свесили стебли на лицо. Наш ученый, англичанин и я последовали их

примеру, несмотря на насмешки остальных. Но пришел и наш черед посмеяться над ними. Ни один комар не приблизился больше к нам, между тем, как наши друзья продолжали страдать от них. Им пришлось уступить очевидности и, чтобы избавиться от укусов, прибегнуть к спасительному средству наших проводников. Средство это представляет одно неудобство: сок этой травы сильно жжет кожу, но это было настолько легче переносить, чем укусы комаров, что к нам вернулось пропавшее было веселое настроение духа. Оно овладело нами совершенно, когда нам удалось встретить и убить енота.

Животное, хотя и ночное, енот выходит из своего убежища иногда и днем.

Енот, который встретился нам, был очень занят обедом подле опустошенного гнезда индейского петуха. Увидя нас, он бросился на ближайшее дерево, но, по счастью для нас, там не было дупла, и меткий выстрел Редвуда свалил животное на землю.

Особенное удовольствие доставило это событие нашему черному вознице Джеку. Он считал мясо енота большим лакомством и уверенный, что никто не станет делить с ним это блюдо, припрятал енота заботливо под одну из скамеек фургона. Но расчет его был неверен. Наши проводники тоже любили свежее мясо и потребовали свою часть. Все остальные отказались пробовать это мясо. Но после ужина все занялись енотом, и больше всего сведений о нем дал нам Джек.

XI. ЕНОТ И ЕГО ПРИВЫЧКИ

Из всех диких зверей Америки енот, безусловно, самый известный и распространенный. В местностях, населенных испанцами, его называют черной лисицей. В Южной Америке водится даже два вида енотов: обыкновенный, *procyon lotor*, и ракоед, ракун.

В Северной Америке он водится повсюду в большом числе. Он пользуется в Америке той же славой хитрого и жадного животного, как в Европе красная лисица.

Енот принадлежит к одному семейству с медведями. Он по виду напоминает лисицу, хотя и отличается от нее величиной и цветом. Он тяжел и неуклюж; лапы

у него короткие и плоские на концах, а поступь напоминает кошачью. Заостренная морда соответствует его привычке соваться во все норы и щелки в поисках за жуками, пауками и другими насекомыми.

У него на спине длинный, темно-коричневый, седоватый волос. На брюшке он нежнее, рыжеватее. Черная полоса окружает его глаза и теряется в мехе шеи. Эта полоса подчеркнута серовато-белой линией и сообщает особенный характер физиономии животного. Особенно хорош его пушистый хвост, украшенный двенадцатью правильно чередующимися, белыми и черными кольцами.

Охотники, которые часто делают из енотового меха шапку, непременно привешивают к ней хвост животного, вместо султана, и этот далеко не красивый головной убор является верхом элегантности среди молодых охотников пустынных американских лесов.

Енот с большой ловкостью лазит по деревьям, цепляясь за ствол своими острыми когтями, и живет обыкновенно высоко на дереве, в дупле. Здесь он устраивает свое логовище, и самка выводит детенышей числом от трех до шести.

Енот водится только в лесах; в прериях его не встретить. Он селится всегда около воды. Надо особенно отметить удивительную привычку этого животного: он всегда погружает в воду свою добычу раньше, чем ее есть, почему ему и дали название *lotor* (моющий). Мало таких опрятных животных, как енот. Он ест все: птицу, кроликов, белок, лягушек, ящериц, насекомых. Особенно любит он сладкое и забирается в плантации сахарного тростника и манса. Он не брезгует и ракушками, открывая их когтями, и очень любит крабов и черепашек.

Джек рассказал нам очень много любопытных способов ловли черепах енотом, но я не отвечаю за верность его рассказа. Джек уверял, что енот для этого усаживается на берегу пруда, опустив хвост в воду; когда черепахи ухватятся за этот придаток, он делает большой скачок и тащит добычу на берег, где и наслаждается вкусным блюдом.

В Америке нередко приручают енота и он становится безобидным, если только дети не мучат его. Но там, где есть птица — его присутствие неприятно.

Негры очень любят мясо енота, имеющее мускус-

ный привкус и, где только возможно, охотятся на енотов, сбывая за шиллинг или два их шкуры соседним торговцам.

На енота охотятся ночью и поэтому рабам не препятствовала работа иметь это удовольствие. Негр не имел права носить огнестрельного оружия, но он великолепно справлялся с енотом при помощи топора. Я сам принимал участие в охоте на енота и пережил при этом много интересных ощущений. Я рассказал о ней своим товарищам.

ХII. ОХОТА НА ЕНОТА

Мне пришлось охотиться на енота в окрестностях плантаций Тенесси. Каждая местность имеет своего знаменитого охотника на енотов.

Обыкновенно таковым является старый негр, изучивший все привычки енота. Охотник этот непременно имеет собаку с хорошим чутьем и быстрым бегом.

Дядя Аб был знаменитостью того округа, где я тогда жил. Сопровождая его, я был уверен, что увижу любопытную картину.

С одной стороны к плантации прилегала долина, орошенная извилистым ручьем. Около воды росли высокие, ветвистые деревья, по большей части дуплистые, и, понятно, это место было очень любимо енотами.

К этой низине мы и направились, я и Аб со своей собакой Помпо на привязи. У негра был только топор, я захватил с собой двустволку.

Мы шли по маисовому полю, огражденному частоколом, и за этой зигзагами поставленной изгородью начиналась болотистая, лесистая полоса.

Было как раз время, когда колосья маиса наливались молодым, сладким соком, и опытный охотник Аб надеялся выследить нашу дичь поблизости от поля.

Солнце зашло часа два перед тем, и луна ярко нам светила.

Помпо был спущен со своры, а мы тихо шли вдоль частокола, по обеим его сторонам.

Мы сделали едва шагов сто, как Помпо лаем известил нас, что встретил кого-то в маисовом поле.

— Енот!— воскликнул Аб.

Через мгновение я увидел стремглав бежавшую к

частоколу собаку, а впереди нее что-то черное, вдруг перескочившее через ограду и исчезнувшее в лесу.

— Да, это он, шельма!— повторил Аб, перенося собаку через частокол и спеша за ней.

Я должен заметить, что в этот вечер слово «шельма» на языке Аба обозначало енота. Мы поспешили по следам собаки и я чувствовал такое же волнение, как будто охотился на благородного зверя, на оленя, например.

Мы бежали недолго, руководясь лаем собаки, который стал вдруг непрерывным.

— Шельма, он добрался-таки до своего дупла!— заметил спокойно Аб.

Нам оставалось добежать до дерева, на которое забрался енот. Но на какое дерево он забрался? От этого зависел успех нашей охоты. Если это было толстое дерево, то мы должны были проститься с нашей дичью.

Лай Помпо раздавался шагах в ста от опушки, и вряд ли енот избрал молодое дерево, раз вокруг него были старые.

— Все из-за частокола!— говорил Аб.— Не будь его, Помпо не упустил бы зверя, не дал бы ему никогда добежать до дерева.

Я знал, что енот может быстро пробежать не больше нескольких сот сажень и потому редко удаляется на большое расстояние от своего дупла. Если на этом протяжении охотник его не настиг— он спасен. В дупле его не достать. Вот почему в этой охоте так важно иметь быструю собаку.

— Я вам говорил,— прервал мои размышления Аб,— посмотрите на это громадное дерево!

Я обернулся в указанную сторону и увидел Помпо перед деревом необычайных размеров из породы американских сикоморов (*platanus occidentalis*).

Аб вдруг обрушился на Помпо с упреками.

— Черт возьми! Помпо, ты врешь! Енот не может быть на этом дереве! Ты должен бы это знать, старый дурак!

— Почему не может?— спросил я.

— Потому что кора этого дерева слишком гладкая,— отвечал Аб и тотчас же воскликнул:— Вот оно что! Смотрите, масса, он взобрался по лозе! Дружище, Помпо, ты прав!

И старый негр указал мне виноградную лозу, об-

вившую дерево до верха. Она и послужила лестницей для енота.

Это открытие не утешило нас. Енот запрятался на высоте почти пятидесяти футов, в огромном дупле, видневшемся снизу.

Пришлось вернуться на маисовое поле. Едва собака очутилась на поле, как она отыскала второго енота, который снова исчез в лесу. Перекинутый хозяином через частокол, Помпо снова пустился за зверем, и когда мы подоспели на его лай, то увидели, к своему безграничному удивлению, что и на этот раз Помпо остановился перед тем же самым сикомором. Оба енота спрятались в одно дупло.

Пришлось во второй раз вернуться на поле, и когда мы в третий раз последовали за гнавшим енота Помпо, мы остолбенели. Третий енот присоединился к двум первым.

— Это не енот, а сам дьявол! — воскликнул в бешенстве Аб. — Ради бога, масса, уйдем с этого проклятого места!

На этот раз маисовое поле нам больше ничего не дало и Аб предложил мне пройти по лесу до какого-нибудь места с невысокими деревьями, где он надеялся застать какого-нибудь енота в поисках за птичьими гнездами.

Старый негр не ошибся. Очень скоро Помпо разыскал четвертого зверя и пустился за ним. Енот опять успел забраться на дерево, но по направлению, в котором раздавался лай собаки, мы были уверены, что он забрался на другое дерево. И действительно, мы увидели Помпо перед небольшим деревцом, на ветви которого, футах в двадцати над землей, съежился маленький енот. Мы были уверены в успехе. Я прицелился, но раньше, чем успел выстрелить, енот перескочил на ближайшее дерево, сбежал с него и, преследуемый Помпо, скрылся в большом лесу. Мы поспешили за Помпо и остановились пораженные — я с удивлением, Аб — ужасом. Мы стояли опять перед тем же сикомором.

У Аба волосы стали дыбом. Его религиозные идеи ограничивались суевериями, и он утверждал, что все четыре енота были одним и тем же дьяволом.

Аб хотел прекратить охоту. Но я, задетый в охотничьем самолюбии этой бесполезной беготней, решил во

чтобы то ни стало вытравить енотов из их дупла.

Я взял у негра его топор и нанес дереву первый удар. К моему удивлению и радости, звук обнаружил пустоту в дереве. Я продолжал; острый топор проник внутрь. Дерево было дуплисто сверху донизу. Видя мою решимость, Аб пришел в себя. Он предложил выкурить зверей из дупла дымом.

— Ты прав,— ответил я,— это прекрасная мысль.

В несколько минут мы развели в дупле большой огонь, подбрасывая в него сухие листья и траву.

Скоро дым стал выходить из дупла енотов, сначала тонкой струей, потом большими клубами, и мы услышали возню и шум внутри дерева. Через минуту что-то черное выскочило из верхнего дупла и, зацепившись за лозу, повисло среди ее листьев. За этим существом последовало второе, третье, четвертое, и пятое, и шестое! Каждую секунду эта компания из шести енотов могла спуститься и скрыться в темноте. Я схватил ружье и спустил оба курка. Два енота свалились смертельно раненные.

Помпо душил третьего, пытавшегося убежать. Аб, наконец, топором раскроил череп четвертому, так же желавшему воспользоваться суматохой. Два остальных вернулись в свое убежище, но принужденные снова вылезть, они также погибли. Таким образом, мы уложили все семейство в свои мешки, и дядя Аб долго говорил об этой экскурсии, как о самой своей удачной охоте на енотов.

ХIII. ДИКИЕ СВИНЬИ

На следующий день наш путь лежал через дубовый лесок. Мы ехали по толстому слою опавших листьев и вдруг слышали в нескольких ярдах от нас странный шум, походивший на пытение машины и вместе с тем на хрюканье домашней свиньи.

— Медведь!— воскликнуло одновременно несколько человек, и все заволновались.

Даже наши проводники были уверены, что в нескольких шагах от нас — медведь. Но мы все ошиблись: это был кабан или, вернее, одичавшая свинья, бросившаяся при виде нас в чашу. С полдюжины пуль последовало за ней и, кажется, одна из них ее задела,

но тем не менее животное успело от нас скрыться и вместо ужина дало нам только пищу для разговора.

Мы были того мнения, что встреченное животное забрело в эти отдаленные от селения места, убежав с какой-нибудь плантации.

Во всех этих лесах водится много полудиких свиней; они живут в загороженных и, конечно, принадлежащих частным владельцам чащах. В известное время года они менее дики, а именно, — когда недостаток корма в лесу заставляет их приближаться к усадьбе владельца, около которой кладут для них зерно. Но большую часть года свиньи сами отыскивают себе корм в лесу, питаясь желудями, различными орехами, зернами и корнями. Самое же большое лакомство для них — змея. Положительно, уничтожению змей в американских лесах больше всего способствуют свиньи. Как только свинья увидит змею, она преследует ее и, затоптав копытами, съедает. Толстая кожа этого животного предохраняет его, вероятно, настолько, что оно также смело нападает на ужасного удава, как и на ужа. Предположение, что свинья съедает только туловище змеи, не трогая ее головы, опасаясь яда — совершенно неверно. Она поглощает змею целиком. Змеяный яд опасен только попадая в кровь, а принятый внутрь — безвреден.

Кентукиец, как владелец нескольких сот свиней, рассказал нам об этих животных много подробностей. Каждый год у него происходила охота на них.

В назначенный день хозяин со своей сворой, в сопровождении друзей-охотников, вооруженных карабинами, выезжал в эти огромные леса. Собаки выгоняли свиней из чащи на более открытые места, где охотники встречали их выстрелами своих карабинов. За охотниками следовала повозка и несколько слуг, которые убивали и увозили в конце дня убитых свиней в усадьбу.

Это удовольствие продолжалось несколько дней, пока все самые крупные свиньи не были перебиты. Такая охота давала по несколько сот туш, и легко понять, какой задачей было все их просолить и прокоптить. Эти окорока составляли зимний провиант плантатора; самые лучшие окорока посылались на знаменитый Цинциннатский рынок.

Кентукиец рассказал нам также об одной забавной сценке, свидетелем которой он был сам.

— Однажды, — рассказывал он, — взяв с собой дву-

стволку, я отправился в лес за дикими индейскими петухами. Я шел по лесу не больше пяти минут, как вдруг услышал вблизи легкий шум среди сухих листьев и увидел с полдюжины свиней, направляющихся ко мне. Они прошли, и я не обращал на них больше внимания, как вдруг увидел их снова на открытом месте. Они неслись галопом, как будто преследуя кого-то. Так оно и было: перед ними сверкало туловище черной змеи, делавшей все усилия, чтобы уйти от своих непримиримых врагов. Через секунду я увидел, как она обвивалась вокруг молодого деревца и поднялась на его ветви, считая себя там в безопасности.

Я тоже думал, что свиньям ничего не поделаться с ней, и хотел принять на себя роль палача, но движение четвероногих остановило меня и сделало снова мирным наблюдателем. Вы можете понять мое изумление, когда я увидел, что одно из животных захватило деревцо между клыками и стало изо всех сил его раскачивать, как бы желая сбросить змею вниз. Но так как это оказалось невозможным, то свинья стала перегрызать ствол. Ее товарищи последовали ее примеру, и в несколько минут деревцо упало. Как только его ветки коснулись земли, свиньи набросились на змею. Она была убита и съедена скорее, чем я могу сказать это словами.

XIV. НАПАДЕНИЕ СТАДА ПЕККАРИ

Разговор наш перешел к мексиканским свиньям — пеккари. Известно два вида этой породы: пеккари с ошейником и пеккари белогубые.

Последние — крупнее, почти черные, первые — мельче, одноцветно-серые, за исключением желтоватой полосы вокруг шеи. Белогубые пеккари бродят огромными стадами — сотнями, иногда тысячами; их родственники менее общительны; они встречаются большей частью парами. Те и другие питаются корнями, плодами, лягушками, змеями и ящерицами. Приютом им служат дупла и углубления скал. Пеккари водятся во множестве в Южной Америке, и в Северной, а именно в ее южной части, к западу от Миссисипи, где можно встретить только пеккари с ошейником, и о нем-то мы главным образом и будем говорить.

Пеккари очень походят на обыкновенных свиней, но они подвижнее и ловчее. Отсутствие хвоста еще более способствует впечатлению легкости животного. Его челюсти вооружены двумя грозными клыками. Уши скрываются щетиной, которая покрывает все тело и особенно густа на хребте. Осенью семьи пеккари, состоящие из самца, самки и большей частью двух детенышей, соединяются в большие стада, и если одно животное из стада подвергается нападению, все другие бросаются на врага, будь то охотник, кугуар или рысь, и так как они пользуются и клыками, и передними ногами, то являются очень опасными противниками.

На пеккари охотятся с собаками. Преследуемое стадо скрывается в какую-нибудь пещеру или расщелину, а одно животное становится на стражу у входа. Если оно убито, другое является, чтобы занять его место. Если охотник не поспеет быстро на помощь собакам, то им приходится очень плохо, и нередко по несколько штук распарываются клыками пеккари.

Для заключения вечерней беседы кентукиец рассказал нам одно приключение из своих охот в Техасе.

— Я провел, — рассказывал он, — несколько недель у одного фермера-плантатора в Тринити-Боттоне.

Мы очень удачно охотились на всевозможную дичь в ближайших лесах, но пеккари мне никак не удалось встретить.

Была осень — лучшее время года в лесах Америки.

Я еще спал однажды утром, когда несколько диких индейских петухов забрались на ферму поклевать зерен. Их крик разбудил меня. Я вскочил, живо одел свой охотничий костюм, взял карабин и патронташ и поспешил за петухами, которые, поклеывая зерна, направлялись к лесу. Я бегом опередил их и, выбрав удобное местечко между ветвями, скрывавшими меня своей листвой, поджидал своих петухов.

Легкий шум среди сухой травы привлек мое внимание, и я увидел извивающуюся в ней змею.

По цвету кожи я узнал гремучую змею. Она ползла к открытой лужайке. Я хотел было пойти за ней, чтобы убить это отвратительное пресмыкающееся, но вспомнив, что выстрелом спугну индеек, остался на своем месте.

В это время со стороны лужайки послышалось что-то вроде хрюканья свиньи. Из кустов вышло неболь-

шое, курьезное животное. Вытянутое рыльце, круглая спина, отсутствие хвоста и желтая полоса на шее — все это были признаки, по которым я узнал пеккари. Пока я его рассматривал, из кустов вслед за ним вышел еще один и еще, и еще маленькое стадо.

Как только показался первый, змея, видимо, охваченная ужасом, распласталась в траве, стараясь остаться незамеченной. Но трава была так низка, что это ей не удалось. Пеккари ее увидел, щетина его поднялась, он бросился к змее и остановился от нее футах в трех.

Видя, что скрыться невозможно, змея свернулась и, шипя и сверкая глазами, вытянула голову по направлению к противнику.

Ее угрозы привлекли внимание всего стада. Пеккари окружили змею, которая, не зная, на кого броситься, металась головой во все стороны. Пеккари стояли, ошетиливаясь с подобранными ногами, как рассерженные кошки, испуская резкие крики.

Наконец один из них всеми четырьмя ногами прыгнул на свернувшуюся змею. За ним последовал другой, а через минуту она была растоптана, растерзана и съедена.

С той минуты, как увидел пеккари, я забыл об индюках. Я прицелился в самое большое животное из всего стада и метким выстрелом свалил его на землю. Но не успел увериться в том, убил ли его или нет.

Как только дым рассеялся, я увидел, что стадо не только не бежало от меня, но, напротив, галопом несло ко мне.

В минуту я был окружен рассвирепевшими пеккари, которые стали хватать меня за ноги и изодрали уже мои брюки, не обращая внимания на то, что, размахивая как дубиной своим ружьем, я сыпал на них удары. Я слабел... начинал отчаиваться отбить врагов.

Вдруг, размахивая ружьем, я услышал как оно обо что-то стукнулось. Это была большая ветка. Она висела близко над моей головой; я ухватился за нее и с необычайными усилиями взобрался по ней на дерево.

Это было моим спасением! Сидя на этом неудобном возвышении, я переводил глаза с разъяренных животных, толпившихся вокруг моего дерева, на большое майсовое поле, в надежде увидеть кого-нибудь, кто мог прийти мне на помощь. Но никто не показывался на поле. Тогда я подумал, что выстрелами могу вызвать

помощь, и уже хотел выстрелить в воздух, но вдруг догадался, что было бы так же умно уменьшить число своих врагов. Я прицелился и свалил второго пеккари, а за ним и третьего. Тогда у меня явилось желание подвергнуть все стадо участи трех его членов.

Я насчитал шестнадцать живых пеккари и двадцать пуль в своем мешке. Имея достаточный запас пороха, я стал укладывать своих врагов одного за другим, так внимательно целясь, что только один раз дал промах.

Закончив эту охоту, я соскочил на землю и очутился среди девятнадцати трупов пеккари. Земля была залита их кровью.

В то же время я услышал голос моего друга. Подняв глаза, я увидел его стоящим в величайшем изумлении.

Этот случай, конечно, сейчас же стал известен всей колонии, и меня прославили с тех пор, как искуснейшего охотника на пеккари.

XV. ОХОТА НА УТОК

На другой день мы опять увидели диких голубей и с большим удовольствием пополнили ими свои запасы, так как солонина успела нам изрядно надоесть. Нам удалось также подстрелить несколько диких уток и, конечно, мы заговорили о знаменитых канвовых утках. Эта птица и среди гастрономов и среди охотников Америки пользуется особым уважением. Только овсянка и фазан прерий могут с ней конкурировать в этом отношении.

Канвовая утка — маленькая птица, весом редко более трех фунтов.

Цветом она походит на европейскую утку. Головка ее темно-каштанового цвета, шея — черного, а спина и верхняя поверхность крыльев серо-голубоватого в полосах и пятнах, образующих рисунок, вроде канвы, за что эта утка и получила свое название.

Как большинство водяных птиц Америки, и эти утки принадлежат к перелетным. В начале апреля они появляются около Гудзонова залива и возвращаются в теплые края не ранее октября месяца.

Утки эти не любят пресноводных озер Америки; они встречаются на побережье Атлантического океана, в

устьях рек, вблизи которых всегда есть стоячие воды, поросшие диким сельдереем. Единственно это растение составляет пищу канвовых уток, и их можно найти только в местности, где растет дикий сельдерей.

Птица ныряет на дно, чтобы достать корень растения, не трогая стебля и листьев его.

На этих уток охотятся самыми различными способами. Дрессированные с этой целью собаки, лодки, огромные ружья, переодевания — все применяется, охотники ничем не брезгают, потому что к уткам очень трудно приблизиться, и только хитростью и изобретательностью и можно их одолеть. Они прекрасно ныряют и если только ранены, то всегда ускользнут от охотника. Впрочем, иногда их природная пугливость уступает место любопытству. Собака, бегающая взад и вперед по берегу, иногда завернутая в красную ткань или просто с красной тряпкой на хвосте, привлекает нередко уток. Но постоянные охоты иногда так напугивают птицу, что никакими хитростями ее не приманишь.

Я был однажды героем необычайного приключения в погоне за утками и рассказал его своим спутникам.

Я гостил у одного приятеля, владевшего плантацией около устья маленькой речки. Мне очень хотелось поохотиться, наконец, на уток, которыми так часто лакомился, но которых никогда еще не видел на свободе.

Мне дали довольно скверную собаку, отрекомендовав ее, как лучшую во всей местности для этой охоты, и, сев в лодку, я спустился по реке к тому месту, где рос дикий сельдерей и где, следовательно, я мог найти желанную дичь.

Проплыв около мили, я увидел бухточку, окруженную порослями сельдерея и одновременно различил на воде стаи птиц. Я причалил и, привязав лодку, стал искать удобное место, чтобы спрятаться.

Я нашел несколько кустов, в которые и засел, спустив собаку, выдрессированную для приманок уток. Но проклятое животное не обращало никакого внимания ни на мои жесты, ни на мой голос и, несмотря на все мои старания, не только не пожелало бегать по берегу, но очевидно даже боясь воды — легло под кустом около меня и больше не двигалось. Я несколько раз силой сгнал его с места, но оно опять туда возвращалось и укладывалось.

Я был тем более раздосадован, что стоя из нескольких

тысяч уток опустилась на воду в какой-нибудь полумиле от берега. Отчаявшись сдвинуть с места собаку, я направился к лодке, но когда готовился в нее ступить, собака прыгнула в нее. Я был так зол на нее, что хотел ее прогнать, но не желая больше тратить время на это животное, перестал обращать на него внимание и стал обдумывать свой план атаки.

Я придумал закрыть борта моей лодки ветками и травой, чтобы она не выделялась среди водорослей.

Я тихонько греб, пока не приблизился к птицам, и тогда, спрятав весла и отдавшись ветерку, сам скрылся за ветками, сквозь них наблюдая за дичью.

Больше часу я подвигался таким образом. Несколько раз лодка останавливалась и приходилось ждать, пока порыв ветерка снова не двигал ее вперед. Наконец, я настолько приблизился к цели, что мог различить ясно каждую птицу подвигавшейся ко мне стаи.

Я увидел, что на воде были не одни канвовые утки,¹ но и американские красногрудки, воевавшие с первыми из-за корней сельдерея. Канвовая утка прекрасно ныряет, но плавает хуже красногрудки, которая в свою очередь уступает сопернице в искусстве нырять и потому не может сама достать лакомого и для нее корня.

Поэтому она караулит, когда утка вынырнет со дна с добычей в клюве, и вырывает ее у птицы, ослепленной солнцем в первое мгновение после пребывания в глубине.

Утка знает, что было бы напрасно гнаться за быстро плавающей красногрудкой, и редко пытается преследовать воровку.

Наконец мне удалось настолько подплыть к птицам, чтобы без риска выстрелить в них. Я приготовил один заряд для плававшей птицы и второй про запас, чтобы выстрелить, когда испуганные птицы поднимутся.

Бесшумно просунув дуло сквозь зелень, я двумя выстрелами подстрелил штук двадцать уток. Остальные с шумом улетели.

Я сказал вам, что убил штук двадцать уток. Так, по крайней мере, я предполагал; точного числа мне никогда не пришлось узнать.

Произошло нечто такое, что в одно мгновение заставило меня забыть об утках.

Еще раньше, в то время как я подкрадывался к птицам, внимание мое несколько раз было привлечено стран-

ным поведением моей собаки. Она улеглась на дно лодки, в носовой ее части. По временам она вскакивала, дико, со страхом осматривалась, и с болезненным визгом укладывалась на прежнее место. Я заметил также, что иногда она конвульсивно вздрагивала, а зубы ее стучали. Эти странности меня удивляли и только. Но в это мгновение, после моего второго выстрела, ужас объял меня при виде животного. Нет, слово ужас не может выразить охватившего меня чувства! Отвращение, страх — все эти выражения слабо передадут мое состояние, когда я увидел вскочившую собаку. С каким-то особенным воем устремила она на меня дикий взгляд, высунув язык между губ, побелевших от пены. Вы догадались, конечно, что собака была бешеная.

Инстинктивно я схватился за ружье, но в своем волнении забыл, что оба дула его разряжены. Я хотел было зарядить его, но движение собаки в мою сторону показало мне опасность этого намерения. Мне оставалось защищаться в случае необходимости прикладом ружья и я повернул его, держа наготове.

Я отодвинулся назад на самую корму моего углого челнока, готового перевернуться от самого легкого толчка. Я не знал, что делать! Я боялся двинуться, чтобы не возбудить собаку к нападению; она также стояла и смотрела на меня, хотя и с меньшим напряжением. К довершению несчастья, я заметил, что течение уносило меня в море, а там виден был ряд скалистых утесов, о которые лодка неминуемо должна была разбиться. Мне предстоял такой выбор: или отогнать собаку от весел и взяться за них, или разбиться о камни. Новая опасность вернула мне энергию, и я решился на первое, представлявшее хоть кое-какие шансы на успех.

Не знаю, поняла ли собака мое решение по моим глазам или заметила, что я с особенно решительным видом сжал в руках ружье, но она с явным страхом отодвинулась от весел к своему старому месту и улеглась снова на дно лодки.

Первой мыслью моей было схватить весла, но тотчас же я понял, что благоразумнее будет прежде всего зарядить ружье. Не спуская глаз с животного, я ощупью зарядил оба ствола. Собака продолжала возбужденно смотреть на меня. В то же время приближавшийся шум прибоа возвещал мне близость другой опасности. Нельзя было терять ни секунды и в то же время нужно было дейст-

воват с величайшей осторожностью. Не смея поднять ружье к плечу, я направлял машинально дуло, угадывая приблизительно верное направление, и спустил курок. Собака опрокинулась, и я увидел красную струю вдоль ее бока. Эта рана была бы, вероятно, достаточна, но для большей вероятности, я отправил ей в бок вторую пулю.

В то же мгновение я бросил ружье и схватил весла. Было пора! Лодка уже была среди пенившихся волн. К счастью, благодаря провидению, несколько сильных ударов весел отнесло меня от этого страшного места, и я направился прямо к берегу.

Вы понимаете, что я забыл об утках. Течением их унесло куда-то и я не стремился узнать куда. У меня была одна мысль,— скорее уйти из этих мест, и твердое решение никогда более не охотиться с неизвестной собакой.

XVI. ОХОТА НА ВИГОНЕЙ

Следующий переход наш ознаменовался неприятным приключением: у нашего фургона сломалось дышло и мы простояли около пяти часов, пока Джек с помощью Редвуда сделал новое из выбранного в ближайшем лесу орехового дерева. Мы сделали в этот день всего десять миль и — странно — на всем пути не встретили ни животного, ни птицы, которые могли бы послужить темой для нашего вечернего досуга. Наш товарищ англичанин предупредил события и стал рассказывать нам об охоте на вигоней в Перуанских Андах.

Он начал так:

— Когда Пизарро и сопровождавшие его испанцы достигли вершин Анд, они впервые увидели два горных животных одного семейства: гуанако и вигонь.

Гуанако меньше интересует перуанских охотников: его шерсть не высоко ценится, а мясо невкусно. Напротив, вигонь, шерсть которой необычайно высоко ценится на американских рынках, является желанной добычей для множества охотников. Есть местности в Андах, где охотники посвящают себя исключительно этой охоте, составляющей их промысел.

Охота на вигоней далеко не легкая вещь, и желающий испытать это удовольствие должен подняться в самую холодную полосу Анд, лежащую вдали от центров

культурной жизни, должен отказаться от всякого комфорта. Климат этих местностей близок к Лапландскому по холоду, и нигде не найти кусочка дерева, чтобы согреться подле огня. Идти приходится среди обрывов, опасность которых увеличивается пучками висящих над ними лиан.

Путешествуя по Перу, я решил непременно испытать удовольствие охоты на вигоней. С этой целью в одно прекрасное утро я выехал верхом по дороге на вершины Анд и достиг высот в двенадцать или четырнадцать тысяч футов над уровнем моря. Меня со всех сторон окружали голые скалы. Впереди открывалась долина, по которой были разбросаны плоские скалы, похожие на длинные гребни волн. Эти горные долины покрыты травой, которую перуанцы называют «ига», и тут-то любят бродить стада вигоней. Конечно, в этих местах охотники и караулят дичь. У меня была рекомендация к одному из таких Немвродов, и, переночевав в пастушеской хижине, я на другое утро отправился искать указанного мне человека. Я добрался до его хижины, проехав еще миль десять среди гор. Было довольно рано, когда я приехал, но, тем не менее, его уже не застал. Пришлось ждать. Скоро он появился, окруженный маленькими собачками, похожими на лисиц, очень враждебно ко мне отнесшимися. Хозяин с трудом отогнал их от моих икр, и когда ему это удалось, я вошел, или вернее, пролез в его хижину.

Хозяин этого приюта был чистокровный индеец одного из тех племен, которые испанцам никогда не удалось покорить. Он пригласил меня разделить с ним его завтрак, состоящий из жареного маиса, вареного проса и жареной шиншиллы. По счастью, я захватил с собой полную флягу каталонской водки и с ее помощью проглотил этот не гастрономический завтрак. Затем, после некоторых приготовлений, мы отправились на охоту. Чтоб не производить никакого шума и не напугать дичь, мы оставили лошадей и собак, за исключением одной, привязанными около хижины. Мы шли к северу через скалистое ущелье, в глубине которого бурлил поток.

Ступая по острым камням, мы все время рисковали соскользнуть на глубокий снег. Мы все поднимались, так как мой проводник надеялся застать стада вигоней на верхних плато.

В одном месте мы встретили группу гуанако, кото-

рых я было принял за вигоней и уже хотел дать по ним выстрел, но индеец вовремя остановил мое движение, боясь, что мой выстрел испугает находившихся вблизи вигоней.

Не желая вредить выгодной для моего спутника охоте, я воздержался от выстрела и, проводив взглядом удалявшихся животных, продолжал путь.

Гуанако очень красивое, благородное животное. Его привычки во многом отличаются от привычек вигоней.

Гуанако бродят небольшими группами, штук в шесть, десять. Вигони же собираются стадами в сорок, пятьдесят штук.

Гуанако любят утесы, пропасти, скалы; вигони же чувствуют себя тверже на ровной местности.

Когда мы, после нескольких еще перевалов достигли плоскогорья, мы увидели, что наши надежды не были напрасны. Шагах в двухстах от нас мирно паслось стадо стройных животных, представляя прелестную картину.

Вигонь очень похожа на оленя и имеет за собой еще одну прелесть: удивительно красивый оранжевый цвет шерсти.

Перед нами их было штук двадцать. Все, за исключением одного, щипали траву, а этот один — вожак стада — выступал впереди в качестве часового.

— Если бы только, — сказал охотник, — мне удалось убить этого старого самца! Тогда я все стадо возьму!

— Как так? — спросил я.

— Видите ли, — продолжал он, и вдруг остановился. — Вот то, что мне надо.

— Что же именно?

— Они идут к тем скалам, — и индеец показал мне жестом группу отвесных камней, подобных долменам друидов, которые возвышались в одном из углов плоскогорий. — Нам нужно прокрасться туда.

Мы стали осторожно пробираться между скалами, окаймлявшими плоскогорье, и добрались до камней. Мы спрятались за одним из них, пробитым посередине, точно для того, чтобы служить нам бойницей. Лучшей позиции нельзя было желать.

Животные приблизились к нам уже на расстояние выстрела. Мы держали ружья наготове.

Индеец шепотом продиктовал мне нашу тактику. Я не должен был стрелять ранее его и должен целить в старого самца, так же, как и мой спутник. В этом сос-

тоял секрет успеха, по его словам, и я обещал поступить по его наставлению.

Вигони, не подозревая опасности, все приближались к нам. Вожак стада был впереди и так близко от нас, что мы ясно различали его горделивую поступь и блестящие глаза. Вдруг он остановился, точно охваченный смутным подозрением и испустил странный крик, удивительно похожий на олений. В то же мгновение мой товарищ спустил курок; старый самец подскочил и упал на землю.

Я ждал, что вигони побегут от нас, и хотел скорее выпустить свои два заряда, но рука моего спутника остановила меня.

— Не стреляйте,— прошептал он,— сейчас будет удобнее... Смотрите, теперь стреляйте!

К моему удивлению, вигони приближались к тому месту, где упал их вожак. Они окружили труп и испускали жалобные стоны, сжимавшие сердце. Это было очень печальное зрелище, но охотник не знает сожаления. Я прицелился, спустил оба курка и увидел, как упало еще два животных, и несмотря на это, вигони все еще не убегали и топтались вокруг своего убитого вожака. Через десять минут мы перестреляли все стадо.

Нам нужно было пойти за лошадьми, чтобы в несколько приемов перевезти всю добычу в хижину индейца. Чтобы в наше отсутствие волки не съели убитых вигоней, мой спутник, вынув кишки из животных, надул их воздухом и привязал их к палкам, воткнутым вокруг нашей добычи. Эти маленькие шары качались, плясали, колеблемые ветром, и таким образом служили пугалами для кондоров и волков, опасаящихся всякого рода западней.

Мы вернулись в хижину к ночи, утомленные, голодные, но довольные охотой.

Индеец был счастлив и обещал на другой день пойти со мной охотиться на гуанако.

XVII. ОБЛАВА НА ВИГОНЕЙ

— На следующий день,— продолжал Томсон,— мы устроили охоту на гуанако, и успех ее превзошел наши ожидания. Охота проводится на гуанако таким же образом, как и на вигоней, но чтобы заманить гуанако на

расстояние выстрела, прибегают к хитрости, так как приблизиться иначе к этим пугливым животным очень трудно.

Они бродят в крутых скалах, с высоты их видят охотника и наблюдают за его движениями.

Охота на гуанако еще тем трудна, что убивать его надо сразу, иначе раненое животное убегает умирать среди недоступных человеку скал.

Во время моего пребывания у индейца, он так заинтересовал меня рассказами об облавах, которые устраивают на несколько стад вигоней сразу, что я непременно захотел увидеть такую облаву. Мой проводник обещал доставить мне это удовольствие, так как на днях предполагалась облава, и он был выбран своим племенем, как один из ее руководителей. Накануне облавы мы спустились в Перуанскую деревню, расположенную в долине Кордильеров. Жители этой деревни принадлежали к оседлому племени и занимались земледелием, но главным образом все-таки охотой. Они были христианами. В церкви этой деревни служил патер-испанец, который должен был сопровождать нас в качестве заинтересованного лица, так как по закону, кожи убитых вигоней поступали в пользу церкви. Я нашел приют у этого патера и разделил с ним его ужин, после которого он угостил меня местной водкой, называемой «чича» и предложил испанскую сигару.

На другое утро вся экспедиция отправилась по крутым тропинкам, которые вели на возвышенности пустыни Пуна. Шли мужчины, женщины, дети, лошади, мулы, ламы, собаки, словом все население деревни. Охота должна была продолжиться несколько недель. Индейцы захватили с собой всю домашнюю утварь, палатки, одеяла. Мужчины были одеты в свои пончо из шерсти ламы, женщины — в полосатые байи.

Животных нагрузили веревками, тюками тряпок, связками кольев и палок.

Пройдя с милю, караван остановился перед «хуаро», как в Перу называют описываемый ниже способ переправы. Я прищепил коня, чтобы скорее увидеть ее. Знаете ли вы, что это за мост? Просто протянутый над пропастью канат, к которому на блоке было подвешено выдолбленное в виде корыта бревно.

Я никогда не забуду, как меня переправляли. Меня уложили на спину в это корыто и крепко к нему при-

вязали. Затем я почувствовал толчок и повис над пропастью, в глубине которой, футов с триста подо мной, бурлил поток. Я в страхе уцепился за канат, боясь, что веревка, которой я был привязан, сейчас лопнет. С одной стороны меня толкали, с другой дергали, притягивая к себе. Наконец, после всех этих мытарств, я благополучно выбрался опять на твердую почву.

Через хуаро переправляются только люди, а все животные переправляются вплавь через поток.

Достигнув высот Кордильеров, мы решили отдохнуть, отложили охоту до следующего дня и весь вечер посвятили устройству лагеря.

На другой день, еще на заре, часть охотников-загонщиков ушла вперед, захватив с собой колья, веревки и тряпки, о которых я говорил. Женщины и дети присоединились к ним. Час спустя ушла вторая партия. Это были уже настоящие охотники и я хотел ехать с этой группой, но священник уговорил меня отправиться с ним. Он обещал повести меня на высокую скалу, откуда будет видна вся охота. Мы поехали в сторону, противоположную дороге, по которой отправились индейцы, и через полчаса достигли лагеря первой партии, которая занималась устройством изгороди.

Изгородь эта, сделанная из кольев и протянутых веревок, на которых болтались разноцветные тряпки, поставлена была по большому кругу, мили на три, прерываясь и образуя широкие ворота в том месте, куда предполагалось пригнать вигоней.

Закончив работы, индейцы расположились на протяжении двух миль по обе стороны этого входа, образуя нечто вроде воронки к нему.

Я мог наблюдать за развитием охоты с вершины скалы, на которую меня повел священник. Все маневры индейцев сводились к тому, чтоб загнать животных в ограду. Мало-помалу мы стали различать на горизонте всадников, а перед ними еле заметные красные точки. Они быстро приближались к нам. Без сомнения, красные точки были вигони. Их было множество, несколько стад. Они кидались из стороны в сторону, в надежде спастись от гнавших их индейцев, которые окружали их, стараясь примкнуть к концам упомянутой выше живой воронки из людей. Несчастные животные метались, не зная, на что решиться, куда бежать. Столпившись вместе, они остановились. Наконец, после долгого раз-

мышления, предводительствуемые самцом, они рванулись в центр ограды.

Пешие охотники устремились к открытой части, с неимоверной быстротой вбили колья и соединили их веревками. Таким образом, загон был теперь огорожен со всех сторон. В это время конные охотники спешили и окружили загон, стоя на близком расстоянии друг от друга. Каждый приготовил уже «болы» (тяжелые шары, привязанные на конце длинной веревки) и войдя в середину круга, размахивая шарами, они принялись испускать дикие крики. Запуганные вигони бросались во все стороны, но всюду натыкались на индейца. Вскоре земля была усеяна убитыми вигонями. Их было около 50, и все до одной погибли. Всех собрали в кучу и разделили между охотниками.

Окончив дележ, сняли изгородь, убрали палатки, нагрузили их на мулов и лошадей, и вереницей двинулись к другому месту, для новой облавы.

Эта экспедиция длилась десять дней, которые я провел в обществе полудиких перуанцев. За это время было убито 500 вигоней, несколько гуанако и с полдюжины черных медведей.

XVIII. ОХОТА НА БЕЛКУ

Горная дорога, по которой мы шли, была тяжелая; нам приходилось карабкаться по крутым склонам и по временам прорубать путь в непроходимых чащах, поэтому мы подвигались вперед весьма медленно.

Во время остановок мы рассыпались в разные стороны в поисках дичи, но единственное четвероногое, встречавшееся в этой местности, была белка, которой мы и постреляли множество.

Убитые нами зверьки принадлежали к одной из лучших пород пепельных белок (*sciurus cinereus*).

Наш ученый рассказал нам некоторые неизвестные нам подробности о белке. Он насчитывал более 40 пород белки, водящихся в Северной Америке.

Белка нелегко сдается неприятелю. В случае опасности она взбирается на самую верхушку дерева и если только ее не преследует собака, бежит до дерева, на котором находится ее гнездо, ловко проскальзывает в

свою нору, и тогда она совершенно спокойна. Чтобы скрыться от врага, она пускает в ход хитрость: вытягивается вдоль ветки так искусно, что делается совершенно незаметной. Охота на белку очень интересна, но нужно ходить на нее не одному, а, по крайней мере вдвоем, иначе белка легко ускользает. Если охотников двое, то один сторожит ее внизу у дерева, а другой ходит кругом, не давая ей перескочить на ветки соседнего дерева. Некоторые стреляют по белке дробью мелкого калибра, но хороший стрелок предпочитает пулю, убивая зверька сразу, дробь же часто только ранит белку, и тогда ей удается скрыться. Она до последнего своего издыхания цепляется когтями за ветку и умирая остается так висеть после смерти.

Высота, с какой этот ловкий зверек спрыгивает вниз, изумительна. Если с дерева, где она сидит, белке почему-либо нужно перескочить и близко нет другого дерева, она делает прыжок по диагонали, и в ту минуту, когда вы думаете, что она бездыханная, разбитая лежит на земле, вы ее уже видите на другом дереве.

Подобная ловкость прыжка объясняется особой способностью белки растягивать, распластывать свое тело до такой степени, что сопротивление воздуха становится достаточным, чтобы смягчить силу падения. Почти все белки обладают этим свойством в большей или меньшей степени, особенно же отличается им летяга.

Охотник на белку берет с собой собаку, которая чутьем отыскивает то дерево, на котором спряталось маленькое животное.

Белка не боится собаки и спасаясь от нее на дерево, не взбирается высоко, а сидит на нижних ветвях и преспокойно помахивает хвостом, как будто посмеиваясь над врагом. Но как только подходит охотник, белка понимает приближение настоящей опасности и скрывается в листве.

Наш товарищ кентукиец рассказал нам об одной охоте на белок, устроенной им и его соседями. Компания разделилась на два равных отряда, и оба пошли в лес по разным направлениям. Была назначена крупная ставка в пользу той группы, которая принесет больше добычи. Одна партия убила пять тысяч, другая четыре тысячи семьсот восемьдесят, причем охота длилась целую неделю. Кроме удовольствия в этой охоте есть и

более серьезная цель: дело в том, что белки опустошают поля пшеницы и маиса.

Во время владычества здесь англичан, они первое время за каждую убитую белку платили по три пенса.

Белка имеет обыкновение кочевать. Особенно развит этот инстинкт у серой белки, откуда и название ее «*sciurus migratorius*» (т. е. странствующая).

Перед путешествием белки собираются в одном месте и оттуда огромным стадом пускаются в путь. Ничто их не останавливает; они переплывают ручейки, широкие реки, причем многие тонут; хотя по натуре белки, подобно кошке, питают к воде отвращение, но в массе смело переплывают опаснейшие места. После этой переправы они так утомляются, что можно их бить прямо палкой, и когда охотнику удастся их заметить в таком состоянии, он убивает их тысячами.

ХІХ. МЕДВЕДЬ НА ДЕРЕВЕ

Один только доктор не принимал участия в разговоре. Он ехал несколько впереди, и кто-то шутя заметил, что нуждаясь, вероятно, в воде, чтоб смешать ее с содержимым его фляжки, он отправился на поиски источника. Каковы ни были его намерения, мы вдруг увидели, как он пришпорил своего тощего коня, описал дугу и галопом прискакал к нам с расстроенным лицом, выражавшим удивление и страх.

— Что случилось, доктор?— спросили его.

— Медведь! Медведь!— закричал он, запыхавшись.— Серый медведь, самого страшного вида! Ужасное животное, уверяю вас.

— Медведь, говорите вы?— воскликнул Ик, подгоняя свою старую кобылу.

— Медведь?— повторили мы все вместе, пуская своих лошадей в галоп.

— Где же, доктор, где он?— засыпали его вопросами.

— Там, у большого дерева!

Наш ученый с сомнением отнесся к этому известию, не считая возможным встретить в этой местности именно серого медведя.

Тем временем мы прискакали к месту, где, по словам доктора, находился медведь.

Редвуд и ученый заметили на траве следы зверя. Оба проводника соскочили с лошадей и, взяв их в повод, пригнувшись к земле, пошли по следам. Ик, совсем припавший к земле, руководился, как казалось, больше носом, чем глазами.

Мы не отставали от них, только Джек и Ланти остались у повозки, которая вскоре загромыкала по дороге.

Дорога поворотила, и медведь также повернул, таким образом, мы с ним двигались в ряд, параллельно. Вдруг мы слышали в стороне повозки крики и узнали в них голоса Джека и Ланти.

— Пресвятая дева! Посмотрите, Джек, какой зверь! О боже, масса Ланти, это медведь!

Галопом поскакали мы по направлению голосов, сокрушая все на пути.

— Где медведь?— закричал Редвуд, прискакав первым.— Где вы его видели?

— Вот он!— ответил Ланти, указывая на отдельно стоявшее гигантское дерево, окруженное кустарником и зарослями.

— Окружить его!— крикнул кентукиец, самый опытный из нас охотник на медведя.— Надо как можно скорее оцепить дерево и помешать медведю уйти!

При этом он прищепил свою лошадь, за ним кинулись другие и все мы быстро окружили дерево.

— Видишь ты его следы, Марк?— крикнул Ик своему товарищу.

— Нет,— ответил тот,— он тут не проходил.

— И здесь тоже!— откликнулся кто-то.

— И здесь!— крикнул кентукиец.

— И тут не видно следов,— прибавил естествоиспытатель.

— В таком случае, он должен быть в зарослях — выразил свое мнение Редвуд.— Теперь, господа, будьте настороже. Я его выгоню!

— Вот опять его следы!— воскликнул Ик.— А, вот он где! Сейчас я его выселю оттуда!

— Хорошо,— сказал Редвуд,— иди, а я посторожу тут, и если он высунется, я ему pošлю гостинец в бок. Выгоняй его!

Мы все были серьезны и молчали.

Ик приближался к дереву. Он вошел в кустарник, но не выдавал себя ни одним звуком. Змее не удалось

бы проползти с большей ловкостью и тишиной, чем старому охотнику. Минут десять прошло в торжественном молчании. Но вот послышался голос нашего охотника.

— Все сюда, медведь сидит на дереве!

Эта весть наполнила наши сердца радостью. Некоторые из нас спешили и привязали своих лошадей, другие устремились верхом к дереву. Каждый желал сделать первый выстрел. Но почему же не было слышно карабина Ика, коли в самом деле медведь сидел на дереве? Этот вопрос был решен, когда мы пришли на место. Оказалось, что мы не поняли Ика. Медведь укрылся не на дереве, а внутри его, в огромном дупле.

Перед нами было великолепное дерево-гигант, ствол которого равнялся десяти футам в диаметре. У корней его виднелись еще свежие следы медведя. Без сомнения, он находился тут.

Теперь вся задача сводилась к тому, чтобы его выгнать из дупла, некоторые охотники поместились у входа в логовище, другие влезли на ствол и ударами прикладов старались спугнуть зверя.

Но все было напрасно. Зверь не изъявлял желания показываться. Его пробовали выкуривать, но это также, по-видимому, мало его беспокоило. Тогда достали из повозки топоры и начали рубить дерево, но это было нелегкой задачей, так как дерево оказалось сикомором, ствол которого тверд, как железо.

Джек и Лантис с жаром принялись за дело; Редвуд и кентукиец, привычные к топору, им помогали, все остальные стояли с ружьями наготове, надеясь, что шум выгонит медведя из его берлоги. Но, увы, никакого впечатления этот шум на зверя, очевидно, не производил.

Провозившись часа два за этой рубкой, мы, наконец, прорубились до дупла, но медведя в нем не оказалось.

Наше разочарование было безгранично. Один А. мог объяснить исчезновение зверя и мы все готовы были задать ему один и тот же вопрос, но, обернувшись, увидели, что его нет с нами. В это самое время послышался выстрел. Мы притаили дыхание... Спустя несколько мгновений послышался звук, похожий на шум падения тяжелого тела, и вслед за тем голос нашего ученого:— Сюда, господа, вот медведь!

Самым спокойным голосом звал он нас к себе. Мы прибежали и увидели громадного зверя, распростертого у его ног. В боку медведя зияла рана, из которой обильно текла кровь. Ловкий охотник указал нам на близкостоящий ветвистый дуб.

— Медведь сидел на этом дубе,— сказал он.— Заметив, что дым не производил на медведя действия, я догадался, что в дупле его нет, что он ушел. Охотник часто попадает на эту медвежью хитрость,— прибавил он с улыбкой.

Редвуд с восхищением смотрел на нашего друга, и даже сам Ик признавал его превосходство.

— Мистер А.,— сказал он ему,— вы можете считаться первым охотником в наших лесах. Нет индейца, способного вас превзойти.

Мы все стали рассматривать убитого зверя, который поражал своей величиной. Вдруг доктор отскочил назад.

— Уверены ли вы, что это не серый медведь?— спросил он.

— Вполне, мой друг Джаппер,— ответил с улыбкой зоолог,— серый медведь не лазит по деревьям.

Мы свалили нашу добычу на повозку и продолжали путь. Приближалась ночь и надо было позаботиться о вечернем привале. Потребовалось немного времени, чтобы разнять медведя на части. Ик и Редвуд работали с ловкостью опытных мясников, и медвежье мясо послужило нам вкусным ужином.

Предметом вечернего разговора был исключительно медведь, и каждый из нас рассказывал что-нибудь об этом страшном животном.

Американский черный медведь — одно из самых распространенных животных в Соединенных Штатах. Довольно раз его увидеть, чтобы всегда отличить от европейского бурого и других не только цветом (т. к. они тоже бывают иногда бурые), сколько правильностью форм и блеском шерсти он резко отличается от своих северо-американских собратьев, которых насчитывается три породы: серый медведь или гризли (*ursus ferox*), бурый (*ursus arctus*) и полярный (*ursus maritimus*). мех черного медведя обыкновенно сплошь черный, за исключением красно-коричневого пятна на морде, где волос короче.

Есть местности, где встречается медведь бурый, цвета корицы с белыми крапинками; впрочем, эта порода очень редкая.

Черный медведь — животное всеядное, даже людоед; он одинаково питается как мясом, так и плодами, орехами и кореньями. Больше всего он любит мед. Везде, где только он увидит улей, он тотчас же старается пробраться к нему, несмотря на то, что иногда улей находится очень высоко на дереве или в слишком узком для него отверстии; в последнем случае он своими острыми когтями увеличивает это отверстие. Ему нечего бояться пчел, его толстая шкура предохраняет его от их жала. Он превосходно лазит по деревьям.

Черному медведю хорошо живется на просторе Америки. Он водится всюду, где только есть лес. В Южной Америке есть особый вид черного медведя огромной величины, известный под названием *ursus ornatus*. В Северной Америке медведь водится во всех лесах от Атлантического океана до Тихого, но в прериях, в открытых местах, он не встречается. Серый медведь живет на западе от Миссисипи и любит пустынные страны; бурый, наоборот, предпочитает саванны, расположенные на севере Америки от лесной полосы до океана. Полоса, обитаемая бурым медведем, граничит с полосой белого, а эта простирается, вероятно, до полюса.

Медведи обыкновенно скрываются в дуплах или в пещерах скал, чувствуя себя там в большей безопасности, чем в лесу.

На черного медведя охотятся так же, как на лисицу. На него выходят со сворой собак, которые должны найти его следы и выгнать из логовища.

Медведь очень редко вступает в борьбу с человеком и притом только когда он к тому вынужден или если его ранят. Но раз это случилось — он ужасен, и человеку почти никогда не удастся выйти живым из его лап. Медведь его задушит и растерзает.

Самое чувствительное его место — нос. Нередко случалось, что раненый в нос медведь выпускал свою жертву и убегал.

Охотники ставят на медведя капканы, устроенные таким образом, что при малейшем движении попавшего в капкан медведя на него падает сверху громадное бревно, которое или сразу его убивает, или придавли-

вает своей тяжестью; даже если только одна лапа упадет под бревно, этого уже достаточно, чтоб он не мог уйти из западни.

Редвуд вызвался рассказать нам о такой охоте на медведя в дни своей юности, и мы, усевшись около пылавшего костра, приготовились его слушать.

XX. ОХОТНИК В ЛОВУШКЕ

— Я вырос,— начал Редвуд,— в горах Тенесси, у реки того же имени. Я был страстным охотником уже тогда, когда меня еще еле было видно от земли. Двенадцати лет я убил черного медведя, а медведи и в те времена уже редко появлялись в наших лесах, и убить этого зверя считалось особенной удачей.

В один прекрасный день, гуляя по берегу реки, я увидел следы медведя. Отпечатки его лап указывали мне дорогу, по которой он шел, и почти с милю я следовал по ним. Там след вел к ложине, заросшей кустарником, и, наконец, терялся. Я уже хотел повернуть назад, как вдруг заметил бревно в кустах, на котором остались следы какого-то зверя, очевидно, часто по нему проходившего. Я влез на дерево и увидел сверху в кустарнике темный ход. Я спрыгнул и пополз туда, полз несмотря на уколы репейника и крапивы. Наконец, чаща стала редеть и я увидел перед собой гладкую, отвесную скалу. У меня мелькнула мысль, что медведь находится в какой-нибудь пещере, и догадка эта оказалась совершенно верной. Я нашел в скале вход в глубокую, темную пещеру, и на сырой земле и на камнях вокруг нее ясно видны были отпечатки медвежьих лап. У меня не было никакого желания спуститься в самое логовище, но, с другой стороны, мне очень не хотелось даром уйти из этого места. Надеюсь, что животное выйдет, я спрятался в кустах, против входа в пещеру; у меня было заряженное ружье, и я был готов пустить пулю, как только животное высунуло бы нос из пещеры. Но ничто не шевелилось, никто не появился, и я вернулся домой с намерением действовать более решительно на следующий день.

На другое утро, захватив с собой все необходимое, я пришел к открытой мною пещере и занялся устройством западни для медведя, как вдруг услышал позади себя ужасный храп. Это был медведь. Я хотел лучше рассмотреть его и в своем поспешном движении споткнулся, упал и со страхом увидел, что попал ногами в расставленный мною капкан. Я не растерялся в первую минуту, утешаясь мыслью, что высвобожусь; сделал усилие освободиться, но это оказалось невозможным. Тут меня обуял ужас. Чем больше я старался вырваться, тем более ухудшал свое положение. Мои придавленные ноги ныли от боли, и я не мог ни повернуться, ни достать рукой веревку, за которую мог бы поднять бревно.

Да, признаюсь, меня обуял ужас! Самое близкое от этого места человеческое жилище — домик моей старой матери — был не ближе двух миль. Моей единственной надеждой было, что какой-нибудь охотник случайно пройдет по этому месту. Иначе мне угрожала голодная смерть или лапы медведя.

Я стал кричать до тех пор, пока силы совсем не оставили меня.

Наступила ночь. Я все так же лежал распростертый, страдая от жестокой боли. Время от времени до меня долетал медвежий рев, и в темноте я различал блуждавшие огромные силуэты, несомненно, медвежьи. Но звери почему-то меня не трогали. Они по временам подходили и глядели на меня, как два кота, подкарауливающие мышь. Один из зверей подошел настолько близко, что я думал — вот-вот он кинется на меня. К счастью, мой карабин оказался подле меня. Я схватил его, прицелился, выстрелил и с радостью увидел, как животное тяжело упало на землю. Медведь не поднимался. Теперь предстояло иметь дело с номером вторым. При виде свалившегося товарища он зарычал и, подойдя к его труп, стал его обнюхивать. Тем временем я снова зарядил ружье и вторично выстрелил. Пуля попала в шею: этого было достаточно, и другой медведь свалился на труп первого.

Таким образом, я избавился от одной опасности, но надвигалась другая — умереть с голоду, который уже мучил меня. Я с наслаждением поел бы сырого медвежьего мяса, но и это казалось невозможным. Нужда изобретательна, и я стал придумывать, как себе по-

мочь. Около меня лежала принесенная мной веревка. На конце ее я завязал петлю, и после невероятных усилий накинул ее на голову одного из медведей и потащил его к себе.

Ножом я вырезал его язык и тотчас же с жадностью съел. Жажда тоже давала себя знать. Удовлетворить ее я не мог и лишь прикосновением языка к лезвию ножа мог слегка освежиться. Я опять начал кричать, и спустя несколько времени мне почудился человеческий голос. Я стал прислушиваться. Сердце мое усиленно билось, но снова все кругом замолчало. Я стал кричать из последних сил, и услышал ответ:

— Кто там так ужасно кричит?

— Помогите!— продолжал я кричать.

— Кто это зовет?

— Это вы, Казей!— воскликнул я, узнав по голосу одного из соседей.— Ради бога, идите сюда!

— Я здесь,— сказал он.— Дело нелегкое пройти к вам. Черт их возьми, эти проклятые колючки! Это вы, Редвуд? Да что с вами?

Я слышал, как он пробирался по чаще, и не верил себе, что буду освобожден, что мое спасенье так близко. Когда сосед высвободил меня, наконец, из капкана, я был так слаб, что не мог сам идти, и мой спаситель на руках отнес меня домой. Я пролежал после этого приключения шесть недель в кровати,— заключил Редвуд свой рассказ.

XXI. АМЕРИКАНСКИЙ ОЛЕНЬ

В течение следующего дня мы убили двух оленей и одну лань. Они принадлежали к распространенной в Соединенных Штатах красной породе (*cervus virginianus*).

В Северной Америке различают шесть пород оленей:— северный олень (*cervus alces*), карибу (*cervus tarandus*), канадский олень (*cervus canadensis*), олень чернохвостый (*cervus masotis*), олень виргинский (*cervus virginianus*) и олень длиннохвостый (*cervus leucurus*). Чаще всех в Америке встречается виргинский олень.

Весной и летом рога оленя покрываются тонкой

бархатистой пленкой, и в это время о нем говорят: «олень ходит в бархате». В октябре этот бархат сходит, рога делаются крепкими и готовыми к бою. Природа разумно распорядилась, дав оленю это оружие, так как именно в это время между самцами происходят такие отчаянные битвы, что они часто запутываются рогами в деревьях, и потом будучи не в силах высвободиться — остаются в этих тисках и погибают от голода или от диких зверей.

Шерсть американского оленя гладкая и густая. Зимой она делается длиннее и принимает сероватый, летом красноватый, а осенью голубоватый оттенок, но шея, живот и бедра постоянно остаются белыми. Олени живут стадами. Обыкновенно все стадо ведет старый самец, который наблюдает за его безопасностью. О приближении врага этот сторож-олень возвещает всему стаду; он сопит, издает звук, похожий на свист, и бьет копытом о землю. Он первый принимает на себя опасность. Пока он спокоен — и стадо спокойно, но при первом его движении все олени срываются с места и устремляются за ним, перегоняя один другого.

Олень преимущественно живет в лесах. Он кормится почками деревьев и молодой листвой, а самый любимый его корм — цветы кувшинки. Олени еще очень любят соль, и целыми стадами посещают солончаки и соляные источники. Вылизывая целые слои соли, они вместе с ней снимают значительное количество земли, отчего образуются ямы, известные под названием salt-licks (соляные лизанки).

Весной олени самки рожают одного-двух детенышей и любовь к ним матери безгранична. Уходя за кормом, она старательно их прячет. Звуком, похожим на лай, детеныши подзывают к себе мать, и охотники, подражая этому звуку, часто заманивают самку.

Один из очень любопытных способов охоты на оленя — охота с огнем. В местах, где водятся олени, охотники ставят наполненную еловыми шишками жаровню, зажигают ее, а сами прячутся. Олень, движимый любопытством, бежит на огонь, причем его глаза, освещенные огнем, имеют вид двух горящих угольков. Охотник целится в промежуток между ними и, если попадет в это место, убивает животное наповал. Такая охота называется охотой с факелами.

Среди нашего разговора об этой охоте, доктор пред-

ложил нам выслушать одну историю, свидетелем которой он был в Тенесси.

— Пятнадцать лет тому назад я жил в Тенесси,— начал он.— Как вы знаете, я неважный охотник, но принял однажды участие в охоте с факелами, которую затеяли мои друзья.

Нас было шестеро; мы решили разделиться на три группы, в каждой по двое, причем один должен был нести жаровню, а другой — ружье. По окончании охоты мы сговорились все собраться в известном месте. Пожелав друг другу удачи, мы разошлись в трех различных направлениях. Мой товарищ и я углубились в густой лес. Ночь была такая темная, что мы шли ощупью. Зажечь огонь не смели, так как еще не достигли того места, где водились олени. Мой спутник был опытный охотник, и по справедливости нести ружье должен был он, но из вежливости уступил мне, как иностранцу, эту честь. Когда подошли к месту, где надеялись найти дичь, мы зажгли жаровню. В несколько минут пламя красным светом озарило обширное пространство.

Тогда мы стали подвигаться вперед, стараясь избежать всякого шума. Мы осматривали все места в чаще леса, подправляя время от времени огонь. Мы прошли таким образом, вероятно, миль десять, но дичи все не было. Эта бесполезная ходьба нас утомила. Раза два-три нам слышались выстрелы товарищей, из чего мы с грустью заключили, что только нам одним суждено было вернуться с пустыми руками.

Уныло возвращались мы на условленное место встречи, как вдруг какой-то предмет привлек мое внимание; я остановился и, присмотревшись, увидел два маленьких горящих кружка: это могли быть только глаза оленя. Не долго думая, я навел ружье и выстрелил.

Я смутно слышал, что мой спутник что-то кричал, но разобрать его слова я смог только после своего выстрела.

— Черт возьми, доктор!— крикнул он мне,— вы убили быка эксвайра Роббинса!

Товарищ мой был добрый малый и обещал мне молчать, но все же надо было признаться в своей вине Роббинсу. Не помню, чем все это кончилось, помню только то, что моя охота долго служила предметом веселых шуток для всего околота.

XXII. ОХОТА НА ОЛЕНЯ В ЛОДКЕ

Приближаясь к той полосе, где водятся чернохвостые и длиннохвостые олени, мы, конечно, заговорили о них. Эти две породы часто смешивают, хотя первая от второй резко отличается. Первый олень выше ростом, имеет черную шерсть и уши, формой похожие на уши мула, почему этот олень и называется олень-мул. Обе породы попадают и в лесах, но чаще их встречаются в полях или лугах, перемежающихся с болотами.

Несколько лет тому назад наш ученый путешествовал в стороне Орегона, где он хорошо изучил жизнь длиннохвостого оленя. Он рассказал нам об одном своем приключении на охоте по реке Колумбии.

— Я ехал с компанией купцов в форт Ванкувер,— рассказывал он.— По дороге обстоятельства задержали меня на несколько дней в одной деревне. Местоположение ее было великолепно. Местность была усеяна холмами, покрытыми лесом. Тут были: орешник, кусты малины и ирга с плодами пурпурного цвета. Прекрасные поля зеленели густой травой и пестрели цветами. Вообще вся местность походила на благоустроенный парк. В такой обстановке и водятся олени, как объяснили мне туземцы.

Пользуясь свободным временем, я вздумал поохотиться. Взяв с собой моего слугу-метиса, отличного охотника, я направился к реке, но, пройдя безуспешно более мили, потерял надежду встретить оленя или другую дичь. Мой слуга предложил мне попробовать счастья в другой местности, и мы начали взбираться и спускаться по холмам. Вскоре мы услышали тревожный свист нескольких оленей.

Они были так дики и трусливы, что несмотря на тишину, которую мы соблюдали, нам в течение семи часов не удалось убить ни одного. Что могло их так пугать? Впоследствии мы узнали, что незадолго перед нами на них охотились индейцы, и животные еще не оправались от испуга. Бродя по лесу, мы увидели на одном дереве повешенную за рога голову убитого оленя. Поместить ее туда таким странным образом было, вероятно, фантазией одного из недавно охотившихся индейцев. Вид этой головы привел Синего Дика (прозвище моего слуги) в какой-то экстаз.

— Теперь, господин,— сказал он мне радостным тоном,— если у меня будет одна вещь, вы сможете убить длиннохвостых, как бы дики они не были!

— Что же тебе нужно?— спросил я его.

— Или я найду то, что мне нужно, или сильно ошибаюсь,— бормотал про себя Дик.— Пойдемте туда.— И он указал мне рукой на находившееся от нас болото. Едва мы подошли к нему, как Дик нашел то, что искал.

— Вот, господин, посмотрите на это растение,— сказал он, показав мне высокую траву. Это была трава, называемая царский корень или потогон (*Impatiaria*).

Дик срезал один стебель длиной дюймов в шесть и так его обделал, что соорудил из него свистульку; потом он приложил ее к губам и засвистел. Замечательное сходство этого звука со свистом оленя поразило меня. Дик засмеялся, довольный произведенным впечатлением.

— Теперь, господин, мы, наверное, подстрелим нескольких самцов,— сказал он.

Захватив с собой найденную оленью голову, мы пошли вперед с прежней осторожностью и пробирались по чаще. Пройдя около ста шагов, услышали свист оленя.

— Этот будет наш,— проговорил Дик тихо.— Спрячьтесь, господин, скорее в кусты.

Я спрятался. Он также скрылся за деревом, выставя вместе с тем из кустов оленью голову так, чтоб она была видна со всех сторон — и засвистел в свою самодельную флейту.

Мы сейчас же услышали приближавшийся шум. В ста шагах от нас появился великолепный олень. Он остановился, закинул назад свою красивую голову и насторожился. Его взгляд блуждал по всему открытому пространству, как будто он кого-то поджидал. Дик опять засвистел и задвигал мертвой головой, подражая движениям испуганного оленя. На этот вызов животное подбежало еще ближе и шагах в двадцати остановилось. Тогда я выстрелил. Случилось то, что Дик предсказывал: олень свалился. Мы поспешили к нему и положили его на высокое дерево так, чтобы волки не могли к нему подобраться, сами же двинулись дальше и убили таким образом еще одного оленя. На этом окон-

чили нашу охоту, так как было уже довольно поздно. Взмахивши на плечи добычу, мы отправились домой.

Часть нашей дороги лежала вдоль реки, и мы видели, как несколько оленей подходили пить воду, но, так как наши руки были заняты ношей, мы не могли стрелять по ним. Между тем Дикую явилась мысль с жаровней поместиться в лодке и плыть по течению, приманивая таким способом оленей, пришедших на водопой.

Мы решили устроить это на следующий вечер. В продолжение следующего дня мы с Диком приготовились к задуманной охоте. Первым делом было добыть лодку; за несколько зарядов пороха я нанял у одного индейца ветхий челнок. Для нашей жаровни мы запаслись порядочным количеством еловых шишек и захватили еще кусок буковой коры, которая имела свое особое назначение.

К ночи все было готово. Мы сели в лодку и отдались течению. Отплыв немного подальше, мы развели в нашей жаровне огонь. Поверхность воды и берега со всеми неясными силуэтами осветилась красным огнем, мы же не были видны; между собой и пылающей жаровней поставили щит из захваченной буковой коры, так что оставались в тени, и нас не было видно. Управлением челнока и присмотром за огнем занялся Дик, я же высматривал дичь. Пейзаж, освещенный багровым светом, представлял удивительное, грандиозное зрелище, и я с восторгом созерцал эту дивную картину.

— Взгляните туда,— шепнул мне Дик, прервав мое созерцание.

Я посмотрел по указанному направлению и увидел среди листвы две фосфорических светлых точки. Я в них тотчас же узнал два глаза оленя, в которых, переливаясь, отражался свет от нашей пылавшей жаровни. Я прицелился и выстрелил.

Почти одновременно мы услышали падение в воду тяжелого тела. Наш огонь освещал реку и при свете его мы вскоре увидели подхваченный течением труп оленя. Дик поймал его за рога и втащил в лодку. Полчаса спустя нам удалось убить еще одну лань. Эта охота так увлекла нас, что мы забыли думать о трудностях, которые предстояло испытать на обратном пути, плывя против течения; возвращаться же надо было немедленно, так как весь наш запас шишек вышел. Вдруг мое внимание привлекли два кружка, которые искри-

лись на левом берегу. Я был почти уверен, что это не глаза оленя, но во всяком случае это была дичь, и я выстрелил. В эту самую секунду я услышал голос Дика, кричавшего мне не стрелять. Но его предупреждение было сделано слишком поздно. Между тем на берегу два блестящих кружечка по-прежнему горели.

«Промажнулся»,— подумал я.

Я только что хотел спросить Дика, почему не должен был стрелять, как услышал ужасный рев, который мне все объяснил. Так реветь мог только серый медведь. Из всех американских животных это самое страшное. Даже самый смелый охотник избегает его. Теперь, господа, вы понимаете, почему Дик кричал мне не стрелять. Между тем мы увидели, как медведь влез в воду. Он был ранен моей пулей, разъярился и бросился со злобой за нами.

— Господи! Он преследует нас!— воскликнул отчаянным голосом Дик и из всех сил налег на весла. Мы понеслись, но медведь не отставал. По его ужасному реву мы знали, что он плыл в нескольких шагах от нас. Дик работал изо всех сил. Большим несчастьем еще было то, что я забыл снова зарядить свой карабин. Течение отнесло нас вниз сажен на пятьдесят, и мы уже надеялись спастись, как вдруг нам представилась новая опасность. Мы услышали шум водопада; судя по силе звука, он должен был быть совсем близко. Действительно, мы находились от него всего в трехстах шагах. Крик ужаса, вырвавшийся у Дика, был откликом моего собственного голоса. Мы тотчас начали грести; я помогал ему, как мог, своим карабином, и с неимоверным трудом мы удержали лодку. Ободренные этим успехом, мы рассчитывали добраться до берега, как вдруг почувствовали сильный толчок, и лодка наша сразу наполнилась водой. Оглянувшись назад, мы увидели, что медведь уцепился за борт лодки, и его безобразная косматая голова с расщипавшей мордой высовывалась из воды. Очевидно, он намеревался влезть в лодку. Мы были в неминуемой опасности, и нужно было что-нибудь предпринять.

Прикладом карабина я несколько раз ударил медведя по морде и этим помешал ему влезть к нам. В то же время Дик отчаянно закричал. Оглянувшись я увидел у него в руках сломанное весло. Все погибло! Мы не могли больше управлять нашей лодкой! Броситься

вплавь было слишком поздно, так как мы уже были почти у самого водопада, и течение несло нас в пучину. Мы куда-то полетели стремглав, слышался страшный треск... Пенясь и шумя, вода бурлила над нами, и мы со страху думали, что уже погибли, но к нашей великой радости и удивлению, с нами произошла странная, непонятная вещь. Мы увидали себя по-прежнему сидящими в лодке, тихо скользившей по гладкой, спокойной воде. Недалеко от нас барахтался в воде медведь. По-видимому, он больше не думал ни о нас, ни о своей мести, а старался спасти собственную жизнь. Мы с Диком в лодке, наполовину наполненной водой, наконец добрались до берега. Вступив на твердую землю, мы с облегчением вздохнули. Привязав челн и спрятав на деревьях убитых оленей, мы радостно пустились в обратный путь.

На следующее утро за нашей лодкой и дичью было послано несколько человек. Они нашли челн в самом жалком виде и, решив, что он более никуда не годится, там же бросили его. Это было для меня не особенно приятным сюрпризом, так как за несчастную лодочку я принужден был заплатить ее владельцу индейцу порядочные деньги.

Приключение, рассказанное ученым, навело на разговор о сером медведе, и вот несколько интересных фактов из жизни этого животного.

XXIII. ВСТРЕЧА ИКА С СЕРЫМ МЕДВЕДЕМ

Серый медведь, без сомнения, самый страшный из всех зверей Америки, не исключая даже ягуара и кугуара. Обладай это животное ловкостью льва или тигра — оно было бы столь же опасно, как и эти хищники, так как имеет силу первого и кровожадность второго. К счастью, лошадь бежит гораздо быстрее серого медведя, иначе человек часто становился бы его жертвой.

Серый медведь отличается громадной величиной. Он обладает длинными острыми зубами и цепкими когтями. Его шерсть обыкновенно бурая, но в смеси с беловатым волосом дает впечатление серого цвета, отсюда и его название. Он не любит леса, живет в горах, вблизи рек.

Ему случается отнимать добычу у пантеры или целой стаи волков. Белые охотники на него не охотятся,

если же и рискнут на это, то только на хороших лошадях. Индейцы так же уважают охотника, убившего серого медведя, как воина, скальпировавшего своего врага.

Мы знали, что Ик не раз был героем приключений с медведем, и поэтому попросили его рассказать что-нибудь об этом.

— Иностранцы,— начал он в виде предисловия — если когда-либо вы встретите серого медведя, последуйте моему совету: дайте ему дорогу. Единственно в том случае, если вы находитесь на открытом месте и сидите на отличной лошади, вы можете рискнуть напасть на него, так как медведь никогда не может догнать лошадь. Но если вы в лесу — пропустите старого ворчуна. Итак, милостивые государи, я расскажу вам приключение, случившееся со мной два года тому назад.

Я взялся быть проводником каравана эмигрантов и поэтому постоянно находился впереди и сам выбирал каждый вечер место стоянки.

Как-то раз я поехал вперед и остановился в окрестностях Чимбли-Рока. Мне удалось очень скоро убить там чернохвостого оленя; привязав свою усталую лошадь, я развел огонь и стал жарить часть убитой дичи. Каравана еще не было видно, и в ожидании его я вздумал поохотиться. Чтобы лучше познакомиться с окрестностью, я поднялся на склон холма. Перед моими глазами расстилалась обширная прерия и на ней стадо антилоп. Около них не было ни одного деревца, так что подойти незамеченным было невозможно. Я прибег к хитрости: вернулся на прежнее место, взяв свое красное одеяло, закутался в него и стал подходить к стаду, смотря в дырочку, сделанную в одеяле. Заметив, что стадо беспокойно задвигалось, я тотчас же нацепил одеяло на воткнутый в землю кол и, спрятавшись за него, стал ждать приближения антилоп. Я ждал не долго. Вам известно, что антилопы очень любопытные животные. Они стали подходить. Дав им подойти шагов на 50, я прицелился в одного самца и, выстрелив, увидел, как он упал.

Я снова зарядил ружье, уверенный, что антилопы не уйдут, пока я ими не замечен. Я только что хотел выстрелить еще раз, как вдруг все стадо сорвалось с места и стремительно побежало.

Я остолбенел, так как твердо был уверен, что ни одним движением не выдал своего присутствия, но услышав за собой хрипкое ворчание, понял причину смещения стада. Обернувшись я увидел серого медведя, да притом самого страшного, какого когда-либо встречал. Он шел прямо на меня и был уже шагах в двадцати от меня.

Моей первой мыслью было бежать, но я тотчас же понял, что это невозможно. Однако, мешкать было некогда. Я заметил, как медведь замедлил шаги, как он стал на задние лапы и повел носом. Его беспокоило мое одеяло. Как только я это увидел, то выставил одеяло перед собой в виде щита. Шагах в десяти от меня он внезапно остановился на задних лапах и выставил свой живот. Я не мог удержаться от искушения и выстрелил. Я сделал громадную ошибку, так как ранив зверя, привел его в ярость. Он дико зарычал и полез на меня. Я бросил ружье и вытащил нож. Медведь был уже от меня в пяти шагах, когда у меня блеснула мысль опять пустить в ход одеяло. Оно было моим верным другом, с которым я никогда не расставался; я сделал в нем дыру, через которую просовывал голову, и получился наряд вроде мексиканского пончо, который служил мне плащом. В тот момент, когда медведь на меня кинулся, я так набросил на него одеяло, что морда его прошла через дыру. Освободившись таким образом от когтей зверя, я пустился бежать, выиграв время, которое медведь должен был провозиться с одеялом. Отбежав шагов на сто, я оглянулся и увидел своего врага на том же месте, путавшегося в одеяле. Отбежав от него еще на сто шагов и уверенный в своем спасенье, я остановился и увидел пресмешную сцену. Медведь всеми силами старался содрать с себя одеяло. Он встал на задние лапы, делал неуклюжие прыжки, и, путаясь в моем плаще, падал. Он, очевидно, имел намерение бежать за мной, но красная мантия мешала ему двигаться.

Нахохотавшись над этой сценой, я продолжал бегом свой путь к тому месту, где оставил свою лошадь. Захватив все свое оружие и вспрыгнув на лошадь, я уже смелее отправился обратно к моему неприятелю. Удачным выстрелом я всадил ему пулю в череп, убив его наповал.

Но что случилось с моим красным одеялом! На нем не

осталось ни одного живого местечка, а вы, господа, не можете понять, что значит лишиться такого одеяла.

XXIV. БОЙ С СЕРЫМИ МЕДВЕДЯМИ

Капитан, автор этой книги, рассказал также приключение с серыми медведями. Он путешествовал в оригинальном обществе «охотников за волосами», в горах Санта-фе, где неожиданно снег так засыпал все кругом, что все пути были отрезаны. Опасно было ступить два шага, так как можно легко было провалиться куда-нибудь в бездну. Двое людей уже погибло таким образом. С двух сторон нашего бивуака возвышались два крупных склона гор, около ста футов вышиной. Мы хотели взобраться на них, но скользкий лед, которым они были покрыты, делал все наши попытки безуспешными.

Мы провели три дня, сидя вокруг огня, и время от времени посматривали на небо вопросительным взглядом. Оно было все также однообразно серо, усеяно облаками, которые ветер гнал к западу. Снег продолжал падать.

Плоскогорье, на котором мы расположились, не было засыпано, так как ветер беспрестанно сметал падавший на него снег. На этом небольшом пространстве росло с полсотни елей и этими деревьями мы поддерживали наш костер. Но что нам в огне, когда нам нечего было есть! Все наши припасы истощились.

Индейцы томагавками срубали деревья и срезали с них сучья ножами. Голодные, холодные сидели мы вокруг костра, стараясь согреть свои замерзшие члены.

Вдруг над нашими головами раздался треск. Что-то огромное катилось на нас с горы. Упав на землю, этот ком встал на четыре ноги, и мы увидели длиннорогого козла, при виде которого охотники радостно закричали.

Они тотчас же побежали за ружьями и бросились преследовать убежавшее животное.

В несколько прыжков козел доскакал до места, покрытого мягким рыхлым снегом, в котором он так глубоко провалился, что по временам его совсем не было видно. Одновременно охотники дали несколько выстрелов. Мы бежали по его следам, как голодные волки.

Кровь, обильно пролитая по снегу, ясно указывала нам, что животное исходит кровью. И точно, пройдя шагов пятьдесят, мы нашли его издыхающим. Криком радости мы возвестили о добыче, которую уже начали тащить к бивуаку, как вдруг услышали оттуда взволнованные возгласы мужчин и женщин: испуг и ужас слышались в них. Мы поспешили назад к нашему месту и увидели охотников-индейцев, женщин, метавшихся, как сумасшедшие, показывая жестами на вершину скалы. Мы посмотрели наверх и увидали ряд ужасных существ, стоявших на краю пропасти. Мы тотчас в них узнали страшных чудовищ гор — серых медведей. Их было пять, и, возможно, что еще другие были скрыты от наших глаз. Очевидно, они преследовали козла и, лишенные добычи, пришли в ярость. Все мы бросились заряжать ружья.

— Остановитесь, заклиная вас жизнью! — крикнул кто-то. Но было уже поздно: дюжина пуль полетела на медведей. Причинив животным легкие царапины, пули озлобили их еще больше, и они угрожающе стали спускаться со скалы.

— Спрячьте женщин в снег! — вскричал один охотник.

Нас охотников было 12 человек. Мы стали стрелять, но обессиленные голодом, с замерзшими руками, мы не могли стрелять метко, и истратив все заряды, не ранили смертельно ни одного из врагов.

Бросив ружья и схватившись за ножи и топоры, мы стали ждать медведей у подножья скалы. Они не заставили себя долго ждать, и все пять бросились на нас с диким ревом. Тут началась такая отчаянная схватка, что я не сумею вам описать. Раздавались крики индейцев-охотников и яростный рев зверей, стук томагавков и ножей, человеческие стоны, все это смешалось в хаотический шум.

С самого начала битвы я был опрокинут на землю. Когда мне удалось встать на ноги, я увидел, что поваливший меня медведь подмял под себя моего друга, охотника Гарея; бросившись к нему на помощь, я всадил свой нож в бок медведя. Тотчас же зверь бросил свою жертву и обратился на меня. Я попятился и вдруг, очутившись на краю наполненной снегом ямы, почувствовал, что лечу вниз, и вслед за этим темная, тяжелая масса навалилась на меня. Острые когти вонзились в

мое плечо, горячее дыхание чудовища обдавало меня, снег ослеплял мои глаза. Я наудачу ткнул ножом и, издав последний отчаянный крик, начал терять сознание.

В ушах моих раздалось какое-то шипенье, какой-то свет мелькнул в глазах, я услышал запах паленой шерсти. Человеческие крики смешивались с ревом медведя, и вдруг я почувствовал, что когти выпустили мое плечо. И когда я встал на ноги и выкарабкался из ямы, я увидел такую картину. Человек странного вида бежал с горящим стволом дерева, преследуя одного из медведей, который рыча от бешенства и боли, спасался от него на скалу. Своим огромным факелом человек этот прогнал четырех зверей. Он искал пятого, но его нигде не было видно. Я все спрашивал себя, кто был этот человек с лысой головой, и к своему удивлению узнал в нем доктора, который в пылу битвы оброшил свой парик. Но куда делся пятый медведь?

— Вот он,— сказал кто-то, указывая на шевельющуюся кучу снега.

В эту минуту послышался отчаянный человеческий крик. Узнав в этом крике предсмертный призыв воина своего племени, индейцы схватили томагавки и моментально бросились по тропинке к двигавшейся массе, но прежде, чем они подоспели, голос смолк. По-видимому, борьба кончилась. О печальной судьбе индейца мы догадались по тоскливому воплю бросившихся на помощь к нему товарищей. Они нашли его умиравшим в то время, как он всадил в сердце зверя нож. Смерть его спасла других. Медведь был убит, разделен на части, и из его мяса сделан запас, так как нельзя было знать, сколько времени мы должны были еще просидеть на месте. К счастью, снег осел, окреп и мог выдержать нашу тяжесть. Тогда мы выбрались из этого опасного места и продолжали спокойно путь.

XXV. АМЕРИКАНСКИЙ ЛЕБЕДЬ

Мы подходили к лебединому болоту. Там и сям виднелись громадные лужи стоячей воды, в которых плескались дикие гуси и другие водяные птицы. Нам удалось застрелить двух лебедей, пару гусей и утку.

Лебеди принадлежат к роду «трубачей»; они были

так огромны, что один вполне насытил нас всех. Отличительная черта этого лебедя,— его горло, входящее во впадину, которая тянется вдоль грудной кости. Очень может быть, что именно эта особенность и является причиной пения, присущего этой породе. Голос его напоминает звук трубы, откуда и происходит название породы. Много белых и индейцев охотится за этим лебедем. Он ценится за вкусное мясо, кожу, пух и перья.

Чтобы завладеть лебедем, индейцы пускают в ход самые замысловатые хитрости.

Для ловли этой птицы существуют особые, хитроумно устроенные капканы, которые расставляют около воды на расстоянии полусажени один от другого.

Особенно успешно идет охота во время перелета лебедей на юг; тогда они целыми стаями слетаются к озерам.

Наш ученый рассказал нам об одной охоте с огнем на лебедей.

— Я остановился на несколько дней,— начал он,— на ферме, расположенной на одном из притоков Красной реки.

Это было осенью, и лебеди, направляясь на юг, пролетали над той местностью.

Я несколько раз с ружьем выходил на них, но они были так дики, что я никогда не мог приблизиться к ним на расстояние выстрела.

Я ставил приманки, устраивал силки, придумывал всевозможные хитрости, ничто не помогало. Наконец я решился охотиться с огнем.

Я держал все в секрете, посвятив в свои планы только своего слугу; наши приготовления были такие же, как те, о которых я говорил, рассказывая об охоте на длиннохвостых оленей. Запаслись топливом и другими необходимыми вещами. Все было готово, и мы, воспользовавшись первой темной ночью, отправились на охоту. Отдалившись от жилья, мы зажгли огонь в жаровне, и еловые шишки запылали. Пламя осветило все кругом, а сами мы оставались в тени за щитом. Я часто слышал, что лебедь, движимый любопытством, легко идет на огонь, и поэтому я надеялся на успех. Вскоре это предположение оправдалось на деле. Проплыв с милю, мы увидели какие-то белые предметы, в которых, подъехав ближе, узнали лебедей. Заметив лодку, они перестали

подвигаться и, вытянув свои длинные шеи, с удивлением смотрели на огонь.

Их было пять штук: я велел слуге грести к ближайшему из них, как можно тише, без шума работая веслами. Подплыв к лебедям на сто шагов, мы заметили, что они сбились в одну тесную кучу и свистели, производя звук, похожий на олений свист. Несколько ударов весел подвинуло нас еще ближе, и мы остановились. Я прицелился, выстрелил, и когда дым рассеялся, то увидел уносимого течением реки убитого лебедя. Оставшиеся в живых лебеди улетели, и мы только издали слышали их громкие голоса, подобные трубным звукам.

Мы продолжали плыть по течению и по пути стреляли лебедей и гусей. Новизна этой охоты, дикая своеобразная красота природы, фантастически освещенной красным пламенем, то воодушевление, которое овладело нами,— все это вместе как-то очаровывало нас, и мы наверно остались бы до утра на реке, если бы у нас хватило топлива.

Вернувшись домой, мы устроили выставку наших трофеев. Местные охотники сильно завидовали нам и удивлялись, каким образом мы могли настрелять столько лебедей, известных своей дикостью. Я некоторое время скрывал секрет своей удачи, но жаровня и закоптевшая кора выдали нас.

На следующую же ночь по реке спустилась дюжина лодок с пылающими жаровнями, и со всех сторон раздавались ружейные выстрелы, которые подхватывало окрестное эхо. Можно было подумать, что вся страна охвачена войной, и на реке идет стычка неприятелей.

XXVI. ОХОТА НА СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ

Проходя болотами, через которые лежал наш путь, мы заметили в грязи отпечатки ног странной формы. Многие из нас принимали их за след северного оленя, но наш ученый уверял нас, что это животное не может здесь встретиться, так как местный климат слишком жарок для него.

По его мнению, следы принадлежали лосю, но так как северным оленем все мы очень интересовались, то каждый спешил рассказать что-нибудь об этом животном.

Северный олень — самое большое и самое неуклюжее животное из всего рода оленей: его голова и ноги несоразмерной длины, тогда как шея слишком коротка. Рога его очень большие, и расстояние между верхними их концами достигает иногда четырех футов, причем эти рога имеют до двенадцати дюймов в основании. От других пород северный олень отличается главным образом своими привычками: он бродит по лесам, отыскивая воду, так как очень любит купаться; почти все лето проводит в воде. Здесь он находит себе пищу, так как он большой охотник до водных растений, и вместе с тем спасается от moskitov, которые тучами вылетают из болот.

Есть один способ охоты на оленя, применяемый индейцами. Он состоит в том, что охотники до тех пор преследуют оленя, пока он, обессиленный, падает.

Я как-то раз принимал участие в такой охоте и рассказал о ней своим спутникам.

Зимой 18... года я посетил моего друга, жившего в штате Мен.

Мой друг поселился в отдаленных лесах и, построив удобный дом, обзаведясь всем необходимым, стал заниматься хозяйством. Свой досуг он посвящал охоте.

Он сообщил мне, что в соседних лесах водятся олени, и предложил мне поохотиться на них.

На следующее утро, вооружившись охотничьими ножами и ружьями, мы выступили в поход. Земля на аршин была покрыта снегом, но мы, имея на ногах лыжи, легко скользили по его поверхности.

Мы углубились в ту часть леса, где, по словам моего друга, в изобилии рос клен, а так как олени очень любят его листья, то и надеялись тут где-нибудь поблизости встретить этих животных. Действительно, мы вскоре открыли признаки их присутствия. Большинство кленов было без листвы, с ободранной корой.

В одном месте мы заметили в снегу углубления от копыт, — как нам показалось, — оленей.

Пошли по этим следам, и они привели нас в глухую часть леса, где лежал глубокий снег. Следы были совсем свежие и, как уверял меня мой приятель, принадлежали старому самцу. На полмили дальше они соединялись с другими и продолжались дальше узкой тропой. Четыре оленя прошли здесь, как утверждал мой друг, один из лучших охотников округа.

— Они прошли здесь не более часа назад,— говорил он.— Идите тише, молчите, они должны быть близко... Вот они! Тс!..

Охотник указал мне на чашу, но я в первый момент ничего не увидел. Вглядевшись, я различил среди деревьев продолговатую темную линию. Это была спина животного, но какого,— я не мог распознать, пока, наконец, ясно не увидал рога.

Перед нами был великолепный олень — самец. Около него стояли самка и двое детенышей. Мой спутник угадал — их было четверо.

Мы тотчас же остановились, сдерживая наших собак. Между тем надо было подойти к оленям ближе, потому что мы находились от них в 300 шагах. Не было ни кустика, за которым нам можно было бы скрыться, оставалось лишь одно средство: спустить собак и преследовать дичь. Мы так и поступили; собаки с лаем бросились вперед, а мы кинулись за ними со всей скоростью, на какую только были способны.

Заслышав погоню, олени со всех ног пустились бежать в густой лес.

Через несколько минут они скрылись из виду, и мы преследовали их только по следам и лаю собак, которые не оставляли от них.

Пробежав около мили, мы услышали, что лай усилился и стал злее.

Прибежав к месту, откуда он слышился, увидели одного самца, который, повернувшись, рогами угрожал собакам и держал их на почтительном от себя расстоянии. Самки и детенышей не было видно, они продолжали свое бегство. При нашем приближении олень, преследуемый собаками, вскоре скрылся. Он помчался в сторону, противоположную той, куда побежало его семейство. Быть может, этим он хотел отвлечь наше внимание от более слабых беглецов.

Мой друг бросился по следам самки и детенышей, а я погнался за самцом.

Следуя за ним, я по шуму догадался, что недалеко от меня происходил бой.

Замечая, что лай стал ослабевать и что один голос совсем смолк, я понял, что победа была на стороне собак.

Подойдя к месту сражения, я увидел следующее: одна из собак с жалобным воем тащила ко мне на трех

лапах. Олень держался в яме, которая образовалась в снегу во время схватки. У его ног лежала другая собака, жестоко искалеченная и без признаков жизни. Разъяренный олень с такой силой топтал передними ногами ее труп, что слышно было, как хрустели ее кости.

Увидя меня, олень снова обратился в бегство.

Между тем я заметил, что его ноги были в крови, и что он бежал медленнее. Он постепенно терял силы, и расстояние между нами все уменьшалось.

Я был от него шагах в ста, как вдруг он повернулся и стал передо мной.

Его рога угрожающе были закинута назад и, казалось, он весь дышал яростью. Такой страшный враг мне никогда еще не попадался.

Моим первым движением было выстрелить, но околеченные руки плохо повиновались мне, и я его ранил не смертельно. Боль от раны привела животное еще в большую ярость, и в несколько прыжков оно было около меня. Я избежал удара, скрывшись за дерево. Мне нужно было выиграть время, чтобы снова зарядить ружье. Но ужас обуял меня, когда я увидел, что у меня не было больше патронов. Что делать? Тогда я стал кричать, надеясь, что мой друг меня услышит. Оглянувшись в сторону, я заметил толстое дерево, к которому, рискуя быть настигнутым рассвирепевшим животным, перебежал и снова спрятался за ствол. Но мое положение от этого не стало лучше, и я только приблизился шагов на 20 к жилищу моего друга.

Олень, все такой же угрожающий, был передо мной. Постояв несколько минут и переведя дыхание, я перебежал к третьему дереву, от него к четвертому и так дальше, я пробежал так около мили, но мой враг упрямо гнался за мной. Я был на верном пути, руководствуясь нашими следами, оставшимися с утренней охоты, и надеялся добраться домой, но к моему великому несчастью, лес кончился, и за ним простирался открытый луг.

Мне больше ничего не оставалось, как сидеть за последним деревом и выжидать помощи товарища. Олень также стоял и злобно бил копытами о землю.

Тут мне в голову пришла одна мысль, и я удивился, что раньше не напал на нее.

Я вздумал прикрепить мой нож к дулу ружья и этим оружием убить врага, не выходя из своей засады.

От одной этой мысли я тотчас ободрился.

Чтобы заманить оленя поближе, я высунулся из-за дерева: олень тотчас же бросился ко мне, но тут я, не теряя времени, всадил ему в бок нож; лезвие проникло в сердце, и животное замертво упало, окрасив кровью снег. Только что одержал я эту победу, как услышал близ себя крик спешившего ко мне друга. Он кончил свою охоту, убив самку и молодых оленей. Разрезав их на части, он развесил их на дерево и оставил, чтобы потом послать за ними. Мы поспешили проделать ту же операцию над убитым мною оленем и, окончив работу, пошли домой.

Хоть нас и огорчала потеря хорошей собаки, мы все же остались довольны охотой.

XXVII. СТЕПНОЙ ВОЛК И ЕГО «ИСТРЕБИТЕЛЬ»

Выйдя из болот Лебединой реки, мы попали в открытую местность; шли то степью, то небольшими рощицами.

Чем дальше подвигались мы на восток, тем реже попадался лес, так что, наконец, мы очутились на огромном зеленевшем лугу, окруженном рощами, которые издали казались изгородями. Кое-где виднелись также отдельные группы деревьев, похожие на «островки» среди зеленевшего моря; под этим именем они и известны охотникам и другим обитателям прерий. Леса, только что пройденные нами, состояли из бука, каштана, клена, вяза, сумаха и кизиля, а в низких и сырых местах — из сикомора и широколиственной ивы.

По мере того, как мы подвигались вперед, Безансон обратил наше внимание на то, что все эти породы исчезали одна за другой и заменялись исключительно одним деревом, из которого и составлялись громадные леса. Это было хлопковое дерево, разновидность тополя (*populus angulata*). Это почти единственное значительное дерево, которое встречается в стране, где мы находились. Оно отлично знакомо охотникам и всем путешественникам по прериям и очень ими любимо. Рощица этих деревьев всегда бывает местом отдыха, издали радостно приветствуемым путниками в этих беспредельных равнинах. Здесь путник находит защиту от ветра и солнца, возможность развести огонь и, что важнее всего, воду для утоления жажды.

Пройдя сотню таких маленьких полей, отделенных друг от друга кущами хлопчатобумажных деревьев, мы достигли высокого места, недалеко от речки. До сих пор мы еще не видели никаких следов бизонов и начинали уже думать, что были введены в заблуждение в Сан-Луи, встреча с индейцами племени Канзас, которые приняли нас весьма радушно, заставила нас переменить свое мнение. Они сказали нам, что бизоны того же года показались около речки, но, преследуемые охотниками их племени, бежали дальше на запад. По всей вероятности, животные эти должны были находиться по ту сторону Неошо или Великой реки, впадающей на севере в Арканзас.

Это известие было не из утешительных. Чтобы достичь цели, нам предстояло путешествие, по меньшей мере миль в сто.

Но отступать было поздно, и мы снова пустились в путь по направлению к Неошо. По мере того, как подвигались вперед, рощи попадались все реже и, наконец, лишь одиночные редкие деревья виднелись по берегу реки. Мы были среди настоящей прерии.

Перебрались через Неошо, но все еще не видели ни одного бизона.

Мы пошли дальше и переправились еще через несколько больших рек, которые текли на юго-запад, по направлению к Арканзасу. Картина вдруг изменилась. Лес стал попадаться еще реже, почва сделалась суше и песчанее. Показалось несколько видов кактуса, но наибольшее удовольствие доставило нам появление новой травы, подобной которой нам до сих пор не случалось встречать; особенно же обрадовались ей наши проводники. Это была трава, известная под названием «бизоновой», и присутствие ее, по их словам, давало надежду на скорую встречу с самими животными, предпочитающими ее всем другим травам.

Еще задолго до этого времени мы встретили степного волка (*lupus latrans*), животное очень известное на Американских равнинах. Он водится преимущественно на огромной и еще пустынной территории, заключенной между Миссисипи и Тихим океаном, иногда можно его встретить в лесистых долинах Калифорнии и в некоторых местностях, прилегающих к Скалистым горам. В Мексике, где его зовут койотом, он тоже очень распространен. Степной волк в Новом Свете за-

нимает место шакала, столь известного в Старом. Ростом он меньше обыкновенного волка и больше лисицы; мастью — подходит к первому, и обладает вполне хитростью второй. Для путешественника и охотника волк этот является настоящим бичом. Он похищает запасы путников, доставая их даже в палатке; пожирает не только приманки, заготовленные охотниками для дичи, но и поймавшихся на них зверей. Иногда стаи этих волков в продолжение сотен миль провожают путников лишь затем, чтобы пожирать остатки, брошенные на месте их лагеря. Они блуждают также вокруг стад бизонов и преследуют их на далекие расстояния. Местности, посещаемые бизонами, становятся некоторым образом их временным местопребыванием. Они терпеливо ждут, лежа на земле, недалеко от стада, надеясь, что какой-нибудь бизон случайно очутится искалеченным и отделенным от стада, или же самка отстанет, чтобы защищать детеныша. В таком случае вся стая окружает несчастное животное и до смерти затравливает его.

Ночью вся прерия наполняется ужасным воем степных волков, он напоминает лай таксы, трижды повторенный и сопровождаемый протяжным воем. Степной волк обладает в полной мере кровожадностью своей расы, но немногие животные могут сравниться с ним в трусости, поэтому ни охотники, ни путешественники не боятся его, и все они жалеют порох на столь малоценного зверя. Ик, наш проводник, был исключением. Он был единственным охотником, стрелявшим по степным волкам при первом их появлении. Мне кажется даже, что оставаясь у него лишь одна последняя пуля, он ее не пожалел бы. Мы спросили его однажды, сколько волков удалось ему убить на своем веку. Он вынул из кармана планку, на которой были сделаны зарубки, и попросил нас сосчитать их. Мы насчитали сто сорок пять.

— Итого, значит, вы убили сто сорок пять волков! — воскликнули мы вместе, выражая наше удивление перед громадной цифрой.

— Да, — ответил он, тихо посмеиваясь, — это значит, сто сорок пять дюжин; каждая зарубка обозначает дюжину волков. Я никогда не делаю знака раньше, чем закончу всю дюжину.

— Сто сорок пять дюжин! — повторили мы, совершенно ошеломленные. И я искренне думаю, что он говорил правду, так как лгать не представляло ему никакой

выгоды. Все, что я знал о нем, заставляло меня вполне верить его словам. Итак, Ик убил тысячу семьсот сорок волков!

Он и был известен под именем «Истребителя волков», и мы очень интересовались узнать причину особой ненависти нашего проводника к этим животным. Ловко направляя разговор на занимавший нас предмет, мы добились того, что он рассказал нам свою историю приблизительно в следующих выражениях:

— Видите ли, господа, надо вам сказать, что зим десять тому назад я очутился один-одинешенек вблизи форта Бента на Арканзасе; я путешествовал тогда в Ларами на реке Платте. Я перешел границу и был уже в виду Черных гор, когда, однажды ночью, был вынужден остановиться среди голой степи, потому что не нашел ни одного кустика, который мог бы укрыть меня. Ночь была чуть ли не самой холодной из всех, когда-либо изведанных мной. Я укутался в одеяло, но ветер пронизывал меня насквозь; лечь не стоило, все равно уснуть не было бы возможности, поэтому я решил сидеть.

Вы, может быть, спросите меня, почему я не зажигал огня? Сейчас вы это узнаете. Во-первых, на десять миль кругом не было ни одной щепки; во-вторых, местность эта была самая опасная в отношении индейцев, которых я постоянно встречал в продолжение всего дня. Имей я даже под рукой дерево, я не посмел бы разложить костер в таком соседстве. Однако, холод становился нестерпимым, и я с помощью ножа вырыл в земле яму, наполнив ее сухой травой, какую удалось насобирать вокруг, и зажег, плотно прикрыв все это собранным пометом бизонов. Горело это топливо сносно и давало тепло, но дым от помета был бы в состоянии задушить хоряка или куницу! Как только огонь мой хорошо разгорелся — я сел над ним так, чтобы все тепло собралось в мое одеяло, и вскоре почувствовал себя хорошо. Индейцы же не могли заметить в темноте дыма.

Полудикая молодая лошадь моя была крайне послушна. Я ее купил лишь за неделю перед тем у какого-то мексиканца, и путешествие это, по крайней мере со мной, она совершала впервые. Я снял с нее уздечку, но все же из предосторожности держал в руке недоузок. Днем я потерял кол, служивший мне для привязи лошади, а так как я не собирался спать, то мне каза-

лось нетрудным продержаться всю ночь конец веревки. Но мало-помалу я задремал.

Огонь, над которым я сидел, предохранял меня от холода и я решил, что могу безнаказанно заснуть. Итак, обвязав недоуздок вокруг колен, я опустил голову и в ту же минуту забылся глубоким сном. Засыпая, видел, что лошадка моя спокойно жевала сухую траву прерий в нескольких шагах от меня.

Час, а может быть и менее, длился мой сон. Проснулся я не по своей воле. Открыв глаза, долго не мог отдать себе ясного отчета в происходившем; я вообразил было, что схвачен индейцами, которые тащут меня по прерии, и; действительно, кто-то тащил меня, но это были не индейцы. Раз или два бешеная скачка на секунду останавливалась, но затем снова начиналась с прежней силой, и я чувствовал такие ужасные толчки и тряску, точно был привязан к хвосту бешено несущейся лошади. Одновременно я был совершенно оглушен страшным воем и ревом. Тряска, испытываемая моими ногами, дала мне понять мое положение. Ведь недоуздок был привязан к ним; очевидно, лошадь, чего-то испугавшись, понеслась, и тащила меня за собой по прерии. Крики и вой, слышавшиеся мне, исходили от стаи волков, которые напали на мою лошадь. Все это я понял в одно мгновение. Вы скажете, что легко было схватить недоуздок и остановить коня. Легко говорить это, но не так-то легко было исполнить.

Несмотря на все старания, мне это не удавалось. Ноги мои очутились в мертвой петле, не позволявшей им ни одного движения. Да притом, пока лошадь неслась, я не был в состоянии подняться; останавливалась же она лишь на одно мгновение, и как только я готовился схватить веревку, она снова бросалась вперед, и я снова бессильно падал.

Другое обстоятельство еще более мешало мне: раньше чем заснуть, я завернулся в свое одеяло по мексиканскому способу, т. е. просунул голову в отверстие, сделанное по его середине. Теперь же, в нашей бешеной скачке, одеяло это обвертывалось вокруг моей головы и душило меня почти до потери сознания.

Быть может, оно спасло меня от многих царапин и ушибов, но в то время я лишь видел его неудобства.

Наконец, после того как лошадь проволокла меня с милую, мне удалось от него освободиться. Луна сияла

высоко на небе и вся земля была покрыта глубоким слоем снега, выпавшем во время моего сна. Но это еще ничего; самое ужасное было то, что около меня и всюду, куда только ни падал взор, прерия сплошь была покрыта волками, проклятыми степными волками!

Как только освободился от одеяла, я употребил все усилия, чтобы остановить лошадь. Дважды схватывал недоуздок, и оба раза, раньше, чем мог приподняться и задержать коня, новый толчок вырывал его из моих рук. В конце концов мне удалось-таки выхватить нож, и при первой возможности я попробовал разрезать веревку. Послышался сухой звук стали, и я остался лежать без движения; кажется, я наполовину лишился сознания. Но слабость продолжалась недолго, так как, придя снова в себя, я увидел, что лошадь летела со всей скоростью, на которую она была способна, в расстоянии полмили от меня, по пятам преследуемая многочисленной стаей волков.

Несколько штук из этой стаи остались около меня, но я быстро вскочил на ноги и с ножом бросился на них. Могу вас уверить, господа, они недолго любовались мною.

Тогда я пошел разыскивать свое одеяло и без труда нашел его. Затем по следам пошел назад, чтобы отыскать ружье и другие мои вещи, оставшиеся на месте моего отдыха. Это тоже не представляло затруднений, так как дорожка, проделанная мною, когда меня тащила лошадь, была ясно видна на снегу. Собрав все свои вещи, я решил постараться настигнуть моего коня, но пройдя по его следам миль десять, увидел всю бесплодность моих стараний. Может быть, волки загрызли его, я его никогда больше не видел. Мне пришлось пешком добираться до форта Ларами, где удалось приобрести совершенно новую экипировку из оленьей кожи и купить отличного коня.

С этого дня я не в состоянии видеть степного волка, без того, чтобы не убить его. Я, как вам известно, истребил их в достаточном количестве.

XXVIII. ОХОТА НА ТАПИРА

Однажды перед вечерним отдыхом наш товарищ Томсон стал рассказывать нам о тапире.

— Взрослый тапир имеет шесть футов длины при

четыре высоты и достигает веса среднего быка. Его вытянутая наподобие хобота морда, торчащая грива, неуклюжее тело придают ему характерный облик. Толстая, почти как у гиппопотама, кожа тапира покрыта короткой редкой шерстью. Верхняя челюсть его выдвигается дальше нижней и очень развита.

Тапир мало известен даже людям науки, так как это животное очень робкое, выходит только ночью из своего уединенного логовища и представляет мало слу-чаев для наблюдений.

Тапир водится в тропических местностях Южной Америки. Он любит речные болота и болотистые озера.

Днем он спит в каком-нибудь сухом местечке среди лесной чащи, а ночью по протоптанной им дорожке выходит на берег реки и ныряет в воду, где и питается корнями и стеблями водяных растений.

Мясо тапира невкусно и почти никогда в пищу не употребляется, но из кожи его индейцы делают щиты, обувь, некоторую утварь и с этой целью охотятся на него.

Охотятся на тапира с отравленными стрелами или с огнестрельным оружием. Раз найден след этого животного — им уже легко овладеть, так как, будучи очень пугливо, оно не воспользуется своей громадной силой для самозащиты, а побежит от врага.

Чтобы не упустить драгоценное для них животное, индейцы охотятся на него целыми селениями. Я имел однажды случай принять участие в такой охоте.

Ранним утром на открытом месте собралось человек пятьдесят-шестьдесят охотников. На реке было приготовлено около тридцати индейских лодок, выдолбленных из древесных стволов. Сопровождаемые женщинами и детьми селения, пестро выкрашенными по обычаю некоторых индейских племен и целой стаей собак, все уселись в челноки и стали подниматься вверх по реке.

Туксава — вождь селения — и я поместились в одной лодке. Он впервые взял с собой подаренное ему мною легкое ружье, а я — свой карабин.

Проплыв две-три мили, мы достигли широкого разлива реки, усеянной мелкими лесистыми островками. Это и было место охоты. Сразу смолкли песни и крики моих пестро разукрасившихся спутников. В глубокой тишине они осторожно оцепляли лодками островки,

лица на каждом следы тапира. Легкий свист с одной из лодок оповестил всех, что они найдены, и созвал охотников.

Несколькими ударами весел Туксава подвинул пашу лодку к островку, с которого был дан сигнал. Несколько охотников со своими пестрыми собаками выскочили на островок, и их крики, лай, треск ломавшихся веток слились в оглушительный шум. Но в цепи лодок, блокировавших остров, царила мертвая тишина. Всякий имел свой пункт наблюдения и с оружием наготове сидел, не спуская глаз с островка. Вдруг лай усилился, и чаща заволновалась.—«Тапир,— сказал мне тихо Туксава,— там!.. видите?»— добавил он. Я увидел темную, гладкую, округлую фигуру среди листьев; через мгновение тапир выскочил из зелени, опустив голову, преследуемый собаками, и, не видя нас, точно ослепленный, бросился к воде в нашем направлении, в ту же секунду и вождь и я одновременно выстрелили. Мне казалось, что я попал; Туксава тоже думал, что не дал промаха, но тем не менее тапир нырнул в воду и скрылся. Вода в том месте окрасилась кровью. Я хотел об этом сказать своему спутнику. Но, обернувшись к нему, увидел, что он с ножом в руке стоял на корме, готовый прыгнуть в воду. Я посмотрел по направлению его пристального взгляда и увидел темную фигуру тапира, шевельнувшуюся на дне кристально прозрачной воды. В это время Туксава бросился вниз головой в воду; я мог различить завязавшуюся под водой борьбу, и скоро на поверхности показалась черная голова вождя.

— Уф!— глубоко вздохнул он.— Вы попробуете жаркое из тапира, сеньор,— сказал он.

Осмотрев труп тапира, мы увидели, что оба наши заряда попали в цель, но нога тапира была перебита пулей моего карабина, и так как эта рана помешала ему уйти от нас под водой, то благородный индеец признал, что иначе ему бы не удался его подводный подвиг.

XXIX. ВСТРЕЧА С БИЗОНАМИ

Наконец, настал желанный час встречи с бизонами, и на мою долю выпала честь не только первому увидеть их, но и убить двух.

Это происшествие принесло мне, однако, много волнений неприятного свойства.

Последние дни мы разделились на группы в поисках дичи; нередко отправлялись из лагеря по одиночке.

Однажды днем, после того, как мы, по установленному порядку, разбили свой лагерь, покормив хорошо овсом свою лошадь, я вскочил на седло и отправился на поиски свежего блюда к ужину. Проехав с час времени, я заметил следы бизонов. Это были футов в шесть в поперечнике круглые вырытые ямы, которые на языке охотников называются ямами бизонов. Я сразу увидел, что они недавно вырыты; их было несколько, и я понял, что буйволы недавно прошли по этому месту. Я продолжал путь с надеждой увидеть самих животных. Я находился приблизительно милях в пяти от лагеря, когда услышал рев бизонов. Осторожно въехал на холм, отделявший меня от широкой долины и, вытянув шею, увидел в облаках пыли темные, мохнатые фигуры громадных животных. Это были бизоны, вступившие в жестокий бой. Я осмотрел свое оружие и заряд. Предполагая, что занятые боем бизоны не обратят на меня внимания и мне удастся попасть в одного или другого я, не колеблясь, пустился прямо на них.

Но я ошибся; животные меня почуяли и пустились бежать вскачь. Не было, однако, похоже, что они испугались; они как бы были только недовольны, что помешали их поединку. То и дело они опять сталкивались с коротким ревом и злобно били копытами. Раза два мне показалось, что они устремятся сейчас на меня, и если бы я не сидел на такой великолепной лошади, как моя, я вряд ли решился бы на такую встречу. Их громадные мохнатые головы, дикие, сверкающие глаза — все придавало им свирепый, разъяренный вид. Впечатление это усиливалось ужасным ревом и угрожающими движениями.

Но чувствуя себя на спине своего скакуна гарантированным от атаки бизонов, я галопом пустился к ближайшему из них и всадил ему пулю в бок. Животное упало на колени, поднялось, расставило ноги, пошатнулось в одну сторону, потом в другую и снова упало. Оно оставалось несколько минут в этом положении, а кровь струилась из его ноздрей; затем оно медленно легло на бок и с ужасным ревом испустило последний вздох.

Я с напряженным интересом наблюдал за движениями животного, и его товарищ успел скрыться. Я не собирался его преследовать; желая разрезать убитого бизона, слез с седла и, увидев в двадцати шагах небольшое дерево, привязал к нему своим лассо лошадь, а сам, взяв нож, пошел заняться своей добычей. Но едва собрался поднять нож, как шум сзади заставил меня обернуться, и я увидел поднимающуюся из-за холма чудовищную голову! Бизон возвращался. Я схватил карабин и не успев еще решить, бежать ли мне к своей лошади или оставаться на месте, как мой скакун, испугавшийся приближавшегося к нам буйвола, отчаянным прыжком в сторону оборвал привязь и умчался по направлению к лагерю. А бизон приближался ко мне. Я прицелился, выстрелил и, казалось, попал; но к ужасу своему заметил, что буйвол не упал, даже не покачнулся, а продолжал с большей уже яростью свое наступление на меня. Зарядить вновь карабин было невозможно, пистолеты мои унесла лошадь, мне оставалось бежать. Я очень быстро и легко бегаю, а в этом случае напрягал все свои силы, но дыхание бизона слышалось все ближе. Вдруг передо мной встало препятствие и... спасение!

Это был ров с отвесными стенами, футов в семнадцать, по крайней мере, шириной. Я сделал этот опасный прыжок и в то же мгновение, обернувшись, увидел буйвола, в ярости остановившегося на краю рва. Я уже мысленно поздравил себя с избавлением от опасности, как вдруг увидел, что в шагах пятидесяти в обе стороны расщелина сравнивалась с поверхностью долины. Одновременно со мной заметило это и животное и устремилось вдоль рва, очевидно, с целью его обогнуть. Мне оставалось только повторить прыжок, и еще раз ров отделил меня от бизона.

При всех этих маневрах я не выпускал из рук карабина и хотел, воспользовавшись минутой, зарядить его, но... о, ужас! Я забыл порох и пули подле убитого бизона. А в это время мой враг возобновил свой маневр, и я принужден был сделать третий прыжок. Я чувствовал, что начинаю слабеть. Ближайшим деревом было то, у которого была привязана моя лошадь; шагов триста надо было пробежать, чтобы найти на нем спасенье. Другого выхода не было, и я пустился во всю мочь к этому дереву. Едва я успел добежать и, как белка,

забраться на его ветви, как бизон ударил головой о дерево так сильно, что я чуть не упал на его рога.

Временно я был спасен. Но что дальше?.. Я знал, что бизон будет меня караулить часы, дни... Но вот, наблюдая за его движениями, я заметил подле него лассо, которым привязал было свою лошадь. Осенившая меня вдруг мысль ободрила и воодушевила меня.

Лассо было прочно прикреплено к дереву, но конец его лежал на земле. Чтобы поднять его к себе, я спустил на связанных ремнях, которые вырезал из своей кожаной куртки, крючок, имевшийся при мне, и после нескольких усилий достал лассо. На конце его я крепко-накрепко завязал петлю и, заставив буйвола при посредстве жестов и криков стать в удобное для меня положение, бросил петлю и с радостью увидел, как она охватила косматую шею животного, запутываясь в его гриве. Почувствовав петлю, буйвол разъярился и стал обегать вокруг дерева, все сокращая, конечно, веревку. Мне оставалось выбраться из периметра, в котором бизон мог двигаться.

Мой карабин лежал под деревом. Выждав момент, когда животное в своем круговом движении находилось в самом отдаленном пункте, я бесшумно соскользнул по стволу и, схватив карабин, бросился бежать. Подле убитого бизона я нашел свой патронташ и зарядил ружье. Обернувшись назад, увидел, что бизон упал на траву и натягивал лассо в стремлении вырваться из него. Вывалившийся язык его показал мне, что животное душило себя. Меня охватило желание получить к ужину язык бизона, подкравшись сзади к нему, я почти в упор выстрелил ему в голову. Несколько конвульсивных движений животного... и все было кончено. В одно мгновение я вырезал у него язык и вернувшись к первому бизону, повторил ту же операцию. Ввалив оба языка себе на плечи, я направился к нашему лагерю.

Луна взошла, и я легко нашел свои следы. Едва прошел полдороги, как встретил нескольких товарищей, отправившихся меня разыскивать, криками и выстрелами окликавших меня. Они захотели поужинать свежим мясом и галопом понеслись к убитым бизонам, чтобы вырезать из них лучшие куски.

Когда, собравшись все вокруг костра, мы удовлет-

ворили аппетит котлетами из бизонины, я в виде десерта рассказал своим спутникам все подробности моего приключения.

XXX. БИЗОН

Бизона американцы называют обыкновенно Buffalo, буйволом, хотя это название очень мало к нему подходит. Это, пожалуй, самое интересное животное Америки. Ценная кожа, вкусное мясо, приемы охоты на него, особенности местностей, в которых они водятся — все делает его интересным для охотника.

Из всех жвачных животных Америки — бизон самое крупное и весом превосходит даже оленя, который одного с ним роста. Отличительными чертами являются: во-первых, громадная голова и горб, покрытые густой, косматой шерстью, делающие переднюю часть туловища его несоразмерно больше задней; короткие черные рога, маленькие, но блестящие глаза и короткий хвост с пучком шерсти на конце. Цвет шерсти его темно-коричневый, почти черный и в различные времена года принимает различные оттенки.

Мясо бизона отличается сочностью, оно, пожалуй, вкуснее мяса самого лучшего откормленного быка. Особенно нежно мясо самки, и поэтому охотники стремятся убивать самок, которые в стаде бизонов делают мишенью всех стрел и пуль. Гастрономическими частями этого мяса считаются язык, горб и мозг костей бедра.

Бизоны водятся в Америке на очень большом пространстве и в громадном количестве. Встречаются они главным образом в прериях, отделенных лесами от берегов Миссисипи в его верхнем течении, и в Техасе, а также в долинах рек Саскачеван, Виннипег и Красной.

Бизоны бродят большей частью огромными, тысячными стадами. И можно видеть пастбища на расстоянии миль, покрытые очень плотными стадами бизонов, пасущихся и катающихся на траве. Это катание по траве составляет одну из характерных привычек бизонов. Чтобы избавиться от насекомых, они ложатся, перекатываются с одного бока на другой и валяются так долго и усердно, что образуют этим движением круглые ямы, известные под именем бизоньих.

Бизоны перекочевывают иногда большими стадами из одной местности в другую, в поисках за лучшим пастбищем и в этом переселении, не обращая внимания ни на какие препятствия, нередко гибнут массами при опасных переправах. Индейцы, как только заметят такое переселение, отслеживают бизонов в затруднительном положении и получают громадную добычу. Для индейцев охота на бизонов является промыслом, а не удовольствием. Чтобы насладиться этим спортом, нужно предпринять, как предпринял наш отряд, путешествие за несколько сот миль, рискуя быть скальпированным. Поэтому на бизона немного охотников-любителей.

Белые охотники-промышленники и индейцы постоянно охотятся на бизонов и пулями, и стрелами, и копьями. Но охота эта очень опасна; и на лошади рискованно приблизиться даже к раненому бизону, а пешему, конечно, не уйти от бизона, хотя и не имеющего скорости лошадиного галопа.

Настигнув неосторожного охотника, бизон прокалывает его рогами или затаптывает копытами.

Ричардсон, известный путешественник и ученый, рассказывает такой случай:

«Г Финнан Мак-Дональд, служивший в компании Гудзонова залива, спускался на лодке вниз по реке Саскачеван. Однажды под вечер, разбив палатку, он вышел поискать какую-нибудь дичь. Было почти совсем темно, когда он выстрелил в бизона, галопом поднимающегося на холм. Когда, желая узнать результат этого выстрела, охотник последовал за бизоном, раненое животное бросилось на него. Мак-Дональд не растерялся и ухватился за челку бизона и в то же мгновение тот боднул его в бок. Охотник был высокий, сильный мужчина; между ним и животным завязалась страшная борьба, пока наконец руки его бессильно упали; тогда бизон опрокинул его, и от двух или трех ударов рогов охотник лишился сознания.

Его спутники нашли его плававшим в крови, прободенным в нескольких местах. Подле него лежал бизон, очевидно, ожидая признаков жизни у охотника, чтобы возобновить атаку.

Мак-Дональд оправился от полученных ран, но спустя несколько месяцев умер.

Количество бизонов все еще огромное, однако уменьшается с каждым годом. Хорошо выделанные

шкуры их представляют большую ценность в торговле. У канадцев они в большом употреблении, как теплая одежда в их холодной стране, а также как полости в санях и экипажах. Такое же применение имеют их шкуры в северных провинциях Соединенных Штатов. И с той же целью в большом количестве их вывозят в северные страны Европы.

Уже одно только это широкое потребление могло бы привести к полному истреблению бизонов. Но кроме того, есть индейские племена, питающиеся почти исключительно мясом бизонов. Из шкур их индейцы выделяют для себя одежду и палатки. Неудивительно поэтому, что ряды бизонов редуют с каждым годом.

XXXI. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ БИЗОНОВ

Первая наша мысль на следующее утро была о бизонах; наскоро позавтракав, мы двинулись в путь с самыми радужными надеждами. Наконец-то исполняется наше пламенное желание поохотиться на бизонов! Вскоре нам стали попадаться их следы: отпечатки ног, совершенно свежий помет встречались на каждом шагу. Но ни один бизон пока не показывался, между тем степь была испещрена следами и все заставляло с минуты на минуту ожидать появления целого стада.

Дорога, протоптанная ими, вскоре пересекла наш путь.

Большинство из нас находило, что следует свернуть на эту дорогу, но решение этого вопроса было предоставлено проводникам.

Ик и Редвуд, прежде всего, внимательно осмотрели следы: они тщательно исследовали все, что могло дать им какие-нибудь указания относительно стада: о составляющем его числе животных, о времени его прохождения, о скорости передвижения и т. д. Только после такого исследования Ик высказал свое мнение.

— Стадо должно быть большое, — сказал он, — приблизительно до двух тысяч голов. Самое лучшее, что мы можем сделать, по моему мнению, это отправиться по их следам. Что ты думаешь об этом, Марк?

— Я с этим вполне согласен, — ответил Редвуд. — Стадо проходило здесь вчера в полдень.

— Но откуда вы все это знаете? — воскликнули мы с удивлением.

— О, в этом нет ничего мудреного!— ответил проводник.— Вы, я думаю, понимаете, что следы эти оставлены не ранее, чем вчера.

— Но почему же?

— Очень просто. Вчера утром шел проливной дождь: следы, очевидно, сделаны после дождя. Надеюсь, что вы не станете об этом спорить.

Действительно, мы помнили, какой страшный ливень прошел накануне, и нам только оставалось преклониться перед мудростью нашего проводника. Мы все поняли, что животные прошли после дождя, иначе следы были бы смыты; но ведь весьма возможно, что это случилось рано утром?...

Какие основания имеет Редвуд утверждать, что стадо прошло лишь в полдень?

— Далее,— продолжал проводник,— если бы бизоны прошли тотчас после дождя, то следы были бы глубже и на дороге было бы больше грязи, как видите, этого нет; значит, земля имела время просохнуть перед приходом бизонов, а после такого ливня, как вчера, для этого, самое меньшее, потребовалось часов шесть. Вот почему я и заключил, что эти следы оставлены вчера около двенадцати часов.

Мы были живо заинтересованы объяснением проводников. Оба пришли к одним и тем же выводам и сообщили нам несколько сведений о бизонах. По их мнению, животные шли не плотными массами, а небольшими группами; ни один охотник их не преследовал, и по всей вероятности, они направлялись к какому-нибудь источнику или реке. Последнее было в особенности утешительно и давало нам надежду догнать бизонов, несмотря на разделившее нас расстояние. Эта надежда, а также уверения проводников придали нам новые силы, и мы с удвоенной энергией двинулись дальше.

В скором времени нам пришлось подняться на вершину небольшого холма, и перед нашими глазами открылась долина, глубина которой была скрыта от наших глаз непроницаемым облаком пыли. Там происходило что-то необыкновенное, но что,— мы сначала не могли понять. Несколько волков промелькнуло в столбе пыли, и целая стая разъяренных хищников, со сверкающими глазами, раскрытой пастью и стоящей дыбом шерстью рванулась в самую середину кружившегося

вихря. По-видимому, там шло сражение, но между кем? Ик и Редвуд решили, что какой-нибудь отставший старый бизон сделался жертвой свирепой стаи. Оба охотника прищипорили своих лошадей и понеслись к месту сражения; мы последовали за ними. Несколько волков было положено на месте нашими выстрелами, остальные разбежались и скоро исчезли за холмами.

Мало-помалу пыль начала рассеиваться и перед нами постепенно вырисовался громадный, мощный бизон. Это было животное, достигшее преклонных лет; хребет его был лишь кое-где покрыт клочками шерсти, потоки крови лились у него из боков. Но, несмотря на тяжелые раны, он был готов дорого продать свою жизнь, доказательством служило пять волков, распростертых у его ног.

Несчастный вид животного возбуждал жалость, и пуля, пущенная чьей-то сострадательной рукой, прервала его страдания.

Мясо старого бизона было слишком жестко для того, чтобы мы им воспользовались. Но Ик не мог думать спокойно о том, что эта богатая добыча достанется волкам, он вынул кишки бизона, надул их и подвесил в палке над его трупом, так что при малейшем дуновении ветерка они колебались. По его словам, это было вернейшее предохранительное средство от волков.

Приведя в исполнение эту предосторожность, мы двинулись дальше и скоро наткнулись на еще более интересную картину.

Действующими лицами были, как и прежде, волки и бизоны, но на этот раз действие происходило в местности, покрытой травой; пыли поднималось меньше, и мы прекрасно могли следить за борьбой.

Стая волков осаждала трех бизонов — самку, детеныша и могучего, рослого самца. Целью их нападения были, по-видимому, самка и детеныш. Несмотря на все мужество и силы быка, с отчаянием защищавшего свою семью, исход борьбы был очевиден: на место убитых и раненых волков стекались новые и новые полчища, и рано или поздно они должны были одолеть.

Наши симпатии к несчастному семейству не изменили однако нашего намерения — убить и съесть самку с теленком. Движимые общим стремлением, мы прищипорили лошадей и врезались в свалку. Волки мгновенно

венно рассеялись во все стороны, самка и теленок па-
ли, убитые нашими выстрелами.

Разъяренный взгляд быка встретил новых врагов, но удостоверившись в бесполезности новой борьбы, бык прорвал цепь охотников и помчался в степь. Никто не хотел упускать такого случая, и развернутая цепь охотников понеслась галопом вслед за животным. Никто не успел зарядить ружья, но все держали наготове пистолеты.

Бешеная скачка через холмы и долины не приводила ни к каким результатам: ни одна из лошадей не была в состоянии догнать бизона, как вдруг, без всякой видимой причины, он тяжело грохнулся на землю и остался без движения. Первой нашей мыслью было, что он споткнулся и просто упал, но, подъехав ближе, мы удостоверились, что животное было мертво: эта неистовая скачка была предсмертной вспышкой угасающей жизни.

Трое из нас остались для того, чтобы снять с буйвола кожу и вырезать лучшие куски, а остальные поспешно возвратились к тому месту, где были оставлены самка с теленком. Но какова была наша ярость, когда мы увидели, что уже предупреждены волками! От нежного тела теленка оставалось лишь несколько жалких лохмотьев. Самые лучшие части буйволицы были съедены. Мы могли видеть этих степных хищников, пожирающих нашу добычу у нас на глазах.

Ик в ярости осыпал их проклятьями, но хитрецы держались на почтительном расстоянии, и потому ему пришлось отложить свою месть до более удобного случая.

Мы возвратились к убитому бизону и расположились здесь на ночлег. Плотно поужинав мясом бизона, показавшимся нам, несмотря на свою жесткость, чрезвычайно вкусным, мы улеглись спать.

XXXII. ОХОТНИЧЬИ УЛОВКИ

Когда мы на другое утро собрались в путь, то увидели на расстоянии мили, на вершине одного холма, стадо бизонов, штук в двенадцать. Наши проводники уверяли нас, что это буйволицы и, так как нам очень

хотелось запастись их вкусным мясом, то обстоятельство это нас очень обрадовало.

Ввиду того, что наши лошади, утомленные и ослабевшие по истощении запасов овса, пострадали бы от усиленного галопа, решено было по совету наших проводников не пускаться открыто на стадо, а подкрасться к нему хитростью, подползти к нему. Местность для этого была очень подходящая, так как повсюду были разбросаны кусты.

Удачно было и то, что мы стояли против ветра, иначе бизоны, отличающиеся тонким чутьем, почуяли бы нашу близость. Наши проводники уже подготовились: они вытащили две волчьи шкуры, сохранившиеся у нас с головами и хвостами, и натянули их на себя.

Хотя у бизона и нет более злейшего врага, чем волк,— он безбоязненно подпускает его к себе. Волки всегда бродят вокруг бизонов, и те привыкли к ним. Только больной или отделившийся от стада бизон может иногда сделаться жертвой волка; при других обстоятельствах бизон не удостоивает волка вниманием. Поэтому одеть на себя волчью шкуру — считается у краснокожих одним из лучших способов для того, чтобы подкрасться к бизонам. Так поступили и наши проводники.

В волчьем наряде отправились они к холму, на котором паслись бизоны, а мы верхом наблюдали за ними издали. Пройдя некоторое расстояние, Редвуд и Ик стали дальше двигаться на четвереньках, а потом и ползком.

Движения их стали очень осторожны, и мы еле сдерживали нетерпение, готовые каждую минуту пустить своих лошадей вслед за ними.

Между тем бизоны, не подозревая приближения врагов, продолжали мирно пощипывать траву. Это были действительно самки и один вожак самец. Был момент, когда нам показалось, что этот часовой заметил наших товарищей, но это было напрасной тревогой. Опасность явилась с другой стороны. Второй самец-бизон появился вдруг с соседнего холма и, сосредоточив все внимание на стаде, охотники заметили его только тогда, когда он пересек им дорогу. Очевидно, это нарушило их план атаки, а, вероятно и несколько испугало, потому что они сразу вскочили, и оба одновременно

выстрелили. В ту же минуту животное снова исчезло за холмом.

Понятно, маскарадная хитрость пропала.

Все бизоны поскакали прочь за своим вожакom, но, к счастью, они понеслись не в противоположную от нас сторону, и нам оставалась возможность на лошадях их преследовать, пустившись им наперерез.

Нам пришлось проскакать около пяти миль, чтобы приблизиться к животным на расстояние выстрела. Только лошади Безансона, кентукийца, ученого и моя выдержали это испытание и донесли нас к цели. Каждый из нас наметил бизона и четыре крупных самки остались на месте, вознаградив нас за долгую скачку. Продолжать ее наши лошади были уже не в состоянии, и мы должны были отказаться от преследования остальных бизонов.

Итак, у нас образовался обильный запас прекрасного мяса. Мы решили установить свой лагерь в этой местности, чтобы дать отдых лошадям, и только когда они наберутся свежих сил, выследить бизонов и устроить на них еще две-три охоты.

XXXIII. НЕОЖИДАННЫЕ ГОСТИ. ЖАРКОЕ ИЗ ВОЛЧЬЕГО МЯСА

Выбрав место для лагеря, мы перенесли туда мясо бизонов, и у нас был ужин, какого уже мы давно не имели.

Мы расположили свои палатки на берегу ручья, впадавшего в один из притоков Арканзаса. Несколько дальше возвышался холм, и на простиравшейся за ним прерии мы оставили наших лошадей и мулов, так как трава была там несравненно мягче и сочнее, чем по берегу ручья. К ночи мы, конечно, собирались их привести ближе к палаткам.

До заката солнца оставалось еще часа два. Довольные собой, мы перебирали события дня и говорили о том, что делать дальше. Предполагалось пробыть на этом месте для охоты на бизонов не больше недели. Ночи стояли уже холодные и, зная, как неожиданно и резко в прериях осень сменяется зимой, мы не хотели излишне затягивать свое пребывание в этих местах. В неделю мы могли убить совершенно достаточное коли-

чество бизонов, чтобы запастись их мясом на весь обратный путь и иметь соответствующее количество их шкур и рогов для торжественного возвращения в цивилизованные страны. Таковы были наши горделивые надежды в эти часы охотничьего досуга.

Грустно признаться, что планам этим не суждено было осуществиться. Когда мы достигли ближайшего поселения — что произошло только через шесть недель — наш отряд менее всего походил на триумфальное шествие. Все пешие, ободранные, отошавшие, полузамерзшие, с истертыми до крови ногами — вот какими мы вернулись! Правда, у нас было еще несколько шкур бизонов, но на плечах, и не как трофеи, а для прикрытия наготы. Но не будем упреждать событий и вернемся к лагерю на берегу ручья.

Мы сидели вокруг костра, обсуждая приемы предстоящей охоты. Время шло, и ночь была уж совсем близка. Пора было пойти за нашими лошадьми. Кто-то предложил оставить их еще попастись на хорошем корме. Следов индейцев нигде не видно — говорил этот охотник, — следовательно, опасаться за лошадей нечего, хотя для верности можно кого-нибудь отправить к ним на стражу.

Предложение было принято, и Ланти отправился к нашим животным.

Едва он достиг холма, как мы услышали смутный шум. Сердца наши замерли... Все сразу вскочили... Не могло быть сомнений: то были крики индейцев, с которыми смешалось ржанье наших лошадей, стук их топтавших копыт и отчаянные крики нашего сторожевого.

— Индейцы! — воскликнул Ик, схватив свой карабин; и, точно по сигналу, мы все бросились за оружием.

В несколько мгновений мы взбежали на холм и тут встретили Ланти, бежавшего во все лопатки с криками:

— Индейцы! Множество индейцев! Они угнали всех наших лошадей и мулов! Всех!

Это известие было ужасно, и мы убедились тотчас же, что оно было совершенно верно! Достигнув места, где находились наши лошади, мы увидели, что там не осталось ни одной уздечки, ни одного колышка, а вдали на равнине виднелась темная группа всадников, и до нас долетали звуки их торжествующих криков и смеха. Мы больше не видали ни лошадей, ни воров!..

Если бы индейцы напали на наш лагерь, мы, без

сомнения, не вышли бы из этого столкновения без больших потерь, но, очевидно, краснокожих было немного, и они удовлетворялись похищением наших лошадей. Вероятно, они собирались, отведя добычу на верное место, вернуться и произвести нападение на наш лагерь, если бы Ланти не увидел их. Теперь, поняв, что мы будем настороже, они на это не решились.

Это было самое печальное происшествие, какое только могло случиться! Остаться без лошадей в прерии, за сотни миль от всякого цивилизованного места — какая ужасная перспектива! А между тем еще другое несчастье, не меньшее, ожидало нас. Опасаясь, что индейцы произведут новое нападение, мы не вернулись к своему костру, а расположились на холме. с одной заботой наблюдать за всеми пунктами, откуда они могли бы появиться.

Вдруг мы услышали за собой треск и, обернувшись, увидели свой лагерь в огне! Кусты, окружавшие его, давали обильную пищу распространившемуся пламени костра, и в несколько минут весь лагерь, со всем, что в нем находилось, исчез в огне.

Мы даже не пытались спасти свое имущество; это было бы напрасно: нельзя было подойти к лагерю, кругом до ручья охваченному огнем. Когда стало возможным, мы спустились в котловинку, где стояли прежде наши палатки и фургон, и на обуглившейся почве, среди еще дымившихся углей, нашли только железные скрепы фургона. Наши одежды, запасы — все погибло!

Положение наше стало отчаянным. Нам не осталось даже, чем позавтракать на другое утро. Несколько человек отправились к убитому накануне бизону, чтобы вырезать из него мясо, но, увы, за ночь его успели съесть волки, и нам достался только мозг из костей.

Что было нам делать? Единственно, мы решили направиться к ближайшему поселению, находившемуся на берегу Миссури, милях в трехстах от нас. По нашим расчетам мы могли достигнуть его через двадцать дней, но нечего было думать идти по прямой линии, так как по этому пути мы рисковали умереть голодной смертью. Было решено остаться еще несколько дней на месте, чтобы запастись свежим мясом бизонов, и тогда отправиться в путь. Весь день мы бродили в различных направлениях, но, к великому огорчению, все возвратились с пустыми ягдташами.

Единственная дичь, принесенная одним из охотников, были две луговые собаки, но этого было слишком мало для всей компании. Таким образом, пришлось обойтись без ужина. Я думаю, нет ничего удивительного в том, что люди, почти ничего не евшие в течение целого дня, испытывали волчий голод. На ум пришла мысль, что эта страшная смерть от голода ближе к нам, чем мы думаем.

В течение дня нам встречались бизоны, но такие осторожные, что мы не рисковали к ним приблизиться. Мы чувствовали, что если и охота следующего дня ничего нам не даст, то мы будем близки к отчаянию.

С этими тяжелыми размышлениями молчаливо сидели мы вокруг костра. Вдруг старый Ик встал и, тихо приказав нам не шевелиться, пополз в сторону. Очевидно, он что-то увидел; силуэт его исчез в темноте и через несколько минут звук выстрела заставил нас вздрогнуть, опасаясь, что наш проводник наткнулся на индейцев, мы повскакали, схватив ружья, но сейчас же успокоились, увидя Ика, волочившего за собой какую-то большую фигуру.

— Ура!— закричал кто-то.— Ик принес дичь!

— Что это? Олень? Антилопа?— посыпались вопросы.

— Ничего подобного,— отвечал Ик,— и показал нам «дичь», оказавшуюся степным волком.

— Лучше поесть волчьего мяса, чем ничего,— было общее мнение, и в несколько минут волк уже висел над костром и жарился в собственной шкуре.

Это происшествие несколько ободрило и даже развеселило нас. Конечно, для проводников наших не было ничего нового в этом ужине, но остальные впервые пробовали жаркое из волчьего мяса и, тем не менее, каждый уплет свой кусок с таким аппетитом, как будто ел фазана.

Перед сном Ик предпринял еще одну экскурсию и принес второго волка; таким образом, наш утренний завтрак был обеспечен, и мы почувствовали себя после ужина еще бодрее и с большим интересом выслушали рассказы наших проводников, вдохновленных нашим положением. Они рассказали нам несколько приключений из своих далеких экспедиций, и я передаю здесь самое интересное из них.

XXXIV. ЗАЙЦЫ И САРАНЧА

С двумя другими охотниками наши проводники предприняли как-то путешествие к западу от Скалистых гор.

Там на них напали индейцы и похитили не только их добычу, но и лошадей и вьючных животных, и — что было хуже всего — даже их ружья и порох.

Ближайший американский форт находился от них не ближе трехсот миль, и безоружным охотникам грозила голодная смерть, прежде чем они могли бы пройти это расстояние.

Но они нашли выход из этого положения.

Недалеко от того места, где их ограбили индейцы, расстилалась обширная равнина, вся покрытая полынью, растением, очень любимым степными зайцами. Не имея под рукой материала для силков или заградной, охотникам оставалось последовать примеру некоторых индейских племен, которые не знают ни оружия, ни других приспособлений охоты.

Они имели терпение сплести из полыни ограду, которой окружили часть поля, оставив одну сторону открытой. Затем, спугивая зайцев из кустов, им удалось загнать нескольких в ограду и здесь перебить их палками.

Два-три дня такой охоты дали им штук двадцать зайцев, но затем и эта добыча стала редкой.

Всушив на костре остатки своего запаса, чтобы сохранить мясо еще на несколько дней, охотники отправились в путь. Но очень скоро истощилась и эта провизия и путники очутились снова в безвыходном положении. Местность стала еще пустынее, и даже зайцев не было видно. Изредка мелькал перед их жадными взорами степной глухарь, но без ружья о нем нельзя было и мечтать. В продолжение нескольких дней пришлось питаться корнями и ягодами, которые, к счастью, уже успели в то время года.

Иногда они находили дикую репу, а в одном болоте им удалось собрать запас очень питательных корней. Всего этого, однако, было далеко недостаточно, так как предстояло еще дней пять пути по совершенно пустынной местности.

В этом критическом положении их выручила счастливая случайность.

Точно по волшебству, земля вокруг них вся покрылась вдруг крупными, темно-коричневыми насекомыми,— степной саранчой, известной в Америке под названием семнадцатилетней, в силу народного поверия, что она налетает через каждые семнадцать лет. Эта саранча отличается тем, что не вредит растительности. Многие птицы и четвероногие питаются этим насекомым; наши охотники знали, что индейцы едят саранчу, и почувствовали успокоение при виде бесконечного количества этих насекомых. Вырыв несколько ям и сбрасывая туда компактные массы севшей на землю саранчи, охотники в некоторое время набрали запас, вполне обеспечивающий их путешествие.

Индейцы имеют обыкновение давить саранчу и перемешивать ее с зерном. Нашим героям пришлось обойтись без всякой приправы и просто поджарить насекомых.

Каждый изготовил свой запас, и снова охотники пошли по прериям.

После долгих, утомительных переходов, сильно страдая от недостатка воды, они добрались, наконец, до форта.

Там они нашли друзей, которые помогли им добыть одежду и припасы и начать новую экспедицию.

Выслушав рассказ наших проводников, мы решили, что каждый из нас по очереди будет караулить ночью, и расположившись вокруг костра, заснули так же крепко, как будто лежали на мягких перинах.

XXXV. СТАДО БИЗОНОВ

Мы выбрали для ночлега низкий берег небольшой речки и зажгли костер шагах в двадцати от воды в круглой с отлогими краями, обширной яме, точно вырытой рукой человека. Мы решили, что будем в большей безопасности, если зажжем наш огонь в этом углублении (так как все еще думали об индейцах). Мы улеглись на склонах ямы, упираясь ногами в ее дно. Первую часть ночного дежурства мы поручили доктору, не особенно надеясь на его бдительность и считая, что это время наиболее безопасное, так как краснокожие производят свои нападения обыкновенно после полуночи, когда противник погружен уже в глубокий сон.

Похищение наших лошадей было исключением, на которое дикари решились, только увидя, что мы не выставили стража. Итак, мы спокойно уснули после утомительного дня.

Очевидно, доктор тоже уснул на своем посту, иначе мы были бы подготовлены к тому нашествию, которое нагрянуло ночью. Я был пробужден неистовыми криками наших проводников и вскочив, уверенный, что на нас напали индейцы, первым делом схватил свое ружье. Повскакали и все остальные с той же мыслью, а доктор лежал на краю ямы и храпел во всю мочь. Мы не могли понять, что все это значит.

Ик и Редвуд, которые всегда засыпали только на один глаз, уже высочили из ямы и стояли наверху. Выстрелы, которые они в то же время дали, утвердили нас в мысли, что мы окружены краснокожими.

— Сюда!— кричал нам Редвуд, указывая места подле себя и своего товарища.— Возьмите ружья, пистолеты, все! Скорее!

Мы поспешили выкарабкаться из ямы и стали наверху в то мгновение, когда проснувшийся доктор, охваченный ужасом, скатился на дно ямы.

Поднимаясь, мы слышали глухой топот бесчисленных копыт и рев сотен бизонов. Была ясная лунная ночь, и как только наши глаза поднялись над краями впадины, мы увидели причину переполоха. Вокруг нас вся равнина была покрыта бизонами, которые подвигались двумя густыми колоннами по обе стороны от нас. Их было много тысяч. Они шли быстрой рысью, почти галопом, и местами ряды их были так сдвинуты, что они налезали один на другого; некоторые падали, опрокинутые товарищами.

— Сюда! Все сюда!— повторил Ик,— ко мне, или они войдут в яму и раздавят нас, как червей!

Мы сразу поняли, что хотел наш проводник. В их стремительном движении ничто не могло остановить бизонов. Эта масса, подгоняемая сзади, не могла ни остановиться, ни изменить направление. Девять огромных бизонов уже было уложено выстрелами наших проводников, и их громадные туши несколько препятствовали другим подвигаться к нам. Мы последовали примеру наших руководителей, и беспощадный огонь был открыт по стаду из двустволок и револьверов. Вокруг нас образовалась стена из убитых бизонов, и мы полу-

чили возможность передохнуть и снова зарядить свое оружие.

Продолжая воздвигать вокруг себя укрепление из трупов, мы увидели, наконец, что ряды бизонов стали редеть, и вот мимо нас прошел последний. Мы осмотрели результаты своей пальбы. Со всех сторон нагромождены были тела убитых и раненых бизонов; некоторые еще держались на ногах. Мы хотели броситься из своего заколдованного круга, чтобы закончить свои подвиги, но проводники остановили нас.

— Ни с места, если вы дорожите жизнью!— закричал Редвуд.— Ни шагу, пока мы всех не прикончим! У некоторых животных осталось еще достаточно силы, чтобы с нами расправиться!

И говоря это, метким выстрелом охотник убил одного из топтавшихся еще на месте бизонов. Мы прикончили таким образом всех наших врагов, оставшихся на поле сражения. Их было не меньше двадцати пяти. Конечно, мы не могли заснуть после того роскошного ужина, который был нам подан и который мы приправили упреками по адресу нашего заснувшего часового, все еще волнуясь по поводу происшедшего. Уже почти рассвело, когда мы собрались продолжать прерванный отдых.

XXXVI. ВОЗВРАЩЕНИЕ В САН-ЛУИ

Мы проснулись с розовыми надеждами на будущее, имея провианта более, чем нам было нужно. Вопрос был только в том, как его сохранить. Наши проводники научили нас, как высушить мясо и очистить шкуры бизонов и, нагрузившись этой добычей, мы отправились в путь, довольные и бодрые. Но вскоре тяжесть нош стала подавлять нашу энергию. Мы не прошли и пятидесяти шагов, как новое несчастье опять предало нас отчаянию.

Мы подошли к ручью, меньше пятидесяти шагов в ширину, но очень глубокому; так как мы нигде не могли найти места, по которому можно было бы перейти вброд, то решили переправиться вплавь, а имущество сложить на связанный нами тут же плот. В тот момент, когда плот достиг середины ручья, веревка, за которую мы его тянули, вдруг лопнула, и быстрое течение

подхватило плот. Мы не успели опомниться, как он был уже далеко, и мы с ужасом увидели, как, наткнувшись на подводный камень, он перевернулся — и почти вся наша добыча, все наши ружья, исчезли в клочковавшей воде. У нас остались только три мешка с мясом, ножи и пистолеты. Что могли мы добыть с этим оружием? Мы уменьшили вдвое свои порции и решили ускорить шаги до крайней возможности. Счастливым было еще, что у нас сохранилось несколько шкур бизонов, так как наступила настоящая зима, и мы начали сильно страдать от холода, а глубокий снег, покрывший прерию, затруднял наше движение вперед.

Однажды мы заметили на снегу следы оленей, и проводники обнадежили нас, что если снег немного стает и затем обледенеет, то нам, может быть, удастся добыть какого-нибудь оленя и без ружья. Поэтому мы очень ободрились, когда увидели, что белая равнина покрылась ледяной корой, достаточно прочной, чтоб выдержать нас всех.

Мы сейчас же рассыпались во все стороны в надежде встретить где-нибудь оленя. Но, увы! Один за другим возвращались мы с пустыми руками. Ик и Редвуд отправились вместе и вернулись последними. Можете себе представить нашу радость, когда мы увидели у них на плечах по половине великолепного лося! Они нашли следы животного на снегу и следовали за ним несколько миль, пока ноги его не были совершенно разбиты и ободраны ледяной коркой, и охотники имели возможность приблизиться к нему на расстояние пистолетного выстрела. Это был крупный самец, мяса которого могло хватить нам на три дня. Впрочем, ранее этого срока наши запасы неожиданно пополнились мясом бизонов.

Мы шли с трудом по обледеневшему снегу. Возбравшись на небольшой холм, мы увидели вдруг перед собой пять огромных бизонов. Тотчас же образовался совет, как нам раздобыть хоть одного из них, если не всех пятерых? Единственным способом было потихоньку приблизиться к ним и подползти на расстояние выстрела наших пистолетов; но разве возможно было это сделать на снегу, который хрустел под ногами? Придя к такому заключению, мы совершенно отчаялись в успехе.

Пока мы сговаривались, не приходя ни к какому

решению, бизоны исчезли за соседним холмом. Мы поспешили на его вершину с надеждой, что за холмом окажутся более благоприятные условия для охоты. Но глазам нашим представились галопом удалявшиеся от нас бизоны. Вся наша энергия упала, но наши проводники с радостным криком устремились за бизонами, призывая и всех нас за собой. Через минуту перед нами произошла удивительная вещь. Бизоны то устремлялись вперед, то вдруг спотыкались, останавливались, расставив ноги, падали, качаясь, как будто раненные невидимой пулей. Эти движения были бы для нас совершенно непонятны, если бы проводники одним возгласом не объяснили нам, в чем дело.

— Бизоны попали на лед! — радостно воскликнули они.

Мы очень скоро приблизились к животным и с помощью ножей и пистолетов вышли победителями из борьбы, в которую вступили.

Это счастливое обстоятельство, может быть, спасло нам всем жизнь. Мы добыли себе запас мяса, который дал нам возможность достигнуть населенных мест. Правда, много лишений, много трудов пришлось вынести, много препятствий преодолеть, но, хотя и жалкие на вид в своих не поддающихся описанию лохмотьях, мы все вернулись в полном здоровье из нашего путешествия.

В форте, которого мы, наконец, достигли нас снабдили всем необходимым, чтобы мы могли в приличном виде войти в Сан-Луи, куда и прибыли через несколько дней.

Там, сидя за обильным столом гостиницы, мы вскоре забыли все свои злоключения и вспоминали только наслаждение, которое нам принесла эта полная приключений жизнь охотников.

ОХОТА НА МЕДВЕДЕЙ

І. ДВОРЕЦ ГРОДОНОВА

На берегах Невы, близ Петербурга, возвышается великолепный дворец Гродонова, служащий постоянной резиденцией его владельца. Над воротами виден высеченный в граните герб, изображавший медведя с вонзенным в его сердце клинком ножа, черенок которого держит мужская рука. Откройте ворота и войдите в просторный двор перед дворцом. Вы заметите двух живых бурых медведей величиной с буйвола. Оглянитесь вокруг — и вы найдете над всеми выходящими во двор дверями все того же высеченного в камне медведя: над конюшнями, над службами, над кухнями — всюду он. Таков герб хозяина этого дворца, барона Гродонова.

Естественно предположить, что с выбором этого герба связана какая-нибудь история, в воспоминание о которой фамилии Гродоновых было разрешено поместить этого медведя в свой герб. Таково в самом деле его происхождение, и если мы войдем в картинную галерею дворца, то найдем там большую объясняющую его картину, помещенную на самом виду, в центре комнаты. Эта картина изображает на заднем плане густой лес, а на переднем — двух человек и медведя. Один человек лежит на земле, опрокинутый страшным ударом медведя, который стоит подле него на задних лапах; другой же вступил в отчаянную битву со свирепым зверем, и, по-видимому, побеждает его, так как острие его большого охотничьего ножа вошло в самое сердце чудовища. Двое людей, представленных на этой картине, значительно отличаются друг от друга по виду и одежде. Оба они молоды и одеты по-охотничьи, но сразу видно, что они не принадлежат к одному обществу. Одежда лежащего на земле свидетельствует о его богатстве и в общем похожа на старинную одежду славянских князей.

И, действительно, это великий князь, наследник русского престола. Другой охотник, наносящий зверю смертельный удар, одет в грубый кожаный тулуп, по которому легко узнать крестьянина.

Описанная картина является главным предметом в галерее Гродонова. Ее размеры и занимаемое ею место доказывает, какое значение придает ей хозяин дворца, и случай, который она напоминает, вполне оправдывает такое к ней почтение, ибо без изображенной на ней сцены не было бы ни галереи, ни дворца, ни барона Гродонова.

Это простая история, которую можно передать в нескольких словах. Как уже сказано, человек, лежащий на земле — великий князь, или, вернее, был им, так как в то время, как начинается наш рассказ, он уже император всероссийский. Он охотился на кабана и, потеряв из виду свою свиту, далеко углубился в лес, как вдруг очутился перед медведем. Он бросился на зверя с рогастиной, которая была у него в руке, но она сломалась об толстую шкуру медведя, а удар лишь раздражил зверя, который кинулся на обидчика и повалил его на землю; еще минута — и надежды России погибли бы в лесной глуши. Но в роковой момент подоспел молодой крестьянин, настоящий охотник, давно уже выслеживающий медведя. Тут завязалась отчаянная борьба, из которой, как уже знает читатель, юный охотник вышел победителем.

Ни князь, ни крестьянин не вышли из этой схватки вполне невредимыми: у обоих остались следы медвежьих когтей, но эти раны не были серьезны, и они вскоре поправились. Нечего и говорить, что его высочество ничего не жалел для выражения своей благодарности тому, кто спас ему жизнь. Сделавшись императором, он осыпал его щедрыми милостями. И вот мы застаем его генералом и бароном, а описанный нами дворец принадлежит ему.

II. БАРОН ГРОДОНОВ

Проникнув во дворец Гродонова, мы в одном из помещений найдем самого владельца. Он сидит в кресле перед тяжелым дубовым столом. На столе разложена карта обоих полушарий, а около кресла находится большой

глобус. Несколько полок вдоль стен заставлено книгами, но это все же не библиотека в полном смысле слова. Эта продолговатая комната, три стороны которой заняты обширными витринами, наполненными различными предметами, относящимися к естественной истории: птицами, четвероногими, пресмыкающимися, насекомыми, старательно препарированными и размещенными в систематическом порядке — музей барона, составленный им самим.

Глядя на типичное лицо военного, сидящего перед дубовым столом, — настоящего ветерана с густыми усами и волосами белоснежного цвета, постороннему трудно было бы себе представить, что он находится перед человеком, отдавшемся изучению такой мирной по своему существу науки, как естественная история. На этот раз было бы ошибочно судить по наружности. Жизнь охотника, которую он вел в молодости, пробудила в нем склонность к естественной истории, развившуюся, наконец, в настоящую страсть; и, выйдя в отставку, ветеран посвящал все свое время излюбленной науке.

В ту минуту, как мы проникли в музей барона, карта полушарий и глобус, по-видимому, поглощали все его внимание. На столе стоял звонок. Барон нажал кнопку, и тотчас же вошел слуга.

— Скажи сыновьям, что я их жду, — сказал барон.

Слуга поклонился и вышел.

Через несколько минут дверь открылась и пропустила двух юношей, из которых старшему было лет восемнадцать, а младшему — шестнадцать. Старший был высок и смугл, с длинными черными волосами и глазами того же цвета. Выражение его лица обнаруживало твердый и серьезный характер, одежда же свидетельствовала о полном отсутствии щегольства; звали его Алексеем.

Младший совершенно не походил на него. Иван был красивый мальчик с золотистыми кудрями, розовыми щеками и темно-синими глазами, живой взгляд которых говорил об открытом сердце, всегда готовом откликнуться на веселую шутку.

Оба они уже больше десяти лет занимались под руководством лучших учителей. Сам барон посвящал много времени их образованию и, разумеется, заразил их, особенно старшего, своей страстью к естественной истории. Книги, в которых описывались различные путеше-

ствия, находясь у них постоянно под руками, пробудили в юношах желание посмотреть на белый свет. Они часто высказывали это желание отцу и, наконец, решили изложить его в общем письме, адресованном барону.

Когда они вошли, письмо это лежало перед ним на столе, и из-за него барон и позвал к себе сыновей.

— Итак, вы желаете путешествовать? — спросил генерал, смотря на своих сыновей добрым и вместе с тем твердым взглядом. — А как же университет?

— Я думал, папа, — отвечал Алексей, — что вы собираетесь отдать нас туда только через год, а потом, не говорили ли вы, что год путешествий полезнее десяти лет университета?

— Это зависит от способа путешествовать. Куда бы вы поехали, если бы я согласился на ваш отъезд? Какую бы часть света хотел ты посетить, Алексей?

— Америку, отец, ее великие реки, леса, горы!..

— А ты, Иван?

— Я бы больше всего хотел побывать в Париже, — отвечал юноша, но, заметив, как при этом нахмурился лоб барона, он поспешил прибавить, — впрочем, мне все равно. Я поеду и в Америку, если Алексей ее предпочитает, и объеду с ним хоть кругом света.

— То-то! — рассмеялся барон. — Хорошо сказано, Иван, а раз ты ничего не имеешь против этого, вы поедете вокруг света. Но вы посетите не города, в которых будете останавливаться лишь по мере необходимости, а те местности, где видна природа во всех своих проявлениях. Вы ее должны изучать, а для этого надо видеть ее в своем первобытном состоянии, где она проявляет все свое величие и могущество. При этом я хочу, чтобы вы больше путешествовали по земле, чем по морю. Сухопутные путешествия длиннее и утомительнее, но зато и более поучительны. Вы будете наблюдать жизнь животных и птиц на их родине, будете изучать их привычки, нравы, особенности и заносить в дневник все, что сочтете достойным внимания. Я же буду щедро снабжать вас деньгами, но с условием — не транжирить их попусту! Государь был так добр, что дал мне для вас рекомендательное письмо, благодаря которому вы всюду найдете у русских консулов деньги и всяческую помощь, какая вам может понадобиться.

— Мы обещаем, папа, точно сообразовываться с ва-

шими приказаниями. Но откуда должны мы начать наше путешествие? — спросил Алексей.

Барон вынул из ящика письмо и подал его сыновьям, говоря:

— Вы найдете в этом письме все условия своего будущего путешествия, обдумайте их хорошенько и тогда приходите сказать мне, принимаете ли их, если нет, то нечего будет и говорить о путешествии.

Алексей взял письмо, и оба брата вернулись в свои комнаты, где тотчас же вскрыли, и не без удивления прочли его. Вот содержание этого письма:

«Сыновья мои, Алексей и Иван!

Вы хотите путешествовать и спрашиваете моего разрешения. Я вам даю его, но лишь при следующих условиях: вы привезете мне по одной шкуре всех известных разновидностей медведей. Эти медведи должны быть убиты в той стране, где родились, и вами лично, с помощью того спутника, которого я вам дам. Для этого вам придется объехать вокруг света, но всего один раз; таково одно из моих условий. Иначе говоря, я даю вам полную свободу пересекать все круги широты и ездить хоть одного полюса к другому; что же касается долготы, то вы не должны пересекать два раза один и тот же меридиан, разве только возвращаясь в Петербург. Это условие не относится к поездкам, вызванным преследованием медведя, и относится лишь к самому направлению вашего путешествия. Выехав из Петербурга, вы направляетесь по своему желанию, на восток или на запад, причем, я надеюсь, что ваши познания помогут вам правильно выбрать путь. Как только вы выйдете из моего дворца, я перестану интересоваться вами. Возможно, что вы постареете на несколько лет, прежде чем я снова увижу вас, но я рассчитываю, что это время не пропадет для вас даром. Ваш любящий отец

Михаил Гродонов».

Юноши были несколько удивлены, прочтя это странное послание, но в общем условия, поставленные отцом, не показались им ни суровыми, ни неразумными, и они приняли их, не колеблясь. Они отчасти угадывали побуждения барона: желая, чтобы они как можно ближе познакомились с природой, он поставил им такие условия, при которых они неизбежно должны были по-

сетить самые дикие местности. Предстоящие опасности и лишения не смущали их, потому что они получили истинно спартанское воспитание, были прекрасными охотниками, несмотря на юный возраст, и к тому же привыкли уже на родине к суровому климату. Одно лишь их смущало — это запрещение дважды пересекать один и тот же меридиан; но они понимали, что раз отец поставил им такое условие, следовательно, оно выполнимо, и им остается лишь хорошенько обдумать свой будущий маршрут, чтобы не попасть на ложный путь. Для этого прежде всего необходимо было припомнить все известные натуралистам виды и разновидности медведей и все места их распространения, чтобы знать, какие именно страны им придется посетить. К счастью, Алексей был силен в зоологии, и оба прекрасно знали географию. И вот, разложив на столе карту обоих полушарий и вооружившись всеми необходимыми пособиями, они принялись за обсуждение своего маршрута.

III. ОБСУЖДЕНИЕ МАРШРУТА И ОТЪЕЗД

— Во-первых, — начал Алексей, — имеется бурый медведь (*Ursus arctos*). Мы могли бы его убить, не выезжая из пределов России, так как он водится у нас; но так как его разновидность, черный медведь (*Ursus niger*), лишь чрезвычайно редко встречается в наших северных лесах, а живет главным образом в Скандинавских горах, то нам придется первым делом отправиться в Норвегию и Лапландию, где мы заодно встретим и бурого медведя. Оттуда наш путь лежит в Пиренеи и другие горы Испании, где также водятся бурые медведи, но совсем иной породы.

— А куда мы поедem из Испании? В Северную Америку?

— Нет.

— Может быть, в Африку?

— Нет.

— Значит, в Африке нет медведей?

— Это спорный вопрос среди ученых. Что касается нашего отца, то он думает, что они водятся в Африке; но так как мы должны привезти лишь шкуры известных, бесспорно установленных натуралистами пород, то в Африке нам делать нечего.

— Тогда почему же нам не уехать в Северную Америку?

— Ты забываешь про южноамериканского медведя.

— Верно, очкового медведя, как его называют.

— Вот именно, *Ursus ornatus*. Я даже думаю, что мы найдем в Южной Америке две породы медведей, хотя это еще спорный вопрос. Они оба водятся в Чилийских и Перуанских Андах.

— Потому-то ты и не одобрил моего маршрута?

— И я прав. Мы найдем в Северной Америке не менее пяти медвежьих пород, одна из которых, ужасный серый медведь (*Ursus ferox*), водится в местности гораздо более западной, нежели какая бы то ни была часть южноамериканских Анд. Как же мы тогда вернулись бы за очковым медведем, не нарушая параграфа нашего условия относительно долготы? Таким образом, мы вынуждены сначала добыть шкуры очкового медведя и другой породы, водящейся в Андах, а затем направимся прямо к северу. В долине Миссисипи мы встретим черного американского медведя (*Ursus americanus*) и, присоединившись к одному из караванов, идущих к Гудзонову заливу, достигнем области, где водятся белые медведи (*Ursus maritimus*). Далее по направлению к северо-западу, в Скалистых горах, нам, надеюсь, представится случай померяться силами со знаменитым серым медведем, и, наконец, в штате Орегоне мы сможем прибавить к нашей коллекции шкуру коричневого медведя (*Ursus cinnaomus*). На этом мы покончим с медведями американского континента.

— И, вероятно, отправимся в Азию?

— Да, мы переедем пролив, отделяющий Америку от Камчатки. Там мы встретим медведя-стервятника (*Ursus collaris*). С Камчатки направимся далеко на юго-запад, на о-в Борнео, за хорошеньким маленьким медведем, которого малайцы называют «бируангом» (*Ursus eurypilus*).

— Разве нет еще другого бируанга?

— Да, это медведь полуострова Малакки (*Ursus malaganus*). Мы его встретим на Суматре или Яве.

— Отлично! А куда мы потом отправимся?

— Мы поднимемся по Бенгальскому заливу и пойдем в Гималайские горы. У подножья этих гор и по их первым отрогам мы отыщем любопытную породу, медведя-губача (*Ursus labiatus*), а затем поднявшись на извест-

ную высоту, наверняка, встретим тибетского горного медведя (*Ursus thibetanus*), а еще выше, надеюсь, нам посчастливится отыскать светло-рыжего медведя (*Ursus isabellinus*), которого англо-индийские охотники зовут снежным медведем, потому что его обычным местопребыванием служит область снегов в этих громадных горах.

— И это все?

— Нет, брат, останется еще один медведь, но это уже будет последний. Это сирийский медведь (*Ursus syriacus*), первый, о котором упоминает история, ибо к этой породе принадлежали те два медведя, которые, выйдя из леса, разорвали у ворот Вавилона сорок двух детей, насмехавшихся над пророком Елисеем. Добыв шкуру сирийского медведя, нам остается только вернуться домой по кратчайшей дороге. Ну, а теперь, выяснив, каким путем нам следует ехать, не будем терять времени. Пойдем сказать отцу, что принимаем его условия, а затем займемся приготовлениями к отъезду.

— Пойдем, — ответил Иван.

И они вернулись к барону, которому объявили, что готовы ехать.

— А с кем мы поедem, папа? — спросил Иван. — Вы, кажется, говорили о каком-то спутнике?

— Да. Больше вам никого не нужно. — И, позвонив, барон сказал явившемуся слуге. — Пошлите ко мне Пушкина.

Почти тотчас же в комнату вошел человек лет пятидесяти. Его высокая и статная фигура, коротко стриженные волосы, огромные седые усы и серьезный вид выдавали в нем ветерана императорской гвардии. Войдя, он молча вытянулся и остановился, не сводя глаз с генерала.

— Пушкин!

— Что прикажете, ваше превосходительство?

— Я хочу отправить тебя в путешествие.

— Слушаюсь. Какое путешествие прикажете мне сделать, ваше превосходительство?

— Вокруг света.

— Через полчаса могу быть готов.

— Отлично. В таком случае ты едешь через полчаса.

Пушкин поклонился и вышел.

Мы не будем описывать сцену прощания барона с сыновьями. Советы, обещания, обмен ласк — все произошло в данном случае так, как обыкновенно происхо-

дит при подобных обстоятельствах. Достаточно будет сказать, что юные путешественники отправились на почтовых лошадях прямо из Петербурга в Торнео, откуда по реке того же имени поднялись на север, в горную область. Они не были обременены слишком большим багажом. Каждый имел лишь по мешку с самыми необходимыми предметами и по меховому плащу, который должен был им служить также постелью и одеялом. Все же остальное было решено покупать на месте, с какой целью Пушкину была вверена значительная сумма денег. Зато они были прекрасно вооружены и огнестрельным, и холодным оружием.

IV. В ЛАПЛАНДИИ

Когда они прибыли в Лапландию, зима уже кончалась, но земля еще была покрыта толстым слоем снега. В это время года медведи еще не показываются, а спят в своих берлогах, спасаясь этой спячкой от голодной смерти, так как зимой им нечем питаться. Почувствовав приближение весны, они просыпаются и вырывают из-под снега желуди, до которых большие охотники.

К счастью для наших друзей, они попали на север именно в такое время, благодаря чему им скоро удалось напасть на медвежий след.

Это случилось рано утром, вскоре после того, как они покинули шалаш лапландца, приютившего их у себя на ночь. Пройдя по следу около мили, они очутились в узком ущелье между двумя крутыми скалами; дно этого ущелья было покрыто слоем снега полусажени толщины, по бокам же снега было совсем немного, достаточно однако для того, чтобы на нем ясно запечатлелись следы медведя. Охотники, не задумываясь, продолжали идти по ним и, видя, что медведь перешел на другую сторону ущелья, стали переправляться туда же.

При этом случилось одно маленькое происшествие, несколько задержавшее их в пути. Думая, что там, где прошел медведь, смогут пройти и они, наши друзья упустили из виду, что зверь, идущий на четырех лапах, имеет больше точек опоры, на которые распределяется его тяжесть, нежели человек, и что вследствие этого тяжелому медведю легче пройти там, где более легкий человек провалится.

Так и случилось. Алексею и Ивану удалось перейти благополучно, так как они весили немного, но великан Пушкин, бывший чуть ли не тяжелее их обоих, вместе взятых, с головой провалился в снег, под которым тек ручей, и лишь кончик его ружейного ствола выглядывал на свет божий. Впрочем, это приключение не испугало, а лишь насмешило путешественников, в том числе и самого пострадавшего; Пушкин был благополучно извлечен при помощи веревки из своей снеговой тюрьмы, и трое друзей немедленно продолжали свой путь.

— Право,— вдруг сказал Иван, указывая на один из следов, по которым они направлялись,— если бы я не видел отпечатка когтей пальцев, я подумал бы, что мы идем не за медведем, а за человеком, за каким-нибудь лапландцем. Эти следы совершенно похожи на человеческие.

— Это верно,— отвечал Алексей,— между отпечатком медвежьей лапы и человеческой ноги есть замечательное сходство, особенно, когда след старый, и углубления от когтей сглаживаются.

— Судя по следам, по которым мы идем, оставивший их зверь должен быть очень велик.

— Да, это, очевидно, старый самец. Однако, если я не ошибаюсь, мы скоро сможем убедиться в этом. Следы становятся все свежее, вряд ли зверь давно здесь проходил, и я не удивлюсь, если мы его встретим в этом ущелье.

— Смотрите!— закричал Иван, нетерпеливые глаза которого оторвались от следов и глядели вперед,— смотрите, там, под корнями этого дерева какая-то дыра, не то ли это, что мы ищем?

— Похоже на то. Внимание! Пойдем осторожнее по следам! Главное — ни слова!

И все трое, едва дыша из боязни выдать свое присутствие зверю, которого они искали, молча пошли вперед, все время придерживаясь следов, ведущих их с самого утра. Свежевыпавший снег, лежавший под их ногами, позволял им двигаться без малейшего шума и они подошли таким образом приблизительно футов на шесть к упомянутому дереву.

По-видимому, все подтверждало предположение Ивана. След прекращался в ущелье и шел вверх по скалам, у отверстия, на котором сосредоточилось внимание охотников, снег был взрыт, точно медведь долго здесь валял-

ся, прежде, чем войти в берлогу; к тому же, следы не шли назад, очевидно, медведь устроил тут свое логовище и теперь находился дома.

Берлога, если это только была она, не имела другого входа, кроме небольшого отверстия, едва достаточного для того, чтобы в него пролез медведь средней величины. Эта дыра вырыта под большой елью, среди корней которой медведь, очевидно, устроил свое жилище. Дерево подымалось над склоном скалы, и его главные корни простирались на довольно большое пространство, там и сям выходя на поверхность. Перед входом находился выступ скалы, род узенькой платформы, на которой утоптаный снег показывал, что медведь здесь останавливался; под этим выступом уклон становился круче и почти перпендикулярно спускался к ущелью.

Наши охотники выжидали, расположившись так, чтобы не упустить ни одного движения врага. Пушкин стоял внизу и прямо против входа, приблизительно шагах в шести от него. Иван был поставлен справа. Алексей же держался слева. Самый опасный пост был, естественно, предоставлен старому солдату.

Довольно долго стояли они молча и почти не двигаясь. Ничто не выдавало присутствия медведя. Тогда они решили сами привлечь внимание зверя каким-нибудь шумом и начали кашлять и громко разговаривать, но напрасно. Даже крики не привели ни к каким результатам. Между тем медведь был здесь, в этом ни один из наших охотников не сомневался. Но спал ли он или нет, — приходилось его вызывать каким-нибудь иным средством, например, раздражить его палкой. Эта мысль прежде всего пришла в голову путешественникам, и они немедленно привели ее в исполнение.

Старый солдат срубил росшую поблизости сосенку, обрубил ее ветви, и таким образом получился длинный шест, что было весьма удобно, так как иначе пришлось бы слишком близко подойти к опасному зверю. Вернувшись на свое место, он всунул конец шеста в зияющее углубление и стал им размахивать во все стороны, ударяя по внутренним стенкам берлоги, затем вытащил его и стал ждать ответа медведя.

Ничего!

Снова шест был всунут в дыру и на этот раз еще дальше продвинут вперед. В то же время они изо всех

сил начали кричать и шуметь, но все было напрасно. Бурый не пошевелился и даже не заворчал.

— Он, наверное, спит. Протолкни-ка шест подальше,— сказал начинающий терять терпение Иван.

Повинуясь своему молодому господину, Пушкин настолько приблизился к берлоге, что конец его шеста достал до ее дна, и начал им ощупывать ее по всем направлениям. Но шест не встречал ничего похожего на мягкую шкуру медведя, ударяясь лишь о камни, образующие пол и стены пещеры. В этом скрывалась какая-то тайна. Пушкин был бывалый медвежий охотник, и ему не впервые приходилось ощупывать таким образом нору этого зверя, так что он прекрасно умел отыскивать все ее закоулки. К тому же он был уверен в том, что эта пещера не сообщалась ни с какой другой, потому что иначе он открыл бы вход в последнюю. Чтобы удостовериться в этом, он стал вплотную ко входу в логово. Алексей и Иван также подошли, и исследование продолжалось.

Убедившись окончательно, что в берлоге медведя нет, Пушкин решил испытать последнее средство, а именно: он лег у входа и, приложив ухо к земле, стал слушать, попросив своих юных господ хранить глубочайшее молчание.

Они в точности исполнили его предписание, и тишина позволила им расслышать какой-то шум, который заставил их невольно отшатнуться назад и поднять глаза на вершину дерева. Там они заметили нечто, заставившее их громко вскрикнуть и поднять вверх стволы своих ружей. Какое-то огромное животное медленно спускалось с большой ели, под которой они находились. Сначала трудно было даже определить, что это за зверь, так как он представлялся лишь бесформенным клубком длинной бурой шерсти. Однако, нечего было и сомневаться в том, что это именно их медведь.

Поэтому Алексей и Иван, не долго думая, выстрелили в него. Пушкин услышал их крики и выстрелы, но не слышал сопения, предупреждающего их о присутствии медведя. Он поднял голову, но было уже поздно. Едва успел он вскочить, как медведь, ударив его в спину, повалил лицом на землю. Может быть, ему лучше было бы остаться в этом положении, так как медведь отвернулся от него и, казалось, думал лишь об отступлении, но старый гренадер, не предвидя того, что его положе-

ние может сделаться еще более критическим, поднялся и схватился за свое ружье.

Это приготовление к схватке вместе с болью, причиненной полученными двумя ранами в бедро, разъярили медведя. Он разинул пасть и пошел на grenадера. Последний успел выстрелить, но, увы, ружье дало осечку. Неудача врага лишь усилила гнев зверя, а пуля, тотчас же выпущенная Иваном и угодившая в него, довела его до настоящего бешенства.

Между тем Пушкин вытащил свой большой нож, — единственное оружие, оставшееся у него под рукой. Он еще мог бы попытаться спастись бегством, но не иначе, как идя почти на верную гибель. Медведь стоял над ним, на склоне скалы, и если бы он повернулся к нему спиной, то тот в одно мгновение мог бы свалить его в ущелье. Пушкин решил, что лучше будет встретиться с ним лицом к лицу, держаться от него как можно дальше и тем временем отступить на более ровное и твердое место.

Медведь остановился на минуту, чтобылизать свои раны, и в это время Пушкин успел отступить на несколько шагов, но тотчас же вслед за этим его страшный враг быстро побежал к нему и, остановившись в каком-нибудь аршине от охогника, встал на задние лапы в позу заправского боксера.

Тут Алексей и Иван увидели, как старый солдат согнулся и сделал выпад правой рукой, в которой держал нож, и секунду спустя человек и зверь схватились телом к телу.

В первую минуту ничего невозможно было различить в поднятой ими туче снега. Иван громко кричал от страха за своего дорогого Пушкина. Более же спокойный Алексей торопливо заряжал ружье, понимая, что лучшим средством спасти жизнь их верного товарища было убить медведя.

Зарядив, он тотчас же бросился к месту схватки, где человек и медведь все еще продолжали кружиться, крепко обнявшись. Но вот они разделились. Пушкину удалось вырваться из объятий зверя; он отступал, преследуемый своим противником и, к сожалению, держась так, что мешал стрелять своему юному господину. Борцы переходили в эту минуту через ущелье и, следовательно, находились на упомянутом уже толстом слое снега; и в то время, как широкие лапы четвероногого

без малейшего затруднения скользили по его поверхности, человек чувствовал, как снег уходит у него под ногами. Медведь быстро настиг его и собирался нанести ему роковой удар, как вдруг тот, кому он предназначался, исчез с глаз Ивана и Алексея, словно земля разверзлась под ним. Сперва они думали, что медведь свалил Пушкина, но каково же было их изумление, когда вдруг и зверь, и человек куда-то исчезли!

Это внезапное исчезновение чрезвычайно обеспокоило бы наших юных охотников, если б не утреннее приключение с Пушкиным, благодаря которому они легко могли себе объяснить случившееся: очевидно, старик снова провалился сквозь хрупкий снеговой пласт. Но на этот раз смеяться было нечему: теперь Пушкин барахтался в ручье уже не один, а, вероятно, под павалившимся на него страшным зверем.

Алексей кинулся к месту схватки, где услышал под собой смутный шум, в котором выделялся рев медведя, и ускорил шаги, удивляясь тому, что не слышит голоса Пушкина. Подойдя шагов на пять к провалу, он увидел кончик медвежьей морды, торчащей над снегом, потом появилась вся голова и шея, но тотчас вслед за этим бурый снова весь исчез. Юного охотника охватила досада, что он не успел выстрелить в тот момент, как медвежья голова высунулась наружу. Но вот кончик морды снова выглянул на свет божий, и Алексей, шагнув вперед, всунул дуло ружья в снег так, чтобы коснуться лба животного и спустил курок.

Первые несколько секунд ничего не было видно в туче дыма и снега, но зато юноша услышал нечто, убедившее его в том, что его пуля не пропала даром. Плеск под снегом свидетельствовал о том, что медведь бьется в воде, а его жалобный, постепенно слабеющий рев не оставлял сомнений, что силы быстро покидают его. Как только дым рассеялся, Алексей подполз на коленях к провалу и заглянул в него. Там в нескольких местах виднелась кровь и на ледяных обломках черпела какая-то масса, в которой нетрудно было узнать медведя.

Но куда же девался Пушкин?? Уж не утонул ли он?

Охваченный тревогой, Алексей стал кричать, зовя своего товарища, как вдруг услышал сзади себя громкий хохот Ивана. Он поднялся, удивляясь такой неуместной веселости, но в ту же минуту увидел нечто, при-

чинившее ему такую радость, что он тоже не мог удержаться от хохота. И, действительно, трудно было бы вообразить что-нибудь комичнее той сцены, при которой присутствовали братья.

Шагах в десяти вниз по ручью из-под снега вылезал какой-то круглый белый шар, который посторонний человек не знал бы, за что и принять; но наши юноши сразу узнали в нем голову Пушкина, комичное выражение глаз которого и заставило их расхохотаться. Однако, они тотчас же сообразили, что, быть может, он опасно ранен, и поспешили к нему на помощь. Первым вопросом Алексея, как только они подбежали достаточно близко, был,— не ранен ли старый солдат?

— Есть кое-какие царапины, милые господа,— отвечал он,— но ничего серьезного. А зверь-то? Медведь? Куда он девался?

— С ним покончено, и в этом отношении мы можем быть спокойны. Нам остается лишь вытащить его труп и содрать с него шкуру. Но сперва дай тебя вытянуть из снега, старина, а потом расскажи нам, каким чудом ты спасся.

И оба брата принялись ломать снеговую корку, пока не освободили плеч Пушкина, а потом, подхватив его с двух сторон, помогли ему вылезти из ямы.

Пушкин отряхнулся и стал рассказывать о своем приключении. Первым делом он объяснил, что отступал перед врагом не потому, что считал себя побежденным, а вследствие того, что потерял свой нож. Намокший в крови черенок выскользнул у него из руки, и, видя себя безоружным, он решил прежде всего вырваться из объятий медведя; да и что мог бы поделать безоружный человек против такого огромного зверя? Но, думая лишь как бы избавиться от медведя, он забыл о том, что с ним случилось утром, и какая опасность грозила ему на снеговом мосту, который раз уже провалился под ним. Впрочем, ему больше некуда было деться. Пойдя направо или налево, он должен был бы лезть на скалу, на которой медведь нагнал бы его двумя прыжками. Следовательно, он избрал благую часть; конец же приключения показал, что его вторичный провал под снег был самым счастливым случаем, какой только мог его постигнуть. Иначе он, по всей вероятности, попал бы в когти разъяренного зверя и был бы разорван в клочки.

Когда, провалившись, он почувствовал, что стоит в воде, ему вспомнился виденный утром род свода, образуемого снегом над ручьем и, видя, что медведь собирается броситься на него, он наклонил голову и стал искать убежища в этом своеобразном туннеле. Едва он успел забраться туда, как медведь свалился сзади него. Но он продолжал идти вперед по течению ручья, руками и головой прочищая себе путь.

В это время Алексей и свел свои счеты с медведем. Вместо того, чтобы преследовать Пушкина под снегом, бурый, очевидно, немало удивленный своим падением в воду, думал лишь о собственном спасении.

Однако, старый солдат вышел из борьбы не без царапин. Внимательно осмотрев его, юноши увидели, что у него на левом плече остались глубокие следы медвежьих когтей. Кожа была сорвана на пространстве сколо вершка, и под ней зияло мясо. К счастью, Алексей обладал кое-какими хирургическими познаниями. Не теряя ни минуты, он перевязал руку настолько хорошо, насколько это было возможно при данных обстоятельствах.

После этого они вспомнили о медведе и вернулись втроем к яме, в которую он свалился. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться, что зверь издох. Тут Иван, игравший лишь пассивную роль во всем, что происходило до сих пор, проявил живейшую деятельность. Он соскользнул на труп медведя и, обвязав ему одну из его задних лап веревкой, стал помогать брату и Пушкину тащить его наверх. Тремя месяцами ранее, т. е. перед зимней спячкой, это было бы нелегким делом, но с тех пор бурый наполовину отошал, благодаря чему с ним легче было справиться. Однако охотникам пришлось порядком повозиться, раньше, чем они выволокли тушу медведя из провала и распластали ее на снегу. Теперь оставалось только содрать шкуру. Но для этого требовался нож, а они никак не могли отыскать потерянного Пушкиным ножа, хотя и искали его самым тщательным образом.

Наконец, он неожиданно, к великому изумлению наших охотников нашелся в самой туше: оказывается, он по рукоятку вонзился в плечо медведя. Это был, несомненно, смертельный удар, но все-таки окончательно бурый был сражен лишь пулей Алексея, пробившей ему череп и пронзившей мозг. Зверь был освежеван с ве-

личайшей тщательностью, так как шкура его была великолепная, и наши юноши знали, с каким вниманием будут ее разглядывать в Гродоновском дворце. Покопав с этим делом, они осторожно свернули шкуру, перевязали ее веревкой и в виде ранца взвалили на спину Пушкина. Затем, оставив тушу на съедение волкам, они спустились к ущелью, и знакомой тропинкой вернулись в закопченный шалаш своего хозяина, поспев как раз к обеденному часу.

V. ЧЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ

Убитый медведь был настоящий *ursus arctos*, или бурый медведь, называемый так по цвету его шкуры. Заручившись этим первым трофеем, наши охотники стали подумывать о том, как бы добыть черного медведя. Они знали, что это будет нелегко, потому что черный европейский медведь довольно редкое животное. Но так как они все-таки находились в стране, где его всего легче встретить, то энергично принялись за поиски.

Во время этих поисков им посчастливилось встретить медведицу с тремя медвежатами; мать и один детеныш были буры, второй серый, как барсук, у третьего же вокруг шеи шла белая полоса в виде ожерелья. Хотя это семейство принадлежало к той же породе, как и убитый великан, окраска же шерсти двух медвежат была лишь делом случая и, следовательно, согласно заключенному условию, охотникам не было надобности добывать их шкуры, они все-таки соблазнились возможностью сделать больше, чем от них требовалось. Вскоре все четыре шкуры были отправлены в музей барона.

Однако все это ничуть не подвигало вперед их дела относительно черного медведя. Они обошли все леса и горы на несколько миль в окружности, не встретив ни одного из них; но местные жители вскоре узнали, что они ищут, и так как предполагалось щедрое вознаграждение тому, кто укажет убежище такого зверя, то было весьма вероятно, что наши охотники вскоре услышат о нем.

Действительно, им недолго пришлось ждать. Едва минуло восемь дней с тех пор, как их желание стало известным, как к ним явился финский крестьянин и объявил, что он выследил черного медведя. Путешественники

радостно приняли принесенную им новость и тотчас же отправились за ним.

По дороге проводник сообщил нам, что не только выследил медведя, но может провести их прямо к его берлоге, находящейся неподалеку.

Поэтому Пушкин предложил своим молодым господам разделиться и, со всех сторон окружив назначенное место, начать сходитьсь по сигналу, чтобы отступление было отрезано врагу по всем направлениям. Но финн был другого мнения и, многозначительно улыбаясь, объявил, что все эти предосторожности излишни, так как медведь не покинет своего убежища раньше, чем они подойдут достаточно близко. Такая уверенность проводника несколько удивила наших охотников, но они вскоре получили ее разъяснение.

Финн подвел их к утесу у небольшой горки, состоявшей частью из скал земляного цвета, и, показывая на отверстие в утесе, сказал:

— Старый Налъ тут.

Надем в скандинавских странах называют медведя, и нашим охотникам это было известно. Но им показалось настолько невероятным, чтобы медведь в указанную проводником дыру мог пролезть, что Иван и Алексей ответили на его слова взрывом хохота, между тем, как досада Пушкина выражалась энергичными жестами. Эта дыра была просто трещиной между двумя скалами и имела никак не более шести-восьми дюймов в ширину. Расположенные вокруг нее камни были покрыты толстым слоем льда, а со скалы направо и налево свешивались ледяные сосульки, похожие на огромные хоботы слонов. Одна из них находилась как раз против дыры и спускалась до земли, упираясь нижним концом в неправильной формы яму, наполненную свежавывавшим снегом.

Первое впечатление путешественников было, что хитрый финн обманул их. Пушкин без дальнейшей церемонии объявил, что они не дадут себя дурачить, и потребовал назад десять рублей, заплаченных его господами за указание медведя.

— Это мошенничество!— говорил старый солдат.— Даже если тут и есть пещера, то самый тощий медведь не мог бы пролезть в такую дыру. Кошка, и та едва бы протискалась в нее!

К тому же вокруг не было ни одного медвежьего следа.

— Нас попросту одурачили, — ворчал Пушкин.

— Будьте терпеливее, господа, — возразил финн; — что бы вы ни говорили, но медведь там сидит, и я это вам докажу или верну назад ваши деньги. Видите мою собачонку? Она вам скажет, что старый Наль здесь, так же, как сказала это мне.

И с этими словами проводник освободил свою тощую дворняжку, которую до сих пор держал на привязи. Почувствовав себя на свободе, она подбежала к указанной ее хозяином дыре и с остервенением принялась скрести лед лапами. Это было несомненным доказательством того, что внутри скалы находится какая-то живая тварь; но как мог крестьянин узнать, что это именно медведь, да еще черный?

Ему тотчас же был предложен этот вопрос.

Он вытащил из кармана пук длинной черной шерсти, принадлежавшей медведю, и отвечал:

— Вот почему я все это знаю.

— Но откуда взялся этот клочок шерсти? Где ты его нашел? — разом спросили все трое охотников.

— Здесь, господа, — отвечал финн, показывая им на выступы отверстия. — Старый Наль, наверное, потерял его, пролезая в эту дыру. Тут я его и нашел.

— Но, — возразил Алексей, — не станешь же ты уверять нас, будто медведь пролез в эту дыру? Тут и кошка не пролезет.

— Да, теперь, это правда, — отвечал крестьянин, — но медведь вошел в нее три месяца назад, а тогда дыра была гораздо больше.

— Больше?

— Конечно, господа. Вы видите только верх дыры, которая идет до самой земли, все время расширяясь. Только теперь она забита кучей снега и льда, а если ее очистить, то вы увидите дыру, вполне достаточную для того, чтобы пропустить медведя. Уж поверьте, господа, что он там, я вам за это ручаюсь.

— Значит, он там заперт и не может выйти?

— Совершенно верно, — отвечал крестьянин. — Если бы мы его не нашли, ему пришлось бы сидеть в своей пещере до тех пор, пока солнце не растопит льда. Это часто случается со здешними медведями.

Эти объяснения крестьянина, по-видимому, прекрасно знакомого с привычками медведей, совершенно рассеяли сомнения наших охотников относительно присутствия зверя в указанном месте. Вскоре этому явилось еще более положительное доказательство; они отчетливо услышали сопение и жалобное ворчание, словно отвечающее на лай собаки.

Нельзя было больше сомневаться: там внутри находился медведь. Но как заставить его выйти?

Они подождали с минуту, надеясь, что зверь высунет морду в узкую отдушину, через которую в его жилище проникал свет и воздух, и все трое, нацелившись, готовы были стрелять. Но прошло довольно много времени, а зверь не показывался, и они увидели, что придется прибегнуть к иному способу действий. Судя по ворчанию, медведь должен был находиться неподалеку от входа в пещеру, и они думали, что могут достать его палкой. Они попробовали это сделать, но шест проникал в пещеру лишь по косому направлению, и сколько Пушкин не двигал им во все стороны, никак не мог зацепить медведя. В то же время рев последнего указывал на то, что он ушел в глубь берлоги.

Оставалось лишь одно средство — прорубить толщу льда, заграждавшего вход, и выпустить пленника на свободу. Но захочет ли еще он убежать? Финн в этом не сомневался. «Уже достаточно тепло, — говорил он, — для того, чтобы медведь вышел из спячки; он уже давно бы бегал по лесу, если бы его не задерживал лед. Поэтому, как только выход будет свободен, надо ожидать, что он сразу выскочит, потому что он голоден; лай собаки и шум, доносившийся до него снаружи, быть может, и заставят его поколебаться, но не надолго. Наконец, его тогда легко будет достать и палкой, что уж, конечно, разъярит его и заставит выйти».

Убеденный этими доводами, Пушкин схватил топор, разбил вдребезги большую сосульку, спускавшуюся со скалы, и уже готовился приняться за ледяную глыбу, запиравшую вход, когда крестьянин остановил его.

— Постой, барин, — сказал он, беря его за руку, — пожалуйста, не торопись.

— Это почему? Ведь ты сам говоришь, что мы можем добыть зверя, лишь открыв ему дверь?

— Конечно, но раньше нам надо еще кое-что сделать. Ведь мы будем иметь дело с черным медведем!

— Не все ли равно, с черным, или бурым, или серым? — спросил гренадер, который до сих пор охотился лишь в русских лесах.

— Разве вы не знаете, что черный медведь гораздо больше, сильнее и злее бурого? К тому же теперь голод еще должен усиливать его свирепость, и первым его движением на выходе из пещеры, будет, конечно, броситься на одного из вас; что до меня, то признаюсь, я и не подумал оставаться здесь, как только ледяная глыба будет разбита и вход открыт. Погодите, барин, мне кажется, что я могу вам указать гораздо лучшее, или, по крайней мере, более безопасное средство. Мы всегда употребляем, когда знаем, что медведь проснулся и не может нам помешать в нашей работе.

— Отлично, — отвечал Пушкин, — я сделаю все, что хочешь. По правде сказать, я вовсе не спешу схватиться с одним из этих злодеев; с меня довольно и того раза.

Старый гренадер, раны которого еще не вполне зарубцевались, сделал при этом выразительное движение плечами, напомнившее ему объятия медведя, в которые он попал несколько дней тому назад.

— Тогда, — сказал крестьянин, — помогите мне срубить несколько здоровых кольев, и я вам укажу способ завладеть старым Налем, разбив ему череп без всякой опасности для нас, или же всадив ему пулю в морду, если вам больше правится убить его из ружья.

Предложение финна было единогласно принято, ибо если черный медведь, по уверениям их проводника, был свирепее своих бурых собратьев, то им вовсе не улыбалась мысль видеть его на свободе. Кроме того, не убив его на месте, как только он выйдет из логовища, они рисковали жизнью, а в лучшем случае, могли упустить его, что им казалось еще менее приятным. Крестьянин в немногих словах объяснил им свой план, и все немедленно же принялись осуществлять его.

Собрав известное количество толстых жердей длинной около сажени, и заострив их на конце, они воткнули их в землю так, чтобы перед входом в пещеру и вокруг запиравшей его ледяной глыбы образовался род полукруглого забора. Снаружи они навалили крупных камней, чтобы сообщить большую устойчивость кольям, которые наверху скрепили сосновыми ветками. Таким образом, они построили баррикаду, сквозь которую не прошел бы не только медведь, но даже кошка. Однако

против пещеры на небольшой высоте было проделано отверстие, достаточное для того, чтобы пропустить голову их будущего пленника.

Осталось только устроить крышу над огороженным местом. Они сделали ее из длинных шестов, положенных горизонтально и прикрепленных к верхушкам кольев, а сверху навалили толстый слой сосновых веток.

Настало, наконец, время разбить лед и дать медведю возможность выйти. Это дело было бы затруднительно, если бы Пушкин еще раньше не принялся за него. Но пока его товарищи устраивали крышу, он по совету крестьянина со всех сторон обрубил топором огромную глыбу; вскоре от нее остался лишь кусок, который был достаточен для того, чтобы загородить вход, но который нетрудно было протолкнуть внутрь пещеры, или же разбить, стоя вне баррикады.

Все время, пока длилась эта работа, старый гренадер был настороже. Шум, время от времени доносившийся из пещеры, предупреждал его, что следует быть готовым к нападению. Навалившись всей своей тяжестью на расшатанный лед, медведь мог внезапно пробить себе проход, и потому по мере того, как с каждым ударом топора уменьшалось количество льда, опасения Пушкина все возрастали. И он весьма обрадовался, когда все решили, что работа достаточно подвинулась вперед, и он мог присоединиться к своим компаньонам, стоявшим по ту сторону заграждения.

Теперь оставалось лишь протолкнуть остаток льда в пещеру. Они это сделали с помощью длинной рогатины с железным наконечником, которую финн нес с собой. То, что еще оставалось от глыбы, живо разлетелось вдребезги под ударами этого своеобразного тарана. Так как теперь отверстие было достаточно велико для того, чтобы пропустить медведя, крестьянин вытащил рогатину, предупредив наших охотников, чтобы они держались наготове и смотрели в оба.

Но к их большому разочарованию медведь не показался ни тогда, когда был пробит проход, ни спустя часа два после этого, и они начали опасаться, что он вовсе не собирается выходить. Однако, крестьянин уверял их, что под конец они непременно увидят его, но может быть, не ранее нескольких часов. Нужно, говорил он, как можно меньше шуметь, чтобы зверь мог подуматься, что охотники ушли.

— Он уже давно не ел, — прибавил финн, — и его желудок, голос которого будет становиться все настойчивее, уже напомнил ему, что пора поесть что-нибудь. Итак, будьте покойны, господа, он покажется.

— Зачем нужно было делать эту форточку? — спросил Иван, указывая на маленькое отверстие, оставленное среди забора.

— Эта дыра, — отвечал крестьянин, — может пригодиться нам, чтобы убить медведя. Выйдя из берлоги, старый Наль первым делом пойдет искать в заборе такое местечко, где бы он мог вылезти. Он не может не заметить этого отверстия и, разумеется, просунет в него голову. Один из нас станет сбоку, с топором, вот как я сейчас, и надо быть очень неловким, чтобы в таком положении не раскроить медведю череп.

И финн сопроводил свои последние слова весьма выразительным взмахом топора, которым действовал с необычайной ловкостью.

Наши охотники отлично поняли, что он этим хотел сказать, но им этого было мало. Согласно условию, с которым они получили разрешение путешествовать, медведь должен был быть убит одним из них. Когда крестьянину объяснили в чем дело, он охотно отказался от своего намерения и уступил место Пушкину, который приготовился обрушиться на голову животного таким метким и, несомненно, смертельным ударом, какого еще никогда не наносил ни один дровосек Скандинавии. Алексей взял ружье Пушкина, из которого обещал стрелять после того, как разрядит свой собственный карабин; и так как у Ивана в одном стволе ружья была пуля, а в другом дробь, то было вполне вероятно, что медведь не легко отделается от них, и оставит тут свою шкуру.

В данный момент вопрос заключался в том, выжить ли терпеливо, пока покажется медведь, или же заставить его выйти по более сильному побуждению, нежели требования его желудка. Охотники решили, что не будет никакой беды, если они попытаются раздражить его палкой.

Дровосек принес сосновую ветку длиной с обыкновенное удилище, конец которой он всунул в пещеру, предварительно обрубив с нее сучки. К общему удовольствию, она оказалась довольно длинной для намеченной цели, так как ясно чувствовалось, что конец ее упи-

рается в толстую шкуру животного. Но дальше этого дело не шло, и так как их палка была все-таки слишком тонка и гибка, то они могли напирать на нее лишь слегка. Этого было достаточно, чтобы убедиться в присутствии животного и заставить его поворчать, но не для того, чтобы принудить его выйти из берлоги.

Что же было делать? Неужели оставалось только отойти в сторону и терпеливо дожидаться, пока голод выгонит медведя из его берлоги? Холод был очень силен, а перспектива долгой стоянки в этой части леса вовсе не улыбалась охотникам. Между тем они были вынуждены провести здесь не только день, но и ночь. Правда, их баррикада была достаточно крепка для того, чтобы на несколько минут задержать животное и отстоять его первый приступ; но если предоставить в его распоряжение целую ночь, то ему легко удастся повалить колья и убежать.

Поэтому нечего было и думать хотя на минуту покинуть место будущей битвы, и единственный способ избавиться от скуки чересчур долгой стоянки было изобрести что-нибудь такое, что выманило бы медведя из его недоступного убежища.

Тут Иван, отличавшийся изобретательным и живым умом, предложил сфабриковать ракету и пустить ее в пещеру. Идею эту нашли удачной; во всяком случае, ее легко было осуществить. Благодаря деньгам, которыми их снабдили, они не терпели недостатка в порохе. Пушкин насыпал его немного на свою ладонь и при помощи слюны сделал из него тесто; после этого свернул его пальцами в виде сигары, высушил у огня, который они уже давно развели, и теперь оставалось только приделать фитиль к концу этой сигары.

Когда все было готово, старый гренадер стал против входа в пещеру со своей ракетой. Финн поджег фитиль угольком — и ловко брошенная ракета полетела в пещеру.

Пушкин тотчас же встал на свое место с топором в руке.

Прошел короткий момент ожидания. Затем пещера озарилась ярким светом, сопровождающимся треском, свистом, и звоном, похожим на звон полудюжины сигнальных звонков. Среди этого шума, покрывая его, слышался медвежий рев и прежде, чем ракета догорела, показался медведь, одним прыжком перескочивший че-

рез обломки ледяной глыбы. Почти тотчас же раздался два выстрела, но они не остановили зверя, и он всей своей тяжестью навалился на забор, который затрещал и погнулся под ударом, готовясь уступить напору. Однако, колья оказались достаточно крепкими и устояли, к счастью для наших охотников, так как зверь оскалил два ряда таких зубов, каких они еще не видали, и достаточно было бы одного удара его когтей, чтобы проломить самый крепкий на свете череп.

Иван выстрелил вторично, на этот раз дробью, но только еще больше разъярил этим животного. Бега во все стороны и тщетно нища выхода, он выпускал страшный рев.

Алексей бросил карабин и взял ружье Пушкина. Пометавшись у одного из углов забора, он просунул дуло между двумя кольями и старался так прицелиться, чтобы выстрел был безусловно смертельным. Темнота, а также порывистость движений зверя крайне затрудняли молодого охотника.

Между тем было очень важно не промахнуться. Если бы раненый медведь ушел в свою пещеру, то на этот раз это невозможно было бы заставить выйти оттуда. Алексей знал это и решил не стрелять наудачу, как в первый раз. Он знал и то, что взрослый медведь, если его не ранить в голову или сердце, может без большого неудобства носить в своем теле значительное количество пуль. Пока Алексей выжидал таким образом удобного момента, он увидел, как животное остановилось около середины забора. Он прицелился ему в сердце и уже готовился выстрелить, как вдруг услышал глухой удар, подобный удару дубины, и в ту же минуту увидел, как медведь свалился на землю и остался недвижим, не подавая никаких признаков жизни.

Это Пушкин ударил своим топором по черепу чудовища и проломил его, как яичную скорлупу. Как и предсказывал крестьянин, зверь неосторожно просунул голову в дыру, около которой стоял настороже старый рубака.

Этим инцидентом и закончилась охота. Оставалось лишь снять забор, повесить медведя на дерево и содрать с него пышную шкуру. Все это было выполнено самым обстоятельным образом, и когда аккуратно скатанная шуба старого Наля была взвалена на плечи Пушкина,

наши охотники возвратились на свою временную квартиру.

Убитый ими медведь, как и говорил финн, был действительно черный, правда, шкура его не была совершенно черной, как у американского или индийского медведя, и шерсть его лишь на конце имела совершенно черный цвет, у основания же была коричневой; но он бесспорно принадлежал к той разновидности медведей, которую они искали. Следовательно, нашим охотникам оставалось только сложить свой багаж и проститься с холодным климатом Скандинавии, чтобы ехать в более благодетельствованную солнцем страну.

Так они и поступили, на следующий же день отправились в Пиренеи.

VI. В ПИРЕНЕЯХ

Не терпя недостатка в деньгах, наши путники ехали очень быстро, останавливаясь в столицах лишь для того, чтобы визировать свои паспорта, а иногда воспользоваться рекомендательным письмом, переданным им от имени самого государя. Повсюду, где они предъявляли его, подпись императора производила магическое действие, и, зная, что так будет всюду, они ни мало не заботились о дальнейшем.

Покинув страну, бывшую местом действия их первых охот, они спустились по реке Торнео до ее устья, оттуда на пароходе прибыли в Данциг. Из Данцига отправились через Берлин, Страсбург и Париж в маленький городок Баньер, известный своими купаньями. Здесь они очутились не только на виду, но у подножия и даже среди первых отрогов той горной цепи, которая, с точки зрения туристов, мало уступает самим Альпам, а для натуралистов даже бесконечно интереснее.

Пребывание наших путешественников в Баньере продолжалось недолго. Они оставались там ровно столько времени, сколько нужно, чтобы запастись свежими силами в его теплых и благодатных водах.

Нечего и говорить, что молодые русские были очарованы почти всем, что видели на юге Франции. Их дневник был полон восторженных описаний. Особенно их поражил живописный костюм пиренейских крестьян, столь непохожий на неизменную синюю блузу, которую

они видели на севере и в центре Франции. Здесь на каждом шагу встречается алый или белый берет, богатая коричневая куртка и красный пояс, составляющий обычный костюм беарнских крестьян, людей сильных и красиво сложенных.

По дороге, по которой они ехали, рядом с ними двигались повозки, запряженные сильными и белыми, как сливки, быками. Направо и налево паслись стада баранов и овец под присмотром живописно одетых пастухов; их сопровождали несколько больших пиренейских собак, служба которых состоит в защите доверенных им животных.

У въезда в одну деревню они увидели такую картину: мужчины, стоя по колено в воде, мыли свиней, охотно дававших себя купать. Быть может, этому купанью в теплой минеральной воде и обязана байонская ветчина своей славой.

Далее наши путешественники проехали мимо ванны для кур — бассейна, наполненного почти кипящей водой. Несмотря на это, несколько женщин окунали туда кур, — не мертвых кур, как это можно было бы предположить, чтобы потом легче их ощипывать, — а живых, — чтобы очистить их, как они говорили, от беспокоящих их паразитов. Так как вода была достаточно горяча для того, чтобы сварить в ней бедных птиц, и так как женщины погружали их в нее по шею, то наши охотники позволили себе усомниться в приятном для птиц этой операции.

Немного далее путешественников поразили странные звуки, доносившиеся из маленькой долины около дороги. Приглядевшись, они заметили там группу в сорок или пятьдесят женщин, занятых расчесыванием льна. В Пиренеях эту работу выполняют женщины; вместо того, чтобы заниматься ею дома, собираются в тенистом месте, куда каждая приносит свой лен, и там, среди шуток, смеха и пения, грубый сырой материал обращается в блестящие и шелковичные пряди.

Им пришлось наблюдать еще другой, довольно любопытный обычай: это было тогда, когда они уже покинули долину и поднимались на горы. Наблюдение это было сопряжено с большой опасностью для них, вследствие чего оно обратилось в целое приключение, на котором стоит остановиться подробнее.

Все три путешественника ехали шагом на верховых животных: Алексей и Иван на сильных и живых лошадках знаменитой пиренейской породы; Пушкин же сидел на очень высоком французском муле, ибо бывшему гренадеру императорской гвардии требовалось четвероногое хорошего роста. Зато оно не отличалось полнотой, а было худо и тоще, как пиренейский волк.

Вместе с ними, также на муле, ехал еще четвертый человек, нанятый для услуг, и на которого были возложены три обязанности. Во-первых, он должен был служить им проводником; во-вторых, в конце экскурсии отвести верховых животных в деревню, где они были наняты, и, наконец, помогать им в охоте за медведем, которая и была целью предприятия. Поэтому они выбрали его среди самых искусных охотников.

Итак, четверо путников ехали по очень крутому откосу. Они оставили позади последний поселок и даже последний дом и поднимались на одну из скал, которые отделяются от главного горного хребта и выступают на равнину. Дорога, по которой они следовали, едва заслуживает этого названия: это была попросту узкая, едва доступная лошадям тропинка. Склон был настолько крут, что приходилось делать дюжину зигзагов, чтобы достичь вершины.

У подножия горы они увидели гораздо выше себя людей, очевидно, занятых какой-то работой. Проводник сказал им, что эти люди связывают дрова, так как их ремесло состоит в снабжении топливом городов, расположенных в долине.

Тут еще не было ничего удивительного. Но что поразило наших путешественников, так это способ, каким эти дровосеки отправляли дрова к подножию горы. Едва миновав два или три зигзага, образуемых тропинкой сбоку скалы, они были поражены шумом, подобным греску сталкивающихся с камнями и ломающихся палок. Шум этот, казалось, шел сверху, и, взглянув по этому направлению, они увидели довольно большое количество каких-то предметов, скатывающихся с величайшей скоростью. Эти предметы, круглой формы, оказались связками дров; они катились и спускались с горы с такой быстротой, что если бы наши путники оказались на их пути, им трудно было бы увернуться от этой «лавины».

Только что они поделились этим соображением и благословили свою счастливую звезду, предохранившую

их от такой беды, как сверху был спущен целый поток дров, и на этот раз он, очевидно, катился прямо на них. Нельзя было угадать, в какую сторону спастись, — кинуться вперед или отступить назад, поэтому путники с молчаливым опасением ждали, чем все это кончится. К счастью, их ожидание продолжалось недолго: едва минула секунда — и бесформенная масса, подпрыгивая, с быстротой молнии и с грохотом прокатилась как раз мимо них, причем сила ее была такова, что если бы одна из связок задела мула или лошадь, то неминуемо столкнула бы с горы и животное, и его всадника.

Охотники продолжали свой путь, снова поздравляя себя с тем, что отделались лишь одним страхом, но каков был их испуг, когда они в третий раз увидели себя в такой же опасности. Вот снова мчится дровяная масса, а за ней с треском катятся и сталкиваются круглые бревна. Новый поток миновал их, как и два первых, по счастливой случайности не задев и на этот раз.

Таким образом, все четверо, здоровые и невредимые, достигли вершины горы, что не помешало Пушкину излить свой гнев на дровосеков, по счастью, ничего не понявших из его брани. Но его сторону принял проводник, который подвергался такой же опасности и потому был сердит не менее гренадера: он, с многоречивостью беарнца, прочел им целую проповедь, которую пересыпал проклятиями и кончил, угрожая им всею строгостью закона.

Но так как дровосеки, несколько ошеломленные этим неожиданным замешательством, слушали его молча и с полным добродушием, он, наконец, успокоился, и вся кавалькада вновь пустилась в путь. Однако Пушкин не мог удалиться, не показав кулака неосторожным дровосекам и не пустить по их адресу русского словечка, которое не может, да и не должно быть переведено.

Немного выше описанного места дорога углубляется в расщелину между двух гор, и наши путешественники на некоторое время потеряли из виду долину. Дорога, по которой они ехали, была все еще тропинкой, годной лишь для вьючных животных и для пешеходов и совершенно недоступной экипажам, но едва уже шла к одним из так называемых «ворот», ведущих в Испанию. По этим воротам производится значительная торговля между обеими странами, причем большинство транспортов переправляются с испанскими погонщиками мулов, ко-

которые переходят через горы с большим количеством этих животных, нагруженных ящиками и тюками с товарами.

Наши охотники могли вскоре сами судить о значительности этой торговли и о способе, каким она производится, так как на одном из поворотов им повстречалось множество мулов, наряженных в красное сукно и тисненную кожу и порядочно-таки нагруженных. Караван остановился на одной из маленьких площадок, и проводники, которых было человек пятнадцать, уселись на выступах скалы, немного впереди животных. На них были надеты плащи из коричневого сукна, излюбленного испанскими пиренейцами, что в соединении с их бронзовыми лицами, лихими усами и странными костюмами, позволяет принять их иногда за шайку разбойников, или, по крайней мере, за контрабандистов.

Между тем это были ни те, ни другие, а просто честные испанские погонщики мулов, направляющиеся на французский рынок с товарами, добытыми по ту сторону гор.

Наши путешественники, приблизившись к ним, застали их за завтраком, состоящим лишь из черного хлеба с овечьим сыром, который они запивали легкой малагой, налитой в мех, все время передаваемый из рук в руки. Содержимое меха они попросту вливали в рот.

Это были веселые ребята; они пригласили вновь прибывших отведать их вина, и им было бы невежливо отказать. Иван и Алексей наполнили вином свои серебряные кубки, привешенные к их поясам. Пушкин, не имея своей посуды под рукой, попробовал пить по способу погонщиков мулов, но так неловко поднял мех вверх и так сильно надавил его, что вино, вместо того, чтобы течь ему в рот тонкой и ровной струйкой, залило ему все лицо. Ослепленный, захлебывающийся, однако, не выпуская из рук злополучного кожаного мешка, драгоценное содержимое которого текло по его носу и длинным усам, старый солдат построил такую физиономию, что испанцы, при виде ее, расхохотались до слез. Их шумная веселость сопровождалась криками «браво!» и аплодисментами, как будто они присутствовали в театре при артистически разыгрываемом фарсе.

Пушкин принял это милостиво, и погонщики мулов просили его начать сызнава, но, не желая вторично подвергаться подобному злоключению, старый солдат взял кубок у одного из своих господ и таким образом

мог вволю освежиться. Так как вино показалось ему хорошим, а испанцы предлагали пить сколько угодно, то мех был возвращен владельцам значительно отощавшим.

Однако, если бы Пушкин был менее податлив на соблазн, он, может быть, избег бы неприятности, почти тотчас же постигшей его; о ней мы сейчас и расскажем.

Наши путешественники, обменявшись несколькими любезностями с погонщиками мулов, снова уселись в седла и решили продолжать путь. Пушкин, влезши на своего высокого мула, поехал впереди. Перед ним стояла группа навьюченных мулов, которые так загородили дорогу, что приходилось положительно проталкиваться среди них. Все эти животные казались довольно спокойными: некоторые из них ощипывали кустики, находившиеся поблизости, но большинство стояли неподвижно, лишь встряхивая по временам своими длинными ушами, или же переступая с ноги на ногу. Пушкин, с минуту поглядев на них, решил, что обойти их стороной нет возможности и что придется проехать среди стада. Весьма возможно, что, если б он это сделал тихонько, животные остались бы спокойными и не обратили на него внимания но возбужденный выпитым вином, отставной гренадер, вместо того, чтобы мирно следовать своим путем, вонзил шпоры в бока мула и с громким криком бросился в середину стада.

Узнали ли испанские мулы в муле солдата иностранца, француза, или же его крики неприятно поразили их слух,—трудно сказать, но только все стадо разом бросилось на Пушкина, разинув рты, с поднятыми ушами и хвостами. Он уже не слышал, как проводник и погонщики кричали ему: «Берегитесь!»

Да если б он их и слышал, то было уже поздно, ибо прежде, чем он успел сообразить, в чем же дело, он оказался окруженным, по меньшей мере, дюжиной разозленных животных, которые, пронзительно крича, пачали кусать его и его мула со свирепостью голодных волков. Напрасно бедный из всех сил лягался направо и налево, напрасно всадник пустил в ход свой кнут, испанские животные грозили ему не только зубами: несчастный Пушкин должен был еще защищаться и от ударов ногами, ударов, которые сыпались на него со всех сторон, и против которых его толстые сапоги и широкие панталоны, уже разорванные в нескольких местах, были плохой защитой.

Видя печальное положение старого солдата, проводники каравана поспешили на помощь. Громко крича и щелкая бичами, как это умеют делать лишь погонщики мулов, они старались разогнать нападающих, но, несмотря на все их старания и привычку их заставлять этих животных слушаться себя, Пушкину могло бы прийти еще хуже, если бы ему не удалось самому выйти из затруднения: ловко соскочив с седла, он одним прыжком очутился на большом камне. Оттуда он взобрался еще выше и вскоре уже был вне опасности.

Его мул продолжал защищаться против ожесточенно преследующих его испанских мулов, но, избавившись от тяжести всадника, он, наконец, пробился сквозь стадо и галопом помчался по горной дороге. Остальные же мулы, будучи тяжело навьючены, не выказали ни малейшего желания следовать за ним, и драка благополучно закончилась.

Видя жалкую мину старого солдата, торчащего на скале, погонщики не могли удержаться от громкого смеха. Его молодые господа были слишком встревожены, чтобы последовать их примеру; но когда они убедились, что их верный Пушкин получил лишь несколько незначительных ушибов, — к счастью, мулы не были подкованы, — им тоже очень захотелось посмеяться над его злоключением. Алексей был даже того мнения, что их товарищ несколько злоупотребил винным мехом, а потому то, что с ним приключилось, является лишь справедливым возмездием за его неводержанность.

Проводник пустился в погоню за своим сбежавшим мулом и не замедлил изловить его. Итак, все было приведено в порядок, и наши охотники продолжали свой путь.

VII. ПИРЕНЕЙСКИЕ МЕДВЕДИ

Наши путешественники хорошо сделали, взяв проводником охотника, так как без него им долго пришлось бы отыскивать медведя. Эти животные, хотя и довольно многочисленны в Пиренеях, вот уже с полвека, как водятся лишь в самых пустынных и отдаленных их частях. Зимой пиренейский медведь ищет убежища в густых лесах, растущих на дне ущелий, где их слуха никогда не тревожит топот дровосека. Летом же он

бродит на большой высоте, в соседстве вечных снегов и ледников, где находит корни и луковицы множества горных растений, и даже лишай, которые очень любит. Иногда он пробирается в нижние, наименее обработанные долины, чтобы полакомиться майсом или картофелем. При этом он не менее парижского гастронома лаком на трюфели и имеет на них такое тонкое чутье, что в этом отношении далеко превосходит собак, специально дрессируемых для отыскания этих ценных грибов. Он чудесно умеет вырывать их из-под корней больших дубов, под которыми они растут.

Он «вегетарианец», так же, как и его сродник, бурый медведь, и, подобно остальным членам своего многочисленного семейства, любит сладости. Он крадет у пчел мед каждый раз, как только ему удастся найти улей. Иногда он ест и мясо, и часто выбирает своих жертв в стадах, пасущихся летом на откосах высочайших гор, но пастухи заметили, что эти кровожадные наклонности встречаются лишь у немногих медведей, а вообще близость их не опасна для стада.

Проводник рассказывал, что его отец помнит то время, когда медведи были обычным явлением в нижних долинах. Тогда от их соседства страдали не только стада баранов и овец, но и крупный скот частью подвергался нападению этих прожорливых зверей, и даже люди довольно часто делались их жертвами.

В настоящее время подобные случаи редки, потому что медведи держатся в горах на такой высоте, куда стада почти никогда не выгоняются, а люди ходят очень редко. Проводник прибавил, что медведи очень ценятся такими охотниками, как он, потому что их шкуры продаются весьма дорого. «Но они сделались так редки,— прибавил он в заключение,— что мне удалось убить всего лишь трех за весь этот сезон, но я знаю, где находится четвертый, очень красивый, и если вы расположены»...

Молодые люди поняли намек. Могущество денег везде одинаково, и в некоторых случаях золотая монета вернее укажет нам медведя в пещере среди Пиренеев, нежели нос самой чуткой собаки или глаза самого опытного охотника. Договор был тотчас же заключен. За шкуру медведя было обещано пятьдесят франков.

Сойдя с проторенной тропинки, наши охотники направились в гористое ущелье. Бока и дно этого ущелья

были покрыты мелкими елями, но, по мере того, как они подвигались вперед, деревья становились крупнее. Наконец, они очутились в высоком и великолепном лесу, по-видимому, таком же диком и первобытном, как если бы он рос на берегах Амазонки или в Кордильерах. Там не было видно иных следов живых существ, кроме нескольких тропинок, протоптанных дикими животными.

Проводник рассказывал, что он убивал в этом лесу рысей и что ему не хотелось бы остаться здесь одному на ночь, так как тут собираются многочисленные стаи черных волков. Но в компании он ничего не боялся, так как можно будет развести костры, чтобы держать хищников на приличном расстоянии.

Место, где они должны были встретить медведя, находилось более, чем в трех верстах отсюда. Проводник ручался за то, что они найдут его без труда. Он видел, как тот возвращался в свою берлогу несколько дней тому назад, но так как с ним тогда не было собак, то он ограничился лишь тем, что отметил это место, рассчитывая туда вернуться с товарищем, который помог бы ему. Кое-какие свои дела задержали его в Обонне до приезда иностранцев, и, узнав их намерения, он приберег для них эту добычу. Теперь с ним были две собаки из породы волкодавов, которые могли выгнать медведя из его логова, но это средство должно было быть употреблено лишь в случае крайности.

Лучшим способом действий, по мнению проводника, было дожидаться, пока медведь отправится на свою ночную прогулку, что он не замедлит сделать, и тогда бежать в его берлогу, заткнуть вход в нее и, устроить засаду, ожидать его возвращения. «Он не вернется ранее утра,— прибавил проводник,— а тогда будет достаточно светло, чтобы целиться и стрелять в него с разных сторон».

Этот план был одобрен, вследствие чего наши путешественники решили остановиться там, где находились, и ожидать предполагаемого часа выхода медведя. Яркий огонь быстро разгорался под деревьями: ранец Пушкина был развернут и, благодаря его содержимому, все четверо принялись за ужин с таким аппетитом, который знаком лишь тем, кто сделал тридцать верст по горам.

Они довольно приятно провели время, благодаря проводнику, рассказывавшему множество обычных

среди горных крестьян историй, относящихся к охоте и промыслу контрабандистов. Он прибавил к ним порядное количество анекдотов из испанской войны и того времени, когда французская и английская армии оспаривали друг у друга различные «ворота» Пиренеев.

Но он с особой охотой возвращался к делам, касающимся его профессии, и говорил о них с настоящим энтузиазмом. Таким образом, время незаметно протекало для наших путешественников.

Наконец, солнце село, и с наступлением темноты проводник посоветовал им заснуть на несколько часов. На поиски за медведем нечего было отправляться до тех пор, пока не наступит глубокая ночь, почти перед самым рассветом. Тогда можно будет надеяться, что медведь станет бродить по лесу; между тем, придя туда слишком рано, можно рисковать застать медведя в берлоге, а в таком случае нельзя быть уверенным, что собакам удастся выгнать его оттуда. Эта берлога могла оказаться просторной пещерой, куда зверь дал бы им проникнуть, чтобы вступить с ним в бой, и, как они ни велики и ни сильны, в конце концов справился бы с ними, ибо достаточно одного удара медвежьей лапы, чтобы принудить к вечному молчанию самую храбрую и опасную представительницу собачьей породы. «Собаки,—повторил охотник,—должны быть употреблены лишь как последнее средство».

Другой план имел гораздо более шансов на успех. В самом деле, вернувшийся медведь, найдя свою берлогу загороженной, будет принужден уйти в лес. Собаки пойдут по свежему следу, и если только зверю не удастся найти другую пещеру и спрятаться в ней, он не сможет ускользнуть от них. Пиренейский медведь нередко влезает на дерево, когда его преследуют собаки и люди, но в таком случае успех им будет обеспечен, так как с дерева медведя легко сшибить пулями. Кроме того, им еще предоставлялась возможность всем одновременно стрелять в него, когда он вернется к своему жилищу, что, несомненно, сразу приведет дело к концу.

Итак, к берлоге следовало идти лишь под утро, чтобы загородить вход в нее и устроить засаду до наступления дня. Поэтому проводник повторил им свой совет поспать несколько часов и обещал вовремя разбудить их.

Этот совет был принят и исполнен с радостью. Пуш-

кин тоже, еще порядочно помятый после своего приключения с мулами, нуждался в отдыхе и заснул не последним, завернувшись в свой широкий плащ.

Верный своему обещанию, проводник разбудил своих компаньонов примерно за час до зари; оседлав и взнуздав верховых животных, они продолжали путь. Под большими деревьями было очень темно, но проводник знал местность. Медленно и, так сказать, ощупью проехав около версты, они очутились у подножия крутой скалы; по ней поднимались в течение некоторого времени и, наконец, достигли того места, которое искали.

Несмотря на темноту, они могли различить на поверхности скалы темное пятно: это и был вход в пещеру. Он был невелик, и человек лишь с трудом проник бы в него, нагнувшись; но проводник был уверен, что этот низкий и узкий вход вел в обширную пещеру; таких пещер много в этой части Пиренеев. Если б он думал, что за отверстием находится углубление, достаточное для того, чтобы в нем мог поместиться медведь, он принимал бы гораздо менее предосторожностей. В этом случае, действительно, было бы возможно и даже легко заставить зверя выйти при помощи собак; но если, как предполагал проводник, пещера была достаточно просторна для того, чтобы медведь мог в ней свободно двигаться, то выманить его наружу не было никакой возможности. Если бы зверь только заподозрил присутствие врага в окрестностях, он мог бы в продолжении нескольких дней оставаться в своей крепости; значит, пришлось бы прибегнуть к настоящей осаде, что затянулось бы надолго и могло ни к чему не привести.

Они с величайшей предосторожностью приблизились к пещере, боясь, как бы медведь, бродя по лесам, не услышал их и, всполошившись, не бросился бы к своему логову прежде, чем они успеют заткнуть вход в последнюю. Для большей верности, они оставили собак и верховых животных на некотором расстоянии, привязав их к деревьям, и направились к пещере, стараясь как можно меньше шуметь и разговаривая лишь в полголоса.

Вслед за тем проводник начал приводить свой план в исполнение. Пока другие спали, он приготовил большой факел из сухих веток ели; теперь он зажег его и воткнул в землю близ скалы. В ту минуту, как пламя разгорелось у входа в пещеру, все с ружьем в руках стали наготове. Они не были уверены в том, что мед-

ведь ушел; могло случиться, что он еще лежал дома. В таком случае свет, быть может, разбудил бы его и вызвал наружу, поэтому следовало быть готовым ко всякому обороту дела.

Но так как никто не показывался, то проводник привел своих собак и спустил их. Едва очутившись на свободе, эти животные, понимавшие, что от них требуют, бросились прямо в пещеру. В течение нескольких минут они торопливо и сдержанно повизгивали, ясно показывая этим, что чуют медведя.

Проводник, как оказалось, верно угадал: узкий проход вел в пещеру больших размеров, как об этом можно судить по расстоянию, с которого слышался лай собак. Было бы совершенно бесполезно пытаться выманить медведя из такого места, если бы он только сам не пожелал отдаться своим врагам. Поэтому наши охотники не без некоторой боязни прислушивались к голосу собак, повторяемому эхом пещеры.

Ожидание их продолжалось недолго, так как самое большее через минуту обе собаки вышли с опущенными ушами и разочарованным видом, указывающим на то, что их поиски были тщетны.

Тем не менее их беспокойные и беспорядочные движения говорили, что след свежий, и что медведь покинул свое логово совсем недавно. Кроме того, их хозяин слышал, как они рылись в стеблях травы, составляющих постель медведя — несомненное доказательство того, что жилище было пусто.

Это было именно то, чего желали охотник-проводник и его товарищи, тотчас же сложив свои ружья на землю, они принялись вместе с ним заграждать вход в пещеру. Ничего не могло быть легче этого. Камни у них были под руками, и они сделали из них перед отверстием берлоги баррикаду, способную преградить проход любому зверю.

После этого они вздохнули свободнее. Они были теперь уверены в том, что отрезали медведю отступление и могли вполне надеяться на то, что им удастся пустить в него пулю, конечно, если только он не заподозрит чего-нибудь и не решит покинуть своего логова.

Теперь оставалось только засесть в засаду и дожидаться его возвращения. Важно было лишь старательно спрятаться и оставаться невидимыми. В самом деле, они не знали, с какой стороны вернется медведь. Прибли-

зясь, он мог их увидеть и удрать раньше, чем они успеют выстрелить. Нужно было непременно предупредить такую неудачу.

Подходящий план живо пришел в голову опытного пиренейского охотника. Перед скалой росло несколько больших деревьев; если влезть на них и спрятаться в листве, то медведь не может заподозрить их присутствия.

Эта мысль была тотчас же приведена в исполнение. Иван и Пушкин влезли на одно дерево; проводник и Алексей расположились на другом, и, поместившись так, чтобы, будучи невидимыми, самим видеть вход в пещеру, все принялись ждать возвращения медведя.

День недолго заставил себя ждать; но так же ли поступит и медведь? Точно рассчитать момент его возвращения было невозможно, потому что многие обстоятельства могли ускорить или задержать его. «Прежде часто видали медведей, бродящих днем,—сказал охотник,—но тогда они были многочисленны, и охотники меньше преследовали их. Теперь же они покидают свое убежище лишь по ночам. Что касается того медведя, которого мы ждем, то, конечно, рано ли, поздно, но он вернется. Это зависит от того, много ли его преследовали за последнее время.

Вскоре они уже знали, что им думать на этот счет. Медведь сам позаботился вывести их из неизвестности, появившись у них под носом.

Они увидели его внезапно пробирающимся к выходу в пещеру. Он казался сильно возбужденным; можно было подумать, что его преследуют, или что он увидел в лесу какой-то неожиданный предмет, возбудивший в нем тревогу. Быть может, он заметил лошадей или открыл след охотников.

Во всяком случае, последним некогда было об этом раздумывать, или, вернее говоря, медведь не дал им на это времени, так как, едва увидев вход в пещеру zagrożенным, он излил свой гнев в ужасном вопле, резко повернулся назад и убежал так же быстро, как и появился.

Сразу раздалось четыре ружейных выстрела, и несколько клочков шерсти, сорванных с боков зверя, доказывали, что он был ранен. Он даже пошатнулся, и охотники испустили победный крик; но радость их была кратковременна, ибо раньше, чем звук их голосов за-

мер в скалах, медведь оправился и удрал во всю прыть.

Они видели, как он раза два остановился и обернулся на деревья, как будто ища там своих врагов и собираясь броситься на них, но, почти тотчас же изменив намерение, он побежал галопом, и охотники вскоре потеряли его из вида.

Раздосадованные, они поспешно спустились со своих наблюдательных постов и, отвязав собак, побежали по следу. К их большому удивлению и не меньшему удовольствию, он привел их к тому месту, где они оставили своих верховых животных; они сразу же убедились, что медведь прошел здесь. Лошади и мулы плясали, внезапно пораженные безумием. Их ржание и крики выражали испуг, и если бы их не позаботились крепко привязать, они, вероятно, сорвались бы и разбежались от страха, после чего их было бы довольно трудно поймать.

Наши путешественники в один миг отвязали их, вскочили в седла и помчались по тому же направлению, как и собаки, лай которых они слышали уже в отдалении.

— Пиренейский медведь,— рассказывал охотник-проводник,— подобно своему норвежскому собрату, когда он выгнан из логова, часто удирает очень далеко, прежде, чем остановиться. Нередко можно видеть, что он покидает ущелье или склон горы, обыкновенно обитаемый им, чтобы в более безопасном месте подыскать себе новое убежище. Таким способом он часто сбивает охотников с толку. Он проходит по вершинам скал или вдоль пропастей по таким тропинкам, куда не могут отважиться пойти ни люди, ни собаки.

Этого-то именно и следовало опасаться в данный момент, так как лес, в котором находились наши путешественники, был почти со всех сторон окружен отвесными скалами, и если бы медведь забрался в этот лабиринт крутых обрывов и пропастей, чтобы достичь горных вершин, они рисковали окончательно потерять его.

У охотника-проводника оставалась еще последняя надежда. Он, так же, как и его товарищи, был уверен, что в медведя уже попали несколько ружейных зарядов; зверь должен быть серьезно ранен, если так пошатнулся. Поэтому возможно было, что он станет искать приюта поблизости, может быть, на каком-нибудь дереве. Ободренные этой надеждой, все с одушевлением двигались вперед.

Проводник не ошибся. Едва проехав какую-нибудь версту, они услышали непрерывный лай собак, раздавшийся поблизости и все на одном и том же месте, из чего безошибочно заключили, что медведь либо влез на дерево, либо встретил пещеру, в которую и забрался, либо же, наконец, обернулся назад и, решив защищаться, держал собак на почтительном расстоянии. Они особенно хотели, чтобы из этих трех предположений верным оказалось первое, и начинали надеяться, судя по лаю собак, что это именно так и есть. Подвигаясь все время вперед, они вскоре увидели собак, которые прыгали вокруг огромного дерева, по временам кидались на его ствол и лаяли на какое-то животное, притаившееся в ветвях.

Это мог быть только их медведь, и, убежденные в этом, наши охотники приблизились к дереву, каждый держа ружье наготове.

Но, подойдя к подножию дерева, они тщетно смотрели на ветви; медведя там не было! Правда, на макушке виднелась какая-то черная масса, но она всего менее походила на медведя.

Дерево было необычайной высоты, больше всех виденных ими в этом лесу. Громадные ветви его простирались на несколько аршин во все стороны от ствола. В некоторых местах листва была столь густа, что могла скрыть крупное животное, но все же не таких размеров, как медведь; и если бы на дереве не было ничего, кроме листьев и ветвей, то медведь не мог бы поместиться на нем так, чтобы не быть видимым снизу. А между тем там находился медведь, тот самый, за которым они охотились. В этом не могло быть сомнения, хотя не видно было ни малейшей части тела медведя, ни даже кончика его хвоста или морды.

Можно было бы подумать, что медведь пролез в дупло дерева, но дупла не было. Впрочем, в этом исчезновении зверя не было ничего таинственного. Читатель помнит ту черную массу, которая лежала на верхних ветвях и вид которой поразил охотников, когда они подошли к дереву; очевидно, этот предмет и скрывал зверя от их взоров.

Но что это мог быть за предмет?

Этот вопрос и задавали себе наши путешественники. Таинственный предмет более всего походил на кучу хвоста, потому что он состоял из множества сучьев и ве-

ток, связанных вместе и прикрепленных к верхним разветвлениям дерева. Их было достаточно, чтобы нагрести телегу, и все они были так плотно прижаты друг к другу, что небо можно было видеть лишь у краев кучи.

В центре же ветви были так плотно переплетены, что образовывали сплошную массу, непроницаемую для света.

— Орлиное гнездо!— после минутного осмотра вдруг воскликнул охотник-проводник.— Так и есть! Собаки правы: медведь спрятался в птичье гнездо!

Вскоре для всех стало очевидно, что медведь влез по дереву и удобно запрятался в большое орлиное гнездо, хотя снизу не было видно ни единого его волоска.

Если бы у них еще могло оставаться малейшее сомнение на этот счет, то оно быстро рассеялось бы почти тотчас же разыгравшейся сценой. Смотря вверх, они увидели двух больших птиц, быстро спускающихся из-за облачных высот. Они были, очевидно, хозяева захваченного гнезда. Вскоре стало ясно и то, что пришелец был для птиц не особенно желанным гостем, так как орлы начали описывать вокруг вершины дерева быстрые круги, бить крыльями над гнездом и испускать грозные крики, в которых слышалась ярость. Не присоединил ли медведь к нескромности своего неожиданного визита еще какой-нибудь разбойничий подвиг,— не уничтожил ли он у орлов их яиц или птенцов? Этого пока нельзя было сказать. Но если даже он это и сделал, то худшего приема он уже не мог ожидать, и птицы продолжали шумно изъяслять свое неудовольствие, пока сделанный снизу выстрел не предупредил их о присутствии еще одного врага, которого следовало опасаться более медведя. Лишь тогда расширили они круг своего полета, продолжая, однако, время от времени спускаться к гнезду, испуская крики ярости и горя.

Наши охотники спешили и привязали поблизости своих верховых животных. Теперь они знали, что медведь был в гнезде, но хотя отступление и было ему отрезано, они не могли поручиться за то, что им удастся захватить его. Если бы он спрятался попросту в ветвях, то их пули могли бы попасть в него, и они легко довели бы дело до конца, ибо убитый или серьезно раненный, он он должен был свалиться на землю, но дело обстояло совсем иначе. Гнездо было не только достаточно вмести-

тельным для того, чтобы медведь мог свободно улечься в нем, но, кроме того, его толща образовала под ним непроницаемую для пули защиту.

Каким образом заставить зверя слезть оттуда? Вот вопрос, который они тотчас же предложили себе, как только уверились в его присутствии. Горец выстрелил не для того, чтобы заставить орлов удалиться, но в надежде, что испуганный медведь пошевелится, переменит положение и откроет часть своего тела.

Трое русских стояли с ружьем на плече, готовые воспользоваться случаем, если он представится. Пуля ударилась в гнездо, которое на минуту исчезло в туче пыли, но медведь не пошевелился.

Еще две или три пули были выпущены с таким же результатом, и стало очевидно, что этим способом охотники ничего не добьются. Поэтому стрельба была пока прекращена, и они стали придумывать какой-нибудь иной план нападения.

Казалось, что нет никакого средства выдворить зверя из его воздушной крепости. Не попробовать ли добраться до него? Нечего было и думать лезть на дерево и напасть на него. Никто бы не пожелал схватиться телом к телу с таким врагом даже и на твердой земле, а уж тем более на столь опасном месте, как гнездо из сухих ветвей, помещенное на огромной высоте. Впрочем, если бы им даже и пришла такая фантазия, они не могли бы ее осуществить. Края гнезда далеко свешивались над ветвями, поддерживающими его центр, и только обезьяна или медведь могли отважиться безнаказанно пролезть по ним. Для человека же такая попытка была невыполнима; тут, несомненно, следует видеть доказательство мудрости инстинкта, руководящего орлами, как и всеми другими птицами, в постройке их гнезд. Итак, об этой опасной гимнастике нечего было и думать.

Что же делать? Срубить дерево? Охотники сперва подумали было об этом, но дерево имело несколько футов в диаметре, а так как при них был лишь плохо отточенный топор, то работать им пришлось бы слишком долго. Быть может, понадобилось бы несколько дней, чтобы срубить это гигантское дерево, да и тогда было возможно, что медведь ускользнет от них среди суматохи, неизбежно следующей за падением подобного дерева.

Эти соображения заставили их отказаться также и от рубки дерева и подыскать какой-нибудь другой, более простой и верный способ заполучить медвежью шкуру.

Они довольно долго ломали себе голову над этим вопросом, когда радостное восклицание проводника известило им, что ему, наконец, пришла счастливая идея. Все взоры сразу обернулись на него.

— У меня есть план,— отвечал охотник,— план, благодаря которому я наверняка заставлю медведя спуститься, если он только не предпочтет дать себя зажарить там наверху. Черт побери! Да, мне пришла великолепная мысль!

— Ну, какая же!— торопил Иван, уже наполовину угадавший его намерение.

— Потерпите! Через минутку вы увидите, в чем дело.

Все трое путешественников окружили проводника и стали внимательно следить за его движениями.

Он насыпал себе на ладонь немного пороха, потом оторвал полоску от куска коленкора, который вытащил из своего ягдташа, помочил ее слюной и покрыл порохом. Затем горец начал все это слегка растирать обеими руками до тех пор, пока почерневшая и пропитанная се-литрой тряпка не сделалась совершенно сухой.

После этого горец разыскал на стволах окружающих деревьев мох, который он смешал с двумя пригоршнями сухой травы, и сделал из смеси неправильный комок. Наконец, он вытащил из ягдташа коробку химических спичек, которую опять положил на место, убедившись, что она полна, и тогда начал объяснять своим товарищам цель этих приготовлений. Отчасти они уже угадали ее, и он только подтвердил их предположения, объявив, что намерен влезть и поджечь гнездо.

Излишне говорить, что этот проект был найден настолько же оригинальным, как и смелым, и единогласно одобрен. Конечно, дело, которое собирался выполнить горец, требовало редкой неустрашимости. Добраться до гнезда было нетрудно, так как, несмотря на чрезвычайную высоту дерева, по нему удобно было вскарабкаться до самой макушки. Ветви росли вдоль всего ствола, и для сына Пиренеев было пустым делом влезть на него. Но пока он будет лезть вверх по дереву, медведю может придти фантазия спуститься, а если бы он это сделал, жизнь предприимчивого охотника, разумеется, была бы в большой опасности.

Однако, эти опасения не могли его остановить и, предупредив своих компаньонов, чтобы они приготовили ружья и держались настороже, он подошел к стволу и начал подниматься.

Сам медведь не влез бы проворнее бесстрашного горца, который переходил с одной ветви на другую, а там, где их не было, ставил свои босые ноги на узлы и прочие неровности ствола.

Таким образом, он настолько приблизился к гнезду, что легко было просунуть в него руку.

Но он ограничился тем, что отломил от него несколько сухих палок и сделал маленькое углубление в центре этой воздушной постройки. Он работал молча и с величайшими предосторожностями, тщательно избегая всего, что могло бы выдать его присутствие так близко от гнезда и потревожить преждевременно медведя.

Вскоре он проделал среди ветвей достаточно большую яму, чтобы всунуть в нее свой клубок сухой травы, который он обернул коленкором, пропитанным порохом.

Это было делом одной минуты, затем еще минута понадобилась ему на то, чтобы зажечь спичку и поджечь длинный тряпичный фитиль, висевший под гнездом.

Сделав это, он спустился с дерева еще быстрее, чем влез.

Едва очутился он на земле, как увидел, что трава загорелась, и, среди густого синего дыма, медленно поднимавшегося спиралями вокруг гнезда, показалось красное пламя.

Четверо охотников держались наготове, наблюдая за развитием огня и не сводя глаз с краев гнезда.

Развязка недолго заставила себя ждать. Дым уже привлек внимание медведя, а треск сухого горящего дерева вскоре заставил его понять опасность своего положения.

Огонь еще не дошел до него, а уже можно было видеть, как он выставил голову над краем гнезда, сперва с одной, потом с другой стороны, очевидно обеспокоенный и весьма озадаченный тем, что происходило. Два или три раза его враги уже готовы были пустить ему пулю в голову, но его движения мешали хорошо нацелиться, а главное — такая поспешность могла бы погубить весь план в эту минуту, когда его успех казался вполне обеспеченным: убитый зверь остался бы в гнезде и превратился бы в золу.

И то уже можно было опасаться, как бы его шкура не была серьезно попорчена в том случае, если продлится его пребывание в гнезде. Зато Алексей и Иван радостно вскрикнули в один голос, увидев, что громадное четвероногое поднялось во весь рост, среди дыма, над очагом пожара. Оно тотчас же начало спускаться, пытаясь задом, с ветви на ветки, но в ту же минуту в тело зверя разом вонзилось четыре пули; и, по крайней мере, одна из его ран была смертельной, потому что видно было, как его передние лапы выпустили ветвь, все его члены вытянулись, и вскоре он тяжело упал на землю, где и остался лежать без движения.

Тем временем огонь охватил гнездо, которое, спустя пять минут, было все в огне. Сухие ветки, из которых оно было сложено, коробились и трещали; красные искры сверкали, как звезды, и сыпались на землю огненным дождем, между тем как вверх раздавались яростные крики орлов, присутствовавших при разрушении своего жилища.

Но охотники не обратили на все это никакого внимания. Их дело было закончено, или, во всяком случае, близко к концу. Оставалось только содрать с медведя шкуру. Счастливо справившись с этой последней частью их задачи, они сели на лошадей и поехали назад через горы.

В первой встреченной ими на испанской территории деревне они распростились со своим проводником, который покинул их, весьма довольный полученной за свои труды платой.

VIII. ЮЖНОАМЕРИКАНСКИЕ МЕДВЕДИ

Не теряя времени, наши путешественники направились к югу и добрались до Мадрида, где оставались ровно столько времени, чтобы успеть посмотреть на более оживленное, нежели приятное зрелище,— бой быков. Оттуда они поехали в Лиссабон и сели на пароход, идущий в Пару, или Грам-Пару, бразильскую колонию у устья Амазонки, уже и ныне процветающую, а в недалеком будущем готовую сделаться большим городом.

Намерением наших охотников было подняться вверх по реке и достичь по одному из ее многочисленных притоков, восточного склона Андов, где водятся очковые медведи.

Прибыв в Пару, они были приятно изумлены, узнав, что на Амазонке есть пароходы, и, значит, вместо того, чтобы подниматься до ее истоков в течение шести месяцев как прежде, можно было сделать то же путешествие в двадцать дней. Эти пароходы принадлежат бразильскому правительству; последнее сумело использовать богатство страны лучше, чем какое бы то ни было другое испано-американское государство, которым принадлежат области, орошаемые притоками великой Амазонской реки.

Наши юные русские, разделяя весьма распространенное заблуждение, думали, что берега Амазонки совершенно дики и являются почти неисследованной местностью. Вскоре они убедились в том, что такое представление было ошибочным, и что, кроме большого города Пары в устье реки, по ее берегам до самого Перу попадаются значительные поселения. На некоторых ее притоках, например, на Рио-Негро и Мадейре находятся также довольно обширные селения и плантации. На первой из этих рек стоит Барра, город с 2000 жителей.

В той же части территории, которая принадлежит Бразилии, население городов и деревень состоит из португальских негров и обращенных в христианство индейцев. В соседстве Кордильеров страна принадлежит различным испано-американским государствам, главным образом Перу, и, заселена исключительно индейцами, среди которых живут немногочисленные европейцы. Там встречаются также поселки, называемые миссиями, население которых почти сплошь состоит из индейцев, управляемых испанскими священниками. Несколько лет тому назад некоторые из этих поселков находились в цветущем состоянии, но теперь пришли в полный упадок.

На бразильском пароходе, на котором они поднимались по реке, нашим путешественникам посчастливилось найти интересного спутника, который сообщил им ценные сведения относительно этой страны и ее богатств. Это был старый португальский негоциант, прошедший почти всю свою жизнь в путешествии не только по этой реке, но и по нескольким ее главным притокам. Его торговля состояла в том, что он забирал у разных индейских племен естественные продукты лесов, почти непрерывно тянувшихся от Анд до Атлантического океана.

Главными предметами вывоза являются там сассапарель, хинная кора, различные красильные вещества,

ваниль, бразильские орехи, пальмовые волокна и прочие продукты, без труда поставляемые здесь растительным царством, могущество и богатство которого кажутся неистощимыми. Оттуда добывают также обезьян, попугаев, перцеядов и других птиц с блестящим оперением. Что же касается ввоза, то он сосредотачивается на мануфактурных произведениях, способных возбудить жажду приобретения у дикарей, или же на оружии.

Португальский купец провел тридцать лет в этой торговле. Будучи человеком интеллигентным, он не только нажил на ней значительное состояние, но приобрел также географические познания, которыми не замедлили воспользоваться юные русские. Он был весьма сведущ в естественной истории леса, знал водящихся там животных и их привычки, так как наблюдал за ними в продолжение тридцати лет жизни, полной приключений. Таким образом, случай предоставил нашим охотникам за медведями обильный источник полезных и надежных сведений.

В объяснениях, даваемых их спутником, Алексей нашел средство осветить некоторые, до сих пор оставляющие в нем сомнения факты относительно южноамериканских медведей. Таким образом, он узнал, что их имеются две совершенно различных разновидности: очковый медведь (*Ursus ornatus*), названный так благодаря двум беловатым кругам вокруг глаз, похожим на очки,—и другой, глаза которого лишены этого украшения и которого один знаменитый немецкий натуралист назвал *Ursus frugilegus*.

Первая из этих разновидностей известна во всем Перу под именем хукумари, и хотя этот медведь и живет в Кордильерах, он никогда не поднимается до тех областей, где температура становится значительно холоднее. Он предпочитает теплый климат, и его нередко можно видеть бродящим среди полей, у подножий гор. *Ursus frugilegus* главным образом посещает густые леса, покрывающие восточный склон Андов; его также часто встречают в долинах, покрытых лесом, но в снеговой области — никогда.

Обе разновидности черного цвета, но хукумари, кроме своих «очков», отличается еще белой полосой под горлом, белой грудью и рыжей мордой. Он смирнее своего собрата, меньше ростом и никогда не нападает на других животных. *Ursus frugilegus*, напротив, не

считает это за грех; он часто производит опустошения в стадах баранов, нападает даже на быков и лошадей на фермах или так называемых хасиендах, и вступает в бой с человеком, если тот преследует его и подходит слишком близко.

Обе описанные породы водятся не только в Андах, Чили и Перу, но также в Боливии, в горах Новой Гренады и Венесуэлы, на обоих берегах озера Маракайбо и в горах Гвианы.

Из всех полученных ими сведений наши охотники заключили, что, направляясь к Андам, они могут быть уверены в том, что встретят обе разновидности черного южноамериканского медведя, и что лучшим путем для них будет подняться по р. Напо, берущему начало неподалеку от Квито, древней столицы Перу. В диких провинциях Киксос и Макас, лежащих к востоку от Квито, они в самом деле не могли не найти животных, которых искали.

Достигнув устья Напо, они наняли пирогу с индейским экипажем и продолжали свой путь, поднимаясь по этой реке.

Несмотря на долгое путешествие, наши путешественники не соскучились на Напо. Тропическое богатство пейзажа, который постоянно был у них перед глазами, и маленькие приключения нарушали однообразие дней и поддерживали в них непрерывный интерес. На каждом повороте реки появлялся какой-нибудь новый или достойный восхищения предмет: прекрасное растение, или гигантское дерево, странное четвероногое, или птица, замечательная своим ярким оперением.

Тип судна, на котором они плыли, обыкновенно употреблялся в притоках верхней Амазонки: это большой челн, выдолбленный из ствола исполинского дерева. На корме находился род шалаша, похожего на холщевое покрытие повозки, только вместо полотна и деревянных обручей, употребляют бамбук и огромные листья, которыми туземцы обыкновенно кроют свои жилища.

Эта каюта называется «тольдо». Внутри она достаточно высока, чтобы человек мог в ней сидеть, но не стоять. В ней обыкновенно спят и укрываются от дождя. Путешественник, любящий свежий воздух, может также сесть или лечь на крышу тольдо, которая строится настолько прочно, что может выдержать тяжесть

человека. Нос пироги открыт; там находятся гребцы, так что их движения нисколько не мешают пассажирам.

Благодаря любезности своего приятеля-коммерсанта, наши путешественники нашли хорошее судно и отличный экипаж. Он состоял из индейцев, обращенных в христианство и принадлежащих к одной испанской миссии на р. Напо. Там и сям на берегах реки, хотя и разделенные большими промежутками, встречались поселки лесных индейцев: и так как почти все племена в долине Амазонки более или менее причастны к культуре и торговле, то они могли возобновлять в этих селах свой запас всего необходимого. Их ружья также служили им для пополнения провизии. Они почти ежедневно сходили на землю и приносили какую-нибудь дичь; вместо хлеба они употребляли «фаринью», которой запаслись в Паре.

«Фаринья»— это мучнистое вещество, получаемое из высушенного корня маниока и являющееся главной пищей населения областей, омываемых Амазонкой.

Для Алексея, как любителя-натуралиста, никогда не было лучшего поля наблюдений. В этих местах тропический лес является во всей своей первобытной девственности. Топор дровосека никогда не нарушал его дикой красоты, а во многих местах нога охотника еще не попирала землю. Его обычные посетители, четвероногие, четверорукие, птицы, пресмыкающиеся и насекомые повинуются лишь правам и инстинктам, полученным ими от природы, еще совершенно не измененным присутствием человека.

С особым интересом наблюдали путешественники за постоянными боями пеккари с ягуарами. Однажды они даже сами участвовали в такой схватке, причем жизнь двоих из них подвергалась серьезной опасности. В дневнике Алексея подробно повествуется об этом случае.

Они прибыли в местность, расположенную между двумя большими рукавами Напо и называемую Канелос, т. е. страной корицы. Это название было ей дано испанцами, открывшими Перу, потому что они нашли там деревья, кора которых очень похожа на знаменитую пряность Восточной Индии и которые они приняли за настоящие коричные деревья.

Пеккари очень любят цветы, а также семена этих деревьев, они умеют стряхивать их на землю, после че-

го и едят их вволю. Наши путешественники несколько раз были свидетелями такой трапезы.

Однажды, когда они проезжали в таком месте, где эти деревья густым лесом росли на обоих берегах, Алексею захотелось посмотреть на них поближе, и он сошел на землю. Иван последовал за ним, позаботившись захватить свое двуствольное ружье. В одном стволе находилась пуля, а в другом мелкая дробь, так что оружие было заготовлено на всякую дичь. С Алексеем, по обыкновению, был его карабин.

Они намеревались идти некоторое время по берегу. Между водой и деревьями тянулась песчаная полоса, по которой они могли подвигаться без затруднений. Такая прогулка во всех прочих местах встретила бы почти непреодолимые препятствия, так как вообще леса, пересекаемые реками этих областей, спускаются прямо к воде, и на берегу нет никаких тропинок.

Вид этой прекрасной песчаной линии, которая, казалось, тянулась на несколько верст, прельстил наших юных путешественников, уставших сидеть на тольдо. Поэтому они решили размять ноги и, велев гребцам все время подниматься по реке, чтобы принять их обратно немного выше, зашагали вдоль берега, время от времени проникая в лес, когда им попадался просвет в густой чаще его опушки, и рассматривая все, что привлекало их внимание.

Пушкина не было с ними: несколько дней перед тем с ним случилось приключение, лишившее его на время употребления ног. Весьма стеснительные гости, называемые местными жителями «чигами», поселились между его ножными пальцами, и, так как он не сумел вовремя избавиться от них, то результатом этого были опухоль и воспаление конечностей, сделавшие старого гренадера таким же беспомощным, как если бы ему оторвало ногу ядром. Поэтому ему пришлось неподвижно лежать на крыше тольдо, вместо того, чтобы следовать за своими молодыми господами в их экскурсии на землю.

Алексей и Иван уже прошли вдоль по берегу две или три версты и начинали чувствовать усталость. Песок далеко не представлял твердой поверхности, по которой было бы удобно идти, напротив, он на каждом шагу проваливался под ногами. Но так как путники как раз в это время заметили на некотором расстоянии

перед собой нечто вроде выступа, вдающегося почти в середину реки, то решили продолжить до него свою прогулку, так как оконечность этого мыса казалась им подходящим местом для возвращения на пирог.

Последняя продолжала подниматься против течения и находилась уже почти против них. Поэтому им было удобно объяснить рулевому, к какому месту причалить. Затем они продолжали свой путь и почти уже окончили его, когда Ивану вдруг послышался шум в кустах, указывающий на присутствие в них каких-то животных.

Для ружья Ивана годилась всякая дичь, и так как во время прогулки он не встретил дичи, заслуживающей выстрела, то ему очень хотелось убить какое-нибудь животное прежде, чем вернуться на пирог. Алексей ничего не имел против того, чтобы он отошел на минуту, и обещал подождать его на берегу.

Если бы он знал, какого рода дичь собирался преследовать его брат и с какими животными придется ему иметь дело, он пошел бы с ним, или что, вернее всего, помешал бы ему идти. Но он вообразил, что дело идет попросту о стае обезьян, так как их водятся несколько пород в лесах по Напо, и некоторые из них умеют даже подражать крику других животных. Со стороны же обезьян не могла грозить опасность, так как среди американских четвероруких нет способных успешно бороться с человеком.

Прошло не более пяти минут с тех пор, как Иван вошел в лес, когда среди деревьев послышался ружейный выстрел, почти тотчас же сопровождавшийся вторым.

Алексей готов был идти посмотреть, в кого стрелял его брат, как вдруг услышал гул многих, пронзительных и неопределенных криков, между тем, как непрерывный шум ветвей и шум листьев выдавали присутствие в этих зарослях нескольких сотен живых существ. В ту же минуту послышался голос Ивана, испускавшего отчаянные крики. Затем юноша показался из лесу и во всю прыть побежал к брату; взгляд его выражал ужас, как если бы за ним по пятам гнался страшный враг.

— Беги, беги! — кричал он. — Они меня преследуют, бегут по моим следам!

Некогда было спрашивать, кто его преследует. Бежать, очевидно, необходимо, раз храбрый Иван испытывал такой сильный страх, и Алексей, не расспраши-

вая, принялся бежать вместе с братом. Они направились к мысу, надеясь, что успеют вовремя спастись в приближающуюся пирогу.

Они не пробежали по песку и дюжины шагов, как из куста, который они только что миновали, выскочило множество странных существ: в несколько секунд их появилось не менее двухсот!

Это были четвероногие с серовато-коричневой шкурой, величиной не более полувзрослых свиней; в них нетрудно было узнать пеккари. Все они мчались вперед с разинутой пастью, подняв хвосты кверху, щелкая челюстями, как кастаньетами, и притом испуская резкие, отрывистые крики, в значении которых нельзя было ошибиться.

Как только Алексей их увидел, он понял опасность, которой подвергался вместе с братом. Он читал и, кроме того, слышал от португальского купца и индейцев-ребцов, насколько опасны нападения этих свирепых маленьких животных, от которых не один охотник спасался лишь тем, что влезал на дерево. Если бы было время раздумывать, юные русские убежали бы в лес, вместо того, чтобы стремиться к реке. Но было слишком поздно; пеккари отрезали им доступ в сторону леса, и им ничего больше не оставалось, как положиться на быстроту своих ног, чтобы как можно скорее достичь пироги. Они и бросились по этому направлению, по пятам преследуемые своими врагами.

К несчастью, песок был неровен от множества ямок, вырытых черепахами для яиц, и беглецы, несмотря на страх, медленно продвигались вперед. Преследовавшие их животные тоже бежали не так скоро, как по твердой почве, но все же приближались, и братья начинали бояться, что не успеют вовремя добежать до пироги.

Они находились от нее еще на расстоянии полутораста сажень. Индейцы видели положение своих спутников и понимали его опасность, понимали даже слишком хорошо, так что на их помощь нечего было рассчитывать. Что же касается Пушкина, то он не мог бы сделать и шагу, хотя дело и шло о жизни его молодых господ. Это была минута ужасной муки для старого солдата. Он схватил свое ружье и выпрямился, но большего сделать не мог.

В эту минуту внимание Алексея привлек один предмет, который мог их спасти, или, по меньшей мере, вре-

менно защитить от опасности. Это было дерево, не стоячее и живое, а мертвое дерево, опрокинутое на песок, с оборванными листьями, корой и большинством ветвей; оно, без сомнения, была принесено сюда водой во время последних наводнений. Охотники были от него всего в ста шагах. Алексей надеялся, что до него они еще успеют добежать прежде, чем их настигнут пеккари, и найти убежище на его стволе или среди ветвей. Самые толстые ветви уцелели и поднимались над песком на несколько аршин в большей своей части скрытые под кучами сухой травы, посеявшей на них во время подъема воды. Впрочем, ничего другого и не оставалось делать. Наши два охотника находились в эту минуту в положении тонущего, который хватается за соломинку. Поэтому Алексей, быстро оглянувшись назад, чтобы судить о расстоянии, еще отделявшем их от врагов, крикнул Ивану следовать за ним по направлению к дереву.

При приближении к последнему они могли лучше взвесить шансы спасения, представлявшиеся им, и убедились, что если они вовремя добежат до него, то еще ничто не потеряно. Итак, они удвоили усилия и, при помощи величайшего напряжения, достигли-таки спасительного дерева прежде, чем их самих настигли пеккари.

Да и было пора. Едва успели они сесть на ствол и поджать ноги, как свирепое стадо в несколько секунд окружило их со всех сторон. К счастью, дерево, на которое они спаслись, образовывало на песке нечто вроде барьера, довольно высокого. Оно принадлежало к породе исполинских хлопчатников тропических лесов, и его ствол, имеющий в диаметре более двух аршин, целиком возвышался над почвой.

Однако, они еще далеко не были вне всякой опасности. Пеккари, продолжавшие ожесточенно преследовать их, начали скакать вдоль дерева, стараясь допрыгнуть до охотников. Время от времени самым притким это почти удавалось; передние лапы царапали верх ствола, и если бы наши охотники не отталкивали их прикладом ружья, то были бы захвачены на своей баррикаде. Каждый из них крепко ухватился за ствол своего оружия, то угрожая им нападающим, то ударяя по голове тех, которые подступали слишком близко. В течение всего этого времени пеккари яростно ворчали и

шелкали зубами; можно было подумать, что сразу взрываются сотни петард.

Не переставая защищать свою позицию, оба брата постепенно подвигались к высоким ветвям, представлявшим для них более надежное убежище. Но по временам им приходилось останавливаться и рассыпать новые удары прикладом. Наконец, им удалось достичь самых длинных ветвей, и каждый из них, выбрав себе достаточно толстую, чтобы она могла удержать его, влез по ней на верхушку дерева. Здесь они могли не опасаться пеккари, так как, хотя теперь эти животные и могли взобраться на главный ствол, что некоторые из них уже и сделали, но все усилия их влезть на ветви были напрасны, и те, которые попытались это сделать, скатились на песок.

Наши охотники, очутившись вне опасности, не могли удержаться от радостного возгласа, на который им отвечали криками с пироги; в этих криках легко было разобрать громоподобный голос Пушкина.

Однако, окруженные со всех сторон, они еще должны были заставить осаждающих снять осаду; они об этом и раздумывали, когда их взгляды были привлечены новым обстоятельством.

Их бегство на ветви привлекло в эту сторону часть их врагов, и, испустив свой клич избавления, охотники увидели, как вдруг заметались под ними пеккари среди тех ветвей дерева, которые лежали на земле. Часть их была совершенно покрыта сухой травой, и там укрывался странный зверь, вдруг представший перед взорами осажденных и осаждающих. Этим новым действующим лицом в разыгравшейся драме было животное внушительного вида и роста, перед которым пеккари казались толпой лилипутов. То был их прирожденный враг, ягуар.

Был ли он разбужен криками наших юных охотников или потревожен в своем логове пеккари, или же его появление вызвано обеими причинами?

Как бы то там ни было, зверь одним прыжком вскочил на ствол дерева и остановился на нем. Одну минуту он продержался неподвижно, поворачивая глаза то к ветвям, где прятались молодые люди, то в сторону леса. Он казался в нерешимости, и это колебание все время, пока оно продолжалось, не могло не произвести на наших героев самого неприятного впечатления. В са-

мом деле, если ягуар нападет на них, их гибель можно считать неизбежной, ибо он разорвет их на ветвях; если же они свалятся на песок, то их растерзают пеккари.

К счастью, эти последние, как только показался ягуар, бросились на него со всех сторон, и он, чтобы избавиться от них, вскочил на ствол дерева. Зверь вскоре вышел из нерешительности. Испуская ужасное рычание, он начал наносить удары когтями, и при каждом ударе один из его врагов валился на песок, воя и корчась в предсмертных муках.

Среди всех этих событий Алексей сохранил присутствие духа, что, быть может, и положило конец драме и спасло жизнь ему и брату.

Его карабин был еще заряжен, так как он понял, насколько бесполезно было стрелять в двести нападающих, с которыми они вначале имели дело. Он мог убить лишь двух или трех из них, чем вместо того, чтобы напугать остальных, только удвоил бы их ожесточение. Поэтому он сохранил свой заряд. Теперь момент казался ему подходящим, чтобы воспользоваться им; он решил избавиться от ягуара, пустив в него пулю.

Вскинуть ружье на плечо и прицелиться было делом одной минуты. Раздался выстрел, и наши герои тотчас же с удовольствием увидели, как рыжее и пятнистое чудовище приникло к стволу, потом упало на песок, где в одну секунду было окружено стадом пеккари, которые со всех сторон набросились на него, испуская бешеные крики.

Опять-таки, к счастью, пуля Алексея только ранила ягуара. Если бы он был убит наповал, пеккари принялись бы раздирать его на месте, на что им потребовалось бы всего несколько секунд. Но у него была лишь перебита одна лапа, и он решил бежать на трех остальных в сторону леса. Свиная стая последовала за ним, перенеся на этого нового врага весь свой гнев и, казалось, совершенно забыла о своих первых противниках, которых оставила спокойно сидеть на ветвях хлопчатника.

Удалось ли пеккари умертвить ягуара, или же лесной тиран, хотя и был ранен, смог избавиться от их страшного нападения? Наши юные охотники не полюбопытствовали пойти посмотреть на развязку этого странного боя. Они также не позаботились подобрать мертвых. Иван совершенно отказался от желания по-

пробовать мясо пеккари и, как только их враги скрылись из вида, оба брата соскочили на землю и во всю прыть побежали к лодке. Они достигли ее без новых приключений, и гребцы, проворно действуя веслами, вскоре вывели пирогу на середину реки, где можно было не опасаться ни ягуаров, ни пеккари.

Через несколько дней путешествия, не лишённого интереса и различных приключений, наши путешественники прибыли, наконец, в Арчидону, городок, от которого начинается навигация по Напо и где обыкновенно садятся на пароход те, кто из окрестностей Квито спускается в долину Амазонки.

До сих пор страна, которую они проезжали, была настоящей пустыней. Им попалось всего несколько мелких поселков, называемых миссиями, где священник, принадлежащий к какому-нибудь религиозному ордену, живет среди двух или трех сотен индейцев-полухристиан, которыми управляет по своему усмотрению.

Из Арчидоны в Квито ездят обыкновенно верхом, на лошади или на муле, но наши путешественники не направлялись прямо в этот последний город. Между ними и древней столицей Перу находилась восточная цепь Андов, а на ее склонах или в ее долинах они, вероятно, и встретят тех животных, за которыми ехали так далеко. Обыкновенно медведи водятся на самом Напо, выше Арчидоны, неподалеку от того места, где река, питаемая снегами великого вулкана. Котопахи, стекает с горных высот, куда они и решили отправиться.

Достав себе мулов и проводника, они продолжали путь и, после трехдневного путешествия, в течение которого охотники, ввиду трудностей дороги, сделали никак не более восьмидесяти верст, они очутились среди холмов, образующих первые отроги Андов, у подножия Котопахи, конус которого, покрытый снегом, поднимался над их головами на недостижимую высоту.

Здесь они находились в настоящей медвежьей области; им оставалось только основаться временно в какой-нибудь деревне и приготовиться к охоте.

Городок Напо, обязанный своим именем реке, близ которой расположен, и поднимающийся среди леса, вполне подходил к их планам. Итак, установив там свою временную резиденцию, они тотчас же принялись за поиски черного медведя Кордильеров.

По обыкновению, они взяли для услуг туземца, при-

чем выбор их пал на метиса, единственным ремеслом которого служила охота. Он принадлежал к классу тигреро, называемого так по имени животного, с которым они главным образом воюют. Во всей испанской Америке имя тигра неправильно присвоено ягуару из-за его пятнистой шкуры.

Однако, хотя профессией метиса и была охота на ягуаров, он не брезговал и медвежьими шкурами, когда какому-нибудь из этих животных случалось сменить высокие горы на более теплую область, где живут ягуары. Медведи не во всякое время года встречаются в этих долинах, так как, хотя *Ursus frugilegus* и живет под тропиками, он не любит чересчур жаркого климата. Он также не живет на холодных плоскогорьях, тянувшихся в соседстве вечных снегов. Он предпочитает умеренную температуру и находит ее, как мы уже сказали, на возвышенностях, образующих первые отроги Восточных Андов. Там находится его истинная родина, можно сказать, его колыбель, и там же проводит он большую часть своей жизни. Тем не менее, в известную пору года, соответствующую нашему лету, он спускается в нижние долины. Что он там делает? Алексей предложил этот вопрос тигреро. Ответ был столь же курьезен, как лаконичен:

— Ест негрскую голову (*Come la cabeza del negro*).

— Ха-ха-ха! Ест негрские головы!— повторил Иван, недоверчиво смеясь.

— Да, сеньорито, да!— утверждал охотник,— именно это его и привлекает.

— О, кровожадный зверь!— воскликнул Иван,— неужели он убивает бедных чернокожих, чтобы съесть их головы?

— Нет, нет!— возразил тигреро, улыбаясь в свою очередь,— это не то.

— Что же это тогда означает?— нетерпеливо спросил юный русский.— Я слышал, что есть табак, называемый «негрской головой», уже не любит ли он этот табак?

— Карамба! Нет, сеньорито,— отвечал охотник за тиграми, тоже смеясь теперь во все горло,— зверь любит вовсе не жвачку. Вы это сейчас увидите. К счастью, у нас теперь такое время года, когда он может удовлетворить свою страсть, иначе было бы потерей труда искать здесь медведей. Нам пришлось бы тогда идти выше в горы, где их труднее открыть и отслеживать.

Но нет сомнения в том, что мы спугнем одного из них, пока придем к негрским головам. Теперь их орехи полны тем сладким молочным тестом, до которого так лакомы медведи, и в одной версте отсюда есть целые леса этих деревьев. Я ручаюсь за то, что мы там найдем медведя.

Хотя это полуобъяснение далеко не удовлетворило любопытства юных охотников, они доверчиво последовали за тигреро.

Сделав около версты, они очутились в плоской долине, или скорее на равнине, покрытой странной растительностью. Казалось, будто это лес пальм, стволы которых ушли в землю и лишь верхушки остались над почвой. У некоторых из них был ствол от десяти до двадцати дюймов высоты, но большинство казались совершенно вкопанными в землю, кроме листвы, которая у всех развивалась с одинаковой мощностью. Среди каждого такого большого пука блестящих и продолговатых листьев виднелось известное количество крупных предметов, очевидно, плодов этого растения, которые издали в самом деле походили на головы африканцев.

Это была попросту роща тагуа, как называют перуанцы растительную слоновую кость.

Эти странные деревья, принадлежащие к породе пальмовых, имеют две разновидности, отличающиеся одна от другой лишь размером плодов. Перуанские индейцы употребляют листья и той и другой на покрытие своих хижин, но это дерево обязано своей известностью особенно плодам одной его крупной разновидности.

Эти фрукты имеют треугольную, продолговатую форму и заключены по несколько в общую оболочку. Будучи еще неспелыми, они наполнены жидкостью, не имеющей никакого вкуса, на которую индейцы считают очень прохладительным напитком. Немного позже эта вода, сначала очень прозрачная, принимает цвет и густоту молока, затем обращается в белое тесто. Когда плод совершенно созреет, это тесто приобретает цвет и плотность слоновой кости. Эта растительная слоновая кость с незапамятных времен употреблялась индейцами на пуговицы, курительные трубки и множество иных мелких вещей. С некоторого времени ее обрабатывают на европейских фабриках, и так как она много дешевле, нежели настоящая слоновая кость, и во многих предметах необходимости или роскоши может заменить

ее, то торговля ее сделалась довольно значительной.

Но как бы ни любили индейцы «негрскую голову» и как бы ни ценили европейские негоцианты слоновую кость, есть четвероногое, питающее не меньшее пристрастие к плодам тагуа: это черный медведь Андов.

Чтобы пользоваться ими, он, разумеется, не ждет, когда они обратятся в слоновую кость. Такой орех был бы слишком тверд даже и для его сильных челюстей. Он его любит в незрелом виде, когда корка плода еще не отвердела. Полуспелый орех служит для него таким лакомством, что в это время года можно быть уверенным встретить его всюду, где только растут тагуа, и как только он примется смаковать «негрскую голову», он становится равнодушным ко всякой опасности и не всегда уходит даже при приближении человека.

Наши охотники вскоре убедились в этом, так как едва они вошли в рощу тагуа, как заметили следы медведя и почти в ту же минуту увидели само животное, занятое едой.

Алексей, Иван и Пушкин готовились пустить в него по пуле, когда они, к большому своему удивлению, увидели, что тигреро вскочил на свою проворную лошадку, пришпорил ее и галопом промчался мимо них, прямо к зверю. Они забыли предупредить его, что желают сами убить медведя, и потому ничего не сказали и остались простыми зрителями, предоставив ему действовать по своему усмотрению.

Очевидно, он собирався покончить с медведем особенным способом. Они не могли в этом сомневаться, видя у него в руке кожаный ремень с петлей на конце. Они узнали знаменитое оружие южных американцев «лассо», но никогда не видели, как оно употребляется, рады были представившемуся теперь случаю.

Когда всадник очутился шагах в двадцати от медведя, тот всполошился и начал удаляться, но медленно и с таким видом, будто ему жаль было покинуть поле сражения. В этом месте тагуа находились на довольно большом расстоянии одна от другой, и большинство из них были слишком малы, чтобы скрыть медведя от глаз зрителей, которые таким образом не пропустили ни одной сцены из этой своеобразной охоты.

Она продолжалась недолго. Медведь, заметив, что всадник нагоняет его, вдруг обернулся и, сердито ворча, поднялся на задние лапы, как бы ожидая его в этой

вызывающей позе. Однако, при приближении охотника, он, по-видимому, трусил и снова грузно побежал между кустами. Но, едва сделав несколько шагов, он, раззадоренный криками своего врага, остановился и снова обернулся, опять поднявшись на задние лапы.

Именно этого и ждал охотник, и прежде чем медведь успел опуститься на четыре лапы, чтобы продолжать свое бегство, длинный ремень взвился в воздухе, и зверь почувствовал, как на плечи ему упала петля. Ошеломленный этим способом нападения, он попытался освободиться от лассо; но ремень был так тонок, что выскальзывал из его толстых лап и старания зверя привели лишь к тому, что еще туже затянули ему петлю вокруг шеи.

Между тем, кинув лассо, охотник сделал полуборот и, стиснув бока своей лошади, пустил ее галопом в противоположном направлении. Можно было предположить, что спасаясь от нападения медведя, он старался от него ускакать. Ничего подобного. Лассо, один конец которого обвился вокруг шеи зверя, другим концом было крепко привязано к крюку, вделанному в деревянное седло. В ту минуту, как лошадь побежала, ремень натянулся, дернул медведя, и последний, опрокинувшись на землю, стал волочиться, то подпрыгивая на несколько футов над землей, то с сильным шумом продаваясь через кусты.

Лошадь и медведь промчались таким образом по равнине около версты. Пушкин и молодые люди следовали за ними, чтобы быть свидетелями развязки, которая не представила ничего особенного. Когда, наконец, проводник остановился, и наши путешественники подъехали к нему, они увидели лишь какую-то косматую массу, настолько покрытую пылью, что она походила на кучу земли. Это был уже безжизненный медведь, но боясь, как бы он не пришел в себя, тигреро соскочил с лошади и всадил ему свой нож между ребрами.

Таков в его стране способ ловить медведей, объяснил тигреро. Но так как этот медведь был убит при условиях, не позволявших юным Гродоновым включить его шкуру в свою коллекцию, то тигреро оставил ее себе. Однако, они вскоре отыскиали второго среди тагуа, и этот, будучи убит наповал одновременно выстрелами Алексея и Пушкина, доставил им шкуру, добытую при

условиях, вполне соответствующих предписаниям барона. Следовательно, их миссия была закончена, поскольку она касалась *Ursus frugilegus*, и им больше нечего было делать в этой местности. Его большеглазый собрат, «хукумари» испано-американцев, живет в гораздо более возвышенных областях, и, чтобы его встретить, приходилось взобраться по крутым откосам Кордильеров.

В самом деле, они накрыли его в одной из возвышенных долин, известной у перуанцев под именем Сиерры. Животное занималось опустошением маисового поля, совсем подле «тамбо», рода амбара, в котором путешественники провели ночь. Он был настолько поглощен поеданием маиса, что ничего не видел кругом, и наши охотники, осторожно приблизившись к нему, могли выстрелить в него почти в упор, и этот единственный выстрел распростер его за смертью.

Заручившись его шкурой, они снова уселись на своих мулов и, следуя вдоль Кордильеров, направились к древней столице Северного Перу.

IX. НА СЕВЕР!

Отдохнув несколько дней в Квито, наши охотники отправились в маленький портовый город Барбакоас, где сели на пароход, идущий к Панаме. Затем они доехали по перешейку до Порто-Бельо и снова пустились оттуда по морю в новый Орлеан на р. Миссисипи. Их целью было приняться за поиски североамериканских медведей, в том числе и полярного медведя, который живет также на севере Азии, но которого им, вследствие их маршрута, удобнее было встретить на американском материке. Алексей знал, что черный медведь (*Ursus americanus*) водится всюду на этом материке от Гудзонова залива до Панамского перешейка и от Атлантических берегов до Тихого океана. Кроме того, этот медведь живет не только в горных цепях,— его встречают и на равнинах. Правда, в тех местностях, где основался человек, медведь был оттеснен к горным областям, служащим ему убежищем против охотников. Но, когда ничто не стесняет его врожденных вкусов, он настолько же любит и лесные ущелья, и чувствует себя под тропиками так же хорошо, как в лесах Канады.

Поэтому нашим юным охотникам предоставлялась на этот раз полная свобода выбирать тот или иной путь; но так как нигде нет такого множества черных медведей, как в Луизиане, то они решили, что самое лучшее будет начать оттуда свою охоту. В самом деле, в обширных лесах, еще покрывающих большую часть этой области, и главным образом, по берегам «байу», особого рода луж, вокруг которых болотистая почва и многочисленные кипарисы, увешанные испанским мхом, препятствуют всяким культурным начинаниям,— еще свободно бродит медведь, и его нетрудно там встретить.

В этой стране практикуется несколько способов охоты на медведей, причем чаще всего употребляются ямы, куда они сваливаются, после чего ими и завладевают. Но плантаторы забавляются также медвежьей охотой с собаками, и подобная охота редко бывает неудачной. Дело в том, что преследуемый медведь влезает обыкновенно на дерево, а в таком случае нет ничего легче, как сбить его оттуда ружейными выстрелами.

Наши путешественники остановились на этом роде охоты и вскоре нашли то, что искали. Русский агент в новом Орлеане дал им рекомендательное письмо к знакомому плантатору, живущему около одной из «байу» внутри страны, и тот поспешил предоставить в распоряжение гостей себя, своих лошадей, собак и весь дом.

Как только охотники приехали, плантатор приступил к снаряжению большой охоты и послал приглашения своим соседям. Каждый из них приглашался прибыть со своими собаками, чтобы таким образом составила многочисленная стая, могущая сразу оцепить большую часть леса. Этот обычай весьма распространен среди плантаторов южных штатов. Только некоторые из них имеют то, что называется полной сворой; у большинства же бывает всего пять или шесть пар собак, и лишь, собираясь вместе, они располагают достаточной силой для более крупных охот.

Обыкновенно дичью южных штатов является олень, затем серая лисица, рысь и значительно реже — кугуар. Но особенно любят плантаторы охотиться за медведем и тем более дорожат таким случаем, что он представляется не каждый день. Чтобы открыть убежище этого зверя, часто приходится делать экскурсии в самые пустынные и недоступные части лесов, на несколько верст от жилья. Однако нередко случается также,

что какой-нибудь старый медведь покидает свое уединенное убежище и посещает ночью плантации, где лакомятся молодыми побегами маиса или сахарного тростника, до которых большой любитель. Как и бурый медведь, он любит сласти и особенно мед. Чтобы добыть его, он лазает на деревья, где есть ульи, и истребляет их содержимое. В этом он походит на бурого медведя, но во всем другом значительно отличается от него.

Они разнятся друг от друга не только цветом. В то время как мех бурого медведя имеет неряшливый и взъерошенный вид, мех черного американского медведя, состоящий из волос одинаковой длины и лежащих в одну сторону, представляет гладкую, шелковистую шубу, под которой красиво вырисовываются формы тела. С этой точки зрения он гораздо более походит на медведя азиатских островов, нежели на *Ursus arctos*, от которого не менее существенно разнится и в другом отношении. Он тоньше, морда его длиннее и острее, а профиль образует выпуклый, выдающийся изгиб, наконец, он гораздо меньше и смирнее его.

Так как большая охота должна была состояться лишь на третий день по их приезде, наши путешественники решили до тех пор употребить время на прогулку по окружающим лесам не в надежде встретить медведя — да их хозяин и не думал, чтобы он мог находиться поблизости, — а просто, чтобы познакомиться с лесами Северной Америки.

Алексей старательно наблюдал и изучал леса Южной Америки во время их долгого путешествия по этому материку и с восхищением любовался большими тропическими деревьями: пальмами, мимозами, хлопчатниками, бертолетиями (названными так в честь великого французского химика Бертоле), цекропиями, смоковницами, гигантскими кедрами и каучуковыми деревьями.

В Андах он видел агавы и кактусы, все новые растения для русских глаз. Теперь он хотел посетить леса этой части Северной Америки, которые значительно отличаются от лесов, поднимающихся над Амазонкой. Он должен был здесь найти знаменитую магнолию и тюльпанник, гигантский кипарис, сикомору, вечнозеленый дуб и веероподобную карликовую пальму. Алексей читал описания этих и многих других прекрасных деревь-

ев, растущих в лесах Северной Америки; он их знал, как любитель ботаники, но теперь ему хотелось полнее и ближе познакомиться с ними, изучив их на родной им почве.

С этой целью он и Иван ушли одни, взяв лишь негра в проводники, так как плантатор был занят визитами к своим друзьям, которых приглашал на большую охоту, а Пушкин остался дома, чтобы кое-что починить в их дорожных принадлежностях.

Молодые люди вскоре перешли границу обработанных земель и, следуя за своим проводником, вступили в темный и величественный лес, со всех сторон окружающий плантацию. Они слышали о пруде или «байу», находящемся приблизительно в версте от нее — одно из самых любопытных для них зрелищ в болотах Луизианы, и направились в его сторону.

Когда они достигли берегов пруда, их глазам действительно представилась странная картина. Птицы и пресмыкающиеся различных видов, казалось, сплошь покрывали всю его поверхность. Наравне с водой виднелись сотни аллигаторов, черные спины которых можно было принять за бревна. Однако, большинство из них находились в движении, плавая вдоль и поперек пруда и часто порывисто кидаясь вверх, словно они преследовали невидимую добычу. Время от времени они поднимали свои толстые хвосты и с шумом, повторяемым лесным эхом, колотили ими по воде. Тогда из воды часто выбрасывалось что-то блестящее, в чем легко было узнать рыбу, и почти тотчас же проглатывалось одним из ужасных пресмыкающихся.

Большое количество водяных птиц разных пород было также занято рыбной ловлей. Толстые пеликаны, стоя в воде, время от времени окунали в нее свои длинные клювы и потрясали в воздухе своими жертвами. Там находились также цапли, журавли и среди них большой луизианский журавль, белоснежная чепура, лесной ибис, секретарь с длинным острым клювом и самая блестящая, самая красивая из всех птиц — алый фламинго.

Другие птицы, не принадлежащие к водяным, также участвовали в этой оригинальной сцене. Над озером парил черный коршун, летали вороны и лунь, а на вершинах некоторых высоких высохших деревьев восседал царь этой пернатой толпы, большой белоголовый

орел. Немного ниже орлан, казалось, следил за малейшим движением воды и время от времени схватывал на лету выброшенную аллигатором рыбу, похищая, таким образом, у пресмыкающихся их добычу, чтобы, в свою очередь, волей-неволей уступить ее своему грозному соседу.

Эта сцена далеко не была молчаливой. Напротив, хриплое мычание аллигаторов, шлепанье их хвостов о воду, карканье пеликанов и шелканье их огромных клювов, жалобные голоса цапель и журавлей, крики орлана и пронзительный клекот орла, покрывающий этот странный концерт,— все это составляло смесь самых негармоничных звуков.

Выстрел Ивана, убившего великолепного белоголового орла, выдал присутствие охотников на берегах байу. Птицы разлетелись в разные стороны и стали искать убежища на вершинах высоких деревьев, между тем, как чудовищные пресмыкающиеся, которых охотники за аллигаторами тоже научили опасаться близости человека, побросав свою добычу, поспешили спрятаться в тростнике противоположного берега.

Подобрав убитого Иваном орла, юные русские продолжали свою экскурсию, следуя берегом пруда.

Едва сделав несколько шагов, они очутились на тинистой отмели, с которой вода убыла еще очень недавно и где, несмотря на солнечный зной, земля была еще мягкая. Они с первого же взгляда заметили на ней следы, которые сначала приняли за отпечатки человеческих ног. Но рассмотрев их ближе, они усомнились в этом, вспомнив замеченное ими в снегах Лапландии сходство между следами человека и медведя; и, хотя они отдавали себе отчет в различии, которое должно быть между следами европейского и американского медведей, они все же спросили себя: нет ли основания предположить, что одно из этих животных бродит по близости?

Их проводник стал на колени, чтобы лучше разглядеть отпечатки.

— Да, это медвежий след!— воскликнул он.

— Медвежий?

— Да, господа, след большого медведя! Сам их знает, он не раз их видел. Ага, медведь тоже приходил за рыбой; они все ходили на рыбную ловлю сегодня утром, ха-ха-ха!

И негр рассмеялся своей шутке, которую, без сомнения, считал очень веселой.

Внимательно рассматривая следы, Алексей и Иван убедились, что то были действительно отпечатки медвежьих лап, но гораздо меньше тех, которые они видели в Лапландии. Следы были совсем свежие и казались настолько недавними, что оба брата невольно оглянулись вокруг, словно ожидая, не появится ли сейчас и сам медведь.

Было весьма вероятно, что тот, чьи следы охотники сейчас открыли, находился на берегу байу, когда они пришли, и что, испугнутый выстрелом Ивана, он убежал в лес.

— Какая досада,— сказал младший брат,— что я не оставил орла в покое! Мы могли бы увидеть медведя, и каждый пустить в него по пуле. А теперь что делать? Здесь нет снега, тинистая отмель кончается в двух шагах, как найти дальше след и идти по нему? Куда спрятался зверь? Быть может, в эту кучу бревен?

Говоря это, Иван указывал на полуостровок, вдающийся в воду, в тридцати шагах от того места, где они стояли. Он соединялся с землей узеньким тинистым перешейком, но другой его конец, со стороны пруда, был на несколько аршин покрыт мертвыми деревьями, принесенными туда разливом и теперь лежащими грудой друг на друге.

— Это не невозможно,— отвечал Алексей, смотря по указанному братом направлению.— Это место словно нарочно устроено для того, чтобы в нем прятаться. Он легко мог туда забиться.

— Пойдем посмотрим. Если он там, то ему не удастся вырваться раньше, чем каждый из нас пустит в него по пуле, а я слышал, что этих американских медведей легче убить, нежели наших. Мы уже имели доказательство в Южной Америке, что их северные собратья не живучее их.

— Смотря как,— отвечал Алексей.— Мы должны готовиться к ужасной борьбе, когда придется иметь дело с большим серым медведем и с медведем полярных областей, но черного медведя, как ты говоришь, не так трудно победить. Тем не менее, когда он ранен, то защищается, и хотя зубы и когти у него менее опасны, чем у его собратьев, он все же может наградить врага пренеприятнейшими объятиями. Но посмотрим, там ли он.

Разговаривая таким образом, они подошли к узкому перешейку, соединяющему полуостровок с землей.

— Какая досада,— сказал Иван,— что там лежит это толстое бревно! Без него мы могли бы найти след в тине.

Иван говорил об опрокинутом древесном стволе, который, лежа вдоль перешейка, тянулся с твердой земли на самую высокую часть полуострова, образуя таким образом нечто вроде естественного моста или дороги. Разумеется, не будь тут этого ствола, следы медведя были бы видны в тине, а если бы их не увидели, то было бы ясно, что зверь пошел по другому направлению. Но он мог пройти по дереву, поэтому наши охотники решили продолжать свое исследование и пошли в свою очередь по тому же пути на полуостров.

Вдруг Иван увидел, что его брат, шедший впереди, остановился и нагнулся.

— Что ты увидел?— спросил он.

— Медвежьи следы,— ответил Алексей.

— Где они?

Алексей показал брату кору дерева, на которой виднелись не отпечатки медвежьих лап, а тинистые пятна, которые здесь оставило какое-то недавно проходившее животное.

— Клянусь!— проговорил Иван,— это, наверное, он. Это та же черная, как чернила, грязь, в которой мы сейчас заметили его следы. Она могла попасть сюда только с его толстых лап, в этом нет ни малейшего сомнения!

— Таково и мое мнение,— сказал Алексей.

И, убедившись в том, что медведь действительно находился на полуострове, они зарядили свои ружья, переменили пистоны и стали осторожно подвигаться к куче бревен, в которой спрятался, по их предположению, медведь.

Охотники едва вступили на полуостров, а негр, следующий за ними, еще шел по стволу дерева, как вдруг послышался звук, похожий на тот, который производит свинья, потревоженная у своего корыта,— нечто среднее между хрюканьем и ворчанием,— и в то же время большая черная фигура вылезла из-под груды бревен, с шумом встряхнув их. Иван и Алексей с первого взгляда признали в ней медведя и прицелились.

Животное встало на задние лапы, словно осматри-

ваясь вокруг; но в ту минуту, как они готовились выстрелить, зверь снова принял горизонтальное положение, и это движение было так внезапно, что охотники потеряли точку прицела. Они попробовали снова нацелиться, но медведь с ужасным рычанием бросился вперед и проскочил между ними так близко, что невозможно было стрелять иначе, как наугад. Иван выстрелил, но без результата; пуля пролетела мимо животного и ударилась сзади него в ствол дерева, с которого во все стороны щепками полетела кора. Медведь, по-видимому, не собирался на них нападать и, очевидно, задавшись лишь одной целью — убежать в лес, — продолжал свой путь. Негр, видя, что на него бежит огромное четвероногое со вставшей дыбом шерстью, испустил отчаянный вопль и, с вытаращенными, почти выскакивающими из орбит глазами, попытался отступить назад или броситься в сторону.

Напрасный труд! Он не сделал назад и трех шагов, как медведь, более испуганный двумя противниками, следующими за ним по пятам, нежели тем, который был перед ним, бросился вперед — и тотчас же его нос, голова и шея очутились между ног чернокожего. Последний уже потерял голову, а теперь чувствовал, что теряет и почву под ногами. Он очутился верхом на медведе и таким образом проехал некоторое расстояние на спине животного, сидя лицом к хвосту. Он мог бы так прогуляться довольно далеко, но бедняге не особенно нравился такой способ верховой езды, и он барахтался изо всех сил, силясь освободиться от своего неожиданно коня.

Эти усилия заставили его потерять равновесие; он тяжело свалился на сторону, увлекая своей тяжестью и медведя; оба, человек и зверь, кубарем покатались в грязь.

Одну минуту видно было, как они барахтались и тряслись в тине, медведь — рыча, а испуганный негр — испуская дикие крики. Наконец, медведь, весь покрытый грязью, встал и побежал изо всех сил.

Тогда Алексей выстрелил и попал ему в зад, но пуля, вместо того, чтобы остановить зверя, лишь ускорила его бег, и раньше, чем негр встал на ноги, зверь достиг леса и исчез в нем.

При виде негра, вылезающего из тины, в которой он барахтался, и сплошь покрытого такой же черной, как

его кожа, грязью, Иван не мог удержаться от смеха, и в самом деле вид бедняги был до такой степени комичен, что даже и Алексею не удалось сохранить своей серьезности. Этот взрыв веселости заставил их потерять несколько минут. Однако они быстро вновь зарядили свое оружие и вернулись на твердую землю, с намерением последовать за медведем в его убежище.

Они не надеялись напасть на его след без собак и собирались послать на плантацию за одной или двумя из них, когда увидели, что было легко, по крайней мере на некотором расстоянии, проследить за животным и без их помощи. Грязная вода, которой пропиталась длинная шерсть зверя, капала и оставляла пятна всюду, где он проходил. Поэтому они решили, насколько возможно будет, идти по этому следу и послать за собаками лишь в том случае, если след прервется.

Они сделали не более трехсот шагов, как след вдруг остановился у большого дерева.

Продолжать поиски далее было бы совершенно бесполезно, так как, осмотрев ствол дерева, на нем легко было заметить большие пятна грязи, а кора была сорвана в нескольких местах. Эти царапины, очевидно, сделанные медвежьими когтями, были по большей части давнишние; но одна или две из них казались совсем свежими, да, кроме того, виднеющаяся подле них еще сырая грязь не оставляла сомнений, что их сделало преследуемое нашими охотниками животное. Дерево это было сикомор, как известно, имеющий мало листьев; но с ветвей свешивались длинные фестоны испанского мха, среди которых мог бы спрятаться даже медведь.

Однако, обойдя вокруг дерева и осмотрев его со всех сторон, наши путешественники убедились, что их медведь не спрятался во мху, но, должно быть, забрался в дупло, отверстие которого, скрытое двумя толстыми ветвями, было видно лишь с одного места.

Но как заставить его выйти оттуда? Быть может, удастся достигнуть этого шумом?

Охотники немедленно испробовали этот способ, но без успеха. Несмотря на их крики и стук по стволу дерева, медведь не показал даже кончика носа.

Тогда, всмотревшись внимательней в замеченные ими на стволе пятна грязи, Алексей и Иван увидели около них следы крови; они заключили из этого, что

зверь ранен и что, следовательно, нет никакой надежды заставить его выйти из убежища, где он считал себя в безопасности. Рана, без сомнения, и заставила его спрятаться так близко от того места, где на него напали, иначе он гораздо дальше углубился бы в лес. Когда черный медведь тяжело ранен, он забивается в первое попавшееся дупло и остается там даже до самой смерти,— если рана смертельна.

Зная привычки преследуемого ими зверя, наши охотники поняли, что единственным средством добыть медведя было — срубить дерево; они и остановились на этом плане.

Негр был послан на плантацию и вскоре вернулся оттуда с полудюжиной своих товарищей и с Пушкиным во главе. Живо принялись за дело и сразу со всех сторон стали рубить дерево.

Спустя около получаса, оно рухнуло с сильным шумом, увлекая за собой несколько других маленьких деревьев. Наши охотники, ожидавшие, что медведь тотчас же выскочит из своего убежища, стали так, чтобы загородить концами своих ружей отверстие норы, в которой он спрятался; но к большому их изумлению, дерево было срублено, а медведь не подавал признаков жизни.

Пушкин вооружился колом, который всунул в дупло, сперва осторожно, потом налегая на него из всей силы. Он почувствовал тело животного, но, сколько ни тыкал его, оно не шелохнулось.

Тогда было решено спилить дерево над тем местом, где находился медведь, и это средство показалось единственным, могущим выгнать упрямого зверя. Предложение было принято, и ствол сикомора был скоро подпилен, после чего открылась часть тела животного. Оно было мертво!

Теперь легко было себе объяснить, почему ни падение дерева, ни удары колом Пушкина не могли заставить его пошевелиться. Пуля Алексея попала ему в один из жизненных органов, чего было достаточно, чтобы смерть последовала через несколько минут.

Тут наши охотники узнали от негров один странный факт: будто дерево, в котором прячется и часто спит черный медведь, редко бывает шире его собственного тела. В большинстве случаев оно так узко, что он не может в нем повернуться. Поэтому ему там приходится спать

стоя или присев. Из этого наблюдения можно было бы заключить, что медведю так же несвойственно стоять на задних лапах, как и на всех четырех или лежать. Достоверно известно лишь то, что ближе к северу, в областях, где зима суровее и где черный медведь проводит несколько недель в спячке, он часто выбирает себе приютом дупло, которое его тело заполняет целиком и где, как мы сейчас сказали, ему невозможно повернуться. Кроме того, он соскабливает всю гнилую древесину в дупле, вероятно для того, чтобы сделать внутренность своего жилища более гладким и комфортабельным.

Убитый юными охотниками медведь принадлежал к самым крупным экземплярам своей породы, и его шкура, после того, как ее обработали подобающим образом, была признана безусловно достойной находиться в их коллекции.

Значит, в этом отношении их цель была достигнута, тем не менее они с большим удовольствием присутствовали на состоявшейся через несколько дней большой охоте, где было убито немало медведей.

В их честь была также устроена охота на оленей, во время которой был убит и кугуар, что является еще более редким событием, чем убийство медведя, так как теперь в лесах Северной Америки встретить кугуара труднее всякого иного четвероногого.

Плантатор приготовил своим гостям еще другое развлечение,— барбекю, род празднества, обычного у жителей отдаленнейших американских лесов, которое, благодаря своей оригинальности, заслуживает краткого описания.

Когда Алексей и Иван вышли рано утром, намереваясь пройти к прогалине, выбранной для этого сельского праздника, они нашли на ней шумную и суетящуюся толпу. На одном конце пылал костер, достаточный для того, чтобы на нем изжарить не только быка, но даже целую геватомбу, а около него с полдюжины негров, не переставая болтать, рыли большую яму. Яма имела от 5 до 6 аршин длины, 6 аршин в ширину и около полутора в глубину; она была со всех сторон обложена гладкими плоскими камнями. Как только дерево, окончательно сгорев, превратилось в груды пламенеющих угольев, последние были поспешно сброшены в яму лопатами. Другая кучка негров, посланная в лес

за стволами азиминника (*Asiminia triloba*), скоро вернулась со своей добычей. Принесенные ими молодые деревья были положены поперек ямы, образовав над ней колоссальную решетку. Бык, убитый накануне, должен был служить главным блюдом на пиру, так сказать «гвоздем» празднества; его рассекли надвое и положили на эту импровизированную решетку. Управляющий плантатора, окруженный несколькими знаменитыми по соседству поварами, гордо председательствовал при этой операции. Время от времени двадцать здоровенных парней поворачивали «бифштекс», между тем, как «начальник» приказывал поливать, или сам поливал уже потемневшее мясо ароматной настойкой на перце, соли и душистых травах, за составление которой пользовался большой славой.

Утро прошло быстро этих незнакомых нашим путешественникам приготовлениях. В полдень съехались многочисленные гости с ближайших плантаций и соседних поселков. Самый упрямый бык не мог бы противостать такой жаровне, как яма, о которой мы говорили, и жаркое оказалось как раз готовым к этому времени. Куски его, разрезанные и разложенные по большим деревянным блюдам, приготовленным специально на этот случай, тотчас же снесли в тенистое место, где были расставлены столы; затем в изобилии следовал запеченный в золе картофель и корзины, в которых блестел золотистый майсовый хлеб. Кроме того, была почата бочка превосходного сидра, а за десертом столы покрывались славными старомодными пудингами. Вперемежку с сочными местными фруктами. Само собой разумеется, что при этом царил безграничная веселость. Каждый объявлял, что жаркое восхитительно, и русские не могли припомнить более аппетитного обеда.

Довольство, даваемое свежим и чистым воздухом, хороший аппетит, еще усиленный особым дымком, пропитавшим жаркое,— ибо сок, вытекающий из азиминника, когда он разогрелся на огне, придает свой вкус мясу, которое на нем жарится,— все это делало описанный нами обед достойным царского стола. И наши путешественники обещали себе когда-нибудь попробовать воспроизвести американский барбекю под холодным небом России.

Ничто не было пропущено в празднестве: пили за

здоровье друг друга, пели, говорили оригинальные речи, рассказывали различные истории.

Одна из этих историй особенно произвела впечатление на наших путешественников, во-первых, потому, что это была история про медведя, а во-вторых, она весьма характеристично обрисовывала одну сторону жизни скватера, как называют смелых пионеров, населяющих великие американские леса. Алексей внес ее в свой дневник, из которого мы ее и заимствуем.

В двенадцати или пятнадцати верстах от одного городка неподалеку друг от друга поселились двое скватеров.

В окружающих их лесах они находили источник доходов, увеличивающий прибыль, получаемую ими с земли. Каждый из них в свободные дни отвозил в город нарубленный лес, который продавал там на дрова. Таким образом, конкурировали они между собой, оспаривая один у другого довольно малочисленных клиентов, и между ними установилось соперничество, быстро обратившееся в зависть и ненависть; тут-то и произошел любопытный случай.

Каждый из них имел лишь по паре волов, на которых то отправлял работы на ферме, то отвозил дрова на рынок. Однажды они в течение недели потеряли по воле: один сдох по болезни, другой же был так сильно ушиблен упавшим деревом, что владелец вынужден был прикончить его.

Так как один вол не мог свести нагруженную телегу, то обоим скватерам пришлось приостановить торговлю лесом, и даже работы на их фермах были сильно стеснены этим. Вскоре они узнали, что оба находятся в одинаковом затруднении, и обоим сразу пришла мысль купить вола соседа, чтобы опять иметь пару, продолжать вывоз леса и заодно избавиться от конкурента.

Но, как это легко себе представить, оба соседа, имея в виду один и тот же предмет, никак не могли столкнуться и, после долгих переговоров, дело продолжало стоять все на том же месте, как и в первый день. Время уходило, и наши земледельцы видели, что их положение ухудшается.

В одно прекрасное утро один из них отправился в путь, чтобы сделать последнюю попытку, твердо решившись кончить торг полюбовно, если можно, а если окажется трудно, то и силой. Создавая в голове проект

за проектом, он прошел примерно две или три версты леса, отделяющих его владения от земли соседа, и уже вступил на последнюю, когда сзади него вдруг послышалось многозначительное рычание, прервавшее его мечты.

Быстро обернувшись, он увидел сзади себя медведя, вид которого не представлял ничего успокоительного. Добежать до дома соседа прежде, чем зверь успеет его настичь, было невозможно; идти навстречу животному было бы безумием, так как, погруженный в свои размышления, он позабыл захватить с собой оружие.

В поле стояло несколько высохших деревьев; он всю прыть побежал к одному из них, надеясь за ним спрятаться, пока к нему не придут на помощь. Он не ошибся: всячески изворачиваясь, ему удалось все время иметь дерево между собой и медведем, и когда последний, поднявшись на задние лапы, с бешенством бросился на скватера, то обнял лишь старое дерево, в кору которого глубоко вонзились его острые когти.

Внезапная мысль осенила земледельца, когда он увидел, как медведь, медленно и с трудом освобождал свои когти. Он схватил его за передние лапы и, сам обняв дерево с противоположной стороны, решил держать его так до тех пор, пока сосед придет к нему на помощь.

Последний услышал его крики, но, вместо того чтобы бежать, медленно приближался, держа на плече топор.

Увидев, в каком положении находился его сосед, он сразу придумал, каким образом порешить вопрос о воле, и на новые вопли несчастного, умолявшего о помощи, спокойно отвечал:

— С одним условием, сосед.

— С каким?— боязливо спросил тот.

— Если я вас освобожу от медведя, вы мне отдадите своего вола.

Торговаться было невозможно, и бедняга согласился, глубоко вздыхая. Но в ту минуту, как топор уже опускался на голову животного, он воскликнул:

— Остановитесь! Этот гадкий зверь чуть не уморил меня со страху, и мне страшно хочется убить его самому! Подержите-ка его немного вместо меня, а я его прихлопну.

Скватер, на радостях, что достиг столь давно же-

ланной цели, доверчиво уступил ему, бросил топор, осторожно схватил мощные лапы медведя и приготовился всеми силами поддержать эту минутную борьбу. Но, о ужас! он увидел, как тот спокойно положил топор на плечо и пошел назад.

— Эй!— закричал он,— что ж вы не убиваете медведя?

— Что же торопиться? Мне, кажется, вы не прочь немножко постоять тут.

Скватер, попавший в свою собственную западню, не мог не уступить своему соседу, и последний, радуясь в свою очередь, согласился, наконец, убить свирепого зверя, но с условием, что он не только будет освобожден от заключенного перед этим торга, но что, кроме того, еще сделается счастливым обладателем обоих волов. На этом кончается эта любопытная история.

Х. ПОЛЯРНЫЙ МЕДВЕДЬ

Спустя несколько недель после того, как наши охотники расстались с луизианским плантатором, они были радушно приняты в совершенно иной обстановке, а именно в доме торговца мехами. Их главная квартира находилась в форте Черчилль, на западном берегу Гудзонова залива, некогда служившим главным рынком местной меновой торговли. Здесь они очутились в стране большого белого или полярного медведя (*Ursus maritimus*), новой дичи, за которой должны были охотиться, согласно условиям своего маршрута.

Они могли бы встретить это животное и значительно южнее, так как *Ursus maritimus* охотно прогуливается вокруг всего Гудзонова залива. Границей его прогулок на юг является пятьдесят пятый градус широты на американском материке, или, по крайней мере, на берегах Лабрадора и Гудзонова залива, так как западнее он не спускается ниже Берингова пролива.

Излишне напоминать читателю, что этот медведь почти исключительно живет на берегах моря. Его даже почти можно было бы считать в числе морских животных, потому что из двенадцати месяцев в году он, по крайней мере, десять проводит на ледяных полях. Во время короткого арктического лета он бродит по земле, но редко удаляется от берегов далее, чем на восемьдесят верст, и никогда более ста шестидесяти. Он следует

по течению рек и питается в этот период пресноводными рыбами.

Этими экскурсиями по земле он пользуется также и для того, чтобы разнообразить свой пищевой режим и поесть корней и ягод, которые находит на кустах. В остальное время года, когда вся вода на земле и само море на большом расстоянии замерзают, он держится на краю ледяных пространств и питается рыбой. Тут его добычей становятся различные породы морских рыб, морские коровы, молодые моржи, а иногда даже и маленькие киты. Он охотится за ними и ловит их с такой ловкостью и проворством, которые кажутся результатом не одного лишь инстинкта, но и разумной тактики.

Он, не испытывая усталости, плавает очень долго и далеко. Его видали, по крайней мере, в море далее тридцати верст от земли и от льдин. Его встречали даже гораздо дальше от берегов, на громадных плавучих льдинах, но сомнительно, чтобы такой способ передвижения был им выбран добровольно. Можно думать, что он плавает до тех пор, пока хочет, т. е. пока не остановит голод. Плавает он взад и вперед, и движения его свободны и непринужденны.

Если какое-нибудь четвероногое бывало на полюсе, то это, конечно, полярный медведь, и весьма вероятно, что его царство простирается до этой крайней точки земной поверхности. Самка белого медведя не питает к морской жизни такой склонности, как ее господин и повелитель. Если она не бесплодна, то остается на земле, где и производит на свет своих медвежат. Перед наступлением зимы она уходит на некоторое расстояние от берега, выбирает себе убежище, ложится в него, засыпает и так остается до весны. Она не ищет, подобно другим медведям, пещеры или дупла, так как в стране, где она живет, не встречается ни тех, ни других. Она попросту ждет, когда выпадет много снега, о чем ее предупреждает инстинкт, и тогда, ложась под защитой скалы или же пользуясь какой-нибудь неровностью почвы, в которой быстро скопляется снег, свертывается там клубком, покуда ее всю не покроет белый саван. Ее тело часто находится на глубине нескольких футов. Таким образом она проводит всю зиму, совершенно не двигаясь и в состоянии кажущегося оцепенения. Теплота ее тела и дыхания растопляет вокруг нее снег, так что под конец она покоится как бы в ледяной скорлупе.

Когда наружный снег растает на весеннем солнце, медведица становится матерью, произведя на свет двух беленьких медвежат, величиной с кролика. Для нее еще не время покидать свою снеговую берлогу; она кормит своих детенышей до тех пор, пока они не сделаются с лисицу ростом; в это время они начинают бегать. Тогда медведица напрягается, проламывает ледяную корку, образующую крышу ее жилища, и направляется к морю.

Иногда случается, что снег так плотно замерзает вокруг нее, что она, истощенная кормлением своих детенышей, не может его проломить. В таком случае ей волей-неволей приходится оставаться в своей тюрьме до тех пор, пока солнце не растопит снега и не выпустит ее на волю. Но тогда, после столь продолжительного поста, от зверя сстается одна лишь тень, и он с трудом держится на ногах.

Северные индейцы и эскимосы ежегодно сотнями забирают медведиц с детенышами в их зимних убежищах. Они открывают их жилища различным способом: иногда с помощью своих собак, разрывающих снег, под которым прячется страшная дичь; в другой же раз — наблюдая за легким слоем инея, образовавшегося над какой-нибудь расщелиной от теплоты дыхания животного. Когда охотники убедятся в точном положении тела зверя, они разбивают над ним лед и убивают его копьем, или же прорывают в снегу горизонтальный туннель, накидывают петлю на шею или лапу медведицы и таким образом вытаскивают ее наружу.

Наши охотники уже употребили несколько дней на поиски белого медведя и безуспешно сделали несколько экскурсий на север от форта в устье реки Силь, впадающей в Гудзонов залив. Они напали на следы нескольких медведей и даже видели некоторых из них издали, но не могли приблизиться к ним на ружейный выстрел. Почва, совершенно лишенная деревьев, не представляла, к тому же, никаких выступов, при помощи которых охотник может незаметно приблизиться к дичи. Весь западный берег Гудзонова залива на протяжении приблизительно сто шестьдесят верст представляет низменную, болотистую равнину, без скал и холмов, и лишь в этой смежной с морем зоне находят белого медведя. Одни лишь самки, как мы уже сказали, пересекают ее всю до опушки лесов. Бесплодно осмот-

рев в течение четырех дней весь этот берег по всем направлениям, наши охотники решили пройти немного вглубь.

Стояла середина лета, время, когда старые медведи поднимаются по течению рек, отчасти, чтобы половить пресноводных рыб, отчасти, чтобы полакомиться корнями или плодами, но главным образом с тем, чтобы встретить своих самок, которые в это время выходят с детенышами и робко направляются к морю, навстречу своим старым прошлогодним друзьям, гордые тем, что могут представить своих сосунков отцам, которые их еще не видели.

На этот раз нашим охотникам более посчастливилось, нежели в их предшествующих экскурсиях, так как они не только увидели такую собравшуюся семью, но даже захватили ее всю целиком: отца, мать и детенышей.

Они поднялись по реке Черчилль и вступили в один из ее притоков, в нескольких верстах выше форта. Они путешествовали в челноке из березовой коры, так как на территории Гудзонова залива лошади почти неведомы, за исключением тех ее частей, где имеются луга.

На всем протяжении этой области не передвигаются иначе, как в челноках или барках, управляемых специально занимающимися этим людьми, которых называют «путешественниками». Они почти все канадского происхождения, по большей части смешанной крови, и очень искусны в плавании по озерам и рекам этой пустыни. Большинство из них находится на службе компании Гудзонова залива, и когда они не «путешествуют», то немного охотятся и расставляют силки на свой собственный счет.

Двое таких «путешественников», любезно рекомендованных главным агентом, жившим на форте, управляли челноком наших юных охотников; таким образом, вместе с Пушкиным, на маленьком судне находились пять человек. Впрочем, в этой стране имеются и гораздо большие челны из березовой коры, вмещающие несколько тонн товара и порядочное количество людей. Берега реки, в которую они вступили, были покрыты ивами, образовавшими там и сям густые, непроницаемые для глаза рощицы, но местами такими редкими, что сквозь них глаз свободно охватывал всю равнину.

По всей вероятности, здесь можно было встретить

белых медведей, главным образом в это время года. «Путешественники» уверяли, что в этих низменностях находится множество разных кореньев, до которых эти животные очень лакомы, не говоря уже о личинках некоторых насекомых, которые образуют на поверхности точвы целые кучи и которых медведь считает самым изысканным блюдом.

Поэтому наши охотники наблюдали за окрестностью по обе стороны реки, то став в челноке во весь рост, чтобы видеть поверх ив, то смотря сквозь листву. В одном месте, где кусты были очень редки, их внимание привлекло одно зрелище, вследствие которого они приказали остановить челнок.

Сначала Алексей не знал, что ему и думать о том, что он видел, настолько странна была сцена, представившаяся его глазам. Он заметил большое количество четвероногих различных цветов: одни были почти белые, другие почти рыжие, а некоторые совсем черные. Все они, казалось, имели длинную шерсть, стоячие уши и длинные пушистые хвосты. В их движениях тоже было что-то странное: одни во всю прыть бежали взад и вперед, другие скакали, остальные же как будто кружились вокруг какого-то предмета, который нельзя было рассмотреть с челнока. Их было не менее тридцати или сорока на пространстве нескольких аршин.

В это время над долиной стлался легкий туман, мешавший Алексею хорошенько разглядеть этих животных, которые сквозь туман казались ростом с телят; но их острые уши и длинные морды не позволяли принять их за этих животных и Алексей объявил, что их можно сравнить только с волками. Различие в цвете было несущественно потому, что в северных странах водятся многие разновидности волков, начиная от белых и кончая черными; и это, действительно, были волки, которым туман придавал гигантские размеры.

Но Алексей, глядя на них, вскоре заметил, что волки были не одни. Среди них находился совсем другой зверь, гораздо больше их, которого, однако, молодой охотник не мог сразу узнать.

Иван находился в не меньшем недоумении.

Это животное казалось величиной с полудюжину волков, вместе взятых; оно было белее самого белого из них, но казалось с горбом на спине и скорее имело вид какой-то кучи взъерошенной белой шерсти, нежели

четвероногого правильной формы. Однако, это не могло не быть животное, судя и по его движениям, так как видно было, что оно вертится, а минутами делает один или два шага вперед, как бы стараясь пробить себе путь к реке.

Скоро стало очевидно, что оно отбивается от волков, окружавших его, и этим объяснялись странные движения последних, так же как и их свирепый вой, который время от времени покрывал пронзительный и жалобный крик, похожий на ржание мула. Этот крик выпускали, очевидно, не волки, а большое белое животное, на которое они напали, и которое «путешественники» не замедлили узнать.

— Медведь!— воскликнули они оба,— белый медведь!

Один из них встал и посмотрел на равнину.

— Да,— сказал он, подтверждая свое первое заключение,— это старая медведица, окруженная волками. А они нападают на ее детенышей! Посмотрите, господа, она одного из них держит на спине. Старая ведьма, как она отбивается от волков! Она дерется, чтобы пробиться к реке.

Теперь наши охотники увидели с несомненной ясностью, что белый предмет, видневшийся среди волков, был ничто иное, как большой медведь, а то, что они принимали за горб, оказался медвежонком, протянувшимся во всю длину на спине матери и охватившим ее за шею передними лапами.

Было также очевидно, что медведица старалась добраться до реки, без сомнения затем, чтобы найти убежище в воде, куда, как она хорошо знала, волки не решатся последовать за ней. Пока охотники делали наблюдения, она даже продвинулась на несколько шагов в этом направлении.

Несмотря на одолевшую волков злость, они соблюдали в битве большую осторожность. Они имели к тому уважительные причины, опирающиеся на многие примеры опасности, могущей им грозить со стороны врага, если бы они слишком близко подступили к нему; на месте битвы трое или четверо из них были безжизненно распростерты, между тем, как другие прихрамывали вокруг, или уходили с поникшей головой, выпуская жалобные крики и зализывая свои раны.

Было странно, что волки напали на белого медведя,

животное, которого они чрезвычайно страшатся. Один из лодочников дал этому объяснение, заметив, что медведица, на которую они напали, без сомнения только что вышла из своего долгого зимнего заточения, быть может, полумертвая от голода и наверняка ослабленная кормлением детенышей, на которых волки, вероятно, и напали главным образом. Они, наверное, старались разлучить их с матерью, чтобы затем схватить их и пожрать. Один из них может быть даже был уже схвачен, потому что было видно лишь одного, а их всегда рождаются двое.

Наши юные охотники сочли неподходящим дольше оставаться простыми зрителями этой странной борьбы и уже подумывали завладеть медведицей и ее детенышем. С этим намерением они и велели лодочникам грести к берегу и высадить их. Едва лодка коснулась берега, они соскочили на землю и, в сопровождении Пушкина, направилась к месту сражения; гребцы же остались в лодке.

Охотники не сделали и двенадцати шагов, как им бросился в глаза новый предмет, заставивший их остановиться. То было другое четвероногое, вышедшее из-под ив и бросившееся к месту битвы. На этот раз в его определении невозможно было ошибиться. Это был большой белый медведь, гораздо толще того, которого осаждали волки, без сомнения самец и отец, бродивший или спавший под ивами, но не замечавший до сих пор, в какой опасности находятся самка и детеныши. Шум, вероятно, разбудил его, и он торопился им на помощь.

Он галопом перебежал равнину и в несколько секунд очутился на театре борьбы, которой его присутствие сразу положило конец. Волки, увидев, что он несется на них с разинутой пастью, разбежались во все стороны. Однако те, которые были ранены, не могли так быстро удрать, и расшвиравший медведь, бегая от одного к другому, замертво укладывал их одним ударом своих могучих когтей.

Менее, чем в десять секунд, поле битвы было освобождено от этой шайки, и на нем остались лишь трупы. Медведь побежал к своей подруге, которая обняла его лапами за шею; казалось, они поздравляют друг друга со счастливым исходом сражения. Лишь в эту

минуту заметили наши охотники, что детенышей было двое: второй прятался у матери под животом.

Эти медвежата, ростом приблизительно с лисицу, несомненно, понимали, какой опасности подвергались, потому что теперь, избавившись от нее, первый соскочил со спины матери, второй вылез из-под ее ног, и оба принялись играть, катаясь по траве. Отец и мать, казалось, с интересом следили за их замысловатыми прыжками.

Несмотря на хорошо известную хищность этих животных, в этом зрелище было что-то трогательное, и наши охотники колебались, идти ли им вперед. Особенно Алексей, характер которого был мягче характера его спутников, не мог перебороть довольно сильного волнения при виде этих почти человеческих выражений нежности. Иван также был тронут, и, может быть, они оставили бы эту семью в покое, рискуя долго проискать другого случая прибавить к своей коллекции шкуру полярного медведя, если бы их не увлек Пушкин. Старый гренадер был недоступен сентиментальности; смело сделав несколько шагов вперед, он раньше, чем его молодые господа могли его остановить, выстрелил в большого медведя.

Было ли животное ранено? Этого нельзя было сказать; вскоре стало несомненным лишь то, что он ничуть не был искалечен, ибо тотчас же, как рассеялось окружившее его облако дыма, Пушкин увидел, что зверь покинул свою подругу и направлялся к нему.

Старый солдат уже вытащил было свой нож, чтобы быть готовым к борьбе, но внушительный вид противника, его огромный рост и свирепое, жесткое выражение заставили его понять, что на этот раз осторожность будет лучше отваги. Лодочники, оставшиеся в челноке, сопровождая свои слова самыми выразительными жестами, уже кричали всем троим, чтобы они спасались.

Иван и Алексей стойко держались, пока Пушкин не подоспел к ним. Когда же он очутился около них, они выстрелили в свою очередь, но чудовище, хотя было ранено в нос, побежало еще шибче.

Тогда все трое бросились к челноку. Это было их единственным убежищем, потому что если бы им пришлось пробежать большое пространство, то медведь, конечно, настиг бы их, и несколько ударов его лапы прикончили бы жизнь всех троих.

Подбежав к челноку, они один за другим впрыгнули в него, и лодочники, не дожидаясь даже, пока они усядутся, оттолкнулись от берега, и стали изо всех сил гребсти, увлекая суденышко на середину реки.

Но разозленный медведь не остановился перед таким пустяком. Увидя, что его враги ускользнули от него на суше, он тоже бросился в воду, нырнул на одно мгновение, потом поплыл прямо к челноку.

Наши путешественники спускались теперь по реке, и, благодаря течению и сильным гребцам, лодка мчалась с быстротой стрелы. Несмотря на все это, вскоре стало очевидно, что медведь догоняет их, так как его широкие лапы помогали ему плыть со скоростью рыбы, не считая того, что время от времени он поднимался над поверхностью и одним прыжком подвигался вперед на несколько аршин.

Гребцы работали своими веслами со всей ловкостью и энергией, на какую лишь были способны. Они понимали, что если медведю удастся настичь челнок, то он вскочит в него и выбросит их всех в воду, или же перевернет лодку и потопит их. В обоих случаях они подвергались опасности попасть к нему в когти, а эти когти, они знали, несли с собой смерть.

Наши охотники принялись заряжать ружья, чтобы выстрелить, покуда враг еще не напал на них, но не успели этого сделать. Стесненные движением лодки и положением, в котором находились, они поневоле действовали медленно, и раньше, чем кто-либо из троих успел вложить пулю в ружье, медведь был уже у кормы. Только в ружье Ивана был один заряженный ствол, но, к несчастью, заряженный мелкой дробью, на случай, если бы на берегу подвернулась какая-нибудь птица. Тем не менее он выстрелил прямо в пасть зверю, но вместо того, чтобы остановить его, эта новая рана лишь увеличила его ярость, и он вдвое быстрее стал нагонять челнок.

Пушкин в отчаянии бросил ружье и схватил топор, который, к счастью, находился в лодке. Крепко держа его обеими руками, он опустился на колени и стал ожидать приближения врага.

Медведь уже находился от человека не далее, как на длину своего тела. В этот момент зверь изо всех сил прыгнул вперед. Его крепкие, как сталь, когти с силой вонзились в березовую кору, из которой был сделан

челнок, и оторвали от нее порядочный кусок. Если бы этого не случилось, то лодка наверняка пошла бы ко дну. После этой первой попытки он снова появился на поверхности и готовился сделать второй прыжок, когда топор Пушкина опустился на его голову и раскроил череп.

Почти в ту же минуту тело медведя перевернулось в воде, по всем членам пробежали судороги, длинные задние лапы дернулись раза два или три, и затем его труп поплыл, словно куча белой пены.

Медведя выловили, вытащили на берег и содрали с него шкуру, которая была бела, как снег.

Алексей и Иван охотно удовольствовались бы этим трофеем и оставили бы в покое самку и детенышей, которые им были не нужны, но лодочники, соблазненные шкурами всех трех, предложили вернуться и поохотиться за ними. Их предложение было поддержано Пушкиным, питавшим величайшую антипатию ко всем медведям.

Экспедиция быстро закончилась убийством матери и взятием в плен обоих медвежат, которые были унесены живыми и привязаны на дно челнока.

Затем наши охотники спустились назад по реке. Едва они покинули место схватки, как туда вернулись волки, чтобы пожрать туши медведей и трупы своих товарищей.

XI. МЕДВЕДЬ НАГИХ ЗЕМЕЛЬ

После этого подвига охотникам надлежало пуститься в поиски за медведем Нагих земель, но чтобы встретить его, им приходилось сделать длинное и трудное путешествие. Часть территории Гудзонова залива, известная под названием Нагих земель, тянется от берегов Северного Ледовитого океана на юг, до широты реки Черчилль, между Гудзоновым заливом и цепью озер, из которых главное — Большое Невольничье озеро.

Эта огромная область еще совершенно почти не исследована. Даже охотники с Гудзонова залива весьма поверхностно знакомы с ней. Некоторые исследователи прошли по ее границе, но ее центральная часть знакома только четырем или пяти индейским племенам, жи-

вущим в соседних областях, да эскимосам, которые время от времени пускаются вдоль берегов Северного океана.

Медведь Нагих земель известен не более своей родиной. Некоторые натуралисты считают его разновидностью черного американского медведя, но он сильно отличается от черного наружным видом и гораздо более кровожадным нравом; другие сближают его с бурым европейским медведем, но он, кроме цвета шерсти, имеет и с бурым мало общего, причем даже не способен лазить по деревьям, так что его приходится выделить в совершенно отдельный вид. В продолжении одной части года он питается сусликами, мышами и вообще мясом; потом уходит к берегам моря и там питается рыбой; к растительной же пище он прибегает лишь в случае необходимости, предпочитая ей даже насекомых.

Но не говоря уже о столь различных привычках обоих животных, мех американской породы имеет желтоватый оттенок, который не встречается у европейского медведя, за исключением, может быть, пиренейского. В известные периоды года этот оттенок даже бледнеет настолько, что придает животному беловатый цвет, отчего индейцы и называют его иногда белым медведем. Натуралисты еще до сих пор не дали медведю Нагих земель специального названия. Воспользовавшись этим, Алексей назвал его по имени человека, которому мы обязаны лучшим описанием родины и привычек этого зверя. Медведь Нагих земель фигурирует в его дневнике под именем *Ursus Richardsonii*.

Мы уже сказали, что нашим путникам пришлось сделать длинное путешествие, чтобы достичь местопребывания этой медвежьей породы. В самом деле, им важно было добраться до Большого Невольничьего озера, так как хотя Нагие земли простираются на несколько градусов на юг от него, но *Ursus Richardsonii* редко спускается ниже. Зато они были уверены, что встретят его на берегах этого озера. Не медля, они отправились к этому озеру.

Момент был удачно выбран. В то время как раз готовилась к отплытию флотилия лодок, принадлежащая большой компании мехоторговцев и обыкновенно отъезжающая из Йоркской фактории в Норвей-Гоуз, на озере Виннипег; оттуда один ее отряд направляется к станциям, расположенным севернее, на озере Атепескоу и на

реке Мекензи, при чем пересекает Невольничье озеро. Целью этого ежегодного путешествия служит развоз по различным станциям товаров и провизии, привезенных из Англии на кораблях Компании, взамен чего они берут собранные за зиму меха.

Наши охотники взяли себе места на маленькой флотилии и, испытав немало тревог и опасностей в течение этого длинного переезда, достигли, наконец, места своего назначения, т. е. форта Резолюшен, на Большом Невольничьем озере, близ устья этого же названия. Здесь они наняли челнок одного из индейских рыболовов, в большом количестве живущих по берегам этого своего рода внутреннего моря, причем заручились услугами самого рыболова, который был также и охотником. С таким проводником они могли делать экскурсии по берегам озера, приставать, где им заблагорассудится, и искать медведей в местах, где всего скорее можно рассчитывать их встретить. И, действительно, во время первой же экскурсии они напали на след одного из этих животных.

Они тихонько гребли, направляясь вдоль берега: вода была совершенно спокойна, как вдруг индеец увидел, что немного впереди поверхность озера слегка заволновалась, и обратил на это внимание охотников. Это колебание не могло происходить от ветра, потому что воздух был совершенно неподвижен; не было видно ни одной из тех белых волн, которые его дуновение образует на поверхности воды; по воде разбегалась лишь мелкая зыбь, словно от камня, брошенного в глубокий пруд, или от движения какого-нибудь животного. Рябь шла из маленького заливчика, образуемого в этом месте озером. Внимательно взглядевшись в него, индеец объявил, что там должен находиться медведь, от возни которого в воде и происходит это волнение. Он тотчас же подплыл к берегу и предложил своим спутникам выйти и последовать его указаниям. Они, не колеблясь, согласились.

Крепко привязав свою лодку, индеец пошел вперед, сопровождаемый охотниками. Пройдя триста или четыреста шагов, он свернул налево и привел их к бухточке, которая имела форму подковы. Один из них обогнул ее и поместился на противоположной стороне; это был Пушкин. Иван был поставлен против старого солдата, Алексей же — в глубине заливчика, так что все трое заняли крайние точки почти равностороннего треугольника.

Указав каждому его пост, индеец сказал им, чтобы они проползли в кустах, отделяющих их от озера к берегу, и притаились там, пока не услышат его крика. При этом сигнале они должны одновременно показаться на краю бухточки. Устроив все это, он вернулся к своему челноку.

Его указания были исполнены в точности. Наши охотники двинулись, каждый со своего места, к заливику, храня полнейшее молчание и соблюдая величайшие предосторожности. Как только они были достаточно близко от воды, то убедились, что индеец сказал правду: перед ними находился медведь.

Сперва они заметили лишь его голову, но и этого было достаточно, чтобы не ошибиться.

Как им сказал индеец, животное находилось в воде и плавало, не выходя из бухточки; но с какой целью? Это трудно было угадать. К их большому изумлению, зверь держал пасть открытой, время от времени высовывая свой длинный язык, которым, казалось, лизал поверхность озера. Но минутами его пасть закрывалась, и громадные челюсти громко щелкали.

Можно было подумать, что он попросту берет холодную ванну, чтобы освежиться, так как день стоял жаркий и воздух был полон москитов, от которых наши охотники спасались с большим трудом. Быть может, он окунался в воду только для того, чтобы избавиться от этого бича?.. Таково было мнение Пушкина и Ивана, но ни тот, ни другой не могли объяснить себе тех движений, которые зверь проделывал языком и челюстями. Алексей, наблюдавший внимательнее, вскоре открыл истинный повод к таким движениям. Он заметил на поверхности воды какой-то густой налет и догадался, что его образовывали мириады насекомых. Вся поверхность заливика и даже само озеро на некотором расстоянии кишели этими насекомыми, и для того чтобы ими полакомиться, медведь проводил так проворно языком по воде, а затем разом сжимал челюсти. Ведь это было одно из любимых лакомств!

Едва успел Алексей сделать это наблюдение, как послышался громкий крик, и почти в ту же минуту показался челнок индейца, направляющийся прямо ко входу в бухточку.

При этом сигнале наши трое охотников выскочили из своей засады и, с ружьями наготове, побежали к бере-

гу. Медведь, видя, что ему угрожают со всех сторон и, не зная, куда бежать, чтобы спастись, метался взад и вперед, плывя то в одну сторону, то в другую. Наконец, встав во весь рост над поверхностью озера и показывая два ряда острых зубов, он взвыл от бешенства и храбро кинулся к берегу.

Он направлялся к той стороне, где стоял Иван, но юноша был настороже и, подойдя к воде, выстрелил.

Пуля попала в самую морду животного и заставила его сделать пол-оборота, но не остановила и даже не замедлила его бега, потому что он с такой же скоростью направился к противоположному берегу.

Теперь очередь стрелять была за Пушкиным, и, секунду спустя, над озером прогремел выстрел гренадера; но пуля пролетела мимо зверя, не задев его, и только брызнула ему водой в глаза. Тем не менее этого второго нападения оказалось достаточно, чтобы заставить зверя снова изменить путь, и он поплыл в глубину залива.

Алексей, следивший за всеми его движениями, хладнокровнее смотрел на его приближение. Сзади него находилось дерево, на которое он рассчитывал влезть в случае, если промахнется. Поэтому он решил дожидаться, пока зверь будет достаточно близко, чтобы свободно прицелиться в него.

Медведь двигался по прямой линии, пока не очутился саженьх в пяти от берега; тут он, по-видимому, вдруг раздумал и двинулся влево; это было именно то, чего желал Алексей; голова зверя доступна была теперь сбоку, и, прицелившись с большим хладнокровием, он всадил ему пулю немного повыше левого уха.

Удар был смертельный. Тяжелое животное немедленно погрузилось на дно, но, к счастью, в этом месте было неглубоко. Индеец, подплывший на своем челноке, живо выудил зверя и свез на берег, где с него в одну минуту была содрана шкура.

ХII. СЕРЫЙ МЕВЕДЬ

Теперь нашим охотникам следовало добыть шкуру серого медведя, самого свирепого из всех медведей.

Область, в которой живет серый медведь, обширнее области, обитаемой медведем Нагих земель. Цепь Скалистых гор может рассматриваться, как ось этой зоны,

потому что медведи этой породы встречаются от Мексики до Северного океана. Некоторые авторы утверждают даже, будто серый медведь встречается только в этих горах, но это ошибка. Он попадает также и на западе между Скалистыми горами и берегами Тихого океана, когда он легко находит там, чем жить; на востоке же он довольно далеко заходит в прерии, однако, никогда не достигая растущих вдоль Миссисипи лесов, где черный медведь является единственным представителем медвежьей породы.

Леса не служат любимым местообитанием серого медведя. Хотя в юном возрасте он легко лазит по деревьям, но когда достигает возмужалости, то огромные когти препятствуют ему в этом. Он лучше чувствует себя в местах, поросших кустарником, особенно когда последний покрывается ягодами. Он также часто совершает экскурсии на поляны и пустыри, где растет «белое яблоко», или индейская брюква, которую он вырывает, разворачивая землю когтями. Он питается также укропом, корнями особого рода чертополоха, еловыми шишками и всевозможными плодами.

Однако, не следует думать, что он употребляет исключительно растительную пищу. Подобно большинству остальных медведей, он ест и мясо, охотно закусывает лошадью или буйволом. Это последнее животное, несмотря на свою силу и величину, часто становится жертвой серого медведя. Густые и длинные пряди волос, падающие ему на глаза, мешают буйволу заметить присутствие врага, и если только он не откроет его чутьем, то к нему легко приблизиться.

Серый медведь более всего походит на бурого европейского медведя. Его длинная и взъерошенная шерсть совсем не похожа на гладкую шкуру черного медведя. Он обыкновенно бывает темно-коричневый, и только кончики его волос имеют беловатый цвет, главным образом летом. Голова у него всегда серая, и из-за нее-то он получил свое название. Уши короче, более конические и дальше расположены одно от другого, чем у прочих медведей, а белые, крючковатые когти шире и длиннее. Волосатые лапы сильнее и толще, нежели у других пород, зато хвост очень короткий, едва заметный.

Что касается свирепости и кровожадности, то в этом отношении медведь Скалистых гор превосходит всех остальных. Охотники никогда не нападают на него, не бу-

дучи в достаточном числе, да и в последнем случае встреча с этим зверем может оказаться роковой для одного или нескольких из них. Они часто бывают обязаны жизнью лишь быстроте своих лошадей, которых серый медведь не может догнать на бегу, между тем как легко перегоняет пешего человека.

Серые медвежата иногда убегают от охотника, но, достигнув полной возмужалости, *Ursus ferox* не боится помериться силами с целой группой нападающих, яростно отбиваясь до тех пор, пока в нем тлеет хоть искра жизни.

Число белых и индейцев, убитых или искалеченных серыми медведями, огромно. Когда он наметит себе жертву, то последней остается только один способ избавиться от этого ужасного врага — влезть на дерево. Деревья являются единственным убежищем для всех, кого преследует серый медведь. Наши охотники могли вскоре сами убедиться в этом.

Сведя счеты с медведем Нагих земель, они по реке Мекензи спустились до форта Симпсон. Отсюда поднялись по большому притоку Мекензи, известному под названием Горной реки или реки Лиардов. Здесь компания Гудзонова залива имела несколько фортов, а именно: Симпсон, Лиард и Галькетт,— последний очень глубоко в горах. На западном склоне она располагает другими станциями, из которых главная находится при слиянии рек Льюиса и Пелли, впадающих в море неподалеку от горы св. Ильи, давно знакомой мореплавателям, посещающим север Тихого океана.

Между фортом Галькетт и станцией на берегах Пелли установлено собрание по Бизу, одному из притоков реки Лиардов, так что местами в челноке, местами по сухопутной дороге, в этой широте можно пересечь весь Американский материк. От берегов Пелля до Тихого океана дорога еще легкая, так как эту часть страны посещают не только русские, но и индейские купцы, которые два раза в год отправляются со станции Пелли в Ситху, отделение русской компании мехоторговцев. Пролив Линна, немного к северу от Ситхи, посещается также пароходами компании Гудзонова залива.

Таким образом, придерживаясь этого пути, наши путешественники могли без затруднений достичь Ситхи, а затем и Камчатки. С другой стороны, пересекая Скалистые горы, они были уверены, что встретят серого медведя, а кроме того, в областях, расположенных вдоль Ти-

хого океана, могли найти и разновидность *Ursus amercianus*, так как он чаще всего попадает к западу от этой великой горной цепи, в Калифорнии, Орегоне, Английской Колумбии и Аляске.

Из форта Симпсон как раз отправлялся караван мехоторговцев и охотников, везший припасы в посты Лиард и Галькетт, и наши путешественники решили присоединиться к нему.

Достигнув последней из этих станций, они сделали остановку, намереваясь поохотиться за серым медведем.

Они недолго дожидались удобного случая, так как этот страшный гость гор далеко не редкая дичь. В любимых ими округах серые медведи многочисленнее большинства прочих четвероногих; их часто видят вместе по полудюжине и более. Всего чаще встречаются четвером, но в таком случае это просто члены одной семьи, самец, самка и годовалые детеныши, ибо их потомство состоит из двух близнецов.

По многим причинам нечего опасаться истребления породы серых медведей. Во-первых, у них невкусное мясо, и даже индейцы не едят его, тогда как мясо черного медведя они очень любят. Во-вторых, их мех не имеет никакой ценности. Наконец, охотники не прельщаются этими животными, в борьбе с которыми почти всегда рискуют жизнью, ничего не выигрывая. Вот почему «старый Эфраим», как его в шутку зовут туземцы, может спокойно прогуливаться и, вместо того, чтобы ежегодно убывать в количестве, как буйвол и даже черный медведь, шкура которого довольно высоко ценится, серые медведи все также многочисленны в обитаемых ими странах.

В форте Галькетт не хватало рабочих рук, а приготовления к экспедиции, которую приходилось отправить на станцию Пелли, требовали усиленной работы, поэтому наши охотники не могли достать себе проводника и должны были идти на охоту одни. Само собой разумеется, что Пушкин сопровождал их.

Так как порт Галькетт расположен среди совершенно дикой местности и далеко от других селений, то им не приходилось углубляться очень далеко, чтобы встретить серого медведя. Он легко мог встретиться в непосредственном соседстве форта, поэтому, едва ступив за ограду, они стали держаться начеку.

Но, хотя они и увидели медвежьи следы и многочис-

ленные признаки присутствия этих животных, но самих их не нашли и вернулись со своей первой экскурсии немногочисленными.

Однако, этот день принес некоторые результаты. Им удалось убить одно из редчайших американских животных, козу Скалистых гор, которая встречается лишь в самой северной части этой горной цепи. На следующий же день им удалось повстречать и серого медведя.

Они находились приблизительно в версте расстояния от форта и осторожно подвигались вперед по гористой местности, заросшей группами деревьев и кустов, что придавало им вид парад. Долины Скалистых гор часто отличаются таким характером, и в северной их части заросли состоят обыкновенно из ягодных кустов, вишневых и сливовых деревьев и т. д. Серый медведь чрезвычайно лаком до всех этих плодов, и так как наши охотники находились среди деревьев, ветви которых сгибались под тяжестью плодов, то легко могли думать, что встретят здесь лакомящегося ягодами медведя. Многие вишневые ветки были сломаны или пригнуты к земле, и на этих искалеченных деревьях не было больше ни одной ягоды. Это было, по-видимому, произведено совсем недавно, самое большее два или три дня назад, одна же ветка, казалось, была сломана в это же утро.

Зная, что медведь может появиться каждую минуту, наши охотники держались настороже. Они шли пешком, что было, как мы уже знаем, величайшей неосторожностью на охоте за такой дичью, как серый медведь. Трапперы предупреждали их об этом, но они остались глухи к их советам, да и, по правде сказать, юные охотники и Пушкин имели лишь слабое понятие о той опасности, которой подвергались. Они слышали и читали, что серый медведь один из самых свирепых, но убив уже столько медведей, воображали, что справятся с ним так же, как и с другими. Но «старый Эфраим» не легко сдается. При виде человека, вместо того, чтобы удирать, он почти всегда бежит на него с раскрытой пастью.

Наши охотники не замедлили убедиться в этом. Они только что вышли на обширную прогалину, где, как во фруктовом саду, далеко одно от другого росли деревья, под которыми не было ни кустов, ни высокой травы. Вдруг их поразил странный шум, заставивший их тотчас же остановиться и обернуться, так как он послышался сзади. Он был похож на тяжелое дыхание больного астмой,

но был так силен, что если бы выходил из человеческих легких, то таким человеком мог быть только великан.

Этот шум производило действительно гигантское существо, т. е. не более и не менее, как серый медведь. И даже не один, потому что на опушке леса, из которого только что вышли наши охотники, в эту минуту появились два чудовищных животных, по-видимому, самец и самка. Они оба шли на задних лапах; к их сопению, привлекавшему внимание охотников, примешивалось резкое ворчание, и их движения ясно доказывали, что они не только видели наших героев, но и собираются напасть на них. В самом деле, звери почти тотчас же пустились галопом.

Сразу раздались три выстрела — один из медведей упал, чтобы больше уже не вставать. Это был меньший, находившийся впереди. Не условившись предварительно, наши трое охотников стреляли по одному и тому же зверю, выбрав того, кто был ближе. Это было досадно, ибо, если бы хотя один из охотников наметил другого медведя, то мог бы, по крайней мере, искалечить его.

Итак, последний был невредим, и гибель его подруги, — в живых остался самец, — далеко не напугала его, казалось, напротив, увеличила его ярость. Тем не менее он остановился подле трупа, который обнюхал, словно желал убедиться, что медведица действительно мертва. Это было делом одной минуты, но для охотников и минута имела большую цену. В течение ее они успели найти убежище на деревьях, каждый поторопился влезть на то, которое находилось поближе. Алексей и Иван, молодые и проворные, легко справились с этим, но Пушкину было труднее взбираться, и его едва не постигла неудача. Он ухватился за ветку и волочил свои длинные ноги, которые были еще тяжелее от надетых на них грубых сапог. Он был еще только на первых ветвях дерева, и подбежавший медведь уже собирался схватить его. Алексей и Иван в один голос испуганно вскрикнули. Они видели, как волосатые лапы ужасного четвероногого схватили их слугу за ногу, и им казалось, что сейчас Пушкин будет грубо стащен на землю. Зато каковы же были их радость и удивление, когда они увидели, что медведь со всего размаха полетел вниз, держа в лапах один из сапог отставного гренадера, между тем, как последний добирался уже до верхушки дерева!

Их испуганный крик перешел в радостное восклица-

ние, и, не говоря ни слова, все трое поспешили вновь зарядить свои ружья.

Одураченный медведь, казалось, захотел выместить свою досаду на несчастном сапоге; он принялся раздирать его зубами и когтями до тех пор, пока не превратил в клочки. Затем, разбросав его остатки, он отказался от этой бесплодной мести и снова кинулся к дереву, на котором спрятался Пушкин. Зверь по опыту знал, что не может влезть на него, и не пытаясь сделать это, схватил в свои мощные объятия ствол, начал раскачивать его во все стороны, как бы силясь вырвать его с корнем.

Некоторое время наши охотники были беспокойны на этот счет. Дерево было толщиной в фут и раскачивалось так сильно, что было слышно, как корни трещали под землей.

Пушкин, сидевший среди верхних ветвей, качался, как вола́н между двумя лапами. Ему даже было довольно трудно держаться, и он не мог окончательно зарядить свое ружье, так как был на половине работы прерван этим странным гимнастическим упражнением медведя. Если бы он был один, то положение его было бы критическим, так как со временем медведю, конечно, удалось бы выдернуть дерево. Но Иван и Алексей, вновь зарядившие свои ружья, всадили в зверя каждый по пуле, больше чего и не потребовалось. Старый Эфраим тотчас же отпустил дерево и, улегшись на землю, казалось, уснул. В то же время поток черной крови, хлынувшей у него из челюстей, показал, что это был сон смерти.

Наши охотники сейчас же спустились с деревьев, но вид Пушкина, одна нога которого была в носке, другая же погружена до ляжки в кожаный сапог, был настолько забавен, что даже серьезность судьи не устояла бы перед ним, и его молодые господа не могли еще раз не посмеяться над стариком.

Освежевав медведей, все трое вернулись в форт со своими трофеями, к большому удивлению собравшихся там старых охотников. Они с трудом верили, что эти юные иностранцы так легко справились с парой серых медведей.

Караван, с которым они прибыли, выходил на следующий день в форт Пелли, чем они и воспользовались, чтобы продолжать свой путь.

Эта часть переезда совершилась благополучно, от станции же Пелли они в обществе нескольких местных торговцев достигли русского селения Ситхи, где магический талисман, хранившийся в портфеле Алексея, доставил им самый радушный прием, какого можно только ожидать в столь диком месте.

Им посчастливилось добыть по дороге шкуры коричневого медведя и черного с белой грудью. Алексей убедился при этом, что тот и другой были лишь разновидностями *Ursus americanus*. Обе эти разновидности встречаются иногда на востоке Скалистых гор, но они гораздо больше распространены вдоль Тихого океана, особенно же на Аляске, где коричневого медведя называют обыкновенно красным. Их находят также на Алеутских островах и, по всей вероятности, в Японии и на Камчатке.¹

ХIII. НА КАМЧАТКЕ

Теперь нашим путешественникам нужна была шкура камчатского медведя, для чего им следовало отправиться на Камчатку.

Это путешествие было не так затруднительно, как могло показаться сначала; с места, где они находились, было прямое сообщение с этим азиатским полуостровом. Порт Ситхи служил сборным пунктом кораблей русской компании мехоторговцев, которые ежегодно забирают вдоль берегов северо-западной Америки и на прилегающих к ним островах меха, продаваемые им местными трапперами. Оттуда эти корабли отправляются в Петропавловск, на берегу Камчатки, где пополняют свой груз шкурами, скупленными в течение зимы на всем полуострове. Наконец, из этого порта часть мехов перевозится в Китай, особенно соболь, идущий на отделку платьев богатых мандаринов, и там они обмениваются на чай, шелк, лаковые вещи или иные предметы китайского производства.

Японцы и прочие восточные народы также покупают часть драгоценных мехов, но большая их часть продается русским, для которых меховая шуба ввиду сурового климата является необходимостью.

Наши путешественники совершили на корабле русской компании переезд от Ситхи до порта Петропавловска, расположенного близ южной оконечности полуост-

рова. Эта гавань одна из самых надежных и наилучше защищенных в этой части залива, но, к несчастью, вода в ней замерзает зимой и тогда суда не могут ни войти, ни выйти.

Был уже конец весны, когда корабль, везший наших героев, прибыл в Петропавловск, но так как зима была необычайно долгая, то залив был еще покрыт льдом, и судно не могло пройти до порта. Это не помешало им выгрузиться.

За ними приехали сани, запряженные собаками, и свезли их в город.

В Петропавловске наши путешественники увидели много любопытных предметов и познакомились с некоторыми странными обычаями. Жилища здесь имеются трех родов. Во-первых, деревянные избы, лучшие местные строения, принадлежащие, главным образом, купцам и чиновникам, или занятые казаками, которых содержит русское правительство на Камчатке. Туземцы же имеют два рода жилищ: одно — шалаш на лето, другое — юрту на зиму. Шалаш строится из кольев с соломой на немного приподнятой площадке, на которую поднимаются по бревну с зарубками. В доме всего один этаж, и вверху соломенной крыши проделана дыра, в которую выходит дым. Под площадкой передний фасад остается открытым и служит складом для сушеной рыбы, которая является главной пищей местных жителей. Туда же помещают сани, упряжь, там же спят собаки, которых у всех очень много.

Зимний дом, или юрта, устроена совершенно иначе. Это просто большая, вырытая в земле яма, глубиной в пять аршин. Бока ее выложены бревнами, а крыша, выступающая над поверхностью почвы, походит на закругленный купол большой печи. Прodelанная посередине дыра служит одновременно трубой и дверью. В нее спускаются по зарубленному бревну, такому же, по какому поднимаются в шалаш.

Странная меховая одежда жителей Камчатки, их желтовато-белые, худые собаки, сани, в которые запрягают этих животных и в которых ездят зимой, — все представляло для наших охотников интересный предмет изучения, и их дневник в несколько дней обогатился многочисленными заметками и наблюдениями. Камчадалы очень мало занимаются земледелием, так как их климат непригоден для произрастания хлебов. В не-

которых местах культивируются ячмень и овес, но в очень малом количестве. Скот там редок, да и тот, как правило, принадлежит русским. Лошади также немногочисленны, все или почти все принадлежат чиновникам. Местные уроженцы живут почти исключительно рыбой, которую им в изобилии поставляют их реки и озера. Они ловят и сушат ее летом, запасаясь на зиму. Дикие животные отчасти также идут им в пищу, а их шкурами, главным образом, соболями, они оплачивают ежегодные подати русскому правительству.

Полуостров богат пушными зверями; некоторые меха принадлежат к лучшим сортам и высоко ценятся торговцами. Камчатский котик высшего качества так же, как и водящиеся там в изобилии многочисленные разновидности лисицы. Кроме того, там водится волк, горноста́й, сурок, полярный заяц, дикий баран, северный олень, и несколько более мелких животных, шкуры которых имеют ценность на меховом рынке. Но главной и самой ценной дичью там является то страшное четвероногое, за которым приехали наши охотники,— медведь. Встретить его было нетрудно, потому что, может быть, нет в мире другой страны, где бы эти звери были так многочисленны.

Прежде, чем приняться за поиски камчатского медведя, наши охотники разузнали все, что могли, о привычках и излюбленных местах этого животного.

Им сказали, что его здесь имеется, по меньшей мере, две разновидности. Наиболее распространен бурый медведь, очень похожий на *Ursus arctos*, другой, тоже коричневого цвета, отличается белой полосой, подобно ожерелью, окружающей его шею и плечи. Привычки обеих пород, по словам туземцев, почти одинаковы. Они спят во время зимы, выбирая пещеры и расселины в скалах или же в достаточных для защиты кучах хвороста. Но оба эти медведя существенно отличаются одной привычкой от *Ursus arctos*, с которым их обыкновенно смешивают. Они живут исключительно рыбой, которую сами ловят. Во время зимней спячки они, разумеется, ничего не едят, но весной, выйдя из своего логова, тотчас же бегут на берега рек и озер, очень многочисленных в этой стране, и, бродя по берегу или входя в воду, которая всюду неглубока, они в изобилии находят форель и лосось и досыта угощаются ими. Рыбы здесь такое множество, что медведь ест только свои люби-

мые куски, т. е. голову. Однако остальные части рыбы не пропадают: их едят собаки, о которых хозяева летом совершенно не заботятся, не нуждаясь в них, и бедные животные только и питаются в это время рыбьими объедками, остающимися после пиршества медведей.

Жители Камчатки охотятся на медведей несколькими способами. В начале зимы, напав на след, они идут по нему, вооруженные ружьем и копьем, и, встретясь со зверем, убивают его. Позже, когда медведь спит в своей берлоге, они отыскивают его с помощью собак и различных примет, подобных тем, которыми руководствуются лапландцы, северо-американские индейцы и эскимосы. Такими приметами служат легкое облачко пара или слой инея над дырами и щелями, через которые в логово проникает наружный воздух. У них также в обычае расставлять ловушки в таких местах, где они знают, что медведь повадился устраивать свои зимние квартиры.

Летом же охотник с заряженным карабином садится в засаду в местах, которые чаще всего посещает это животное, т. е. на берегу богатых рыбой рек и озер. Как только покажется медведь, бродящий по берегу или плавающий около него, охотник стреляет и обыкновенно сразу убивает его, но если промахнется, то дело становится сомнительным и порой опасным, потому что зверь часто бросается на охотника. Как бы хорошо ни спрятался обидчик в высоких камышах и кустах, медведь легко находит его по дыму и пороховому запасу.

Поэтому камчатский охотник никогда не стреляет, не прицелившись самым старательным образом. Он носит с собой раздвоенную палку, на которую опирается ружье, чтобы лучше навести его. Ведь промахнуться — это значит рисковать упустить свою добычу, подвергнуть опасности собственную жизнь и попусту истратить порох и пулю, — драгоценные в этом отдаленном уголке земного шара предметы! Положим, в случае несчастия ему остаются копье и большой нож, которыми он защищается, как может, но победа нередко остается за медведем, а человек погибает в битве.

В некоторые периоды года сибирские медведи чрезвычайно опасны. Таково, например, время оттепели. Если зима продолжается, и реки и озера остаются замерзшими после того, как медведи вышли из берлог, то лучше с ними не встречаться. Эти звери, проголодавшиеся

за неимением рыбы, обычной пищи, бегают во все стороны, и, в поисках за едой дерзко приближаются к поселкам, бродят вокруг шалашей и юрт. Горе тому, кто попадется им тогда на пути! Вместо того, чтобы ожидать нападения, медведь сам нападает, а так как эти животные часто странствуют большой компанией, то встреча с ними почти всегда крайне опасна.

В такую-то позднюю весну и прибыли наши путешественники в Петропавловск. В городе только и было разговору, что о схватках с медведями, большое же количество свежих шкур, ежедневно приносимых охотниками, доказывало, что зверей нетрудно встретить в окрестностях.

Наши путешественники взяли одного из местных охотников в проводники и отправились на поиски. Земля была еще покрыта снегом, и они, разумеется, ехали в санях, каждый в своих, запряженных пятью собаками. Четыре собаки запрягаются попарно, пятая же впереди. Их упряжь состоит из кожаного ошейника с двумя ремнями. Сани немного длиннее полусажени, и так как сделаны из легкого дерева, то собаки легко везут в них одного человека.

Их подгоняют согнутой палкой с железным наконечником и с бубенчиками на другом конце. Возбужденные колющим их острием и криками ездока, они обыкновенно развивают очень большую скорость. На этом легком экипаже проезжают по холмам, рекам, озерам, не заботясь о дорогах, и если собаки сильны и откормлены, то таким образом можно в один день проделать очень большой путь.

Спустя менее часа после их отъезда из Петропавловска наши охотники очутились на одной из самых диких местностей. Там не замечалось ни малейшего следа культуры или жилья, и охотники каждую минуту могли встретиться с той дичью, которую искали.

Проводник привел их к реке, впадающей в залив в пятнадцати или двадцати верстах от города, на берегах которой, как он говорил, они могли наверное встретить медведя, быгь может, даже нескольких, потому что в одном известном ему месте вода не замерзала и, как по всему видно, медведи приходят туда за рыбой. Почему не замерзла только эта часть реки? На этот вопрос проводник отвечал, что немного выше находятся теплые ключи, довольно частое явление на Камчатском полу-

острове, вода которых вливается в реку; начиная с этого места, на несколько сот сажен, вода никогда не замерзает, даже в самые суровые зимы. Ниже, где вода охлаждается, эта река замерзает так же, как и другие, что путешественники отлично знали, так как они сошли с корабля у ее устья, и теперь их сани еще скользили по ее поверхности, покрытой толстым слоем льда.

Когда они проехали подобным образом пять или шесть верст в глубине узкой долины между двумя грядами крутых холмов, проводник предупредил их, что они приближаются к тому месту, где кончается лед. В этом пункте долина преграждается скалистой стеной, сквозь которую вода со временем прорыла себе проход, но тем не менее такое препятствие оказалось достаточным для того, чтобы около этой плотины образовался род озера площадью около двух десятин.

Ехать дальше не нужно было. Собак оставили у плотины, сделав им знак не сходить с места, что они отлично поняли, и наши охотники, держа ружья наготове, начали взбираться на скалу.

Кроме некоторых выступов, им было решительно не за что спрятаться: тут не росло ни одного дерева, и лишь несколько кустов едва поднимались до половины человеческого роста, причем все они почти целиком были засыпаны снегом. Наши охотники ползком добрались до них и осторожно посмотрели сквозь ветви.

Как и предполагал проводник, озеро не замерзло. Правда, на его поверхности было немного снега, но вода не была скована, и река, впадающая в него с противоположной стороны, была свободна от льдин.

Проводник предсказывал, что они могут встретить в этом месте медведя и, может быть, даже нескольких. Но мужичок, конечно, не подумал о том, что зверей может оказаться целая дюжина, а между тем так и случилось. Охотники к большому своему удивлению увидели на берегах озера не более, не менее как двенадцать медведей.

Да, двенадцать медведей на пространстве приблизительно двести сажен! Их было легко сосчитать, и если бы не позы, по которым их сразу узнали, зверей можно было бы принять за стадо коров. Некоторые сидели на корточках, как гигантские белки. Некоторые же виднелись наполовину в воде, от двух до трех, вплавь догонявшие рыбу, видны были лишь голова и спина, наконец,

другие спокойно бродили по берегу и по лугу, тянувшиеся по обе стороны озера.

Наши охотники нигде не встречали такого великолепия и, вероятно, Камчатка — единственная страна, где можно сразу видеть столько этих животных. Но там такое зрелище не представляет ничего необычайного, так как туземцы часто видали не только двенадцать, а даже двадцать медведей вместе, в то время года, когда, выйдя из своих зимних убежищ, они, побуждаемые голодом, спускаются с гор на берега озер и рек.

Вид стольких медведей не мог не смутить охотников, и сначала они не знали, на чем порешить. К счастью, они были скрыты кустами и находились против ветра. Не будь этого, медведи, имеющие очень тонкое обоняние, вскоре открыли бы их присутствие. Но хотя звери держались около скалы, на которой притаился враг, ни один из них, по-видимому, ничего не подозревал. Медведи были слишком заняты рыбной ловлей и едой, чтобы внимательно относиться к окружающему. Они казались голодными, их поджарые тела, взъерошенная шерсть и исхудалые члены свидетельствовали о долгом посте и делали их еще более похожими на коров, но на коров, полумертвых от голода.

Что делать? Случай был действительно затруднительный. Проводник был того мнения, что следует уйти и оставить медведей в покое. Потревожить их, — говорил он, — было бы очень опасно, когда звери в таком большом количестве и в таком возбужденном состоянии. Он знал, что в таком случае медведи часто нападали на нескольких человек и преследовали их, это легко могло случиться и теперь, если охотники не поберегутся.

Не отказываясь верить его рассказам, наши трое русских тем не менее не доверяли храбрости своего проводника. К тому же, им жаль было отказаться от такого прекрасного случая, не попытаться воспользоваться им. Поэтому их тянуло испытать судьбу.

Несколько медведей были совсем близко от них. Можно ли было уйти, не сделав даже ни одного выстрела? Если охотники пренебрегут этим случаем, то он, может быть, не скоро представится им снова, пребывание же в Петропавловске, у хорунжего, живущего в довольно жалком домишке, вовсе не представляло такой приятности, чтобы желать продолжить его. Кроме того, они уже несколько месяцев странствовали по покрытым сне-

гом странам, и им не терпелось скорее попасть на тропические острова, полные соблазна и очарования, которые должны были быть следующим этапом в их кругосветном путешествии. Все эти соображения заставили их решиться на нападение.

Проводник, видя их решимость, согласился действовать с ними заодно, и из кустов сразу раздались четыре выстрела.

Два медведя упали и бились на снегу. Но как только дым рассеялся, наши охотники увидели, что десять остальных бегут к ним со всех сторон. Их свирепый рев и быстрый бег достаточно ясно указывали на их намерения: звери собирались напасть на охотников.

Оставалось лишь бежать. Но куда? Вокруг совершенно не было деревьев, да если бы даже они и имелись, то искать на них убежище было бы не лучше, чем среди крутых скал, поднимающихся по обоим берегам реки ниже озера. Влезть и на те, и на другие для медведей — пустая забава.

Русские начинали сожалеть о своей оплошности и не знали, что делать. Проводник был готов к тому, что произошло, и заранее придумал план спасения. Он бросился вниз и побежал к саням, крича спутникам, чтобы они сделали то же самое.

Его совету немедленно последовали. Каждый кинулся к своим саням, схватил вожжи и погнал собак на дорожку.

Если бы собаки не были хорошо дрессированы, или если бы люди менее ловко управляли санями, то подверглись бы величайшей опасности. Нельзя было терять ни секунды. Медведи уже галопом спускались с откоса, и когда отъехали последние сани, в которых сидел Пушкин, животное, бежавшее впереди других, было от них не более, чем в шести шагах.

Тут началась гонка между медведями и собаками, ибо последние знали, что им грозит не меньшая опасность, нежели их хозяевам, и не было надобности попускать их ни криками, ни палкой. Они бежали по льду со всем проворством, каким только наделила их природа. Медведи, хотя и более тяжелые, долго следовали за беглецами довольно близко, но под конец отстали и, видя, что враг ускользает, один за другим вернулись к озеру, медленно и с видимым сожалением.

Отъехав таким образом от своих врагов на добрую

версту, наши охотники остановились, чтобы дать передохнуть собакам, а затем вернулись в город.

Однако они не намерены были совершенно отказаться от этой охоты и поехали в город за подмогой. Едва только узнали там, что случилось с приезжими, как все мужчины из колонии, казаки, охотники и крестьяне, собрались на охоту и направлялись к озеру с хорунжим во главе.

Медведи были все на том же месте, живые и мертвые, так как тут оказалось, что двое из них пали под пулями охотников. Против них была открыта общая ружейная пальба, убившая пятерых. Кроме того, некоторых преследовали до их берлоги и там убили.

В течение всей следующей недели в Петропавловске ели очень мало рыбы, и население его давно уже не видывало подобной масленицы.

Наши юные русские, разумеется, получили свою долю в трофеях этой победы. Они выбрали шкуру одного из медведей, которых убили сами, и оставили ее хорунжему, чтобы он послал ее в Петербург.

Через несколько дней судно компании мехоторговцев, привезшее сюда наших охотников, везло их в Кантон, где они легко нашли китайский корабль, на котором переправились на остров Борнео.

XIV. НА ОСТРОВЕ БОРНЕО

В различных пунктах острова Борнео находятся колонии китайцев, главным занятием которых является разработка золотых россыпей. Эти поселения, так же, как и многие другие, расположенные на соседних островах, состоят под покровительством одной большой торговой компании, называемой Кунг-Ли и весьма похожей на английскую компанию Восточной Индии. На Борнео главным отделением этого коммерческого общества служат порт и река Самбас на западном берегу. На Самбасе есть также фактория, принадлежащая одной голландской компании Восточной Индии, имеющей кроме того две другие конторы на острове.

Хотя европейцы уже несколько столетий тому назад обосновались на островах Индийского архипелага, мы весьма плохо знаем большой остров Борнео. Были описаны лишь его берега, да и то очень поверхностно. Гол-

ландцы снарядили одну или две экспедиции внутрь острова, но не у этих коммерсантов можем мы искать расширения наших знаний. В продолжении двух столетий они пользовались своим влиянием на Востоке только для того, чтобы всюду, где возможно, сеять раздор и уничтожать искры свободы и достоинства у тех народов, которые имели несчастье входить с ними в сношения.

Вследствие всего этого Борнео известен теперь не лучше, нежели сто лет тому назад, а между тем, где можно найти более достойный предмет изучения, чем этот великолепный остров, еще ожидающий своего описания, подобного тем, которые уже посвящены Суматре, Цейлону и Яве?

Здесь тропическая жизнь повсюду достигает пышного развития. Фауна и флора этой страны так богаты, что ее можно сравнить с большим зоологическим и ботаническим садом, и во всем мире нет другого уголка, где бы натуралист мог надеяться собрать более обильную и разнообразную коллекцию.

Наши юные путешественники были полны восторга при виде этих чудес тропической природы. Растительность не уступала всему тому, что они видели на берегах Амазонки, фауна же была гораздо богаче, особенно четвероногими и четверорукими.

Вряд ли нужно говорить, что из первых особенно привлекал их внимание медведь Борнео, достойный представитель своей семьи. Он самый маленький из медведей. Его мех блестяще черного цвета, морда оранжево-желтая, а на груди имеется более темный оранжевый диск, по форме несколько напоминающий сердце. Волосы гладки и плотно прилегают ко всему телу, этим он походит на своего собрата, малайца, живущего на Суматре и Яве. Его даже часто путают с последним. Он заметно меньше, и темно-оранжевый знак на груди достаточно отличает его от малайского медведя. У малайского медведя тоже есть пятно на груди, но оно беловатого цвета и имеет форму полумесяца, морда у него рыжевато-белая, а не желтая, и он далеко не так красив, как медведь Борнео.

Последний, подобно многим другим медведям, тоже питается плодами и очень любит сласти, особенно мед, в чем скоро убедились наши охотники.

По приезде в Самбас, они, согласно своему обыкновению, взяли себе проводника, который мог бы руко-

водить ими в экскурсиях. Это был дайак, принадлежащий к классу пчелиных охотников и в силу своей профессии почти так же сталкивающийся с медведями, как и с пчелами. Они решили сначала исследовать тянущуюся неподалеку от города цепь лесистых холмов, где медведи водятся в большом количестве и где их встречают почти во всякое время.

Идя лесами, находившимися на их пути, они заметили одну породу дерева, которая особенно привлекла их внимание среди стольких новых и странных пород. Эти деревья растут далеко одно от другого, лишь иногда их встречают по два или три вместе, но обыкновенно они одиноко возвышаются среди прочих деревьев, над которыми возносятся своими гигантскими вершинами. Что особенно странно, так это то, что их совершенно голый ствол не выпускает ни одной ветви до высоты 15—20 саженей. Снизу не видно их крон, но если обозрывать окрестность с какой-нибудь возвышенности, то кажется, будто один лес растет над другим. Это явление казалось нашим путешественникам тем более необычайным, что и нижний лес состоял по большей части из деревьев, имеющих сажен десять—пятнадцать высоты.

Эти удивительные деревья были тонки сравнительно с их высотой, отчего казались еще больше. Мы сказали, что у них не было ветвей ниже 15—20 сажен от земли.

Но начиная с этого места их много; они симметрично расположены вокруг ствола, толсты, покрыты мелкими листьями и близко сидят одна подле другой, вследствие чего дерево имеет густую закругленную крону.

Кора этого дерева белая, надрезав ее ножом, наши охотники увидели, что она нежна и словно пропитана молоком. Сама древесина до некоторой глубины настолько трухлява, что обыкновенный клинок проникает в нее почти так же свободно, как в капустный стебель. Далее же она становится тверже и если бы наши исследователи могли добраться до ядра древесины, то нашли бы его совершенно твердым и темно-шоколадного цвета. На воздухе древесина становится черной. Дайаки и малайцы делают из нее браслеты и прочие украшения.

На вопрос, как называется это дерево, проводник отвечал, что это тапанг. Название было незнакомо нашим юным русским и не открыло им, к какому роду принадлежит этот великан тропических лесов. Но вскоре Алек-

сей, проходя под одним из этих тапангов, увидел на земле опавшие с него цветы, рассмотрев один из них, он объявил, что это род фикуса, породы очень распространенной на островах Индийского архипелага.

Если наши путешественники были изумлены видом этого дерева, то изумление их вскоре еще усилилось. Подойдя к одному из тапангов, они были поражены видом одной стороны ствола от самой почвы до ветвей. Можно было подумать, что вдоль ствола тянется длинная веревочная лестница. Подойдя на несколько шагов ближе, они увидели, что это была действительно лестница, но совершенно особой конструкции, и отделить ее от ствола было возможно лишь по кусочкам. Она состояла из бамбуковых колышков, воткнутых в тапанг приблизительно на расстоянии аршина один от другого. Эти колышки имели вершков шесть в длину, и к ним были крепко привязаны камышом бамбуковые же поперечины. Эта лестница, как мы только что сказали, тянулась от подножия дерева до ветвей.

Очевидно, она была устроена для того, чтобы подниматься на верхушку тапанга, но с какой целью? На этот вопрос никто не мог ответить лучше их проводника, так как он сам и сделал ее. Устанавливать такие лестницы и лазить по ним было одним из главных дел в его ремесле пчелиного охотника. Вот объяснение, которое он дал своим спутникам. На тапангах селится большая муха, похожая на осу и называемая ланиэ. Она лепит себе гнездо из бледно-желтого воска под толстыми ветвями, чтобы защитить его от дождя. Бамбуковая лестница делается для того, чтобы добраться до гнезда и завладеть не медом, а содержащим его воском. Ланиэ принадлежит, по-видимому, скорее к семье ос, нежели пчел, и вырабатывает весьма малое количество меда низкого качества, но воск, из которого слеплено ее гнездо, является ценным предметом, так как каждый рой дает его на несколько долларов.

Это дается нелегко, так как трудно снять гнездо ланиэ, не будучи сильно искусанным этими насекомыми, но, хотя эти укусы так же болезненны, как и укусы обыкновенной осы, привычка, кажется, сделала дайака нечувствительным к ним. Он бесстрашно карабкается по хрупкой лесенке, неся в одной руке зажженный факел, а на спине — камышовую корзинку. Факелом он выгоняет ос из их воздушного жилища, а в корзинку скла-

дывает воск. В это время разозленные насекомые жужжат у него над ушами и кусают его в лицо, шею и руки, но он не обращает на них внимания и, закончив работу, спускается вниз с распухшей, иногда вдвое увеличивающейся головой.

Тяжелая жизнь пчелиного охотника на Борнео!

Продолжая свой путь, наши путешественники заметили несколько других тапангов с лестницами, под одним из них, самым большим из виденных ими, проводник остановился.

Бросив на землю топор, он полез на дерево. Зачем? Очевидно, было дело не в воске и не в меде. Дайак, как он это сам объяснил, просто хотел окинуть взглядом лес, а для этого не было лучшего средства, как взобраться на тапанг.

Нельзя было без страха смотреть на человека, поднимающегося на такую высоту, доверяясь столь слабой и ненадежной опоре. Вскоре дайак добрался до конца лестницы и продержался там минут десять, поворачивая голову и, по-видимому, рассматривая лес во все стороны. Наконец, он замер неподвижно и взгляд его словно остался прикованным к одному месту. Он был слишком высоко, чтобы можно было судить о выражении его лица, но вся его поза указывала на то, что он сделал какое-то важное открытие.

Вскоре после этого он спустился и кратко сказал: — Бруанг здесь, я его видел!

Охотники знали, что бруанг — это малайское название медведя. Спустившись на землю, проводник двинулся вперед и сказал охотникам, чтобы они шли за ним.

После нескольких минут быстрой ходьбы по лесу дайак пошел осторожнее, внимательно оглядывая ствол каждого тапанга.

Вдруг он остановится под одним из этих деревьев и взглянул вверх. Наши охотники заметили на коре царапины, причиненные, по-видимому, когтями какого-нибудь животного. Едва они успели сделать это наблюдение, как само животное появилось перед ними.

На самой вершине тапанга виднелось черное тело. На таком расстоянии оно казалось не больше белки, но тем не менее то был медведь Борнео, настоящий бруанг. Около его морды на ветвях висела какая-то беловатая масса. Это был восковой улей, легкое же облачко, вид-

невшееся над ним, были должно быть осы, вступившие в отчаянную борьбу с похитителем.

Медведь был слишком занят своим пиром, чтобы смотреть вниз, и в течение нескольких минут наши охотники могли свободно созерцать его.

Вволю насмотревшись, они приготовились стрелять, но дайак остановил их, сделав им знак быть потише и отойти за ним немного в сторону. Когда они сделали это, он заметил им, что на такой высоте они могли промахнуться, а если бы даже и попали в медведя, то было весьма мало вероятности, чтоб пуля заставила его свалиться, если только она не заденет какого-нибудь жизненного органа. В том и в другом случае он взобрался бы еще выше и, защищенный ветвями и листьями, мог бы уже не бояться охотников. Затем зверь остался бы там до тех пор, пока голод не принудил бы его спуститься, но так как он ел именно в данную минуту, то мог бы просидеть там достаточно долго для того, чтобы истощить их терпение.

Правда, можно было бы срубить дерево. С охотниками был топор и, благодаря мягкости дерева, они живо справились бы с этим делом, но дайак заметил, что в таком случае бруангу почти всегда удается удрать. Тапанг редко падает на землю: он ложится на вершины окружающих его деревьев, а так как медведь Борнео лазает по деревьям, как обезьяна, то он перепрыгивает с ветки на ветку, прячется в самой густой листве и спускается на землю лишь после того, как убедится в возможности беспрепятственно убежать.

Поэтому проводник был того мнения, что следует тихонько ждать, спрятавшись за деревьями, пока медведь кончит лакомиться и начнет спускаться. Он станет спускаться задом, и если охотники будут осторожно действовать, то можно стрелять в зверя почти в упор.

Все эти предосторожности и замедления раздражали нетерпеливого Ивана, но в конце концов он покорился общему решению.

Затем все трое встали за тремя деревьями, образующими род треугольника, в центре которого находится тапанг, проводник же, не имевший ружья, стал у самого дерева, с топором в руке, готовый прикончить медведя, если тот будет только ранен.

Охотники не подвергались, впрочем, никакой опасности. Маленький медведь Борнео опасен только для

пчел, белых муравьев и прочих насекомых, которых ловит языком. Он, правда, царапается и кусается, если к нему подойти слишком близко, но в общем его можно бояться не более, чем дикой кошки.

Все произошло в точности так, как предсказывал дайак. Медведь, кончив есть, стал спускаться задом и, без сомнения, достиг бы таким образом земли, но раньше, нежели он был на полпути, Иван, будучи не в силах долее сдерживать свое нетерпение, пустил в него выстрел, который далеко повторило лесное эхо. Он стрелял пулей и промахнулся. Решив воспользоваться зарядом мелкой дроби, он выстрелил во второй раз, но столь же бесполезно.

Единственным результатом этих выстрелов было то, что бруанг испугался и полез снова вверх, он сделал это с проворством кошки, и одну минуту казалось, что он ускользнет от охотников. Но Алексей, следовавший за движениями брата, держался наготове, и когда медведь приостановился на первых ветвях, выстрелил в свою очередь, целясь зверю в голову.

Должно быть, пуля попала по назначению, так как животное, вместо того, чтобы подняться еще выше, повисло на ветке, за которую уже схватилось и на которой, казалось, удерживалось с трудом.

В эту минуту ружье Пушкина, словно пушечный выстрел, прогремело в лесу, и медведь, разом выпустивший ветку, которая его поддерживала, как куль, свалился среди охотников, причем пролетел лишь в нескольких дюймах от отставного гренадера. К счастью, как ни мало было это расстояние, оно все же оказалось достаточным для спасения старого солдата. Если бы тело животного упало на солдата с такой высоты, то пришибло бы его, и смерть верного слуги наступила столь же скоро, как и смерть самого медведя. Зато при виде опасности, которой он едва избег, бедный Пушкин не мог сдержать своего волнения и одну минуту имел довольно жалкую мину, но скоро оправился и к нему вновь пришло хорошее настроение.

Наши путешественники, считая свои обязанности на Борнео оконченными, готовились отправиться на остров Суматру, где водится, также, как на Яве и Малакке, медведь, известный под названием *Ursus malayanus*, но перед отъездом из Самбаса, их уверили, что эта порода встречается также и на том острове, где они находятся.

Эта порода попадаетеся реже, чем медведь с оранжевой грудью, но туземцы, вообще являющиеся лучшими руководителями, нежели натуралисты, когда дело идет о классификациях и родах, уверяли их, что на их острове имеются обе разновидности и дайак, услужливость которого наши охотники подогрели щедрой наградой, уже полученной им, обещал, что если они пожелают последовать за ним в одно хорошо ему известное место, то он покажет им большого бруанга. По описанию последнего, сделанному этим человеком, Алексей легко узнал *Ursus malayanus*.

Если бы у них на этот счет и оставалось малейшее сомнение, то их могло бы убедить зрелище, свидетелями которого они были на улицах Самбаса. Странствующие фокусники показывали там медведей обеих пород, которые легко приручаются и дрессируются и, по их словам, они добыли «большого бруанга» именно в лесах Борнео.

Раз его можно было добыть там, где они были, то к чему ехать на Суматру? Нашим юношам и без того еще предстоял достаточно длинный путь, и они уже начинали уставать. К тому же, было вполне естественно, что после такого долгого отсутствия, понеся так много трудов и подвергшись стольким опасностям, им не терпелось снова очутиться у себя и наслаждаться всеми удовольствиями комфортабельной жизни в их дворце на берегу Невы. Поэтому они решили последовать за своим проводником в эту новую экспедицию.

Они шли целый день и к вечеру были на том месте, где дайак надеялся встретить больших бруангов. Начать охоту можно было лишь на следующее утро. Они сделали привал и раскинули лагерь. Менее, чем в час, проводник соорудил бамбуковый шалаш, крытый большими банановыми листьями.

Они находились среди великолепного леса пальм той породы, которую туземцы называют нибон. Она принадлежит к семейству капустных пальм, т. е. таких, молодые листья которых местные жители едят так же, как европейцы капусту. Эти листья отличаются восхитительной белизной и имеют вкус ореха; любители ставят их гораздо выше кокосов и даже листьев капустной пальмы Западной Индии.

Жители Борнео и прочих островов Индийского архипелага употребляют нибон во множестве случаев. Его

круглый ствол служит балками для их домов. Распилив его на доски, из него делают полы. Из обертки, покрывающей цветы, добывают сахарный сок, который, перебродив, дает опьяняющий напиток. Ствол в изобилии дает саго. Наконец, из жил листьев они вырезают перья для своих духовых ружей.

Вид прекрасного дерева живо заинтересовал Алексея, но было слишком поздно, чтобы он мог хорошенько рассмотреть пальму. Полчаса дня, оставшиеся в их распоряжении, были употреблены на постройку шалаша, в чем каждый помогал дайаку.

Рано утром Алексей, все еще мучимый любопытством насчет нибона, решил немного пройтись по лесу, надеясь найти там одно из этих деревьев в цвету, его же брат, Пушкин и дайак остались в шалаше, чтобы приготовить завтрак.

Алексей довольно далеко зашел в лес, не найдя того, что искал. Но когда он шел таким образом, куда глаза глядят, и осматривал пальмы, то заметил одну, ствол которой сильно колебался. Он остановился, прислушался и уловил странный звук, точно кто-то срывал листья с дерева. Но он видел только ствол, причина же шума и необычайного движения, по-видимому, крылась на вершине, среди листьев.

Алексей пожалел, что с ним не было ружья. Он не испугался, так как на вершине пальмы не мог находиться ни слон, ни носорог, а это единственные четвероногие, которых следует опасаться в лесу Борнео, потому что королевский тигр, довольно распространенный на Суматре и Яве, на этом благодатном острове не встречается.

Итак, не страх заставлял юного русского сожалеть, что с ним в эту минуту не было другого оружия, кроме ножа, но та мысль, что он мог упустить случай убить животное какой-нибудь редкой породы и, должно быть, крупное, судя по колебанию дерева, ибо тяжесть белки или другого мелкого зверька была бы недостаточной, чтобы заставить так сильно качаться пальму.

Нечего и говорить, насколько увеличилось сожаление юного охотника, когда, подойдя к дереву и увидя его верхушку, он заметил среди ветвей медведя, настоящего *Ursus malayanus*. Это был, несомненно, он: черное тело, желтоватая морда и белое полулуние на груди. Он ла-

комился листьями сахарной пальмы, и обрывки их усыпали землю у основания дерева.

Тут Алексей вспомнил, что такова была хорошо известная привычка малайского медведя, любимой пищей которого служат пальмовые листья, плоды и который часто нападает на кокосовые плантации, где уничтожает урожай сотни деревьев прежде, чем его удастся накрыть и убить.

Этот лес сахарных пальм был именно тем местом, где его можно встретить, теперь Алексей понял, почему дайак привел их сюда.

Кроме того, он знал, что эта порода встречается реже другой, по крайней мере на том острове, где они находились, и поэтому ему стало еще досадней, что с ним нет ружья. Напасть на животное с ножом было бы настолько же опрометчиво, как и опасно, потому что малайский медведь более серьезный противник, чем медведь Борнео. Но если бы даже Алексею пришло такое желание, он при данных условиях не мог бы иначе вступить в борьбу, как взлезши на пальму, а это значило бы перейти все границы храбрости.

Бруанг уже давно заметил своего врага под деревом. Он прекратил свой обед и, испуская жалобные крики, принял оборонительную позу. Принятое им положение ясно указывало на то, что он не имеет ни малейшего желания спуститься, пока охотник здесь. Алексей несколько раз ударил палкой по дереву и вообще всячески старался спугнуть его, но ему не удалось.

Ему пришло в голову закричать так, чтобы его услышали спутники. Если это удастся, то они придут к нему с ружьями. Это был самый простой и потому лучший план, и Алексей поспешил привести его в исполнение, крича во все горло. Он кричал в течение десяти минут и потом ждал приблизительно столько же времени, но не получил ответа, никто не пришел.

Что делать? Пойти за ними,— это значит дать медведю время спуститься и убежать. В таком случае он непременно ускользнул бы от них, потому что невероятно было, чтобы они могли найти его след в лесу. С другой стороны, Алексей не мог оставаться здесь и ждать, по всей вероятности, напрасно, пока медведю заблагорассудится спуститься; да и в этом случае он не мог быть уверен, что ему удастся убить его или завладеть им.

Во время этих размышлений ему пришла счастливая идея. Он отошел на два шага назад и спрятался за широкими листьями дикого банана, где животное не могло его видеть. Так как утро стоял свежее, то на юноше был надет плащ. Он снял его, повесил на палку, которую воткнул в землю, и поверх всего этого надел свою фуражку, так что получилось нечто вроде чучела, напоминающего человеческую фигуру.

Окончив эту работу, он осторожно ушел, стараясь все время прятаться за листьями банана. Отойдя достаточно далеко для того, чтобы животное не могло его слышать, он ускорил шаги и вернулся в лагерь.

Вооружиться и выступить было делом одной минуты для его спутников; спустя четверть часа, они уже все находились под пальмой и с удовольствием убедились, что хитрость Алексея вполне удалась.

Бруанг все еще сидел среди листьев нибона, но он недолго там оставался, потому что четыре выстрела, направленные в грудь, замертво свалили его с дерева.

Заручившись его шкурой, они выехали из Самбаса прямо в Калькутту.

XV. В ГИМАЛАЯХ

Итак, наши охотники направлялись к великой горной цепи Гималаев.

Там они рассчитывали найти три породы медведей, различающихся по росту, виду, некоторым привычкам и даже по месту жительства, так как, хотя все три водятся в Гималайских горах, но каждая живет почти исключительно в своей особой зоне. Эти три породы следующие: губастый медведь, тибетский медведь и желтый медведь, или снеговой.

Первый получил свое название вследствие привычки вытягивать губы, особенно нижнюю, чтобы схватывать пищу. Густые пряди шерсти, покрывающие шею и почти все тело, так же, как длинные серповидные когти, придают ему сходство с животным, называемым ленивцем.

Этот медведь меньше европейского, но его наиболее крупные экземпляры приближаются к последнему по размерам. Его шерсть длиннее, чем у кого бы то ни было из его собратьев, на верхней же стороне шеи она даже бывает в фут и более. На затылке она разделяется

надвое поперечным пробором так, что передние волосы падают медведю на глаза, придавая ему неуклюжий и глупый вид, задние же в виде гривы откинута к спине.

Медведь губан бывает обыкновенно черного цвета с несколькими коричневыми пятнами. На груди выделяется белое треугольное пятно; морда грязно-белого цвета, переходящего в желтый. Любопытна его способность вытягивать губы дюйма на три вперед, складывая их трубочкой, чтобы удобнее было сосать. Этой странностью природа наградила его, очевидно, для того, чтобы питаться термитами, служащими его главной пищей. Длинные загнутые когти помогают ему расковыривать тот род цемента, из которого эти насекомые строят свои любопытные жилища. Он ест также фрукты и сочные овощи, едва ли нужно прибавлять, что он страстно любит мед и обворовывает ульи.

Несмотря на комические роли, которым обучают ручных губастых медведей жонглеры, он иногда разыгрывает и трагедии, особенно когда находится в диком состоянии. Он не нападает на человека без причины, и если его оставить в покое, проходит мимо, но, будучи ранен или раздражен, дерется с таким же упорством, как черный американский медведь. Индусы боятся его, но главным образом вследствие опустошений, которые он производит на плантациях сахарного тростника.

Ленивый медведь губач живет не только в Гималайских горах. Эти горы являются лишь северной границей его обширного царства.

Он водится на всем Индостанском полуострове и даже на Цейлоне, встречается также в Декане, в горах, окружающих Бенгальскую провинцию, и в Непале, но выше этого он не поднимается, что доказывает его любовь к жаркому климату, несмотря на его густую шерсть.

Вместо того, чтобы прятаться в уединении, вдали от жилищ, он скорее ищет общества человека, не из любви к нему, а просто, чтобы воспользоваться его трудами. Он всегда устраивает себе жилище по соседству с какой-нибудь деревней, чтобы вволю опустошать поля. Он живет и в лесах, но предпочитает им кустарниковую поросль и джунгли, выбирая себе под логовище природное углубление или яму, вырытую каким-нибудь другим животным.

Из Калькутты наши путешественники направились на северо-запад, к горам. Они намеревались проникнуть в

Гималаи через княжество Сикким или Непальское королевство и, зная, что губастый медведь очень распространен в этих странах, все время держались начеку.

В самом деле, они во многих местах были свидетелями опустошений, произведенных этим животным в обработанных полях, и видели по дороге много его следов.

Но, несмотря на многочисленные доказательства присутствия губастого медведя во всей Бенгальской провинции, наши охотники встретили его лишь у подошвы Гималайских гор, в Тераи. Это название носит полоса земли, покрытая лесом и джунглями, шириной приблизительно в тридцать верст, тянущаяся параллельно южному склону Гималайской цепи во всю ее длину, от Афганистана до Китая.

Вся эта область настолько нездорова, что остается почти необитаемой; местные уроженцы, с детства привыкшие к этому воздуху, насыщенному миазмами, еще переносят его, но горе европейцу, замешкавшемуся в Тераи: он может быть уверен, что найдет там свою могилу...

Несмотря на такой вредный климат, самые крупные четвероногие,—слон, носорог, лев, тигр, олень, пантера и леопард,—питают, по-видимому, особое пристрастие к этому месту. Губастый медведь постоянно там бродит по лесам и по прогалинам, где в изобилии находит термитов. Наши охотники не могли не встретить его в самом непродолжительном времени.

Они остановились, чтобы закусить, и привязали своих лошадей к деревьям. Пока Пушкин раскладывал провизию, а Алексей заносил в дневник последние события, Иван пустился за красивой птицей, которую надеялся подстрелить. Он осторожно шел по дну балки, края которой подымались на уровень его головы, но в некоторых местах были размыты водой. Земля, по которой он шел, была покрыта камешками и гравием, ясно указывавшими на то, что в период дождей эта канава становится речкой.

Иван не думал об этом и лишь следил за прелестной птицей, перелетавшей с дерева на дерево и все время находившейся от него далее ружейного выстрела, как вдруг его поразил странный, монотонный звук, похожий на кошачье мурлыканье. Эта музыка была ему не особенно приятна, потому что выдавала присутствие какого-то животного, которое, судя по силе звука, могло

оказаться довольно страшным соседом. Он перестал преследовать птицу и остановился, внимательно прислушиваясь.

В течение нескольких минут он не мог разобрать, откуда шел этот шум, и понимал, что, пока он этого не определит, бежать или кричать было бы опасно, так как он рисковал попасть прямо в лапы зверя. Озираясь во все стороны, он, наконец, догадался заглянуть в самое ложе оврага и тогда увидел в одном из углублений, прорытых водой, виновника этих странных звуков.

Сперва он различил лишь грязно-белую голову с парой противных глаз, но, всмотревшись внимательно, он увидел, что эта голова выделяется на куче черной шерсти, которая могла принадлежать только медведю и, по всей вероятности, губастому медведю.

Выяснив этот вопрос, Иван не знал, что ему делать: радоваться или печалиться? Он бы поздравил себя с такой встречей, если бы медведь находился подальше, но, стоя так близко к зверю, что тот мог настичь его одним прыжком, ему нечего было ликовать. Напротив, он сразу понял всю опасность своего положения и думал лишь о том, как бы убежать. Однако, это надо было сделать осторожно, потому что иначе медведь мог вскочить ему на спину. Поэтому, не поворачиваясь к нему задом, он начал медленно отступать, не сводя глаз со зверя. В то же время он направил ружье в животное, не собираясь стрелять, а лишь желая быть наготове, если оно нападет на него.

Медведь, в самом деле, несколько не казался расположенным отпустить Ивана с миром. Дикое рычание, которое послышалось в эту минуту, указывало на совсем иные намерения: оно было прелюдией атаки. Почти в ту же минуту зверь поднялся на задние лапы, и прежде, чем Иван успел выстрелить или даже хорошенько прицелиться, толстая и волосатая масса, похожая на кучу черных лохмотьев, бросилась на него. Говорят о внезапных скачках тигра или льва, но, хотя это и может показаться странным, ни то, ни другое животное не кидается на свою жертву с такой быстротой, как медведь, столь тяжелый и неуклюжий на вид. Профессиональные охотники хорошо это знают и поэтому не иначе, как с большими предосторожностями подходят к медведю, даже спящему. Иван это тоже знал и потому-то старал-

ся увеличить расстояние, отделявшее его от животного, прежде чем последнее бросится вперед.

К несчастью, он отошел недостаточно далеко, но тот лишний шаг назад, который он сделал, пока медведь прыгал, спас его: животное промахнулось. Подняться и снова кинуться на Ивана было для него делом одного мгновения, но на этот раз его прыжок был менее силен. Он допрыгнул до охотника, но последнему удалось удержаться на ногах и схватить своего противника за длинную гриву, затем, собрав все силы, держать голову и страшные челюсти животного на безопасном расстоянии. Медведь схватил лапами тело юноши, но толстый и широкий пояс, который, к счастью, был на Иване в этот день, защитил его от когтей зверя. Однако, он не мог бы долго оставаться в таком положении, и единственной его надеждой было, что Пушкин и Алексей, услышав его крики, придут к нему на помощь. К счастью, он вскоре в самом деле услышал, что они приближаются.

Момент был критический. Медвежьи челюсти уже почти касались лица юноши, который чувствовал на своих щеках влажное и теплое дыхание зверя. В то же время последний высунул, насколько мог язык и быстро вертел им, точно надеялся поймать и притянуть к себе таким образом голову своего противника.

Но борьба была коротка. Она продолжалась лишь столько времени, сколько понадобилось Алексею и Пушкину, чтобы подбежать к борцам. Первым делом Пушкин схватил медведя левой рукой за язык, правой же вонзил ему между ребер свой большой нож. Алексей сделал то же самое с другой стороны; прежде чем они успели вытащить оружие, животное выпустило свою жертву и покатилося на гравий, где, после нескольких судорог, осталось лежать без движения и жизни.

Благополучно покончив с этим приключением, наши охотники приостановились, чтобы закусить. Их предупредили об опасном климате Тераи, поэтому они поторопились уйти отсюда и ранее ночи были уже в более возвышенной области. Затем они вступили в Непал, где надеялись найти тибетского медведя. Последний гораздо смиреннее европейского медведя и питается исключительно плодами; он черного цвета, но имеет на груди белую отметину в форме буквы У; разветвления буквы тянутся у него по плечам, хвост же ее спускается между передними лапами и идет до середины живота. Когти у него

короткие и слабые, профиль же образует почти прямую линию. Он почти вдвое меньше европейского медведя.

Живет главным образом в Сильхетских горах и во всей той части тибетских Гималаев, которую опоясывает Брампутра. Он попадает также на возвышенностях Непала и туда-то и решили отправиться за ним наши охотники. Пользуясь показаниями нанятого ими в проводники туземца, они действительно не замедлили встретиться с ним, и шкура его была присоединена к их коллекции без всяких приключений, заслуживающих описания. Они могли бы, не выезжая из Непала, встретить там еще желтого медведя. Для этого им пришлось бы лишь подняться на одну из горных вершин, покрытых снегом, но они знали, что найдут его также у истоков Ганга, а им хотелось посетить это знаменитое место, поэтому они продолжали свой путь к западу, через Непал и Дели, в прекрасную долину Дера-Дуна.

Отдохнув здесь несколько дней, они направились в горы, подошва и середина которых покрыты великолепными дубовыми лесами.

Проходя по одному из этих лесов, они узнали, к великому удивлению Алексея, что тут водится большой черный медведь, не похожий ни на тибетского, ни на снегового, и принадлежащий к отдельной породе, которая хорошо известна англо-индусским охотникам, но почему-то не поименована натуралистами. Эти медведи, к тому же, вовсе не редки, и в росте, силе и свирепости уступают лишь серым и полярным.

Наши охотники приехали сюда в октябре месяце и, едва вступив в эту область лесов, тотчас же принялись за поиски, зная, как их отец обрадуется, заполучив сверх комплекта шкуру этого черного медведя, еще не занесенного в списки натуралистами.

Сперва они отправились в лес, состоящий из дубов, кедров и прочих деревьев и покрывающий склон горы, у подножия которой находилась деревенька, где охотники основали свою главную квартиру.

Поднявшись на известную высоту, они спешили, чтобы удобнее было наблюдать за верхушками деревьев, где надеялись найти медведя, и привязали своих лошадей к большому кедру. Сперва им не повезло, и они, видя многочисленные следы присутствия медведей, не увидели ни одного из этих животных.

Был полдень, а так как им сказали, что вечер самое

благоприятное время для охоты, то они решили вернуться к своим лошадям и подождать заката солнца. От прогулки у них развился аппетит; завтрак и несколько часов сна под большим кедром должны были восстановить их силы и тем способствовать успеху охоты.

Но когда они приближались к тому месту, где оставили лошадей, то слышали ржание и, — что их собственнo удивило, глухой шум и непрерывный топот.

Подойдя к большому кедру, они были не менее изумлены при виде трех лошадей, которые так прыгали, точно хотели оборвать поводья, и все время ржали без всякой видимой причины. Однако, эта загадка вскоре разъяснилась.

Одна из лошадей казалась особенно напуганной и, прыгая, топоча, подымалась на дыбы, смотрела вверх. Охотники взглянули по тому направлению и заметили среди кедровых листьев большую продолговатую черную массу, протянувшуюся на одной из нижних ветвей, как раз над тем местом, где была привязана лошадь.

Едва успели они признать в этом предмете медведя, которого искали с утра, как тот соскочил, словно кошка, с ветки и бросился на спину лошади.

Последняя взвизгнула от испуга и, словно страх удвоил ее силы, сломала ветку, к которой была привязана, и помчалась в лес, еще с медведем на спине. Однако, зверь почти тотчас же зацепился за дерево одной из своих толстых лап, другой же изо всех сил стал тянуть за седло, так что лошадь поневоле остановилась, хотя и старалась всеми силами освободиться.

К счастью для нее, упряжь была старая и непрочная, вследствие чего ремень порвался, и седло осталось в когтях у медведя; лошадь же заржала и кинулась в лес, для нее миновала всякая опасность. Для медведя же, наоборот, пробил час смерти. Пока он, удерживая одной лапой лошадь, другой уцепился за дерево — молодую ель, последняя так согнулась, что ее верхушка почти касалась земли. Когда же ремень лопнул, то гибкий ствол, словно пружина, выпрямился с такой силой, что отбросил медведя на несколько аршин; он и остался лежать, оглушенный или, по меньшей мере, настолько помятый, что один момент его можно было счесть мертвым.

Наши охотники не упустили этого момента. Они поспешно подбежали к животному шагов на десять, и все

трое разом выстрелили в него, после чего ему уже не суждено было встать.

Еще выше в Гималайских горах живет снеговой медведь. Этой породе натуралистами дано странное название медведя Изабеллы, благодаря его цвету, которому, кажется, суждено увековечить воспоминание о платье, другие же говорят — о рубашке, которую носила королева Изабелла Кастильская, не снимавшая ее во все время осады Гренады. Довольно-таки трудно определить, что именно разумеется под этим цветом, и окраска шерсти медведя, принадлежащего к названной породе, колеблется между белой и темно-коричневой. Эти оттенки сменяются также у одного и того же животного, в зависимости от его возраста и от времени года. Поэтому его гораздо правильней называть снеговым медведем, так как он обитает в полосе, непосредственно лежащей под линией вечных снегов.

Наши охотники нашли одного из этих медведей в то время, как он раскапывал когтями землю, отыскивая свою обычную пищу — червей и скорпионов, и им удалось убить его. Они перед тем уже встретили нескольких из его собратьев и ранили двух, но оба убежали. На этот раз они были счастливее, причем победа досталась им довольно неожиданным способом.

Они с трудом подымались по узкому ущелью, полному снега, хотя и стояла осень. Их целью было разыскать медведя, которого они за несколько минут перед тем видели поднимающимся по тому же пути, а теперь шли по его следам, отпечатавшимся на снегу.

Стараясь как можно меньше шуметь, они, наконец, достигли конца ущелья. Выглянув, они увидели небольшое плато, свободное от снега и покрытое травой. Там и сям на нем торчали обломки скал, очевидно, оторвавшихся от горы, возвышавшейся над плато. Но что особенно их обрадовало, так это находившийся там же медведь, вероятно, тот самый, которого они выслеживали. Он был не далее десяти сажен от них и находился в странной позе: держал передними лапами камень, величиной почти с собственное тело, который, по-видимому, старался сдвинуть. Все трое прицелились в него и сразу выстрелили. Их пули, по крайней мере некоторые, попали в животное, он выпустил камень, который приподнимал, но сам не упал. Напротив, он быстро обернулся и побежал прямо на охотников.

Последним,— так как у них не было времени вновь зарядить ружья,— оставалось только убежать вниз по ущелью. Но это было не так-то просто. Не сделав и трех шагов, они убедились в невозможности удержаться на ногах на откосе, покрытом слежавшимся снегом. Пришлось сесть на снег и скатиться в этой позе вниз, что они и выполнили благополучно, упираясь ружьями в землю, чтобы умерить скорость этого спуска.

Очутившись внизу, они оглянулись назад и увидели, что медведь стоит наверху в нерешительности, не зная, спускаться ему или нет. Он в эту минуту стоял так, что в него очень удобно было выстрелить, но когда охотники собрались это сделать, то оказалось, что стволы их ружей наполнены снегом.

Пока они досадовали по этому поводу, считая, что медведь потерян для них, он вдруг сделал шаг вперед, точно решившись, наконец, спуститься, но это движение было неестественно. Вместо того, чтобы двигаться свойственным ему шагом, зверь катился кубарем, более повинувшись силе тяжести, чем собственной воле. И, в самом деле, ослабленный потерей крови, он упал на дно ущелья и катился, будучи уже не в силах остановиться.

Спустя минуту, он, безжизненный, лежал у ног охотников, которые тем не менее воткнули ему между ребрами свои длинные ножи, чтобы обеспечить себя от всякой возможности его воскресения.

XVI. ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

Так как нашим путешественникам больше нечего было делать на Гималаях, то они спустились в равнины Индостана и пересекли весь полуостров до Бомбея. Отсюда они направились по Индийскому океану в Персидский залив, а затем в Бассору, на Евфрате. Наконец, поднявшись вверх по Тигру, они прибыли в знаменитый город Багдад. Целью этого их путешествия были снежные вершины Ливана, где они надеялись встретить сирийского медведя. Поэтому они выехали из Багдада с одним турецким караваном и, с большими затруднениями и усталостью, достигли Дамаска.

Собрав все сведения, которые могли им быть полезны, они тотчас же отправились к горам Ливана.

Сирийский медведь водится в этой горной цепи и был там открыт лишь за несколько лет перед тем. Не-

которые натуралисты считают его разновидностью европейского медведя, но это мнение неосновательно. Сирийский существенно отличается от него цветом, сложением и большей частью своих привычек. Он живет обыкновенно не в лесах, а на открытых местах или на скалах и, подобно гималайскому снеговому медведю, держится ближе к линии вечных снегов.

Его цвет — нечто среднее между пепельно-серым и рыжевато-коричневым и притом изменяется сообразно временам года. Шерсть плотно прилегает к телу, отчего он кажется меньше и тоньше многих своих собратьев, которые на самом деле ничуть не крупнее их. Отличительным его признаком служит идущая вдоль всего позвоночного столба полоса стоящей дыбом шерсти.

Сирийский медведь живет не по всей Ливанской цепи. Его находят лишь на высочайших вершинах, особенно на горе Макмель. Тем не менее он иногда опускается ниже и проникает в сады, где производит большие потравы. Он также режет баранов, коз и даже больших животных, а когда его раздражат, то вступает в борьбу и с человеком. Его особенно боятся ночью, так как он совершает свои подвиги, главным образом, во тьме. Не один пастух и охотник сделались жертвами его свирепости, чем и доказывается, что он сохранил дикий характер, который ему приписывает Священное Писание в рассказе о том, как два таких медведя растерзали сорок детей, оскорбивших пророка Елисея.

Вскоре наши путешественники могли на собственном опыте убедиться, что сирийский медведь настолько же злобен и дик, как был и прежде. Правда, они не сделались жертвами ни одного из этих животных, однако это несчастье могло постигнуть, по крайней мере, одного из них, если б им и на этот раз не удалось в критический момент убить медведя.

Они временно устроились в Бишерре, деревушке, расположенной на горе Макмель, близ области вечных снегов, и известной тем, что на ближайших к ней высотах водится множество медведей. Из Бишерры они совершали свои экскурсии пешком, так как характер почвы препятствовал верховой езде. Им уже несколько раз удалось удачно поохотиться и даже убить пару медведей, но последние были очень молоды, чтобы фигурировать в их коллекции. Им нужен был лучший образец сирийской породы, и они добыли его следующим образом.

Однажды они шли по медвежьему следу, приведшему их в ущелье не более двух саженей ширины, которое круто спускалось вниз от того места, где они стояли.

Они вошли в это углубление, надеясь, что медведь спрятался тут в какую-нибудь пещеру или расщелину. Это было вполне возможно, так как они на каждом шагу видели разные дыры и трещины, но медведя нигде не было.

Они уже прошли приблизительно половину ущелья, как вдруг их слуха коснулся шум, похожий на звук, производимый раздуваемыми мехами; взглянув в ту сторону, откуда он шел, они, наконец, заметили того зверя, которого искали. Сперва они увидели только его морду, высунувшуюся на высоте трех сажен над ущельем. Вскоре выступила и обрисовалась в профиль вся голова, напоминая, на фоне плоской скалы, те головы животных, которыми украшают столовые и передние охотников. Очевидно, тут имелась пещера, в которой медведь и сидел.

Бросив быстрый взгляд на дерзких людей, потревоживших его, медведь так проворно спрятался, что им невозможно было выстрелить в него. Желая удобнее и вернее прицелиться, они сделали несколько шагов вперед так, чтобы находиться под пещерой и лучше видеть вход в нее.

Ожидание их продолжалось недолго. Желая ли посмотреть, ушли ли они, или собираются напасть на него, но только медведь опять высунул голову из своего логова. Боясь, как бы он снова не отдернул ее, они все сразу выстрелили, но так поспешно, что двое из них промахнулись, и лишь пуля Алексея попала зверю в челюсть и раздробила ее.

Когда дым рассеялся, они увидели все толстое бурое тело медведя на скале, выдававшейся перед пещерой. Он взвыл от бешенства и боли, потом соскочил на дно ущелья, но вместо того, чтобы спуститься вниз, как они ожидали, побежал прямо на них.

Им и на этот раз оставался лишь один выход: надо было бежать и подниматься наверх. Спуститься же означало прямо кинуться в когти разъяренного животного, поэтому все трое принялись карабкаться вверх, со всей возможной ловкостью, и одну минуту уже надеялись, что ускользнут от своего врага. Но по мере того, как они поднимались, склон делался все круче, и

камни, вырывавшиеся у них из-под ног, затрудняли их движение. Вскоре они уже не могли перевести дух и сделать шага вперед.

Они в отчаянии остановились, обернулись лицом к врагу, вытащили свои ножи и приготовились к борьбе. Медведь все еще с криком и воем шел за ними. Он двигался по камням гораздо быстрее и, конечно, настиг бы их, если бы они продолжали идти, потому что, когда они обернулись, он был всего в шести шагах позади них.

Борьба предстояла опасная. Запыхавшиеся, задыхающиеся, они далеко не были в состоянии выдержать натиск столь страшного врага. Нечего и говорить, что им некогда было зарядить ружья; они об этом и не думали, решившись защищаться ножами, какова бы ни была опасность, и, может быть, они, несмотря ни на что, с честью вышли бы из этой борьбы, если бы она завязалась.

Но пока медведь подходил к ним, Пушкину пришла лучшая мысль. Он вдруг нагнулся, бросил свой нож и схватил огромный камень, который приподнял до высоты плеч и изо всех сил швырнул в зверя. Он попал ему прямо в грудь, и тот не только упал, но даже был отброшен шагов на десять назад.

Наши охотники зарядили ружья и спустились к медведю, которого нашли на камнях без признаков жизни. Содрав с него шкуру, они вернулись в Бишерру, а на следующий день, сложив свои пожитки, пустились в путь, направляясь сквозь Ливанские ущелья к Средиземному морю.

С этих пор их лозугом стало: домой! Это слово приятно ласкало их слух. Их большая охота за медведями была окончена. Они выполнили возложенную на них задачу, свято соблюдая все условия начертанной им программы.

Они, разумеется, ожидали встретить при возвращении хороший прием, и их надежда не была обманута. В течение нескольких дней в салонах Гродоновского дворца шли непрерывные празднества и увеселения. Наши юные охотники нашли в музее отца своих старых знакомцев из всех частей света. Они стояли в различных позах, чрезвычайно тщательно отделанные. Среди них не доставало лишь сирийского медведя, шкуру которого они привезли с собой.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРСТ СУДЬБЫ.	4
ОХОТНИЧЬИ ДОСУГИ.	161
ОХОТА НА МЕДВЕДЕЙ.	275

Майн Рид

ПЕРСТ СУДЬБЫ ОХОТНИЧЬИ ДОСУГИ ОХОТА НА МЕДВЕДЕЙ

Р о м а н ы

Редактор *Н. Ю. Гоман*
Художественный редактор *М. М. Аглямов*
Художник *Ю. Лебедев*
Технический редактор *Г. Г. Ломиворотова*
Корректор *Е. А. Омельченко*

Сдано в набор 20.11.92 г. Подписано в печать 12.02.93 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. п. л. 21,0. Уч.-изд. л. 22,73.
Тираж 150 000. Заказ № 1407. Цена договорная.

Типография издательско-полиграфического концерна
«Шарк». 700083, г. Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.

МАЙН РИД

ПЕРСТ СУДЬБЫ

